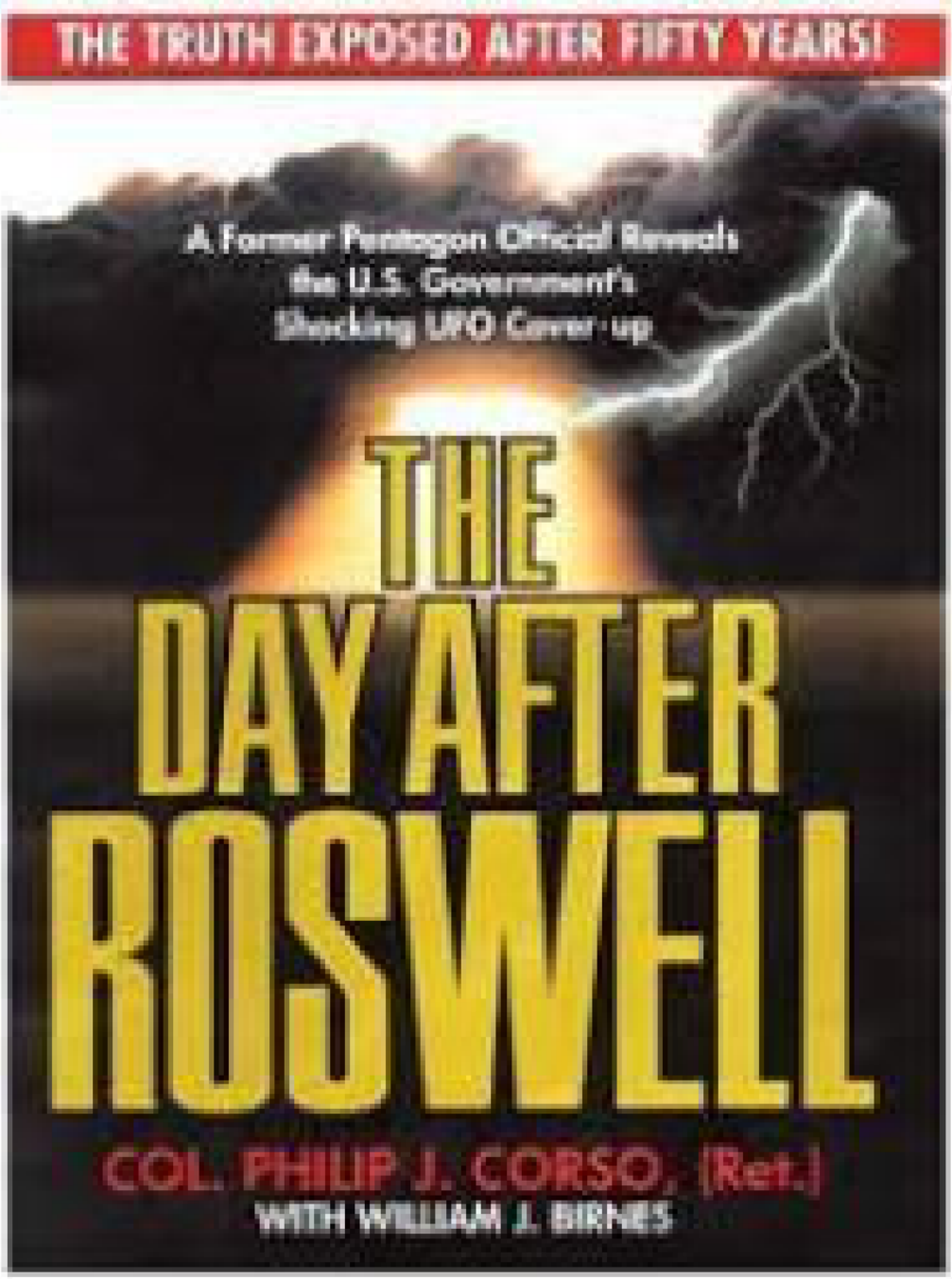
THE TRUTH EXPOSED AFTER FIFTY YEARS!
A Former Pentagon Official Reveals
the U.S. Government's
Shocking UFO Cover-up
THE
DAY AFTER
ROSWELL
COL. PHILIP J. CORSO, (Ret.)
WITH WILLIAM J. BIRNES

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Воспоминания полковника американской армии Филипа Дж. Корсо о своей службе в Пентагоне, о работе с обломками инопланетных кораблей, о развитии секретных технологий под прикрытием. "Меня зовут Филип Дж. Корсо, в течение двух незабываемых лет в 1960-х, когда я был подполковником в армейском подразделении, занимающемся Инопланетными Технологиями в Военном Управления Исследований и Развития в Пентагоне, я вел двойную жизнь. В своих обычных повседневных занятиях по исследованию и анализу систем вооружения армии, я исследовал такие темы, как вооружение вертолетов, которое разработали во французских вооруженных силах, тактическими сложностями разворачивания противоракетных комплексов или новыми военными технологиями по приготовлению и хранению пищи в полевых условиях. Я читал технологические доклады и встречался с инженерами на открытом военном демонстрационным полигоне с различными видами артиллерии и проверял, как продвигались проекты по развитию. Я передавал их доклады своему боссу, генерал-лейтенанту Артуру Трюдо, директору ВоенУИР и управляющему тремя с небольшим тысячами человек работающих с большим количеством проектов на различных этапах развития..."

•

ДЕНЬ ПОСЛЕ РОЗУЭЛЛА

Полковник (в отставке) Филилпп Дж. Корсо
и Вилльям Дж. Бирнс

Перевод: 2015 г.

Оглавление

Вперед 3
ВВЕДЕНИЕ 4
ГЛАВА 1 7
ГЛАВА 2 19
ГЛАВА 3 26
ГЛАВА 4 35
ГЛАВА 5 45
ГЛАВА 6 53
ГЛАВА 7 63
ГЛАВА 8 71

ГЛАВА 9 81
ГЛАВА 10 89
ГЛАВА 11 97
ГЛАВА 12 108
ГЛАВА 13 119
ГЛАВА 14 128
ГЛАВА 15 138
ГЛАВА 16 158
ГЛАВА 17 170
ПОСЛЕСЛОВИЕ 183

В память о генерал-лейтенанте Артуре Г. Трюдо. Этот великий человек был моим начальником в качестве шефа Управления Исследований и Развития Армии США. Он был храбрейшим человеком; он надел сержантский шлем и воевал со своими людьми на Порк Чоп Хилл в Корее. Он был глубоко религиозным и пошел на "уступки" в Лойоле. Он был самым блестящим человеком, которого я когда-либо знал, который дал мне только один приказ: "Сообщайте мне обо всем, Фил. Есть вещи, которые мы не понимаем." Его достижения изменили мир в лучшую сторону. Каждый успех я отношу к нему и его руководству.

Вперед

Сенатор Стром Турмонд

Когда я был впервые избран в Сенат США в 1954 году, США и демократические Западные правительства были блокированы в ожесточенной и иногда смертельной, холодной войне с тоталитарными коммунистическими правительствами, которые стремились развернуть свою идеологию развала на весь мир. Хотя тем, кто не жил в эту эпоху, сложно ее представить, 1950-е и 1960-е годы были в нашей истории периодом реальной обеспокоенности, касающейся коммунистической, особенно советской угрозы нашей стране и нашей безопасности.

Как член Комитета Сената по делам вооруженных сил, я взял ведущую роль в поиске в нашем правительстве лиц, которые хотели заткнуть рот представителям армии, стремившихся предупредить американцев об угрозе, которая исходила от наших коммунистических врагов и высказывающихся против некоторых явно дезинформированных лиц, ведущих неверную и откровенно говоря, опасную политику США в делах с Советами и Красным

Китаем. Выдающиеся офицеры и патриоты, такие как адмирал Арли Берк и генерал Артур Трюдо, по существу подвергались цензуре своим собственным правительством из-за взглядов на состояние мира и природе угроз нашей стране. Как ветеран Второй мировой войны, офицер запаса Армии США и сторонник сильных и комплексных вооруженных сил, я не мог сидеть сложа руки и наблюдать, как наши вооруженные силы разрушаются сочувствующими Коммунизму людьми в правительстве.

В течение этого периода Комитет по делам вооруженных сил проводил обширные слушания по этому вопросу. Это казалось чуждым явлением в стране, которая защищает и лелеет их свободное самовыражение среди людей, которые рисковали своими жизнями, чтобы охранять нашу свободу и наилучшее понимание, как мы должны противостоять нашему врагу и заставить его замолчать. Это было тогда, когда я узнал Филипа Корсо, тогда еще полковника в армии США, который одинаково волновался о тех, кто затыкает рот нашей армии и тех, кто разделял мое беспокойство о будущем наших вооруженных сил.

Поскольку члены Комитета по делам вооруженных сил старательно работали над тем, чтобы обнаруживать тех, кто работал против волнений наших солдат, матросов, морских пехотинцев и авиаторов, двое моих бывших сотрудников, обратили мое внимание на полковника Корсо. Полковник пользовался большим доверием, знаниями и опытом не только как офицер, но также был известен на полях разведки и национальной безопасности. Ветеран Второй мировой войны и войны в Корее, Корсо также провел четыре года, работая в Совете национальной безопасности. Короче говоря, работая в Комитете Сената по делам вооруженных сил, он был очень знаком с проблемами, которые касались меня и моих коллег и он очень быстро стал ценным источником обширной информации, которая была самой проницательной, важной и точной. На самом деле предоставляемый им материал, был неоценим для помощи в доказательствах притеснения американских офицеров, которыми командовали люди с высоких постов в нашем правительстве.

В 1963 году, когда я узнал о надвигающейся на полковника Корсо отставке из армии, я думал, что человек с таким окружением и опытом будет иметь огромное преимущество. Таким образом, после того, как ему предложили должность, которая не обещала ничего иного кроме долгих часов тяжелой работы за скромной плату, Филип Корсо снова охотно приступил

к службе и защите США, на сей раз как помощник в моем офисе.

И нет вопроса в том, что Филип Корсо прожил богатую и полную приключений жизнь и я уверен, что у него есть множество интересных историй, которыми он может поделиться с людьми, интересующимися военной историей, шпионской деятельностью и работой нашего правительства. Мы все должны быть благодарны, что есть такие мужчины и женщины, как полковник Корсо - люди, которые готовы отдать свою жизнь службе стране и защите ее идеалов, которыми все мы дорожим - и мы должны чтить жертвы, которые они принесли своей работе и жизни.

ВВЕДЕНИЕ

Меня зовут Филип Дж. Корсо, в течение двух незабываемых лет в 1960-х, когда я был подполковником в армейском подразделении, занимающемся Инопланетными Технологиями в Военном Управления Исследований и Развития в Пентагоне, я вел двойную жизнь. В своих обычных повседневных занятиях по исследованию и анализу систем вооружения армии, я исследовал такие темы, как вооружение вертолетов, которое разработали во французских вооруженных силах, тактическими сложностями разворачивания противоракетных комплексов или новыми военными технологиями по приготовлению и хранению пищи в полевых условиях. Я читал технологические доклады и встречался с инженерами на открытом военном демонстрационным полигоне с различными видами артиллерии и проверял, как продвигались проекты по развитию. Я передавал их доклады своему боссу, генерал-лейтенанту Артуру Трюдо, директору ВоенУИР и управляющему тремя с небольшим тысячами человек работающих с большим количеством проектов на различных этапах развития. На поверхности, особенно для осуществляющих контроль, как расходуются средства налогоплательщиков конгрессменов, все это было обычной рутиной.

Однако, частью моих должностных обязанностей в ВоенУИР, была служба офицером разведки и работа советником генерала Трюдо, который сам возглавлял Военную разведку прежде, чем поступить на службу в УИР. Это была работа, которой я был обучен и занимался ей во время Второй мировой войны и войны в Корее. В Пентагоне я работал в некоторых самых секретных областях военной разведки, знакомясь в большей степени с секретными данными от имени генерала Трюдо. Я состоял в

штате генерала Мак Артура в Корее и знал, что уже в конце 1961 года - гораздо позднее, может даже, когда американцы только начинали смотреть Доктора Килдэйра или Гансмоука, захваченные в плен во время Второй мировой войны и Корейской войны, американские солдаты, жили в условиях гулаговских лагерей для военнопленных в Советском Союзе и Корее. Некоторые из них подвергались тому, что называется психологической пыткой. Они были людьми, которые никогда не возвращаются.

Как офицер разведки я также знал страшный секрет, что в некоторые наиболее уважаемые учреждения нашего правительства проникло КГБ и ключевые аспекты американской внешней политики диктовались из Кремля. Вначале я сообщил об этом в подкомиссии Сената, слушающей под председательством сенатора Эверетта Дирксена из Иллинойса в апреле 1962 года и месяц спустя сообщил ту же информацию генеральному прокурору Роберту Кеннеди. Он обещал мне, что передаст это своему брату, президенту и у меня есть все основания полагать, что он это сделал. Было ироничным то, что в 1964 году, после того как я ушел из армии и служил в штабе сенатора Строма Термонда, я работал на члена комиссии Уоррена, сенатора Ричарда Рассела, как следователь.

Но спрятанное позади всего что я делал, в самой глубине двойной жизни, было знание того, что никто не знал, у меня была скрытая в самой глубине моей службы в Пентагоне, одна единственная картотека, которую я собрал в своем интеллектуальном окружении. Эта картотека содержала мои самые глубокие и наиболее сильно охраняемые военные секреты: документы из Розуэлла, обломки и информацию армейской группы спасения из 509-го смешанного авиаполка отправленной на место из крушения летающего диска, который упал недалеко от города Розуэлл в пустыне Нью-Мексико в утренних сумерках в первую неделю июля 1947 года. Документы из Розуэлла был наследием произошедшего в те дни и часы после катастрофы, когда все было закрыто официальной правительственной операцией по прикрытию. Так как вооруженные силы попытались выяснить, что там такое упало, откуда оно прилетело и каковы были намерения его команды, была организована секретная группа под управлением директора разведки Адмирала Роскоу Хилленкоеттера, чтобы исследовать природу летающих дисков и собрать всю информацию о случаях столкновениях с этими явлениями, тогда как, одновременно, публично и официально,

существование летающих тарелок отрицалось. Эта работа проводилась в разных формах в течение пятидесяти лет в окружении полной тайны.

Я не был в Розуэлле в 1947 году, но при этом я тогда даже не слышал о деталях катастрофы, потому что она находилась под завесой тайны, даже в вооруженных силах. Вы легко сможете понять почему так было организовано, если вспомните радиопостановку Театра «Меркьюри» "Война Миров" в 1938 году, когда вся страна впала в панику из-за истории о том, как захватчики с Марса приземлились в Гроверс Милл, Нью-Джерси и атаковали местное население. В этой передаче разыгрывались поддельные свидетельства очевидцев насилия и неспособность наших вооруженных сил остановить этих существ. Они уничтожили всех, кто встречался им на пути, говорил в свой микрофон Орсон Уэллс, когда эти создания на своих боевых машинах пошли маршем к Нью-Йорку. Уровень насилия радиопередачи, в эту ночь Хэллоуина был очень сильным и вооруженные силы были неспособны защитить местных жителей, поэтому полиция была перегружена телефонными звонками. Это было, как будто целая страна сошла с ума и власть сама стала распутывать это дело.

И конечно же приземление летающей тарелки в Розуэлле в 1947 году не было никакой фантазией. Это реально произошло и вооруженные силы не смогли предотвратить его и одновременно власть не захотела повторить "Войну миров". Вы можете понять, какие интеллектуальные способности стояли за работой, которую требовала необходимость хранить историю в тайне. И нельзя не сказать, что вооруженные силы поначалу опасались, что эта тарелка, возможно, была экспериментальным советским оружием, потому что она имела сходство с некоторыми разработками немецких летательных аппаратов, которые появились в конце войны, особенно в виде загнутого крыла Хортона. Что, если Советы разработали свою собственную версию такого летательного аппарата?

Истории о катастрофе в Розуэлле различаются друг от друга в деталях. Поскольку меня там не было, я полагался на доклады других людей и даже самих военных. Спустя некоторое время я услышал версии истории крушения в Розуэлле, которые рассказали туристы, археологическая команда или владелец ранчо Мак Брэзель обнаруживший место крушения. Я читал военные доклады о разных падениях в разных местах неподалеку

от авиаполя в Розуэлле, например в Сан Агустине, Короне и даже в разных местах вблизи самого города. Все доклады были совершенно секретными и я не скопировал и не сохранил их для своих собственных нужд, после того как я оставил армию. Иногда от доклада к докладу даты катастрофы варьировались, 2 или 3 июля вместо 4 июля. И я слышал, как разные люди спорили о датах, устанавливая временные отрезки, которые варьируются друг с другом в деталях, но все согласны, что нечто упало в пустыне за пределами Розуэлла, достаточно близко к самым чувствительным военным установкам в Аламогордо и Уайт Сэндс, что оно заставило армию быстро среагировать и обеспокоиться, как только о нем узнали.

В 1961 году, независимо от различий в историях о Розуэлле от многих других описывающих ее источников, я стал владельцем сверхсекретного досье с информацией о Розуэлле, когда я возглавил отдел Иностранных Технологий в УИР. Мой босс, генерал Трюдо, попросил, чтобы я использовал уже ведущуюся программу разработки военного оружия и программу исследований методов внедрения технологий из Розуэлла в основной поток промышленного развития через программу контрактов для военной обороны. Сегодня, такие вещи, как лазеры, интегральные схемы, волоконно-оптические сети, устройства ускорения пучков частиц и даже кевлар в пуленепробиваемых жилетах - банальность. Но все же семена для их разработки были найдены в катастрофе инопланетного летающего аппарата в Розуэлле и всплыли в моих досье четырнадцать лет спустя.

Но это еще не вся история.

В те сумасшедшие первые часы после обнаружения разрушенной розуэлльской инопланетной тарелки, армия решила, что в отсутствие любой другой информации она должна быть инопланетного происхождения. Хуже всего тот, факт, что эта тарелка и другие летающие тарелки следили за нашими оборонными сооружениями и даже, казалось, показывали технологию, которую мы видели у нацистов, заставляя вооруженные силы предполагать, что эти летающие тарелки имели враждебные намерения и возможно даже, вмешивались в события во время войны. Мы не знали кем были обитатели этих тарелок, но мы сделали вывод из их поведения, особенно от их вмешательства в жизни людей и увечья рогатого скота, о которых сообщали, что они могли быть потенциальными врагами. Это

означало, что мы встали перед намного превосходящим нас по силе оружием, способным стереть нас с лица Земли. Одновременно мы были блокированы холодной войной с Советами, материковыми китайцами и сталкивались с проникновением в наши спецслужбы КГБ.

Вооруженные силы столкнулись с войной на два фронта, с войной с коммунистами, которые стремились подорвать наше государство, угрожая нашим союзникам и как бы невероятно это не звучало, и с войной с инопланетянами, которые представляли еще большую угрозу, чем коммунистические силы. Таким образом, мы против них использовали инопланетную технологию, заказывая ее у наших оборонных подрядчиков, а затем адаптируя ее для использования в относящихся к космосу системах обороны. Мы занимались этим до 1980-х, и в итоге смогли развернуть достаточно Стратегической Оборонной Инициативы, "Звездных войн", чтобы получить возможность сбивать вражеские спутники, уничтожать электронные системы наведения прилетающих вражеских боеголовок и блокирования вражеского космического корабля, если бы он представлял для нас угрозу. Мы использовали инопланетные технологии: лазеры, оружие с ускорителями пучка частиц и самолеты с системой "Стелс". И в итоге мы не только опередили Советы и закончили холодную войну, но и поставили в безвыходное положение инопланетян, которые в конце концов были не так уж и неуязвимы.

Что произошло после Розуэлла, как мы повернули технологии инопланетян против них и как мы фактически выиграли холодную войну - это невероятная история. Находясь в гуще событий я даже не понимал, насколько невероятным это было. Я просто делал свою работу, работая изо дня в день в Пентагоне, пока мы не внедрили достаточно много инопланетных технологий в разработку так, что они стали развиваться в отрасли под своим собственным весом и возвращались назад в армию.

Все что мы внесли в ВоенУИР и все, что генерал Трюдо, приняв командование, сделал для того, чтобы взрастить УИР из дезорганизованного подразделения под крылом Управления перспективных исследований и развития и что помогло создать управляемую ракету, противоракетную ракету и управляемую ракету на ускоренных пучках частиц для уничтожителя спутников, в действительности впечатлило меня только в течение нескольких лет спустя, когда я понял, что мы сделали историю.

Я всегда думал о себе как о простом маленьком человеке из небольшого американского городка в западной Пенсильвании и я не оценивал масштабы наших достижений в ВоенУИРе, особенно когда нам стали доступны технологии из катастрофы в Розуэлле, пока я не сел за свои мемуары для совсем другой книги, спустя тридцать пять лет после того, как я оставил армию. Это случилось, когда я рассматривал свои старые журналы, вспоминал некоторые записки, которые я писал генералу Трюдо и я понял, что история произошедшего после катастрофы в Розуэлле, возможно была, самой значимой историей прошедших пятидесяти лет. Хотите верьте, хотите нет, но эта история о том, что произошло после событий в Розуэлле и как небольшая группа офицеров военной разведки изменила направление истории человечества.

ГЛАВА 1

Пустыня Розуэлла

НОЧЬ ОБНИМАЕТ ЗЕМЛЮ И ПРОГЛАТЫВАЕТ ВАС, КОГДА ВЫ выезжаете из Альбукерке и погружаетесь в пустыню. Вы отправляетесь на восток по 40-й, а затем на юг по 285-й в Розуэлл и есть только Вы и маленькая вселенная выхваченная головным светом автомобиля. С обеих сторон, за краем света только кусты и песок. Все остальное - темнота, которая приближается к Вам сзади, заполняя все позади Вас гигантским черным океаном и толкая Вас на сотни футов дороги вперед.

Небо там другое и отличается от любого другого неба, которое Вы когда-либо видели прежде. Поэтому черный цвет там очень четкий, сияющие сквозь него звезды похожи на крошечные окна, светящиеся с начала времен и миллионы их будут светить целую вечность. Жаркой летней ночью, Вы иногда можете увидеть взрывающиеся вспышки отдаленных зарниц. Где-то на мгновение вспыхивает и сразу же снова наступает темнота. Но лето в пустыне Нью-Мексико - сезон дождей, и грозы появляются над Вами из ниоткуда, стучат по земле дождем и молнией, разбивают темноту сильнейшими вспышками молний, стрясают землю, пока Вы не почувствуете, как земля раскалывается на части, а затем исчезают. Владельцы местных ранчо расскажут Вам, что локальные штормы могут идти ночами, отскакивая от арройос, как шарики в пинболе, пока не вытолкают друг друга за горизонт. Также было и пятьдесят лет назад, одной очень похожей ночью.

Несмотря на то, что меня той ночью там не было, я услышал множество различных версий. Многие из них похожи на эту: Основной радар 509-го авиаполка, всю ночь 1 июля 1947 года отслеживал недалеко от города Розуэлла странные метки. То же самое наблюдалось и на радаре соседней Уайт Сэндс, военной базы с управляемыми ракетами, где начиная с конца войны проводились тестовые запуски немецких ракет ""Фау-2"", а также на площадке тестирования ядерных зарядов в Аламогордо. Метки появлялись в одном углу экрана и перемещались по нему на невероятной для самолета скорости, чтобы исчезнуть в другом углу. Затем все повторялось. Никакое земное летательное средство не умело передвигаться на таких скоростях и также резко изменять направление движения. Это была сигнатура, которую никто не мог идентифицировать. Это мог быть один и тот же самолет, либо несколько самолетов, либо как предположил кто-то, это была просто аномалия из-за сильной грозы и молний. Таким образом после того, как операторы проверили калибровки радиолокационной установки, они разобрали модули, чтобы провести диагностические проверки схем устройства обработки изображений, чтобы удостовериться, что их радарные панели работали надлежащим образом. Как только они убедились в том, что ни о какой неправильной работе оборудования говорить нельзя, контроллеры предположили, что изображения на экранах показывали нечто, что там действительно было. Они согласовали свои наблюдения с контролерами радаров в Уайт Сэндс, но обнаружили, что могли мало что сделать, кроме отслеживания мелькающих на экране вспышек. Вспышки перелетали роем от места к месту, обладая полной свободой передвижения по всему небу над самой секретной военной частью, тестирующей ядерное оружие и ракеты.

В течение этой ночи и на следующий день Военная Разведка находилась в состоянии тревоги, потому что происходило нечто-то странное. Наблюдательные полеты над пустыней не дали никаких результатов о наблюдении странных объектов, ни в небе, ни на земле, но странные наблюдения неопознанного самолета на радаре были достаточными доказательствами для командующих базой, чтобы сделать вывод о враждебных намерениях со стороны "чего-то". Поэтому Военная разведка в Вашингтоне отправила в Нью-Мексико дополнительный штат людей из разведки, особенно в 509-й, который, как казалось, был центром активности.

Аномалии с радарами продолжались и следующей ночью,

когда Дэн Вилмот, владелец хозяйственного магазина в Розуэлле, вышел после ужина посидеть на стуле у крыльца дома и понаблюдать за удаленными вспышками молний. Незадолго до этого, в десять часов вечера, молнии стали интенсивнее и земля дрожала от громовых раскатов летнего шторма, который отрывал и уносил чапарель на северо-запад города. Дэн и его жена наблюдали это зрелище в безопасности под крышей крыльца их дома. Каждая новая вспышка молнии была похожа на копье, которым небеса поражали сами себя.

"Лучше, чем фейерверк на День Независимости США," должны были заметить Вилмоты, когда они испугавшись увидели, как яркий овальный объект проскочил над их домом и полетел на северо-запад, снизившись как раз перед горизонтом, где и погрузился в темноту. Небо снова стало черным как смоль. К моменту следующей вспышки объект исчез. Необычное явление, подумалось Дэну Вилмоту, но оно закончилось и забылось, по крайней мере до конца недели.

Что бы над домом Вилмота в Розуэлле не пролетело, оно также пролетело над Стивом Робинсоном, когда он вел свой молоковоз по своему маршруту к северу из города. Робинсон проследил за объектом, так как он промчался по небу со скоростью быстрее, чем какой-либо самолет, который он когда-либо видел. Он заметил, что это был яркий объект, в форме эллипса, не похожий на последовательные световые огни, как у военных самолетов, которые взлетали и садились с 509-го аэродрома за пределами города. Оно исчезло за возвышением на западе в сторону к Альбукерке, после чего Стив выбросил все это из головы, так как он ехал по своим делам.

Для жителей Розуэлла все было в порядке. Летние грозы были распространенным явлением, репортажи о летающих тарелках в газетах и по радио были просто цирковым представлением и пролетевший по небу объект, который привлек внимание Вилмота, возможно был ни чем иным, как метеором, который удалось увидеть, прежде чем он вспыхнув исчез навсегда. Скоро должен наступить праздник 4-го июля, и Вилмот, и Стив Робинсон и тысячи других местных жителей с нетерпением ждали неофициального начала летнего праздника. Нона 509-мниктонепраздновал.

Отдельные инциденты с неопознанными на радаре в Розуэлле и Уайт Сэндс сигналами продолжали увеличиваться в течение

следующих нескольких дней, пока не стали походить на непрекращающийся поток нарушений воздушного пространства. Это становилось более, чем серьезным. Не было никакого отрицания, что пути передвижения странных самолетов пролегали по небу над пустыней Нью-Мексико, где эти неидентифицируемые радарные метки безнаказанно разлетались, а затем уносились ввысь от наших самых секретных военных установок. К тому времени, когда взлетел самолет вооруженных сил, нарушители скрылись. Командующим базами было очевидно, что они находились под жестким наблюдением, наличие которого, которое они могли только расценивать,как враждебное. Сначала, никто не задумывался о возможностях инопланетян или летающих тарелок, даже при том, что они мелькали в новостях на протяжении нескольких недель. Офицеры на 509-м и Уайт Сэндс думали, что это были русские, которые шпионят за первой базой атомных бомбардировщиков вооруженных сил США и точкой запуска управляемых ракет.

К настоящему времени Военная Контрразведка, этот строго секретный сегмент, который в 1947 году работал в гражданском сегменте почти как и в военном, раскрутился до самой высокой боеготовности и отправил в Розуэлл свой самый опытный и первоклассный персонал со времен Второй мировой войны. Персонал Корпуса Контрразведки стал прибывать из Вашингтона, когда через каналы разведки были зарегистрированы первые рапорты о странных радарных вспышках и продолжали прибывать, так как эти рапорты в течение следующих сорока восьми часов накапливались с увеличивающейся быстротой. Офицеры и военнослужащие выгружались из транспортных самолетов и переодевались в штатскую одежду для ведения наблюдения за активности врага на окружающей территории. Они объединялись с офицерами разведки с базы, майором Джесси Марселем и майором Стивом Арнольдом, служившими на базе в Контрразведке во время Второй мировой войны, когда в августе 1945 года был нанесен первый ядерный удар по Хиросиме.

Вечером 4 июля 1947 года (хотя даты могут отличаться в зависимости от того, кто рассказывает историю), когда остальная часть страны праздновала День независимости и смотрела с большим оптимизмом на мир, за который солдаты заплатили своими жизнями, операторы радаров вокруг Розуэлла заметили, что странные объекты снова появились и изображение на экране было похоже на то, будто они изменяли свою форму. Они пульсировали - это единственное возможное описание – они

светились то сильнее, то слабее, пока в пустыне разыгрывалась гроза. Стив Арнольд, которого тем вечером отправили на контрольно-диспетчерский пункт аэродрома Розуэлла, никогда не видел ничего подобного, метка пролетела по экрану между импульсами развертки со скоростью более чем в тысячу миль в час. Она все время пульсировала, в такт разрывающимся в небесах библейскими грому и молниям, она очертила дугу в нижнем левом квадрате экрана и на мгновение показалось, что она исчезла, как сразу же взорвалась блестящими белыми искрами флюоресценции и испарилась прямо у него на глазах.

Экран был чистым. Метки исчезли. И пока сидящие в комнате контроллеры смотрели друг на друга и на офицера контрразведки, в их головах возникла одна и та же мысль: объект, чем бы он ни был - упал. Реакция военных не заставила себя ждать: Это было проблемой национальной безопасности – выловить эту штуку в пустыне и привезти на базу, прежде чем кто-нибудь еще сможет ее обнаружить.

И даже, прежде чем офицер радара позвонил командующему 509-й базой полковнику Уильяму Блэнчарду, с сообщением о том, что на радаре увидели падение неопознанного самолета на северо-западе от Розуэлла, команда Контрразведки уже была готова к началу развертывания операции по поиску места крушения и его охране. Они предполагали, что это был вражеский самолет, который проскочил через нашу систему радарной обороны или со стороны Южной Америки или со стороны канадской границы и делал фотографии сверхсекретных военных установок. Они также хотели на всякий случай, держать гражданских лиц подальше, как они сказали, от двигателя корабля могло исходить какое-нибудь излучение, которое давало возможность кораблю делать крутые повороты на трех тысячах миль в час. Никто не знал, как эта штука работала и никто не знал, успел ли кто либо из экипажа выпрыгнуть из самолета и быть где-нибудь в пустыне. "Бык" Блэнчард дал операции спасения зеленый свет, чтобы они добрались до места крушения как можно быстрее, взяв с собой все оборудование для круглосуточного патрулирования, которое они смогли раздобыть, двух и полуторатонные грузовики, которые могли ездить и аэродромную техпомощь, чтобы привезти обломки. Если это была катастрофа, то они хотели привезти обломки под брезентом, прежде чем гражданские смогли что-либо узнать и выболтать газетчикам.

Но воздушные операторы 509-го не были единственными кто видел, как упал самолет. Владельцы ранчо, семьи, расположившиеся лагерем в пустыне и местные жители, находившиеся в предместьях города, видели самолет, который взорвался с ослепительной вспышкой в промежутке между вспышками молний и резко упал на землю по направлению в сторону Короны, соседнего города на север от Розуэлла. Шериф округа Чавес, Джордж Уилкокс, вскоре после полуночи на пятое июля, стал в своем офисе принимать звонки, с сообщениями о падении самолета в пустыне, он сообщил бригаде пожарной охраны Розуэлла, что хочет отправиться туда, как только узнает приблизительное место падения. Не было никакого смысла, вытаскивать пожарную машину из бокса, чтобы просто ездить по пустыне, пока они не узнают точное место. Кроме того, Уилкоксу не хотелось отправлять машины из города, на случай, если они понадобятся для ликвидации пожара в городе, и особенно машины с цистернами.

Однако, поиски места крушения были недолгими. Группа искателей Индейских артефактов, расположившиеся среди кустарника лагерем к северу от Розуэлла, также видела пульсирующий свет в небе, слышала громкое шипение и странное сотрясшее землю «бум» где-то поблизости, они пошли на звук к группе небольших холмов. Прежде чем они осмотрели дымящееся место крушения, они передали координаты места расположения шерифу Уилкоксу в офис, который отправил пожарную бригаду в точку приблизительно в тридцати семи милях на северо-запад от города.

"Я уже в пути..", сказал он радио-оператору пожарной части, который также вызвал полицию города для сопровождения.

И приблизительно в четыре тридцать утра, единственная пожарная цистерна и патрульная машина выехали через пустыню на запад в сторону Пайн Лодж-Роуд, куда их направил шериф Уилкокс. Ни шериф, ни бригада пожарной охраны не знали, что команда военных спасателей также двигалась в ту сторону с приказом охранять место и предотвращать всеми средствами несанкционированное распространение любой информации о крушении.

Было еще темно, когда Стив Арнольд, подъехал к месту крушения с другой стороны, в одном из автомобилей в колонне аварийно-ремонтных машин из 509-го. Даже до того, как их

грузовики свернули на позицию, лейтенант МР из первого джипа поставил пикет часовых и инженер приказал своему подразделению выстроить прожекторы, чтобы осветить все пространство вокруг. Затем автомобиль Арнольда остановился и он увидел первые отблески крушения. Вообще-то, это не было крушением в действительности - не было похоже на авиакатастрофу, которые он видел во время войны. Из того, что он мог разглядеть сквозь фиолетовую темноту, был почти неповрежденный корабль с обшивкой темного цвета, без потерянных крупных частей. Конечно, повсюду были разбросаны обломки, но сам самолет, в отличии от любого другого нормального самолета, от удара на повредился. Полнаякартинавсеещенаходиласьподпокровомтемноты.

Затем все автомобили и джипы, которые сопровождали грузовики выстроились в линию перед местом крушения и осветили своими фарами арройо, чтобы добавить света, который был очень необходим инженерами. В пересекающихся лучах света фар Арнольд увидел, что действительно, округлый дельтовидный корабль был по существу целым, даже при том, что он воткнулся своим носом в твердый берег ручья, а его хвост висел в воздухе. Тепло все еще исходило от обломков даже с учетом того, что согласно наблюдению с радара на 509-й базе, крушение случилось до полуночи 4-го. Затем Арнольд услышал прерывистое шипение от заряжающегося аккумулятора и гул бензинового генератора. Именно тогда включилось освещение и все место внезапно стало похожим на бейсбольное поле перед большой ночной игрой.

В полном свете военных прожекторов Арнольд увидел всю площадь крушения. Он подумал, что это больше похоже на аварийную посадку, потому что корабль не был поврежден, за исключением разрыва, идущего вдоль боковой стороны под углом сорок пять градусов к наклону корабля. Он предположил, что это был летающий аппарат, даже при том, что он не был похож ни на один из самолетов, который он когда-либо видел. Корабль был небольшим и больше был похож по форме на Летающее Крыло старого Кертиса, чем на эллипс или тарелку. И у него было два направленных вверх хвостовых стабилизатора на поверхностях дельтовидных крыльев. Когда придвинулся близко к месту разрыва корпуса корабля, настолько, насколько он смог, не выходя за рабочих в специальных защитных костюмах, которые проверяли окружающую территорию на излучение, он увидел их в тени. Небольшие темно-серые фигуры – примерно четыре, четыре

с половиной фута в длину – лежали раскинувшись на земле.

"Это люди?", Арнольд услышал, как кто-то сказал, когда медики побежали с носилками к будто разрезанному ножом борту корабля, через которое эти тела, либо выползли, либо выпали.

Арнольд осмотрел освещенный светом периметр и увидел еще одну фигуру, неподвижную, но тем не менее угрожающую и еще одну, лежащую у небольшого возвышения из песка. Пятая фигура лежала вблизи входа в корабль.

Поскольку радиационный технический персонал сообщил, что все чисто и медики побежали к телам с носилками, Арнольд перевел взгляд на разрыв в самолете и взглянул через его верхнюю часть. Иосафат! Было похоже, что солнце уже встало.

Только, чтобы удостовериться, Стив Арнольд еще раз осмотрелся вокруг и конечно же вокруг было все еще слишком темно, чтобы называть это дневным светом. Но через верхнюю часть корабля, он как будто смотрел через линзу, Арнольд увидел поток сверхъестественного света, не дневного света или света ламп, нотем не менее света. Он никогда не видел ничего подобного прежде и подумал, что возможно это было оружие, построенное русскими или кем-то еще.

Картина места крушения напоминала небольшой хаос. Технический персонал, выполняющие определенные задачи медики, уборщики опасных материалов, связисты, радио-операторы и часовые выполняли свои обязанности систематично и без лишних мыслей, как будто они были зомби с промытыми мозгами Императора Мина из сериалов Флэша Гордона. Но все остальные, включая офицеров, были просто преисполнены благоговейного страха. Они никогда не видели ничего такого прежде и стояли подавленными, казалось, что их держало и не отпускало общее чувство изумления.

"Эй, один живой", Арнольд услышал и обернулся, чтобы увидеть одну из маленьких фигурок, бьющуюся на земле. Вместе с остальными медиками он подбежал к нему и увидел, что оно дрожало и издавало плачущий звук, который звучал не в воздухе, а в его мозге. Он ничего не услышал ушами, но испытал огромное чувство печали, пока фигурка билась на земле, а ее большая голова в форме яйца моталась из стороны в сторону, будто оно

пыталось как-то дышать. Именно тогда он услышал, как часовой прокричал, "Эй, Вы!" и вернулся к небольшому возвышению напротив арройо.

"Стой!" прокричал часовой маленькой фигурке, которая встала и отчаянно пыталась залезть на холм.

"Стой!" снова прокричал часовой и поднял свой М1. Другие солдаты побежали к холму, так как фигурка, завязнув в песке, начала скатываться вниз, потом снова нашла опору и снова полезла верх. Громкий звук от щелкающих затворов и досылаемых патронов взвился над пустыней и разорвал предрассветную темноту.

"Нет!" прокричал один из офицеров. Арнольд не увидел кто это, но было слишком поздно.

Грянул залп выстрелов возбужденных солдат и так как фигурка попыталась встать, от попавших в нее пуль ее бросило как тряпичную куклу и затем она скатилась вниз. Она лежала на песке неподвижно, когда трое подбежавших солдат встали над телом, перезарядили оружие и прицелились ему в грудь.

"Черт!", - снова выругался офицер. "Арнольд", Стив Арнольд поспешно взглянул на него. "Идите отсюда вместе со своими людьми и не допускайте гражданских к периметру ". Он двинулся к небольшой колонне приближающих с востока машин технической помощи. Он знал, что это должны быть, либо полиция, либо шериф округа. Затем он вызвал медиков. Арнольд рванулся сразу и к моменту, когда медики загружали маленькое существо на носилки, он уже выстроил периметр из контрразведчиков и часовых, чтобы заблокировать место от фотовспышек и носился по песку на большом расстоянии к югу от них. Он слышал, что офицер приказал медикам погрузить тела на носилки, уложить их в кузов любого из стоявших в линейку двух с половиной тонных GMC и немедленно отвезти их на базу.

"Сержант", - снова позвал офицер. "Я хочу, чтобы Ваши люди погрузили все, что можно погрузить, на грузовики и закиньте эту, как ее, черт….чтобы это ни было" - он показал на дельтовидный объект - "на платформу и увозите его отсюда. А остальные...", - он позвал. "Я хочу, чтобы это место стало безупречным. Здесь никогда ничего не происходило, Вы понимаете? Ничего кроме кустов и песка, как и везде в этой пустыне".

Пока солдаты, выстроившись в линию, стоя или на коленях, прочесывали территорию, чтобы собрать все кусочки обломков, устройств или разрушенных блоков, огромный подъемный кран с авиабазы, развернулся и извлек удивительно легкий летающий объект из образовавшейся от удара воронки в арройо, он положил его на длинный Форд с платформой, который также сопровождал колонну армейских грузовиков. Небольшая команда МР повернулась к быстро приближающейся колонне гражданских машин технической помощи. Они взвели оружие и подняли стволы своих М1 в вихре песка прямо перед ними.

С другой стороны линии преткновения, пожарный из Розуэлла Дэн Двайер, радист на пассажирском месте и команда, колесившие всю ночь в красном пожарном Уорд ЛэФрэнсе с бочкой, могли мало что увидеть, за исключением оазиса среди темноты, освещенного белым светом. Когда они выехали из пожарной части в центре Розуэлла, их небольшой конвой включил только проблесковые огни, без сирены, рандеву с патрульной машиной состоялось к северу от города и он направился в указанную сторону, как ему сказали, спасать разбившийся самолет. Когда он приблизился к ярко освещенному прожекторами месту - оно больше походило на небольшой парк развлечений, чем на место крушения - он смог увидеть солдат, окруживших объект, который качался на стреле подъемного крана. Поскольку ЛэФрэнс подошел ближе, Двайер смог заметить странную дельтовидную форму этой штуки, она ненадежно висела на стреле и под управлением очень неопытного крановщика, один или два раза упала.

Даже на таком расстоянии, были слышны разносившиеся над песком крики и проклятия, из-за того, что кран то поднимал, то опускал, то снова поднимал объект, пока она наконец не опустился на платформу Форда.

Как только водитель пожарной машины смог разглядеть какую-то активность, полицейский автомобиль, который шел перед пожарной машиной, внезапно вылетел на ярко освещенную площадку и всю область обзора Двайера закрыло облаком пыли, которое рассеивало свет.

Все, что он смог увидеть через гущу пыли, было отражениями сигнальных огней его машины. Когда пыль осела, они были почти наверху и свернули в сторону, чтобы пропустить армейские

грузовики, которые уже начали спуск навстречу им. Двайер просмотрел через плечо, чтобы увидеть, осталась ли на его пути военная техника, но он увидел только первые розовые лучи солнечного света. Уже было почти утро.

К тому времени, когда автомобиль Двайера тащился вокруг периметра, как ему показали солдаты, то что упало уже лежало на платформе, все еще прикрепленное к подъемному крану. Три или четыре солдата работали над обвязкой и креплением объекта к грузовику цепями и тросами. Но Двайер заметил, что упавший с неба, как сказали полицейские, объект, выглядел почти невредимым. Он не увидел ни разрыва обшивки объекта, ни отвалившихся частей. Затем солдаты растянули оливковый непромокаемый брезент над платформой и объект был полностью закрыт. Капитан армии прошел к одному из полицейских подразделений, припарковавшихся прямо перед пожарной машиной. За офицером стояла шеренга из солдат с нарукавными повязками MP и примкнутыми к оружию штыками.

"Вы, парни, можете возвращаться", - Двайер услышал, как капитан сказал одному полицейскому из Розуэлла на площадке.

"Мы охраняем площадку ".

"Раненые есть?", - спросил полицейский, вероятно больше думая про рапорт о происшествии, который он должен был подготовить, чем о том, что делать с пострадавшими.

"Раненых нет. У нас все под контролем", сказал капитан.

Но пока военные отправляли гражданский конвой, Двайер увидел, как в армейские грузовики на носилках грузились маленькие тела. Некоторые из них уже были упакованы в мешки, но один был не в мешке, а лежал на носилках. Полицейский его тоже видел. Двайер мог бы сказать, что тот, который лежал на носилках двигался и казалось, был жив. Ему пришлось подойти поближе.

"А что с этими? ", - спросилон.

"Эй, давайте грузите их", - капитан прокричал военным, загружающих носилки в грузовик.

"Офицер, Вы сегодня здесь ничего не видели", - сказал он

водителю полицейского подразделения. "Вообщеничего".

"Но, ядолжен..."

Капитан его прервал. "Я уверен, что сегодня, к Вам приедет кто-нибудь с базы, чтобы поговорить; а этого оставьте в покое. Этосугубовоенноедело".

К этому моменту Двайер подумал, что узнал людей с военного аэродрома. Ему показалось, что он увидел офицера разведки с базы, Джесси Марселя, который жил за пределами базы в Розуэлле и других людей, которые регулярно выходили в город. Он видел, что обломки чего-то, что упало, еще лежали повсюду на земле, он видел, как выехал грузовик с платформой, прошел рядом с пожарной машиной и прогрохотал в сторону дороги на базу.

Двайер снял свой пожарный шлем, вылез из грузовика и пошел в темноте вдоль линии выстроившихся МР. Двайер знал, что из-за большой суеты никто не обратит внимания, если он немного осмотрится. Он обошел грузовики сзади, пересек периметр и с обратной стороны военных грузовиков и подошел к носилкам. Он посмотрел прямо вниз на глаза существа, связанного на носилках и пристально вгляделся.

Ему показалось, что оно было не больше ребенка. Но это был не ребенок. У детей не бывает такой большой и раздутой как воздушный шар головы. Она даже не была похожа на человеческую, хотя выполняла функции, как и у человека. Его глаза были большими и темными, и были расположены относительно друг друга под небольшим углом. Его нос и рот были очень маленькими, почти как разрезы. Уши были больше похожи на углубления в его огромной голове. В ярком свете прожекторов Двайер увидел, что создание было серовато-коричневым и абсолютно лысым, но оно смотрело прямо на него, как будто оно было беспомощным животным, пойманным в ловушку. Оно не издавало звуков, но Двайер как-то понял, что создание понимало, что умирает. Он замер в изумлении от существа, но в грузовик быстро заскочили несколько солдат в касках, которые спросили его, что он тут делает. Двайер знал, что это превосходит все, что он когда-либо видел и сразу вылез оттуда, изобразив себя одним из работавших с грудой обломков.

Вся площадь была усеяна обломками, которые, как решил

Двайер, выпали из корабля, когда он разбился. Он увидел углубление в арройо, которое похоже образовалось, когда корабль воткнулся в землю и проследовал взглядом за вереницей разбросанных обломков, уходящих из небольшого кратера в темноту за границу света. Стоя на коленях, солдаты проверяли всю округу с помощью специальных приспособлений и мешков или обходили периметр, выстроившись в линию, с металлоискателями. Как ему показалось, они прочесывали местность дочиста, так, чтобы все любопытные люди, которые приедут сюда в течение дня, не нашли бы ничего, что свидетельствовало о произошедшем. Двайер протянул руку вниз, чтобы взять кусок блеснувшего в песке тускло-серого металлического материала, похожего на ткань. Он смял его в кулаке и скатал шарик. Затем он разжал кулак и металлическая ткань расправилась, приняв прежнюю форму без каких-либо складок или сгибов. Он подумал, что никто его не видит, поэтому, он положил ткань в карман своей пожарной формы, чтобы привезти ее в пожарную части.

Позднее, он показал его своей маленькой дочери, которая спустя сорок пять лет и спустя много лет, после того, как этот материал исчез в истории, расскажет о нем миллионам людей в телевизионных и документальных фильмах. Но той ночью в июле 1947 года, когда Двайер считал, что был невидим, он был неправ.

"Эй ты", - прокричал ему сержант с нарукавной повязкой MP. "Что, черт побери, ты здесь делаешь?"

"Я подчиняюсь пожарной службе", - ответил Двайер максимально невинно.

"Тогда тащи свою гражданскую задницу назад в машину и уезжайте отсюда к черту", - приказал он. "Тывзялсебечто-нибудь?"

"Нет, Сержант", - сказалДвайер.

Тогда MP схватил его, как будто он находился под арестом и толкнул в сторону майора, отдававшего приказы около генератора, к которому подключались прожекторы. ОнузналвнемжителяРозуэллаДжессиМарселя.

"Поймал этого пожарного в темноте среди обломков, сэр", - отрапортовал сержант.

Очевидно Марсель узнал Двайера, хотя они не были друзьями, и взглянул на него, как запомнилось пожарному, с безумным видом. "Вам надо убираться отсюда ", - сказал он. "И никогда никому не говорите, где Вы были и что Вы видели".

Двайеркивнул.

"Я хочу сказать, что это совершенно секретно, любая взятая отсюда вещь похоронит Вас", - продолжил Марсель.

"Что бы ни произошло, ни с кем об этом не говорите, ничего не рассказывайте, пока Вам не скажут, что рассказывать. А теперь забирайте свою машину и уезжайте отсюда, пока Вас кто-нибудь не увидел и не посадил всю бригаду. Двигайтесь!" Он надел каску MP. "Сержант, отведите его к пожарной машине и вытолкайте отсюда".

Двайера не нужно было уговаривать. Он дал сержанту отвести себя к машине, залез в нее и сказал водителю ехать обратно на станцию. Сержант MP подошел к водительской двери и посмотрел на сидевшего за рулем пожарного.

"Приказываю Вам покинуть это место", сказал MP водителю. "Немедленно!"

Полицейская машина из Розуэлла уже развернулась на песке и отъезжала, чтобы пожарная машина могла сдать назад.

Водитель включил заднюю передачу, мягко поддал газу, чтобы не зарыться колесами в песок, развернулся и направился в розуэлльскую пожарную часть. Форд с платформой уже прошел через спящий город, когда темнота сменялась светом, звук его двигателей не вызывал тревогу или беспокойства, вид объекта, покрытого большим куском брезента позади армейского грузовика, ехавшего по главной улице Розуэлла на фоне фиолетово-серого неба никого не удивлял, потому что в этом не было ничего необычного. И уже позднее, когда Двайер поставил свою машину в гараж пожарной станции и солнце уже встало, первый грузовик GMC только добрался до главных ворот 509-го.

Слесарь-водопроводчик Рой Дэнзер, который всю ночь возился на базе с патрубком, знал кое-что о выползших из темноты грузовиках. Он только что вышел из больницы на базе, чтобы выкурить сигарету перед тем, как вернуться к работе.

Именно тогда он услышал суету у главных ворот. Дэнзер несколькими днями ранее порезал руку, когда отрезал трубу и медсестра в больнице хотела проверить швы, чтобы проверить рану на отсутствие инфекции. Поэтому Дэнзер воспользовался возможностью, чтобы сбежать с работы на несколько минут, пока медсестра посмотрит на результаты своей работы и сменит повязку. Затем возвращаясь на работу, он взял чашечку кофе и сделал незапланированный перекур. Но этим утром все пошло по-другому.

Суета у главных ворот сменилась на бурлящую толпу солдат и рабочих базы, которых расталкивали в стороны и выглядело это так, как будто бригада МР использовала их тела в качестве клина, чтобы проделать путь через толпу. Казалось даже, что это была просто толпа солдат, без командующего офицера. Странно. Далее толпа проследовала прямо ко входу в больницу, точно к тому месту, где стоял Рой.

Никто не оттолкнул его с места, где он стоял или не сказал отойти. С ним фактически никто даже не заговорил. Рой просто смотрел вниз, когда шеренга солдат прошла мимо него; оно было крепко привязано к носилкам, которые два носильщика заносили в больницу через главный вход. Рой посмотрел на него; оно посмотрело на Роя, и так как их глаза встретились, Рой сразу понял, что он смотрел не на человека. Это было существо откуда-то из другого мира. Просящий взгляд на его лице, занимал только небольшую площадь на его огромной арбузоподобной голове и чувство боли и страдания, которое возникло где-то позади глаз Роя Дэнзера и прошло через его мозг, когда он склонился к телу, сказало Рою, что это было заключительные моменты жизни существа. Оно не говорило. Оно могло только двигаться.

Но Рой увидел или подумал, что увидел, как на небольшой поверхности его лица возникают эмоции. А затем двое носильщиков, отбрасывая уродливые тени, унесли существо в больницу. Затянувшись оставшейся сигаретой, Рой потянулся, чтобы взять другую.

"Что, черт возьми, это было?", - сказал он вслух, ни к кому не обращаясь. Он почувствовал себя, как после удара передней четверкой игроков футбольной команды Нотр-Дам.

Его голова резко запрокинулась назад к спине, пока он падал в руки МР, которые снова ударили его о железные ворота и

держали, пока не подошел офицер — похоже, что это был капитан – и ткнул в него пальцем.

"Вы кто, мистер?", - проорал капитан в ухо Дэнзера. И прежде чем Дэнзер смог ответить, подошли два других офицера и потребовали пропуск Дэнзера на базу.

Эти парни не шутят, подумал про себя Дэнзер; они выглядят сурово и ведут себя очень серьезно. В эти нескольких напряженных минут Рой Дэнзер подумал, что никогда больше не увидит свою семью; это его испугало. Но затем подошел майор и прервал крик.

"Я знаю этого парня", - сказал майор. "Он работает здесь с другими гражданскими подрядчиками. С ним все в порядке".

"Сэр", - пробормотал капитан, но майор - Дэнзер не знал, как его зовут - взял капитана под правую руку и отвел в сторону, чтобы не было слышно. Дэнзер видел как они говорили и наблюдал, как побагровевший капитан постепенно успокаивался.

Затем они оба вернулись к стене, где МР удерживали Дэнзера.

"Вы ничего не видели, Вы понимаете?", - сказал Дэнзеру капитан, на что тот в ответ кивнул. "Вы не должны рассказывать об этом никому, ни Вашей семье, ни Вашим друзьях - никому. Вы поняли это?"

"Да, сэр", - ответил Дэнзер. Теперь он действительно испугался.

"Мы узнаем, если Вы заговорите; мы узнаем кому Вы расскажете и вы все просто исчезните".

"Капитан", - вмешался майор.

"Сэр, этот парень не работает здесь постоянно и если он заговорит, то я не могу ничего гарантировать". Капитан жаловался, как будто он пытался прикрыть свою задницу от тех, кто не знал, как много он сделал.

"Поэтому забудьте все, что Вы видели", сказал майор непосредственно Дэнзеру. "И уматывайте отсюда, пока Вас еще

кто-нибудь не увидел и не захотел удостовериться в том, что Вы будете молчать ".

"Да, СЭР", - прокричал Дэнзер, когда он высвободился из рук МР и помчался к своему пикапу на другой стороне базы. Он даже не оглянулся назад и не увидел группу солдат, которые несли в больницу мешки останками существ, где перед началом различных брифингов, существа, как детские куклы, были подготовлены к вскрытию.

Остальные события той недели стали предметом истории. Сначала, командующий 509-й базой Булл Блэнчард разрешил выпуск истории о "летающей тарелке", которую подхватили и разнесли по всей стране информационные службы. Затем генерал Роджер Рэйми из техасского штаба 8-й воздушной армии США сил приказал, чтобы Майор Джесси Марсель вернулся к прессе и отказался от истории с летающей тарелкой. В этот раз Марселю приказали рассказать о своей ошибке и объяснить, что это были остатки метеорологического зонда. Проглотив историю, в которую он сам никогда не поверит, Джесси Марсель, выступил перед фотографами с несколькими обломками от настоящего воздушного шара и признался в ошибке, которую он бы никогда не совершил, даже в плохую погоду. Это признание преследовало его всю оставшуюся часть жизни, пока несколько десятилетий спустя и незадолго до своей смерти, он не отрекся от своей публичной истории и снова заявил, что той ночью в пустыне Розуэлла он обнаружил настоящий инопланетный космический корабль.

Между тем, спустя дни и недели после катастрофы и поисковой операции, Военная разведка и персонал Контрразведки разделились между Розуэллом и соседними сообществами, чтобы подавить любую информацию, до которой могли добраться. Угрозами насилия, настоящим физическим запугиванием и по некоторым слухам, по крайней мере одним убийством, офицеры погрузили сообщество в тишину. Мак Брэзель, первый из гражданских, который сообщил о катастрофе и первый посетивший место падения, предположительно был запуган и подкуплен. Внезапно он перестал говорить о том, что видел в пустыне даже после того, как он рассказал друзьям и журналистам, что нашел части от упавшего космического корабля. Офицеры из Департамента Шерифов округа Чавес и другие правоохранительные органы были вынуждены исполнять армейский приказ о том, что инцидент вблизи Розуэлла был

вопросом национальной безопасности и не должен был обсуждаться. "Этого никогда не было", - приказала армия и гражданские власти охотно ее поддержали. Даже корреспонденты радионовостей с местной розуэллльской радиостанции, Джон Макбойл из KSWS и Уолт Уитмор Старший из KGFL, которые брали интервью с побывавшими на площадке с обломками людьми, были вынуждены официально признаться в обмане и утверждать, что армия никогда им не передавала никакой информации.

У некоторых гражданских лиц, утверждавших, что заполонившие Розуэлл после катастрофы военные запугивали их, осталась травма на всю оставшуюся жизнь. Одним из таких людей была дочь Дэна Двайера, которая в июле 1947 года еще была маленькой, пережила шок от вида огромного офицера в каске, его выражения лица, темных солнцезащитных очков, угрожавшего ей и ее матери на кухне, он сказал, что, если она не забудет то, что ей рассказал отец, то она и вся ее семья просто исчезнут в пустыне. Салли, которая играла с металлической тканью ее отца, тем утром вернулась в пожарную часть и слышавшая описание унесенных на носилках маленьких людей, дрожала от страха, поскольку офицер в итоге заставил ее признать, что она ничего не видела, ничего не слышала и ни с чем не играла. "Этого никогда не было", шипел он на нее.

"И ты ничего никогда не расскажешь до конца своей жизни, потому что мы будем рядом и узнаем об этом", - постоянно повторял он, хлопая полицейской дубинкой по своей ладони, с громким треском в каждом слове. Даже сегодня слезы собираются в уголках ее глаз, когда она описывает эту сцену и вспоминает выражение лица ее матери, которой сказали, чтобы она вышла из кухни, пока офицер говорил с Салли. Ребенку тяжело видеть своих родителей, которых настолько затерроризировали, что они будут отрицать даже откровенную правду.

Дочь Роя Дэнзера, также была испугана видом своего отца, когда он тем утром 5 июля 1947 года вернулся с базы домой. Он, разумеется, не говорил о том, что там было, даже при том, что город гудел слухами о вторжении в Розуэлл существ из космоса. Разве было неправдой, что в городе даже дети знали об этом и в газетах много недель печатали истории о летающих тарелках? Передавали даже по радио.

Но Рой Дэнзер своей дочери не сказал об этом ни слова. Она

подслушала своих родителей через закрытую дверь, когда они ночью говорили в спальне и уловила отрывки разговоров о маленьких существах и "они всех нас убьют".

Но она похоронила эти воспоминания в своих глубинах и не возвращалась к ним, пока ее отец, незадолго до своей смерти, не рассказал ей о том, что в действительности произошло в тот июльский день на базе, когда из пустыни вернулся конвой.

Стив Арнольд остался в Розуэлле, закончил свое официальное повторное зачисление в армию и забыв все, что знал, держался обособленно от моей команды в 1960-х годах. Некоторые говорят, что он все еще работает на правительство, выполняя работу, которая свалилась на него прямо с неба в Нью-Мексико, качая из армии, ЦРУ или откуда-то еще дезинформацию, увековечивая закамуфлированную историю, которая, пятьдесят лет назад, забрала его жизнь и движется вперед, как в рассказе из романа Диккенса, просто по инерции. Вы можете и сегодня увидеть Стива, гуляющего по Розуэллу, навещающего своих старых армейских друзей, дающего интервью для телевизионных новостей, которые периодически наносят визиты жителям Розуэлла с целью поговорить о тех днях лета 1947 года.

Что касается собранных в июле в пустыне обломков, то у них была другая судьба. Отправленные в Форт Блисс, Техас, в главный штаб 8-й воздушной армии США и вкратце проанализированные на предмет того, что в них могло быть интересного, они были переданы под контроль вооруженных сил. Сразу, как их привезли, некоторые обломки передали в Огайо, где их заперли на аэродроме Райт - позднее Райт-Паттерсон. Остальная их часть была погружена на грузовики и отправлена под замок в Форт Рили в Канзасе. 509-й вернулся к обычному режиму, Джесси Марсель вернулся к своей работе, как будто он никогда не держал в своих руках обломков странного корабля, а подрядчики вернулись к своей работе с трубами, дверями и стенами на базе, как будто бы в пустыне никогда и ничего не происходило.

К окончанию первой недели июля 1947 года, о катастрофе в Розуэлле никто не говорил, как будто бы ее не было. Как ночь, которая окружает Вас, когда Вы едете к Розуэллу по расстилающейся пустыне и чапарелю, так и мрак тишины окружил историю Розуэлла на более чем тридцать лет.

Эти истории потом рассказали мне люди. Я не был в Розуэлле той ночью. Я сам не видел эти события. Я услышал их только несколько лет спустя, когда мне поставили задачу сделать из всего этого что-то полезное. Но обломки от упавшего объекта, который той ночью упал с неба, или из-за молнии, или из-за нашего радара, создали мне сильные препятствия в жизни. Официально наши пути пересеклись в Пентагоне в 1960-х годах, даже учитывая то, что в течение очень небольшого периода в 1947 году, когда я был молодым, опьяненным славой победы в Европе, майором в форте Рили, я увидел нечто, что я глубоко спрятал в своей памяти и очень сильно надеялся на то, что я никогда в жизни снова это не увижу.

ГЛАВА 2

Конвой в форт Рили

Я ПОМНЮ ВРЕМЕНА, КОГДА Я БЫЛ ОЧЕНЬ МОЛОД И ЧУВСТВОВАЛ такую силу, что в мире не было ничего, чего бы я боялся. Я победил страх в Северной Африке. В армии генерала Паттона я стоял лицом к лицу с артиллерией Бронетанковых войск Роммеля и надавал им больше, чем они нам. Мы были армией юнцов из страны, которая эту войну не начинала, но оказалась в самой ее гуще, не успели мы выйти в воскресенье из церкви, как Перл-Харбор был атакован. А следующее, что мы узнали - Гитлер объявил нам войну и мы пошли воевать в Европу. К 1942 году, мы выгнали немцев из Африки и подошли через море к Сицилии. Затем пока Муссолини оправлялся от ударов, мы вторглись в Италию и прошли боевой путь от полуострова до Рима. Со времен Средневековья, мы были первой армией иноземцев, которая завоевала Рим и очевидно первой армией из Нового Света, которая завоевала даже Рим.

Но мы туда попали в начале 1944 года и сидя в Риме после побега Муссолини, наблюдали, как немецкий фронт разрушал все вокруг нас. И как очень молодому капитану Военной разведки, мне приказали наблюдать за формированием гражданского правительства под управлением Союзнических войск в волшебном городе моих предков, о котором я только читал о в исторических книгах.

Сам Папа Римский предложил мне аудиенцию, чтобы обсудить наши планы относительно правительства города. Вы не

можете в жизни даже и мечтать об этом и пото м Вы щиплете себя, чтобы проверить не проснетесь ли Вы в своей постели где-нибудь в питтсбургской глубинке зимним утром.

Я пробыл в Риме три года до последнего месяца перед высадкой в Нормандии в 1944 году, когда линия фронта с немцами была еще только в нескольких милях к югу от Рима и наши мальчики с тяжелыми боями проложили себе дорогу в казино Монте-Карло к началу 1947 года, а когда меня отправили домой, мы с женой побросали свои пожитки в багажник нашего кабриолета Шеви и проехали по полям всех штатов мирной Америки от Пенсильвании до Канзаса. Меня не было пять лет. Но теперь я был дома! Проехав вниз по течению Миссури, я поступил в место, которое было конфеткой для любого молодого офицера на пути по армейской карьерной лестнице: Школа Военной Разведки, остается только один шаг до Стратегической Разведки, военной версии армии Лиги Плюща; я преуспел. И кем я был? Просто призывником из Пенсильвании, которого выбрали для Школы Офицеров, а теперь, подкрепленный работой в военной разведке в занятой Союзниками Европе и готовый начать новую карьеру в Военной разведке.

Пробыв в Африке и Европе столько времени, я стремился снова увидеть Америку. К тому моменту люди уже не жили под давлением депрессии ни на фабриках, ни на службе. Это была победа Америки, и Вы могли увидеть ее, когда проезжали небольшие городки южного Огайо и Иллинойса, а потом и через Миссисипи. Мы не остановились на ночь, чтобы посмотреть на Сент-Луис и даже не задержались на реке со стороны Каназаса. Я был так взволнован мыслями о карьере офицера, что мы не прекращали вести машину, пока не долетели до форта Рили и сняли квартиру в соседнем Джанкшен-Сити, где мы поживем, пока на базе не приготовят нам дом.

В течение последующих нескольких недель я и моя жена снова привыкали к жизни в Америке в мирное время на военной базе.

После войны мы жили в Риме, я тогда все еще пытался помочь сделать город мирным и унять попытки коммунистов возглавить правительство. Это было похоже на продолжение войны, потому что каждый день появлялись новые проблемы либо от коммунистов, либо от преступных кланов, которые пытались проделать свои тропинки в гражданское правительство. Моя

жизнь все также была ежедневно полна опасности, исходящей от различных террористических выходок в городе, каждой группы, действующей по своему собственному распорядку. Таким образом в отличие от Италии, форт Рили больше походил на начало отпуска.

И вот я снова в школе. Однако в этот раз я учился делать карьеру. Я знал, что значит быть офицером разведки и фактически был обучен британским МИ 19, самой главной военной разведывательной сетью в мире. Мое обучение было настолько полным, что даже при том, что мы противостояли работающему в Риме первоклассному советскому подразделению НКВД, мы смогли переиграть и практически разрушить их. До войны у Соединенных Штатов не было разведывательной службы действующей в мирное время, поэтому, когда вспыхнула война, они быстро сформировали УСС. Но подразделения Военной Разведки и УСС не работали вместе на протяжении большей части войны из-за недостатков линий связи и мы никогда по настоящему не верили в задачи УСС. Теперь, когда война закончилась и Военная Разведка добилась признания, я был частью совершенно новых кадров профессиональных офицеров разведки, которые будут наблюдать за советской активностью. Советы стали нашими новыми старыми врагами.

В первые месяцы в школе разведки мы изучали не только элементарные принципы сбора хорошей развединформации - допрос пленников, анализ исходных разведданных и т.д. - но мы изучали и основы управления, как в военное время управлять подразделениями разведки, так называемыми силами агрессора. В течение первых лет никто из нас не знал, насколько быстро будут проверены наши недавно приобретенные навыки на полях сражений с врагами. Но это были дни уверенности, так как погода на равнинах стала лучше и с приходом лета дни стали длиннее.

Перед началом войны, когда я учился в средней школе в Калифорнии, Пенсильвании, в своем родном городе я был кем-то вроде игрока в боулинг. Это был спорт, к которому я хотел вернуться после войны, поэтому когда я добрался до форта Рили, одним из первых мест, которые я хотел найти, был кегельбан на базе, который был оборудован в одной из бывших конюшен. Форт Рили был бывшей конной базой, домом 7-й Кавалерии и после войны там все еще оставалось поле для поло. Я снова стал практиковаться в боулинг и скоро закатывал столько страйков, что подающие шары солдаты стали хвалить мою игру. И не

прошло нескольких месяцев, как мастер-сержант Билл Браун - его называли, "Брауни" - остановил меня, когда я переодевал ботинки для боулинга и сказал, что хотел бы поговорить.

"Майор, сэр", - начал он более чем смущенным тоном, обращаясь к офицеру без униформы, а не во время службы. Возможно, он не понял, что я когда-то был точно таким же призывником, и также, как он провел несколько месяцев на службе, слушаясь приказов капралов в учебном лагере.

"Сержант?" - ответил я.

"Люди наверху хотят создать лигу боулинга, сэр, что была команда игроков с нашей базы и возможно организовать команду, чтобы представлять базу", - начал он. "Поэтому мы наблюдали, как Вы катаете шары по субботам".

"А что я делаю не так?" - спросил я. Я поначалу предположил, что этот сержант собирался дать мне пару советов и показать некоторый авторитет. Хорошо, я готов выслушать совет. Но он заговорил о другом.

"Нет, сэр. Ерунда", - запинался он. "Я говорю о другом. Мы с парнями, задались вопросом, Вы раньше катали шары - Возможно вы захотите присоединиться к команде?" Он стал увереннее, когда задал свой вопрос.

"Вы хотите взять меня в команду?" - спросил я. Я был довольно сильно удивлен, потому что в то время предполагалось, что офицеры не общались по-братски с военнослужащими. Теперь все по-другому, но тогда, пятьдесят лет назад, это были разные миры, тем более для большого корпуса офицеров, которые начинали от призывника и дошли до офицера.

"Мы знаем, это необычно, сэр, но кто это осудит". Я взглянул на него очень удивленно. "Мы проверили", - сказал он. Это был явно не случайный вопрос.

"Вы думаете, что я еще в форме?" - спросил я. "Прошло много времени, с тех пор как я катал шары на соревнованиях".

"Мы наблюдали, Сэр. Мы думаем, что Вы действительно поможете нам. Кроме того," - продолжил он, "команде нужен офицер".

То ли из скромности, то ли потому, что он не хотел упускать меня, он полностью понимал природу команды игроков в боулинг. Эти парни были чемпионами у себя дома и несколько лет спустя, вы возможно увидели бы их на шоу «Боулинг за Доллары». В мире не было ни одной причины, по которой я должен был играть в этой команде, за исключением того, что им нужен был офицер, который придаст им престижа.

Я сказал, что я вернусь к этой теме, потому что любому оказавшемуся на моем месте захотелось бы изучить правила. Фактически офицерам и военнослужащим разрешили соревноваться именно в таких спортивных командах и я быстро присоединился к команде вместе с Дэйвом Бендером, Джоном Миллером, Брауни и Сэлом Федерико. Мы стали вполне отличной командой, выиграв большинство соревнований, собрав

большинство наград и у нас было множество захватывающих моментов, когда мы делали невозможные броски и проложили себе путь к финалу штата. В конечном счете мы выиграли Армейский Чемпионат по Боулингу и награда до сих пор стоит на моем столе, напоминая о том дне. Казалось, что по волшебству, барьер между офицером и военнослужащим рухнул. Это основной смысл этой истории.

В течение нескольких месяцев, которые я провел в команде, я подружился с Бендером, Миллером, Федерико и Брауном. Кроме боулинга, мы нигде много не общались, но мы не настаивали на соблюдении формальностей при общении друг с другом и мне это понравилось. Я обнаружил, что большей части профессиональных офицеров разведки, также нравилось общение без барьеров, потому что иногда люди говорят с Вами честнее и откровеннее, если Вы не машете пред ними своими нашивками. Я подружился с этими парнями и это стало причиной моего появления в ветлечебнице вечером 6 июля 1947 года.

Я помню какими жаркими были выходные во время торжества и фейреверка в честь 4 июля. Это было еще до того, как все обзавелись кондиционерами воздуха, поэтому на базе мы просто изнемогали от жары в кабинетах и лупили жирных и ленивых мух, которые гудели вокруг нас в поиске крошек от хот-дога или садились на капли острого соуса. К воскресенью торжества закончились и чтобы парней, которые перебрали с пивом не забрали МР, собутыльники отнесли их в бараки, и база снова окунулась в свои рабочие дела. Казалось, что никто не обратил внимания на двух с грузовики и платформу с тягачом, которые в тот день зашли на базу с грузом, по пути из Форта Блисс в Техасе в Материальную часть Воздушных Войск в Райт Филд в Огайо. Если бы Вы посмотрели в их сопроводительные документы, то Вы бы увидели, что там указаны стойки шасси для "B29", топливные баки для древних "P51", поршневые кольца для радиальных авиационных двигателей, десяток коробок с портативными радиостанциями Моторолла и Вы бы даже не задумались об этом грузе, если бы не тот факт, что он шел по неправильному пути. Обычно, эти запчасти отправлялись из Райт Филд на базу в Форт Блисс, а не наоборот и конечно, я пока еще не знал, что спустя несколько лет, настоящий груз этих грузовиков, буквально, свалится на меня, как с неба.

Тем вечером, с приходом темноты на базу опустилась тишина и я помню, что было очень влажно. Вдалеке сверкали молнии и я

думал, достигнут ли они нас к утру. Той ночью я был дежурным офицером - подобно главному дежурному офицеру на вахте на военном корабле - и надеялся, даже горячо надеялся, что приближающийся шторм подождет до утра и избавит меня от хождения между постами по грязи под летним ливнем. Я просмотрел списокнарядовна ту ночь и увидел, что Брауни стоял на посту в одном из старых ветеринарных зданий вблизи центра комплекса.

Дежурный офицер на посту проводит ночь в штабе базы, где он принимает звонки по телефонам и является посредником при действиях в чрезвычайных ситуациях и бедствиях. Делать нечего, если только не начнется война или не подерутся рабочие в местном баре. И с наступлением ночи, база становится образцовой. Часовые стоят на своих постах, закрываются различные административные офисы и все дежурящие ночью следят за системами связи - которые в 1947 году состояли прежде всего из телефона и телекса. Я должен был делать обходы, проверять различные здания и сторожевые посты, чтобы удостовериться, что все были на дежурстве. Я также должен был закрывать социальные клубы. После того, как я сделал обязательные остановки в клубах для военнослужащих и офицеров, закрыв бары и вытолкав, со всем своим уважением к высокопоставленным офицерам, пьяниц домой, я потопал к старому ветеринарному зданию, где дежурил Браун. Но когда я туда пришел, его не было на месте. Что-то было не так.

"Майор Корсо", - прошипел голос из темноты. В нем были нотки волнения и испуга.

"Какого черта ты там делаешь, Брауни?" - стал я ругаться на фигуру, выглядывавшую в темноте из-за двери. "Ты ушел с поста?" Ему полагалось находиться снаружи здания, а не прятаться за дверью. Это было неисполнением обязанностей.

"Вы не понимаете, Майор", - он снова зашептал. "Вам надо это увидеть".

"Могло быть и хуже," - сказал я пока шел к нему и встал у двери снаружи. "Ну, теперь выходи, чтобы я тебя видел", - приказал я.

Браун высунул голову из-за двери.

"Вы знаете то, что здесь находится?" – спросил он.

Что бы ни происходило, мне не хотелось играть в игры. В перечне обязанностей постового на эту ночь было написано, что входить в ветеринарное здание было запрещено. Даже часовым не разрешили находиться внутри, потому что независимо от того, что там находилось, уровень доступа был классифицирован как "Нет доступа". Что Браун делал внутри здания?

"Брауни, ты знаешь, что тебе не положено там быть", - сказал я. "Выходи сюда и расскажи, что происходит".

Он вышел из-за двери и даже в темноте я увидел, что его лицо было мертвенно бледным, как будто он увидел призрака. "Вы этому не поверите", - сказал он. "Не могу поверить, я только что видел это".

"О чем ты говоришь?" – спросил я.

"Парни, которые разгружали грузовики", - сказал он. "Они сказали нам, что привезли эти ящики из Форта Блисс, после какого-то несчастного случая в Нью-Мексико."

"Да, ну и что?" – мне это стало надоедать.

"Они сказали нам, что это все совершенно секретно, но они так или иначе посмотрели, что внутри. Всех уложили, когда они загружали грузовики. МР ходили вокруг с оружием и даже офицеры стояли в охранении," – сказал Браун. "Но парни, которые загрузили грузовики, сказали, что смотрели в ящики и не поверили тому, что они увидели. У Вас есть допуск, Майор. Вы можете зайти сюда".

Я был дежурным офицером на посту и мог зайти во время дежурства куда угодно. Поэтому я зашел в старое ветеринарное здание, медицинскую амбулаторию для кавалерийских лошадей перед Первой мировой войной и увидел, где был сложен груз из конвоя. В здании никого не было кроме Билла Брауна и меня.

"Что это, вообще?" – спросил я.

"Вот именно, Майор, никто не знает", - сказал он. "Водители сказали нам, что это собрали в пустыне после авиакатастрофы где-то около 509-го. Но когда они посмотрели внутрь, они

увидели нечто такое, чего они не видели прежде. Это не с нашей планеты".

Это была самая глупая вещь, которую я когда-либо слышал, небылицы военнослужащих, переплывающие с базы на базу и раздувавшиеся сильнее с каждым следующим разом. Возможно я не был самым умным парнем в мире, но у меня было достаточно инженерного и разведывательного образования, чтобы разобраться в обломках крушения и сложить два плюс два. Мы обошли укрытые брезентом коробки и я откинул край брезента.

"Тебе нельзя сюда заходить", - сказал я Брауни. "Лучше тебе уйти".

"Япосторожуснаружи, Майор".

Я даже хотел сказать ему, что он это должен был делать изначально, вместо того, чтобы играть в шпионов, но я сделал то, что умел лучше всего делать и держал рот на замке. Прежде чем рыться в ящиках, я подождал пока он встанет у входной двери.

Там было около тридцати с лишним заколоченных гвоздями деревянных ящиков, которые были сложенный вместе у дальней стены здания. Выключатели света в здании были кнопочными и я не знал для чего каждый выключатель предназначен, поэтому я включил свой фонарь и спотыкался, пока мои глаза не привыкли к темноте. Я не хотел выдергивать гвозди, поэтому я поставил фонарь на сторону, откуда он лучше всего освещал пространство и стал искать ящик, который было бы легко открыть. Затем я нашел длинный ящик с широким стыком под крышкой, было похоже, что его уже открывали. Он был похож или на самый странный ящик для оружия, который Вы когда-либо видели, или на самый маленький контейнер для перевозки гроба. Возможно этот ящик и видел Брауни. Я принес фонарь и поставил его повыше, чтобы он освещал максимально больше пространства. Затем я начал работать с ящиком.

Крышка уже болталась. Я был прав, один раз его открывали. Я подвигал крышку вперед и назад, понемногу ослабляя гвозди, которые были выдернуты гвоздодером, пока не почувствовал, что они вышли из досок. Затем я прошел вдоль примерно пятифутовых сторон ящика, пока крышка полностью не отделилась.

Не зная, какая из сторон у ящика была передней, я поднял крышку и сдвинул ее к краю. Затем я опустил фонарь, посмотрел внутрь и мой желудок подскочил прямо к горлу, мне чуть не стало плохо прямо там.

Чтобы там ни было спрятано, но это был гроб, правда, не такой же, как и любой другой гроб, которые я видел раньше. Содержимое, заключенное в массивный стеклянный контейнер, плавало в густой голубой жидкости, почти такой же плотности, как и замерзшее гелеобразное дизельное топливо. Но объект плавал в жидкости, не опускаясь на дно, он выглядел мягким и блестящим как брюшко у рыбы. Сначала я подумал, что это был мертвый ребенок, которого они куда-то перевозят. Но оно не было похоже на ребенка. Это было четырехфутовое, похожее на человека, тело с причудливыми четырехпалыми руками - я не видел большого пальца - тонкими ногами и ступнями, а также с огромной головой в форме лампочки, которая плавала на поверхности сосуда как пузырь, погрузившись до подбородка. Я знаю, поначалу я съежился, но затем у меня возникло желание снять крышку контейнера с жидкостью и коснуться бледно-серой кожи. Но я не мог сказать, было ли это кожей, потому что она также была похожа на очень тонкую ткань, покрывающую плоть существа целиком с головы до ног.

Его глаза, должно быть, были закатились вверх, поэ тому я не смог разглядеть, ни зрачков, ни радужной оболочки, ни чего-либо другого, что напоминало бы человеческий глаз. Но сами глазницы были чрезмерно большими, миндалевидными, направленные уголками в сторону крошечного носа, который даже не выступал из черепа. Он больше походил на носик ребенка, когда ребенок уже вырос, а носик еще нет и выглядит по большому счету, как ноздря.

Череп существа был чрезмерно переросшим и его лицо – какое уж оно было – занимало небольшую площадь в нижней части головы, а остальное место занимал лоб. Выступающих, как у человека ушей не было, нельзя было определить, где у него щеки, и также на лице не было ни бровей, ни каких-либо признаков волос. У существа был только крошечный плоский разрез для рта, который был полностью закрыт, напоминая больше складку или углубление между носом и основанием черепа с покатым подбородком, чем полностью функциональное отверстие. Спустя некоторое время я узнал, как оно общалось с другими, но в этот момент в Канзасе, я только стоял в шоке от

очевидно нечеловеческого лица, плавающего передо мной в полужидком консерванте.

Я не увидел повреждений на теле существа и никаких признаков того, что с ним случилась какая-либо авария. Не было крови, его конечности казались неповрежденными, и я не смог найти ни одной царапины на его на коже или на серой ткани.

Я поискал в ящике, в котором находился контейнер с жидкостью, какие-нибудь документы, транспортную накладную или что-либо еще, что описывало природу или происхождение этой штуки. То, что я обнаружил, было заинтриговавшим меня документом Военной разведки, описывающим существо как жителя корабля, который потерпел катастрофу в Розуэлле, Нью-Мексико в начале этой недели и направлявшим его специальному офицеру в Материальной Части в Райт Филд и далее, в группу патологии морга армейской Больницы Уолтера Рида, где, как я предположил, существо будет вскрыто и будет храниться. Это был документ, который мне нельзя было читать, поэтому я положил его обратно в конверт во внутренней стенке ящика.

Я позволил бы себе потратить больше времени на осмотр существа, если бы оно у меня было, потому что этой ночью я пропустил время проверки остальных постов и должен был придумать довольно хорошее объяснение моей задержки. Но то, что я осматривал, стоило любых проблем, которые могли появиться у меня на следующий день. Эта штука была действительно захватывающей и одновременно совершенно ужасной. Она бросала вызов любой моей концепции и я очень сильно надеялся, что я увидел некую форму мутации человека после воздействия радиоактивности Я знал, что мне об этом некого спросить и поэтому, надеясь, что никогда больше этого не увижу, я придумал объяснение его существования, не обращая внимания на написанное в сопроводительном документе: Оно было отправлено сюда из Хиросимы, оно было результатом генетических опытов нацистов, оно было мертвым цирковым уродом, оно могло быть всем чем угодно, но чем бы я его не называл, все равно это был: инопланетянин.

Я поставил крышку ящика на место, заколотил гвозди в сделанные ими отверстия торцом фонаря и положил брезент, как он лежал раньше. Затем я вышел из здания с надеждой, что навсегда закрыл эту дверь и то, что я там увидел. Надо просто забыть это, сказал я себе. Может ты и не видел ничего и может

быть ты проживешь всю оставшуюся жизнь без надобности думать об этом. Может быть.

Покинув здание я встретил дежурившего на посту Брауни.

"Ты никогда этого не видел", - сказал я. "И никому не рассказывай".

"Не видел что, Майор?" - сказал Брауни, и я пошел обратно к штабу, представляя это существо плавающего в жидкости и исчезающего с каждым моим шагом. К моменту, когда я был за свои столом, это все было мечтой. Нет, не мечтой, в кошмаром - но все было закончено и я надеялся, что оно никогда не вернется.

ГЛАВА 3

Розуэлльские артефакты

КОШМАРНОЕ СУЩЕСТВО, КОТОРОЕ Я УВИДЕЛ В ФОРТЕ РИЛИ, НИКОГДА не исчезало из моей памяти, хотя я смог похоронить его на период своего командования управляемыми ракетами в Европе. И за всю оставшуюся жизнь я больше никогда не видел это тело, за исключением фотографий вскрытия и эскизов судебно-медицинского эксперта, которые найдут меня вместе с остальной частью того, что случилось в Розуэлле, когда я вернусь в Вашингтон из Германии для нового поста в Пентагоне в 1961 году. Я помню первый день своего возвращения, когда я ждал своего босса у двери, чтобы он провел меня внутрь святилища. И я нервничал, как мальчишка. Помню, что в последний раз в Вашингтоне, я не был таким возбужденным, я находился в небольшой приемной Овального кабинета в Белом доме, ожидая, когда президент Эйзенхауэр закончит говорить по телефону. У меня была большая просьба и я хотел сказать это без участия специальных или обычных помощников или же ждать специального помощника К. Д. Джексона, чтобы сделать все хорошо. Я был почти постоянным посетителем Овального кабинета в те дни, в 1950-х, передавал президенту документы штаба Совета Национальной Безопасности, делал доклады и иногда на всякий случай ждал, пока он прочитает их и даст ответ. Но это было другое время. Я должен был с ним сам поговорить, наедине. Но Айк говорил дольше, чем обычно требовалось на разговор по телефону и я ходил кругами и бросал взгляды на горящие лампы коммутатора в приемной.

Стол Лерера сбоку. Вы могли видеть нижнюю часть панели переключателей, куда приходят вызовы, было видно, что телефон все еще занят. Я хотел передать президенту Эйзенхауэру личную просьбу: освободить меня, на моем пятом году работы в Штабе Национальной Безопасности в Белом доме, чтобы я смог возглавить зенитный батальон управляемых ракет, сформированный в Красном Каньоне, Нью-Мексико. Айк когда-то обещал мне собственную команду, когда меня после Кореи направляли в Белый дом. И в 1957 году появилась такая возможность, красивый пост на базе с высшей степенью секретности с желанными зелеными купюрами и всеми сопутствующими атрибутами: тренировать и командовать, применять в зенитном батальоне новую, самую секретную военную ракету земля-воздух и затем взять ее в Германию, чтобы попрактиковаться в учебных стрельбах близи границы, где русские нас увидят. В случае Третьей мировой войны, отдавать боевые приказы, прежде всего отправлять страшным огнем со своих позиций в ад советские ударные бомбардировщики, после чего восточногерманские танки приедут прямо у нам в руки. Мы стоим и боремся, применяем любую ракету, чтобы каждой ракетой сбить по одному вражескому самолету и отправить их в ад. Я почти чувствовал вкус радости, когда ждал, пока Айк закончит телефонный разговор.

Это были мои воспоминания от том дне, когда я стоял за дверью офиса генерала Трюдо на третьем этаже внешнего кольца Пентагона. Это был 1961 год, прошло четыре года после того, как я покинул Белый дом и снова надел форму, чтобы стоять на страже с помощью электронных радаров и фото датчиков, всего в нескольких километрах к западу от Железного занавеса. Айк удалился на свою ферму в Пенсильвании и моим новым боссом стал генерал Артур Трюдо, один из последних боевых генералов Корейской войны. Трюдо стал для меня настоящим героем, когда я услышал о том, как его людей прижали на изрытых воронками от дождя вражеских мин склонах Порк Чоп Хилл. Там Вы не могли никому приказать, потому что ад заставлял этих мальчиков отступать; там было просто чертовски много взрывов. Таким образом Трюдо получил свои звезды, он надел сержантский шлем и бился, возглавляя группу добровольцев, а затем бился на обратном пути вниз. Именно так он все своими руками и сделал, а теперь я буду работать непосредственно с ним в Военном подразделении Управления исследований и развития.

В 1961 году, когда я приехал в Пентагон, я был в чине

подполковника и все, что я с собой привез, было призами за игру в боулинг в форте Рили и настольная табличка с моей фамилией из хвостовой части ракеты Найк из Германии. Ее сделали и подарили мне с пожеланиями удачи. После того, как я добрался до Пентагона - за несколько дней до моего фактического назначения - я понял, что мне понадобится очень много удачи. И когда я открыл дверь и прошел прямо во внутренний кабинет генерала, я в тот же день узнал, сколько мне этой удачи понадобится.

"Ну и в чем же состоит большой секрет, Генерал?" - спросил я своего нового босса. Это выглядело странно, говорить так с генералом, но мы подружились пока я работал в штабе Эйзенхауэра. "Почему бы не начать с главного?"

"Потому, что они уже следят за Вами, Фил", - сказал он, точно зная, каким холодом меня пробьет. "И я бы хотел сохранить этот разговор в тайне, прежде чем Вас официально представят".

Он подвел меня к картотеке. "Здесь все не так сильно изменилось, с тех пор, как Вы уехали в Германию", - сказал он. "Мы еще не знаем, кто наши друзья и кому мы можем доверять".

Я знал его правила. Холодная война была на самом пике и нас окружали враги: в правительстве, в разведывательных службах и в самом Белом доме. Те из нас в военной разведке, кто знал правду о масштабах опасности в которой находилась страна, были очень осмотрительны в высказываниях не только между собой, но и в местах где мы это говорили. Оглядываясь назад с дистанции в сорок лет, трудно поверить, что даже когда большие американские автомобили с восьми цилиндровыми двигателями съезжали с конвейера и катились по дорогам, а телевизионные антенны разрастались на крышах совсем новых домов в тысячах городов нашей страны, мы находились в самом центре предательской войны нервов.

В глубине наших разведывательных служб и даже в кабинете самого Президента, существовали отдельные профессиональные государственные служащие, которые работали - некоторые сознательно, некоторые неосознанно - на Советский Союз, проводя в жизнь созданную в КГБ политику. Некоторые меморандумы, которые вышли из этих кабинетов, не имели никакого другого смысла. Мы также знали, что в ЦРУ проникли кроты из КГБ, наряду с тем, что мы знали, как некоторые наши

влиятельные политики защищали идеи, которые только ослабляют Соединенные Штаты и ведут нас к падению в интересах наших врагов.

Небольшая горстка из нас была в курсе ужасающей правды о Корее. Мы потеряли ее не из-за того, что нас разбили на полях битвы, а потому что нас компрометировали изнутри. К русским консультантам, стоявших плечом к плечу с северокорейцами, наши планы попадали даже раньше, чем они попадали к нам в штаб Мак Артура. И когда мы направляли свои военные технологии на поля и в воздух, Советы уже имели планы по их захвату и отправке в Россию. Когда настало время проведения мирных переговоров в Пханмунджоме и договариваться об обмене военнопленных, я знал, где эти американцы были, в десяти милях к северу от границы, и кто не вернется домой. В самом нашем правительстве были люди, которые допустили, чтобы они остались в лагерях для военнопленных, в которых они могут находиться вплоть до наших дней.

Поэтому, генерал Трюдо одарил меня своей очень мрачной улыбкой и когда мы подошли к запертой, темно оливкового цвета, военной картотеке у стены его кабинета, он сказал, "Вы мне нужны, Полковник, чтобы прикрывать мою спину. Вы мне нужны, чтобы наблюдать за тем, что я делаю, я не могу сам себя прикрывать".

Независимо от того, что планировал Трюдо, я знал, что он скажет мне в свободное время. И он сказал бы мне только то, что он считал необходимым мне знать. Для особенного подарка я должен был стать его специальным помощником в УИР, в одном из самых чувствительных подразделений всей пентагоновской системы, потому что это было таким местом, где самые секретные планы ученых и создателей оружия приводились в жизнь оборонными контрактами. УИР был интерфейсом между чьей-то светлой мыслью и частью прототипа оборудования, выкатывающегося из производства, чтобы продемонстрировать свой потенциал военным чинам. Это и было моей работой, сохранять тайну пока оно развивалось.

"Но есть еще кое-что, что я хочу, чтобы Вы сделали для меня, Фил", - продолжил генерал Трюдо, положив руку на картотеку. "ЯсобираюсьпереместитьэтукартотекувВашкабинет".

Генерал разместил меня в кабинете на втором этаже

внешнего кольца, прямо под своим кабинетом. Поэтому вскоре я обнаружил, что при экстренных вызовах я мог подняться к нему наверх через черный ход так, что никто не знал, где я нахожусь.

"В ней содержатся особые дела, военные материалы, которые Вы никогда прежде не видели, и я хочу передать их под Вашу ответственность по работе с Иностранными Технологиями", - продолжил он. Специфика моей работы относилась к подразделению по Исследованиям и Развитию Иностранных Технологий, поэтому я подумал, что это будет довольно сухая переписка, так как главным образом требовалось, чтобы я был в курсе исследований и развития вооружения наших союзников. Я читал доклады разведки, смотрел фильмы об испытаниях оружия, опрашивал ученых и различный исследователей в университетах о том, что делали их коллеги за границей, давал предложения по оружию, в котором, возможно, нуждалась армия. Это было важно и у этого направления была своя сфера деятельности для "рыцарей плаща и кинжала", но после того, чем я занимался в Риме, где упорно искал замаскированных нацистами офицеров Гестапо СС и замаскированных под итальянских коммунистов групп из НКВД, это было похоже на прекрасную возможность помочь генералу Трюдо придержать некоторые военные идеи от лап других военных служб. Но тогда я не знал, что было внутри этой картотеки.

Армия обычно разделяла направления исследований в области вооружения на две основные группы – отечественные и иностранные. Были исследования, которые проистекали из работ, идущих в Соединенных Штатах и исследований за границей. Я знал, что буду следить за тем, что делают французы с разработками современных вертолетов и смогут ли британцы сделать истребитель с вертикальным взлетом и приземлением, на что мы не надеялись после Второй мировой войны. Была большая немецкая пушка "Фау 3", внучка Большой Берты, которой немцы угрожали Парижу во время Первой мировой войны. После вторжения в Нормандию мы нашли под Кале стволы немецких орудий в сборе и знали, что нацисты работали над чем-то, похожим на самолетный реактивный двигатель и новый танк, что возможно, могло изменить итоги войны, если бы они подольше продержали нас во время проведения Арденнской операции.

Я отвечал за разработку этой технологии, идей, до которых мы не дошли и разрабатывал рекомендации для включения их в наше планирование разработок вооружения. Но я не знал почему

генерал продолжал похлопыватьпо верхнемувыдвижному ящику картотеки.

"Если хотите, я сразу ознакомлюсь с этими документами, Генерал", - сказал я. "И напишу некоторые предварительные записки о том, что я об этом думаю".

"Это займет у Вас немного больше времени, чем все остальное, Фил", - сказал Трюдо. Он почти засмеялся, чего за ним тогда не замечалось. Фактически, я помню один единственный раз, когда он так смялся, это случилось после того, как он услышал, что его предложили на пост командующего американскими войсками во Вьетнаме. Он также слышал, как они хотели, чтобы я возглавил отделение разведки для команды военного Спецназа во Вьетнаме. Мы оба знали, что военная миссия во Вьетнаме была обречена, так как это была война мозговых центров. И людей в мозговом центре более волновало сдерживание армии, чем уничтожение Вьетконга. Поэтому у Трюдо был план: "Мы или выиграем войну или попадем под трибунал ", - сказал он. "Но они поймут, что мы были там". И он засмеялся после своих слов о том, что даст мне время на знакомство с содержимым картотеки, также как и тогда.

"Вы захотите это обдумать, прежде чем начнете писать какие-то записки", - сказал он.

Я не смог не почувствовать нервозность в его голосе, усиленную смехом, точно такую же нервозность, которую я услышал в нашем первом телефонном разговоре. Действительно здесь было что-то, о чем он мне не сказал.

"Есть что-то еще, что я должен знать об этом, Генерал?" - спросил я, пытаясь не выдавать своих колебаний в голосе. Обычное дело, ничего необычного, никто не может сбить меня с пути.

"Фактически, Фил, материал в этой картотеке немного отличается от обычных материалов из других стран, который мы получали до сих пор", - сказал он. "Я не знаю, видели ли Вы когда-либо секретную информацию о том, что у нас здесь есть, когда Вы были в Белом доме, но прежде чем Вы напишете любые заключения, Вам возможно, потребуется провести некоторые исследования документов из Розуэлла".

Теперь я услышал о Розуэлле больше, чем имел прав знать в свой первый день в Пентагоне.

Вокруг Розуэлла плавали и более дикие истории о том, что мы продолжали там что-то делать. Но я не проводил связи между делами в Розуэлле и тем, что говорилось в кабинете генерала Трюдо. В основном я надеялся, что после форта Рили все забудется, я смогу просто спрятать голову в песок и меня будет волновать бюрократическая борьба в Вашингтоне, а не маленькие инопланетяне в закрытых гробах.

Генерал не стал ждать, пока я ему отвечу. Он оставил меня в своем кабинете и вышел в приемную, я слышал, как он отдает приказы по громкой связи. Только он успел выключить громкую связь и вернуться в кабинет, где я находился, как вошли четверо военных с грузовой тележкой, отдали честь и замерли во внимании, пока Трюдо продолжал смотреть на меня. Он ничего не сказал. Вместо этого он повернулся к военным. "Грузите картотеку на эту тележку и следуйте за полковником в его кабинет на втором этаже. Нигде не останавливайтесь. Ни с кем не разговаривайте. Если Вас кто-либо остановит, то отправляйте его ко мне. Этоприказ ".

Затем он повернулся ко мне. "Почему бы Вам не потратить какое-то время на это, Фил". Он сделал паузу. "Но не слишком долго. Сержант" - он переключил свое внимание на военного с самой короткой стрижкой - "пожалуйста, проследите, чтобы полковник спустился в свой кабинет".

Они погрузили картотеку на тележку, будто внутри нее ничего не было, подтащили ее к черному ходу и уставились на меня, пока я не последовал за ними. "Не затягивайте, Полковник", - сказал генерал Трюдо, пока мы выходили в дверь и спускались вниз.

Я помню, что после того, как картотеку привезли и поставили в моем кабинете, я долгое время просто смотрел на нее. В ней было что-то зловещее, что противоречило ее тихому, военному предназначению. Таким образом, я должен признаться, что учитывая комментарии генерала, некоторая часть меня хотела открыть ее немедленно, как Рождественский подарок. Но другая моя часть, которая победила, позволила ей просто оставаться стоять там, защищенной, пока я думал о том, что сказал генерал Трюдо о Розуэлле и массе документов, циркулировавших в Белом

доме, когда я был в Штабе по вопросам национальной безопасности. Нет, я не собирался читать документы из Розуэлла. Пока еще не собирался. Только после того, когда я хорошенько изучу, что там находится. И сделаю это только когда будет готова остальная часть моего кабинета. Что бы я не собирался сделать, я хотел сделать это правильно.

Я немного походил по своему новому кабинету, пока обдумывал то, что сказал генерал, почему эта картотека ждала меня в его тайном кабинете и почему он специально хотел поговорить со мной об этом. От меня также не ускользнуло и то, что я не увидел ни одного клочка бумаги о передаче ее мне, ни моей подписи о приеме. Возможно, что это произошло с такой легкостью потому, что этой картотеки даже не существовало. Насколько я знал, ее видели только его глаза и вскоре мне тоже предстояло ее увидеть. Поэтому, независимо от того, что это было, это было серьезным и по умолчанию очень секретным.

Я помнил ту жаркую июльскую ночь в форте Рили четырнадцать лет назад, когда я был молодым офицером разведки, только что приехавшим из Рима. Я помнил, как попал в складской ангар с помощью одного из часовых, такого же как я члена команды по боулингу в форте Рили. То, на что он той ночью указал, лежало под массивным непромокаемым брезентом оливкового цвета и было очень, очень секретным, и задержав дыхание я надеялся, что находившиеся в этой картотеке материалы, не имели отношения к тому, что я видел той ночью 6 июля 1947 года в Канзасе.

Я открыл картотеку и мое сердце почти сразу замерло. Рассмотрев содержимое обувной коробки полной запутанных проводов, странной ткани, облегающего наголовника и небольших вафель, которые были похожи на крекеры Ритц, только со обломанными краями и темно-серого цвета, и разные другие вещи, которые я не мог даже описать словами, я понял, что в моей жизни начались большие изменения. Той ночью в Канзасе, я сказал себе, что я видел иллюзию, нечто, что очень трудно представить в реальной жизни и которое не должно было существовать. И после того, как я попал в Белый дом и увидел описывающие "инцидент" бумаги Совета национальной безопасности, в которых говорилось о "грузе" и "предметах", я знал, что странное тело, которое я видел плавающим в жидкости в контейнере в форте Рили, было просто дурным сном, который я мог забыть. И при этом я не мог забыть о радарных аномалиях на

полигоне в Красном каньоне или странных сигналах тревоги на авиабазе Рамштайн в Западной Германии. Я очень надеялся, что все это никогда не вернется ко мне снова, и я мог прожить оставшуюся часть моей армейской жизни в другом мире. Этого не должно было случиться. Чье-то искореженное барахло было пустяком, который, как я понял, вовлечет меня во что-то более глубокое, чем я когда-либо мог себе представить. Независимо от того, чем я должен был заниматься в этой жизни, эта работа изменила мою жизнь.

Вы помните, как в кино Бад Эбботт открыл шкаф, увидел там висящий труп, закрыл дверь шкафа, открыл шкаф снова и увидел, что тело исчезло? Я сделал тоже самое.

Никто меня не видел, по крайней мере я в это верил, поэтому я открыл картотеку, закрыл ее и открыл снова. Но это было не в кино и все осталось на месте.

Итак, здесь лежали собранные в Розуэлле предметы. И теперь, как в страшном сне, они снова всплыли. Я услышал шаги за своей дверью и задержал дыхание. В Пентагоне ночью всегда были какие-то звуки, так как здание никогда не пустовало. Большинство людей даже не знает, что где-то в кабинетах, в различных уголках здания, о который никто не знает, некоторая группа людей планирует войну, которая, как все мы надеемся никогда не произойдет. Поэтому, Пентагон, это такое место, где больше чем в любом другом здании, за исключением Белого дома, кто-то всегда ходит.

Генерал Трюдо просунул свою голову в дверь.

"Смотреливнутрь?" - спросилон.

"Что Вы сделали со мной, Генерал?" - сказал я. "Я думал, что мы друзья".

"Вот поэтому я передал это Вам, Фил", - сказал он, но он не смеялся и даже не улыбался. "Вы знаете, какая это ценность? Вы знаете, что бы сделали другие службы, чтобы заполучить это в свои руки?"

"Вероятнее всего, что они бы убили меня", - сказал я.

"Вероятно, что они захотят Вас убить в любом случае и это

делает их еще более сумасшедшими. Военно-воздушные силы хотят заполучить обломки, потому что они думают, что они принадлежат им. Военно-морской флот хочет их заполучить, потому что они хотят все, что хотят военно-воздушные силы. ЦРУ хотят их заполучить, чтобы передать русским".

"Что Вы хотите, чтобы я сделал, Генерал?" – спросил я. Я не мог представить себе, что он думал, если только он не думал, что я должен просто спрятать эти материалы и оставить их в таком состоянии.

"Мне нужно, чтобы Вы подготовили план", - сказал он. "Но не просто описали к чему это относится, а что мы можем с этим сделать. Что-то, что придержит их вне игры, пока мы не узнаем, что это и как мы это можем использовать ". Это имело все признаки заговора, чистого и простого.

"И кто же является для нас самой большой проблемой?" – спросил я, но это был вопрос ради проформы, потому что я уже знал ответ.

"Те же люди, которые упустили Корею и с кем Вы должно быть сталкивались в Белом доме", - сказал он. "Вы знаете о ком я говорю. Мы по-любому придержим эти ценности подальше от чужих рук, ведь совершенно ясно, как и то, что мы находимся в Пентагоне, что они проложат им дорогу прямо в Кремль".

Были люди, плавающие рядом с Вашингтоном, которые даже из самых своих лучших побуждений, отправили бы эти документы из Розуэлла в Россию, подстраиваясь под президента Кеннеди и оказывая ему содействие в поддержании мира во всем мире. И так же, как и те люди, которые прирезали бы Трюдо вместе со мной и оставили бы нас истекать кровью на полу, пока выносят эту картотеку. Так или иначе Трюдо не нужно было цитировать мне главы и стихотворения, чтобы донести, что он дал мне одно из самых важных поручений, которые я когда-либо получу от него. Он дал мне ключи в совершенно новую страну, но ни он, ни я не знали, что можно было сделать с этим материалом, за исключением передачи его русским. По крайней мере это было началом.

"Сначала нам надо узнать, что мы имеем", - сказал я.

"Теперь это Ваша работа. Что мы имеем? Есть в этом что-либо

применимое? Объединим специалистов, которым Вы можете доверять из тех что у нас есть, пройдемся по спискам контактов с оборонными подрядчиками. И это ведь только часть того, что у нас есть. Часть лежит внизу в хранилище, о чем другие спецслужбы ничего не знают. Они прибыли сюда из Нью-Мексико, вместо того, чтобы попасть в Огайо. Не спрашивайте меня почему. Сейчас Вам принесут коробки. Просто объедините все, не спешите и оцените это все для меня".

"Кто-нибудь знает, что это все у меня?" - спросил я.

"Все знают, что если Вы вращаетесь вокруг чего-то, то это должно быть важным", - сказал он. "Так что не поступайте как кошка, которая съела канарейку. Они наблюдают за Вами также, как они наблюдают и за мной". Затем он подошел к дверному проему, осмотрел оба конца комнаты и вернулся ко мне. "Но займитесь этим в первую очередь, потому что мы можем покинуть кабинет меньше чем через год и я не хочу волноваться о том, что нам не хватит времени".

И он сразу ушел, как будто мы ни о чем не говорили.

Я не прикасался к документам той ночью, даже после того, как в моем кабинете появился другой обычный деревянный ящик, похожий на те, в которых перевозят овощи, который принес обычный армейский капрал. Следующей ночью я также не изучал материалов. Но в течение следующей недели, каждый раз, когда я был уверен, что вокруг меня нет никого, кто мог бы зайти без предупреждения, я перекладывал материалы из коробки в картотеку и проводил время рассматривая их. Это было как падение сквозь увеличительное стекло в другой мир, в пазл из отдельных частей, которые только приблизительно были описаны в документах, которые я читал в Белом доме. Неудивительно, что никто в действительности не хотел что-либо делать с этими обломками, открывавшими незнакомый нам мир, но уже в 1947 году правительство решило держать все в абсолютном секрете.

Карьера любого, после карьеры в правительстве, даже только намекавшего на большую темную тайну Розуэлла, распылялась, кто бы ни стоял за этой операцией. И хотя я знал намного больше в чем я даже признавался себе, я никогда не буду молчать. Но теперь это дело, которое я в конечном счете назвал бы "сумасшедшими документами" генерала Трюдо, стало моим и так как следующие недели превратились в месяц, я постепенно

разбирался в частях этого пазла.

Сначала была тоненькая, прозрачная ниточка, гибкое как провод стекло, вплетенное в своего рода серый жгут, как будто это были соединенные между собой кабели. Это были тонкие нити, даже тоньше, чем медный провод. Когда я направлял край жгута на свет со своего стола, я видел, как через них проходило сверхъестественное свечение, будто они проводили слабый свет и разбивали его на различные цвета. Когда поисковая служба в пустыне вблизи Розуэлла вытащила их из упавшего дельтовидного объекта, они подумали, что это были своего рода провода - жгут, как они сказали - или возможно некоторые из них подумали, что это была распределительная коробка или электрическое реле. Но независимо от того, что они подумали об этом, они полагали, что это не было похоже ни на что известное им на этой планете. Пока я крутил объект в руке, я согнул их так, чтобы отдельные нити не ломаясь выгнулись вперед и назад и проводили луч света вдоль своей длины, они были какой-то разновидностью проводов. Но у меня не было подсказок, для как цели они предназначались.

Затем была тонкая матовая примерно двухдюймовая пластинка в форме крекера из материала, который был похож на пластмассу, но имел разводку из крошечных проводов, едва выступавших/протравленных на поверхности. Они были размером с монету в двадцать пять центов, а гравюры на поверхности напоминали мне раздавленных насекомых с торчащей в разные стороны сотней ног, расходящихся во все стороны от плоского тела. Некоторые скруглялись или шли по эллипсу. Это была схема - любой мог понять это в 1961 году, особенно когда Вы рассматриваете ее через лупу - но учитывая способ, которым эти вафли были сложены друг с другом, это была схема отличающаяся от любых других, которые я когда-либо видел. Я не мог понять, как ее включить и какой ток ей был необходим, но было совершенно ясно, что это точно была проводная схема, которая находилась в составе более большой схемы на борту летающей тарелки. Моя рука немного дрожала, когда я держал эти детали, но не потому что они были страшными, а потому что всего на несколько секунд испугался важности этой находки. Это походило на обнаружение памятников архитектуры, на открытие некоторой давно погибшей культуры, Розеттского камня, и кто-бы ни упал там в пустыне, он все еще вел активную деятельность и кружился над нашими самыми секретными военными и воздушными базами.

Я больше всего интересовался сопроводительными описаниями к двум комплектам темных и тонких как кожа эллиптических накладок на глаза. Патологи Уолтера Рида сказали, что линзы прикреплялись к глазам внеземных существ и казалось, преобразовывали видимый свет даже когда вокруг была полная темнота, осветляя и усиливая изображение в темноте, давая возможность их владельцу различать формы. В рапортах говорилось, что патологи, которые провели вскрытие одного из этих существ в больнице Уолтера Рида, попытались посмотреть сквозь них в темноте, чтобы понаблюдать за несколькими армейскими часовыми и медицинскими санитарами, спускающихся в смежном с лабораторией патологии коридоре. Фигуры были зеленовато-оранжевыми, в зависимости от того, как они двигались, но патологи видели только внешние контуры. И когда они находились рядом друг с другом, их формы смешивались в один контур. Но они могли также видеть расположение мебели, стен и предметов на рабочих столах. Возможно, думал я, когда прочитал этот доклад, что солдаты могли бы надевать забрало, которое усиливало бы изображение посредством отражения и увеличения доступного света и находиться на поле битвы в темноте с такой же уверенностью, будто они находятся на своих постах средь бела дня. Но эти окуляры не делали из ночи дня, они только выдвигали на передний план внешние контуры предметов.

Там же среди предметов был темный, серовато-серебристый подобный фольге образец ткани, который нельзя было свернуть, согнуть, порвать или скатать комок, так как он принимал свою оригинальную форму без каких-либо складок. Это было металлическое волокно с физическими характеристиками, которые позже назовут "суперпрочностью", и когда я попытался резать его ножницами, лезвия просто скользили не оставляя следов на волокнах. Если попытаться растянуть его, оно принимает первоначальную форму, но я заметил, что все нити, как казалось, располагались в одном направлении. Когда я попытался растянуть его в ширину, было похоже, что волокна переориентировались в направлении растяжения. Это не было похоже на ткань, но очевидно, что оно не было сделано из металла. Это была комбинация ткани, с моей ненаучной точки зрения, сотканной с включением металлической нити, у которой была гибкость и податливость ткани, но также и прочность с устойчивостью металла. Я был в самом центре самых секретных проектов Пентагона по разработке оружия, но у нас не было

ничего подобного даже в мыслях.

Еще было письменное описание и эскиз другого устройства, похожего на короткий фонарь, практически со встроенным источником энергии, который не имел ничего общего с батареей. Исследовавшие его ученые из Райт Филд сказали, что не видели исходящего из него пучка света и когда они направляли похожий на карандаш фонарь на стену, они видели маленькое красное пятно, но исходящего луча с торца похожего на линзу не выходило, это было похоже на то как если вы играли фонарем на удаленном объекте. Когда они поставили предмет перед этим лучом, пятно исчезло, а луч был настолько сильным, что предмет задымился.

Они долго играли с этим устройством, прежде чем поняли, что это было инопланетное режущее устройство по типу газовой горелки. Однажды они пропустили луч через дым и внезапно увидели его. Все что было невидимо, внезапно проявилось в виде круглой, мельчайшей, подобной тоннелю форме. Почему у обитателей тарелки на борту есть такое режущее устройство? Только позднее, когда я прочитал военные рапорты об увечьях рогатого скота, у которых были удалены все органы без каких либо заметных следов повреждения окружающих тканей, я понял, что режущий световой луч из Розуэлла был хирургическим инструментом, как скальпель, который инопланетяне использовали в медицинских экспериментах с нашим домашним скотом.

Там было самое странное из всех устройство, практически наголовник, с приборами для снятия электрических сигналов с обеих сторон. Я не мог бы объяснить области применения этой вещи, если бы не необычный ободок для головы. Казалось, что его размер не подходил к голове, но по крайней мере не к человеческой. Возможно он снимал сигналы мозговых волн, как электроэнцефалограф и чертил диаграмму. Но эксперименты с ним не дали ничего. Ученые даже не поняли, как его подключать или где был источник питания, так как он был без батарей или схемы.

Были ночи, когда я раскладывал все эти предметы вокруг себя, как рождественские подарки. Были ночи, когда я просто доставал одну вещь и крутил ее, пока я не запоминал как она выглядела с разных углов взгляда и откладывал ее. Проходили дни и не общаясь на эту тему с Трюдо, я знал, что он начинал

беспокоиться. Когда мы сидели рядом на совещаниях, а вокруг были другие люди, он ничего говорил и я почти слышал его внутренний взрыв. Были периоды, когда мы были одни и Трюдо не хотел поднимать вопрос о нашей общей тайне.

За стенами Пентагона шло сражение, снова и снова разыгрывались бури, как бывало во времена правления Трумэна и Эйзенхауэра. Чья разведка точнее? Чья правдивее? Кто пытался управлять Белым домом и кто полагал, что играя или прокручивая факты, он мог изменить ход истории? Джон Кеннеди возглавлял молодое правительство, способное на экстраординарные ошибки. И в самом центре его администрации были люди, собственные представления которых на то, как должен работать мир, вдохновляли их на искажение фактов, на неправильные заявления о намерениях и игнорирование очевидных фактов в надежде, что их взгляды будут преобладать.

Что еще хуже, в глубинах секретного правительства внутри правительства были такие, кто был поставлен туда профессиональными шпионами из Кремля. И у нас был очень серьезный повод опасаться их. Прямо сейчас, ВоенУИР распоряжается этими остаткам инопланетных технологий из Розуэлла. Я не знал сколько времени у нас было. Итак, за полуночной чашкой кофе в кабинете генерала Трюдо, он решил, что мы перевезем этот материал оборонным подрядчикам, туда, где ученые бы увидели его и где под маской главной тайны это окажется в системе, прежде чем ЦРУ сможет его так спрятать, что его не найдет никто, кроме тех людей, от которых мы пытались его скрыть.

"Это дьявольский план, Генерал", - сказал я Трюдо той ночью. "Почему Вы думаете, что мы сможем выйти сухими из воды?"

"Не мы, Фил", - сказал он. "Вы. Вы тот, кто выйдет сухим из воды. Я просто подержу их подальше от Вас достаточно долго, пока Вы работаете".

Теперь, все о чем я мог думать были события той ночи в 1947 году и самым плохим во всем мире было то, что я собирался со всем этим материалом сделать. П осле той ночи в Пентагоне я спрашивал себя сотни раз "почему я?" И спрашивал, почему после четырнадцати лет и опыта в форте Рили я стал наследником документов из Розуэлла. Но тогда у меня не было ответов, как их нет и сейчас. Если генерал Трюдо хотел это сделать, когда он

возглавил УИР за три года до того, как я туда попал, то я об этом не узнаю. Он никогда не объяснял, только приказывал. Но так как он был основным стратегом, я иногда думаю, что он полагал, что я вероятно имел некоторый опыт столкновений с инопланетянами и не был бы так испуган, работая с технологиями из документов о Розуэлле.

Я никогда не спрашивал его об этом, что выглядит странно, потому что в армии не задают вопросов. Вы просто выполняете приказ. Сейчас, как и тогда, я ни в чем не сомневаюсь. Я только помню, что вышел из той ночи, чтобы по возможности дать ход максимальному числу документов из Розуэлла и считал, что в любом случае я правильно поступаю.

ГЛАВА 4

Внутри Пентагона, Иностранные технологии, Пентагон никогда не спит.

И в первые несколько недель работы в Иностранных Технологиях УИР, я ничего не делал, а только ломал голову над стратегией, которую мог рекомендовать своему боссу. Среди постоянного двадцатичетырехчасового движения внутри здания, где всегда кто-то работает, я провел за своим столом больше времени, чем дома. Вечерами, выходными днями, ранним утро перед восходом оранжевого пламени солнца над рекой в Вашингтоне, Вы могли обнаружить меня глядящего на четыре ящика стоящей напротив угловой стены картотеки. Во время обдумывания стратегии применения этих инопланетных предметов, я иногда настолько поглощался игрой с кодовым замком, что забывал последовательность чисел и ожидал, пока мой мозг не перезагрузится. И всегда, недалеко от моего кабинета существовала сдерживаемая безотлагательность кризиса, взведенный спусковой механизм военной машины, готовый напасть всегда и везде, в любое время, в звуке голоса на другом конце зашифрованного телефона, в мягко окрашенных стенах кабинета и дальше среди миль коридоров во внутреннем или внешнем кольце.

Вы думаете о Пентагоне как о чем-то вроде аморфного существа с одним единственным типом мышления и одной единственной целью.

Вероятно, также большинство людей думает о структуре американских вооруженных сил: одна армия, одна цель, все идут

вместе. Но это почти полностью неправда. Американские вооруженные силы и их кабинеты, Пентагон, как и любые большие бизнесы с сотнями различных отделений, где многие прямо и явно соревнуются друг с другом за одни и те же ресурсы, но с различными стремлениями и тактическими целями. Когда дело доходит до защиты Америки и войны, у разных армейских подразделений оказываются разные цели и таким отличиям весьма свойственно появляться даже внутри одного отделения.

Я погрузился в это сразу в течение первых недель, вернувшись к Дебатам округа Колумбия, которые начались еще во время Второй мировой войны шестнадцать лет тому назад и на фоне всего этого был Розуэлл. В военно-морском флоте были серьезные пререкания между защитниками авианосцев Второй мировой войны и подводниками Адмирала Хаймана Риковера, которые считали этих коротко стриженных стадом слонов, медленных и уязвимых. С другой стороны, почти все подводные лодки, передвигавшиеся на ядерном топливе, могли глубоко погружаться, подходить на тысячи миль к вражеской территории и наносить сильный вред в его самых уязвимых местах разделяющимися ядерными боеголовками. С нашим подводным флотом гибель противника неминуема. Поэтому, кому еще нужен авианосец с толпой истребителей и другим эскортом, когда всего одна подводная лодка может нокаутировать врага в любом месте, в любое время, без контроля каждого своего шага вражескими спутниками-шпионами? Посмотрите, что наши подводные лодки сделали с японцами в Тихом океане; посмотрите, что немецкие подводные лодки делали с нами в Атлантике. Но в 1960-х Вы не могли убедить морское руководство.

Как и у военно-морского флота, у военно-воздушных сил, как и у всей армии, также имелись различные защитники для различных целей. И когда там соперничают цели и стратегии, четко сформулированные самыми лучшими и самыми умными людьми, закончившими университеты, военные колледжи и курсы офицеров, существуют прагматичные люди, играющие друг с другом в большие игры ради больших призов: львиной долей военного бюджета. А в самом центре всего этого, в месте, где тратятся доллары, сидят разработчики оружия, которые работают на соответствующие подразделения вооруженных сил.

И это происходило прямо там, где я находился в первые дни 1961 года, вскоре после того, как Джон Ф. Кеннеди вступил в правление. Я только вернулся в Вашингтон с линии фронта, о

которой никто не думал как о реальной войне кроме нас, парней, которые там побывали. Во время настоящей войны, такой как в Корее, было легче. Ваша цель состоит в том, чтобы обойти другого парня, насколько сможете, убить столько его людей, сколько Вы сможете и вынудить его сдаться. У Вас есть очень прагматическая стратегия: Вы что-то пробуете и если это сработает, то Вы продолжаете это делать, пока оно не прекратит работать. Но на линии фронта в Германии, где бои велись только с помощью радиолокации, угроз и маневров, Вы должны были оценивать, сколько может быть убито солдат или сколько самолетов вы сможете сбить, если начнется реальная стрельба. А у американцев была холодная война, противостояние военных машин двух крупных супердержав, которые способны к моментальному уничтожению друг друга, или же умение почувствовать существенную слабость противника в способности принимать ответные меры.

Таким образом, Вы ежедневно играли в шахматы по всему миру во множестве различных военных кабинетов, где чтобы узнать кто победит, формулировались различные сценарии. Это была игра в числа и стратегии со многими вооруженными силами во всем мире, где битвы за победу и поражение проводились на компьютерах - очень изящно и точно. Но что знало очень небольшое число людей за пределами правительства, так это то, что Холодная война была настоящей Горячей войной, идущей с применением настоящих пуль и с реальными жертвами, но только никто не мог сделать шаг, чтобы согласиться с ней, потому что линии фронта проходили в самих правящих столицах стран. Я видел это своими глазами прямо здесь в Вашингтоне, где война продолжалась начиная с 1947 года.

Поэтому при участии заинтересованных сторон и напряженных отношений между различными бюро и службами Пентагона, я в течение первых двух недель изучил политику новой работы. С грузом рапортов, научных исследований, результатов медицинских вскрытий и технологических обломков из Розуэлла, которые находились у меня под замком, мое первое правило состояло в том, чтобы быть максимально осмотрительным, не привлекать к себе внимание. Я освоил этот навык, когда служил в штабе Макартура в Корее десятью годами ранее: Я должен был стать незаметным человечком. Если люди Вас не видят, то они не обращают на Вас внимание.

Именно так вы учитесь.

И в течение этих первых нескольких недель я много увидел и узнал о том, как за эти четырнадцать лет со дня катастрофы, начиная с активных обсуждений в Белом доме после того, как Эйзенхауэр стал президентом, назрело убеждение в изучении Розуэлла. Каждое из различных подразделений армии защищало свою собственную тайну Розуэлла - связанные с ним документы и активно стремилось собрать как можно больше нового материала из Розуэлла.

Конечно, у всех служб были свои собственные отчеты для ревизоров из Уолтера Рида и Бетесды относительно природы инопланетной физиологии. Мои были у меня в картотеке наряду со схемами. Также было довольно ясно, по способу, которым морские и военно-воздушные силы формулировали свои планы относительно современных военных технологий, что многие из моих инопланетных предметов, вероятно были и у других служб. Никто ими не хвастал, так как все хотели знать что есть у других парней. Но с тех пор, официально, никаких событий в Розуэлле не происходило и никаких технологий для развития не было.

С другой стороны, разведки различных служб бешено интересовались вооружением.

Никто не хотел остаться на втором месте на тихой, непризнанной гонке разработок инопланетных технологий, идущей в Пентагоне, так как каждая служба занималась своей версией секретного оружия из Розуэлла. Я не знал, что было у военно-воздушных сил или военно-морского флота и что, возможно, они развивали, следуя своим собственным документам из Розуэлла, но я предположил, что у каждой службы что-то было и они пытались узнать, что есть у меня. Это было хорошей работой для разведки. Если Вы знали о том, что было доставлено из Розуэлла, Вы держали уши открытыми для обрывков информации о разработках в других подразделениях вооруженных сил, о том, что выставлялось на бюджетные комитеты по финансированию или какие оборонные подрядчики разрабатывали определенные технологии для служб. Если Вы не находились в петле Розуэлла, но были слишком любопытны ради своей собственной пользы, то Вы могли потерять голову от фабрики циркулирующих слухов розуэлльской гонки, которая была воздвигнута конкурирующими в службах разработчиками оружия и раздувала только пыль, в которую превращаются коридоры, как только Вы поворачиваете за угол.

Были и реальные истории, которые, однако, никак не хотели уходить независимо от того, количества официальных утверждений, что это ложь. К примеру, я довольно быстро узнал о слухе об НЛО, который военно-воздушные силы, предположительно, держали на Авиационной базе Эдвардс в Калифорнии и проводили исследовании технологии космического корабля, особенно его двигателя на электромагнитных волнах. Были также слухи, циркулировавшие вокруг военно-воздушных сил о более ранних исследованиях технологий из Розуэлла по разработке бомбардировщика в виде летающего крыла, но я не знал насколько можно было им доверять. Армия начала разрабатывать летающее крыло сразу после Первой мировой войны и в том же самом году, после катастрофы в Розуэлле, компания Джека Нортропа начала испытательные полеты своей модели разведчика/ бомбардировщика в виде летающего крыла YB49. Четыре вертикальных киля YB49 так странно напоминали об основных чертах корабля из Розуэлла в наших документах, что было трудно не провести связи между космическим кораблем и бомбардировщиком. Но развитие самолета в форме летающего крыла началось более чем за десять лет до того, как я попал в подразделение Иностранных Технологий, поэтому у меня не было прямого доказательства, связывающего этот бомбардировщик с космическим кораблем.

Тем не менее Генерал Трюдо был прав, когда сказал, что люди в Пентагоне наблюдали за ВоенУИР, так как считали, что мы были на верном пути. Люди хотели знать, как работали Иностранные Технологии, а особенно экзотические вещи из нашего портфеля, только чтобы проверить, не дублируем ли мы траты бюджетных средств по два или три раза на те же самые вещи. Было много разговоров и давления Объединенного комитета начальников штабов на тему технологического разделения и совместной разработки оружия, но мой босс хотел, чтобы мы придержали то, что у нас есть, а особенно то, что он в шутку называл "инопланетным урожаем".

Так как другим военным службам недоставало глаз, мы также должны были спорить с аналитиками из Центрального разведывательного управления США. Под маской координации и сотрудничества, ЦРУ объединяло столько власти, сколько он могло. Информация - это власть и чем больше ЦРУ пыталось узнать о военной программе по разработке оружия, тем больше

это заставляло нас, сидящих в центре УИР, нервничать.

Вскоре после того, как я поступил на работу отдел Иностранный Технологий, мои знакомые в агентстве намекнули, что, если мне будут нужны данные разведки о развитии технологий в других странах, они бы могли помочь мне. Но рука руку моет и они намекнули, что если бы я дал им какие-либо подсказки о том, где находятся части "груза" или "контейнер", именно так в вооруженных силах говорили о предметах из Розуэлла, то они бы это высокого оценили. На третий раз, после того, как мои контактеры в ЦРУ прожужжали мне все уши предложением об обмене информацией, я сказал боссу, что наши друзья беспокоятся о том, что у нас есть.

"Вы дали мне ответственный пост, Генерал", - сказал я Трюдо, во время одного из наших утренних совещаний в конце первого месяца моей работы. Я все еще работал над стратегией для наших «сумасшедших документов» и к счастью, босс не давил на меня со своими рекомендациями. И она неотвратимо надвигалась. "Откуда ЦРУ известно, что у нас что-то есть?"

"Я думаю, что они предполагают", - сказал он. "И выясняют это методом исключения. Обратите внимание, все подозревают, что у военно-воздушных сил что-то есть".

Трюдо был прав. В банке слухов Пентагона, которым все пользовались и регулярно пополняли, военно-воздушные силы сидели на Святом Граале - самом космическом корабле и возможно, у них даже был живой инопланетянин. Никто точно не знал. Мы знали, что после того, как они стали отдельным подразделением вооруженных сил в 1948 году, военно-воздушные силы хранили некоторые экспонаты из Розуэлла в Райт Филд вблизи Дейтона, Огайо, потому что туда был отправлен "груз" после остановки в форте Рили. Но военно-воздушные силы прежде всего интересовались полетами, поэтому в УИР они сфокусировали работу над невидимостью своих самолетов перед радарами и превосходстве над Советами вне зависимости от того, откуда у нас эта технология.

"И…", - продолжал он, "я уверен, что парни из агентства хотели бы почитать документы Военно-морской разведки о Розуэлле, если они уже так не сделали".

С своей развитой технологией строительства подводных

лодок и подводных ракетоносцев, военно-морской флот боролся со своей собственной проблемой решая, что сделать с НПО - Неопознанными Подводными Объектами, как они их называли. Это беспокоило военно-морские круги, в особенности из-за того, что военная стратегия предусматривала планы длительной подводной войны в случае первого удара. Независимо от того, что летало кругами вокруг наших самолетов в 1950-х, уклонялось от радаров на наших совершенно секретных ракетных базах в Красном каньоне, что я наблюдал своими собственными глазами, оно могло погрузиться в океан, с легкостью переместиться туда, кудаему захочется и всплыть на другом конце земного шара, оставив после себя только всплеск, который мы можем зарегистрировать своими приборами. Построили ли эти НПО подводные базы на дне океана, куда не могут погрузиться наши лучшие субмарины, даже класса Лос-Анджелес, примерные наброски которых были еще только на чертежных досках? Это и должен был узнать начальник штаба ВМС, поэтому военно-морской флот был занят ведением своей собственной войны с внеземными кораблями в воздухе и на глубине.

Это выходило за пределы армии.

"Но они не знают точно, что у нас есть, Фил", - продолжил Трюдо. Он говорил постоянно. "И они надорвут свой живот, чтобы узнать это".

"Поэтому мы должны продолжать делать то, что мы делаем и не информировать их о том, что у нас есть, Генерал", - сказал я. "Я работаю над этим". И я работал. Даже при том, что я не был уверен в том, как мы это сделаем, я знал, что работа УИР не изменится просто от того, что у нас были свидетельства розуэлльской катастрофы.

Однако, мы собирались замаскировать свою работу по развитию технологий из Розуэлла, эта работа должна была вписываться в границы существующих методов работы, чтобы никто не заметил разницы. Мы работали в рамках обычного бюджета проектов развития обороны в 1960-х с миллиардным источником, большую часть которого направляли на анализ новых систем вооружения. Только в нашем в бюро велись контракты с крупнейшими национальными оборонными компаниями, с которыми мы поддерживали связь почти ежедневно. Множество проведенных исследований было направлено на улучшение существующего вооружения, на

основании полученных от разведки данных, о том, в чем наши противники пытались уязвить нас: более быстрые танки, более мощная артиллерия, лучшие вертолеты, улучшение вкуса сухих пайков.

В отделе Иностранных Технологий мы следили за тем, что производилось в других странах, у союзников и противников, и как мы могли это использовать для себя. Французы, итальянцы, западные немцы, у всех у них были свои собственные системы вооружения и направления развития, которые для наших стандартов казались экзотичными, но все же имели определенные преимущества. Русские обогнали нас в области жидкостных ракетных двигателей и пользовались более простыми и более эффективными разработками. Моя работа состояла в том, чтобы оценивать потенциал иностранной технологии и улучшать все, что мы могли улучшить. Я получал фотографии, проекты и спецификации иностранных систем вооружения, таких к примеру, как французские технологии вертолетостроения и передавал их в американские оборонные компании - Белл, Сикорский или Хьюз, чтобы посмотреть, сможем ли мы развить эти направления для себя. И это было прекрасное прикрытие для защиты технологий из Розуэлла, но мы все еще выясняли, что нам с ними сделать. Они не могли навсегда остаться в картотеке или на полке.

То, что мы почерпнули из катастрофы в Розуэлле и сумели придержать, вероятно было наиболее охраняемой военной тайной. Но пока это все было в зачатке. Вплоть до 1961 года у армии не было планов по использованию технологий, не раскрывая их природы или источника и не раскрывая единственной самой большой государственной тайны. В армии не было никаких специальных подразделений для управления розуэллльскими и другими аспектами встреч с НЛО, так как это все было в военно-воздушных силах, никто не вел публичного учета всего, что попало в армию из Розуэлла и следовательно, не было никакого механизма надзора. Вплоть до 1961 года, все шло по принципу «оторви, сколько сможешь», но теперь все должно было измениться. Генерал Трюдо искал великую схему игры до победы. Она началась с исследования истории о том, как все эти документы - полевые рапорты, информация о вскрытии, описания найденных после крушения предметов и сами розуэллльские технологии – попали в ВоенУИР.

К счастью для меня, вся история Розуэлла была пока еще неизвестна вне пределов самых высоких военных кругов в 1961

году.

Майор в отставке Джесси Марсель, офицер разведки 509-го, который был на месте крушения в июле 1947 года и который первым сообщил о космическом корабле, не будет ничего говорить публике по крайней мере в течение ближайших десяти лет. Все остальные связанные с инцидентом, либо уже умерли, либо поклялись навсегда замолчать.

Военно-воздушные силы, которые быстро все попрятали с целью перетянуть на себя управление делами Розуэлла, продолжающимися контактами с НЛО и их наблюдениями, все еще держали свои знания под грифом секретности в Команде Разведки Военно-воздушных сил и играли с ЦРУ в тяни-толкай для получения информации о наблюдениях и происходящих контактах с чем-либо внеземным. Они пока еще не являлись проблемой для меня, но все было еще впереди.

Мое исследование не касалось самих катастроф в Розуэлле, в Короне или в Сан Агустине - если эти катастрофы в действительности были в начале июля 1947 года, а следующего дня после Розуэлла, когда Билл Блэнчард из 509-го упаковал инопланетные обломки и отправил их в Форт Блисс, где штаб Генерала Роджера Рэйми определил их окончательное местоположение и начала разворачиваться официальная история событий по версии правительства.

В первые часы после прибытия груза в Техас было много суеты из-за того, что было найдено и что было не было найдено военными офицерами, отвечавшими за всю поисковую операцию, они быстро придумали прикрытие истории и план того, как заставить всех военных и гражданских свидетелей молчать об обломках. Прикрытие было простым. Генерал Рэйми приказал, чтобы Майор Джесси Марсель отказался от своей истории о "летающей тарелке" и сфотографировался с обломками от метеорологического зонда, который, как он сказал, и был обломками, обнаруженными поисковой командой за пределами Розуэлла. Марсель выполнил приказ и летающая тарелка официально стала метеорологическим зондом.

Молчание свидетелей из числа военных, также было получено достаточно легко с помощью спущенных генералом Рэйми приказов по всему 509-му и Форту Блиссу, требующих отрицать участие в любой операции, кроме как по возврату зонда.

Как только материалы покинули команду Рэйми и достигли Материальной части ВВС генерал-лейтенанта Натана П. Твининга в Райт Филд, все что надо было делать генералу Рэйми, так это отрицать то, что он уже отрицал, теперь они уже не были в зоне его ответственности. Теперь они принадлежали Генералу Твинингу, с чьего стола началась совершенно новая эра армейской путаницы с материалом из Розуэлла.

Генерал Рэйми рассматривал инцидент, как угрозу национальной безопасности и направил все силы, которые у него были на возврат материала для анализа и подавления любых провоцирующих панику слухов.

Поэтому, Рэйми использовал уже отправленный в 509-й персонал контрразведки и приказал, им внедриться в гражданское общество и вооруженные силы и использовать любые необходимые средства, чтобы подавить историю о катастрофе и обнаружении обломков. Нельзя допускать выхода наружу новостей, нельзя допускать никаких предположений и уже циркулирующая история о разбитой летающей тарелке должна закончиться.

К следующему утру 8 июля, операция по подавлению истории о катастрофе развернулась в полную силу. Армия успела выпустить новый пресс-релиз к тому времени, когда офицеры Корпуса контрразведки добрались до свидетелей и используя угрозы и откровенно предлагая деньги, вынудили их отказаться от своих заявлений о том, что они видели. Владелец ранчо Мак Брэзель, который сначала рассказал, что был там во время сбора обломков и описал эти странные обломки, исчез на два дня, а затем появился в городе в новом пикапе, отрицая, что он что-либо видел. Офицеры Корпуса контрразведки появлялись в жилых домах и спокойно разговаривали с родителями о том, что знали их дети. И не важно, что о произошедшем думали люди, военные сказали, что ничего не было и этого следует придерживаться.

"Вы этого не видели", - приказали они. "Здесь ничего не происходило. Повторите, что я сказал".

Глушение так хорошо работало, что в течение следующих тридцати лет казалось, что историю поглотила глухая пустота пустыни, где все стирается до полного единообразия. Но в противоположность тишине, кружившей по Розуэллу, на расстоянии в тысячи миль, часть американских войск была

поднята по тревоге из-за того, что обломки корабля прибыли в места своего назначения. Одним из таких мест назначения был центральный узел подразделения генерал-лейтенанта Натана Твининга в Райт Филд, откуда предметы из Розуэлла попадут в отдел Иностранных Технологий в Пентагоне.

Одной из самых главных военных команд, замешанных в развернувшихся вокруг Розуэлла событиях в начале июля, вероятно, была Материальная часть ВВС генерал-лейтенанта Твининга в Райт Филд, куда были отправлены обломки из Розуэлла. Натан Твининг стал важным человеком для исследователей НЛО из-за его связи со многими строго секретными встречами у Эйзенхауэра в Белом доме по проблемам национальной безопасности, на которых рассматривались исследования НЛО и его отношения к специальному помощнику по Национальной безопасности Роберту Катлеру, который связывал СНБ и президента Эйзенхауэра, когда я служил в штабе СНБ в 1950-х годах. Убеленный сединами генерал Твининг был ключевым человеком в первоначальных исследованиях и распространении связанных с Розуэллом материалов, частично из-за его способности управления жизненно важными Аэромобильными войсками в Райт Филд, он стал частью специально собранной президентом Трумэном группы главных военных и гражданских официальных лиц, в качестве советников по изучению Розуэлла и его значения для национальной безопасности.

Генералу Твинингу поручили поездку на Западное побережье в начале июля 1947 года, но он отменил поездку и оставался в Нью-Мексико на армейской авиабазе в Аламогордо по крайней мере до 10 июля. Аламогордо был важен не только из-за того, что это была национальная испытательная площадка для ядерного оружия в 1940-х и 1950-х годах, но также и потому, что это был также филиал самой Аэромобильной Команды, в которой изначально базировались специалисты по ракетостроению, такие как Вернер фон Браун и другие. Рядом находилась база управляемых ракет Уайт Сэндс, где были развернуты некоторые из наших самых передовых обнаруживающих и отслеживающих радаров. Это были чувствительные установки, особенно во время активности НЛО в течении той недели и совершенно логично, что сразу после сбора обломков НЛО, военный генерал, в чью ответственность входило управление поиском, провел локальное совещанием со своими ведущими учеными.

Хотя я никогда не видел реальных записей президента Трумэна относительно поездки генерала Твининга в Нью-Мексико, я слышал истории о секретных приказах, которые Трумэн дал генералу Твинингу, направляя его в Нью-Мексико, чтобы проверить сообщения о катастрофе и сообщить

непосредственно в Белый дому о том, что он обнаружит. Я полагаю, что это было первоначальный рапорт генерала Твининга президенту, в котором он подтвердил, что армия обнаружила нечто в пустыне и возможно, предложил сформировать консультативную группу для разработки стратегии в отношении обнаруженного. И помнится, в первые сорок восемь часов, никто в действительности не знал, что это было.

К тому времени, когда обломки Розуэлла были отправлены из Форта Блисс и достигли Райт Филд, генерал Твининг вернулся из Нью-Мексико в Райт Филд, чтобы посмотреть на анализ и оценку найденных в Розуэлле сокровищ. Твининг быстро вернулся в свой кабинет. Вскрытие инопланетных тел должно было проводиться в крайней секретности и космический корабль и проанализированное содержимое были каталогизированы и подготовлены к распространению среди различных служб в вооруженных силах. Так же как и всему остальному, касающемуся катастрофы, всему был дан самый высокий уровень секретности, подготовлены истории для более низких уровней секретности и чье влияние могло оказаться важным для операции прикрытия.

Официальная маскировка была так же важна для вооруженных сил в 1947 году, как и в 1961 году, когда я включился в работу. Это было важным, потому что, насколько к этому была причастна армия, 1947 год был все еще военным, холодная война, возможно, но все таки война, и истории о военной технике, настолько же ценные, как и материалы из Розуэлла, не могли быть раскрыты из опасения, что Советы этим воспользуются. Таким образом, с первого дня армия считала обнаружение обломков военной операцией, проводимой в театре военных действий в условиях сражения. Розуэлл стал военной разведкой.

Генерал Твининг видел подготовленные для него материалы и он даже, прежде чем вернуться в Райт Филд, посоветовался с учеными-ракетчиками, которые были частью его мозгового центра в Аламогордо. И потом, в последние месяцы лета он спокойно скомпилировал доклад, который представил президенту Трумэну, специальной группе военных, правительству и гражданским официальным лицам, которые в конечном счете стали бы главными влиятельными деятелями для того, что в будущем станет постоянным контактом с инопланетянами на последующие пятьдесят лет. И поскольку истории о катастрофе в Розуэлле и другие наблюдения НЛО вокруг американских военных баз

начали просачиваться сквозь цепочку управления вооруженными силами, Генерал Твининг должен был также подготовить более низкий канал секретности, через который он мог обмениваться информацией с другими, полностью не допущенными к верхушке командами.

Генерал Твининг продолжал сообщать о внеземном контакте более высоким чинам, которые хоть и не имели категории допуска, но тем не менее были своими людьми и обычно обращались за информацией к Аэромобильным войскам. Соответственно, Генерал Твининг должен был поддерживать квази-прикрытие даже внутри вооруженных сил.

Первый из этих докладов, датированный 23 сентября 1947 года, был передан от Генералом Твинингом командующему генералу Военно-воздушных сил в Вашингтоне. Предназначавшаяся бригадному генералу Джорджу Шулджену, записка Твининга, в самых общих терминах разведки Материальной части касалась темы "летающих дисков". Он сделал заметное число выводов, большинство которых, я также сделал, когда находился в Совете национальной безопасности Эйзенхауэра и с другой стороны, в Пентагоне я основывался на собственном опыте Твининга из первых рук, докладах о наблюдениях в Розуэлле и других докладах о наблюдениях, а также на самих, находящихся в вооруженных силах материалах.

Летающие тарелки или НЛО не иллюзии, говорит Твининг о наблюдениях странных объектов в небе " это что-то реальное, а не призрачное или поддельное." Даже при том, что он допускает возможность появления, в некоторых случаях наблюдений, метеоров или других природных явлений, он говорит, что рапорты основаны на реальных наблюдениях фактических объектов "примерно похожих на диски, при чем такого заметного размера, что выглядят достаточно большими по сравнению с земным самолетом".

Полагаю, что этот отчет не предназначался для общественного внимания, особенно в 1947 году, Твининг поразился техническими характеристикам летающих аппаратов и официально заявил о сделанных главных выводах об имевшемся у него материале, о том, что он слышал или прочитал. И когда он писал о чрезвычайной маневренности летающих аппаратов и замеченных за ними "уклончивых" действий или о дружественных "контактах" с самолетом и радаром, он полагал, что эти полеты

управлялись "вручную, автоматически или удаленно", он не только предположил управляемый полет, но и придал их уклончивым маневрам враждебный характер. Его характеристика поведения летающих аппаратов показала, даже спустя несколько недель после реального столкновения, что те офицеры вооруженных сил, которые сейчас запускают уже засекреченный проект по контакту с инопланетянами, рассматривают эти объекты и управляющих ими существ, как военную угрозу.

Он описал летающий аппарат по сообщениям наблюдателей: "светлая отражающая или металлическая поверхность", "отсутствие инверсных следов кроме тех немногих случаев, когда объект работал на большой мощности", "круглый или эллиптической формы, плоский снизу и куполообразный на верху", летают группами "от трех до девяти объектов" и совершенно беззвучно за исключением случаев, когда "был замечен сильный грохочущий рев". Он отметил для генерала Шулджена, что для самолетов того времени эти объекты очень быстро перемещались, свыше трехсот узлов в горизонтальном направлении.

Могли ли тогда Соединенные Штаты построить такой самолет, особенно с радиусом действия более семи тысяч миль, цена, заинтересованность, административное и производственное управление и утечка у существующих высокотехнологичных проектов потребовали бы независимости всего проекта или недосягаемости от обычной военной бюрократии. Другими словами, как я понял записку, Твининг предлагал командующему Военно-воздушных сил, которые через год станут отдельным подразделением вооруженных сил, попытаться использовать технологию, которая буквально залетела у ним в руки, это должно было делаться отдельно и независимо от любой нормальной программы разработки вооружения. Описания супер секретных проектов в авиабазе Неллис или Зоны 51 в пустыне Невада, как кажется, соответствуют профилю этого вида рекомендаций, которые сделал Генерал Твининг, особенно работа "Сканк Уоркс" в Локхиде при разработке истребителя Стелс и бомбардировщика B2.

При посещении базы в Нью-Мексико в первые часы после катастрофы, Твининг приказал Военно-воздушным силам молчать, генерал советовал своим боссам, что военные должны утверждать местное происхождение летающих дисков, "продукт проекта с высокой степенью секретности", уже развитого

Соединенными Штатами за пределами нормальных каналов, или развитого иностранной державой, у которой "есть разновидность движения, возможно ядерного, которое выходит за пределы наших познаний". В то же время запутывая прикрытие, которое избавляло его от петли при появлении информации о любом из этих летающих дисков, как первого, кто держал их в руках, Твининг пишет, что в этом случае "отсутствуют вещественные доказательства в виде обломков после катастрофы, которые бесспорно докажут существование этих объектов".

Но, даже тогда, когда Генерал Твининг написал об отсутствии каких-либо доказательств, он тем не менее, рекомендует своим начальникам вот что:

Главный штаб, Военно-воздушные силы выпускают директиву, назначающую приоритет, классификацию секретности и кодовое название для детального изучения этого вопроса, включая подготовку полных комплектов всех доступных и подходящих данных, которые затем будут сделаны доступными для армии, военно-морского флота, Комиссии по атомной энергии, Объединенному комитету по НИОКР, Научно-консультативной группе ВВС, Национальному консультативному комитету по воздухоплаванию, Американскому стратегическому исследовательскому центру и проектам Закона о политике в области окружающей среды для комментариев и рекомендаций, с предварительным отчетом, который будет отправлен в течение 15 дней после подготовки данных и подробным докладом каждые 30 дней по ходу расследования. Должен быть произведен полный обмен данными.

Это было важной частью директивы, по крайней мере для меня и моего исследования того, как армию заразила розуэллльская горячка, от которой зависело разглашение армией материалов и сопроводительных отчетов по Розуэллу, в течение всего нескольких месяцев после поступления материала в Райт Филд. Когда Генерал Твининг предложил своему командному составу ВВС, что все подразделения вооруженных сил, а также действующее правительство и гражданские комиссии, должны были поделиться этой информацией, распространение материалов шло уже полным ходом. Таким путем эта технология попала в руки ВоенУИР.

В конце, генерал обещал управлению ВВС, что Материальная часть ВВС продолжит исследование явления в рамках своих

собственных ресурсов, чтобы определить в дальнейшем его характер и будет распространять больше информации по каналам. Через три дня после директивы 26 сентября 1947 года, Генерал Твининг сделал доклад о катастрофе в Розуэлле и его значении для Соединенных Штатов президенту Трумэну и небольшому числу созванных им офицеров, чтобы начать управление этой сверхсекретной комбинацией расследования, полицейских дел и всему остальному. Эта рабочая группа включавшая в себя Адмирала Роскоу Х. Хилленкоеттера, Доктора Вэннивара Буша, Секретаря Джеймса Форрестола, Генерала Хойта Ванденберга, Доктора Детлева Бронка, Доктора Джерома Хунсакера, Сидни В. Соерса, Гордона Грэя, Доктора Дональда Мензеля, Генерала Роберта М. Монтегю, Доктора Ллойда В. Беркнера и самого Генерала Натана Твининга, стала ядром для продолжающейся уже пятьдесят лет операции, которую некоторые люди называют "Маджестик-12".

В Белом доме Эйзенхауэра их просто упоминали как "группу" и в дни после Розуэлла, они вошли в операцию так же гладко, как если бы Вы вплывали на своем новом Бьюике 1949 года с автоматической коробкой передач "Динафлоу" в движущийся поток и улетали вперед. Таким образом Генерал Твининг тщательно организовал полное прикрытие случившегося в Розуэлле, а также полномасштабную сверхсекретную операцию по исследованию и разработке, чтобы определить природу явления и оценить его военную угрозу Соединенным Штатам. Это было также изящно, как и эффективно.

Но план не ограничивался созданием рабочей группы - фактически, операция очень быстро развивалась в нечто намного более сложное, потому что "летающие диски генерала Твининга" просто так не улетят. Когда появилось больше информации о наблюдениях и столкновениях, которые сыпались через любой доступный канал от полицейских, опрашивающих всех напуганных сограждан, до пилотов авиакомпании, наблюдавших странные объекты в небе, группа поняла, что им была нужна стратегия в отношении того, как управлять тем, что превращалось в феномен масс медиа. Им был нужен механизм для обработки тысяч рапортов о летающих тарелках, которые могли быть чем-угодно, от реальной катастрофы или близкого столкновения, до нескольких пьяниц, подбрасывающих в воздух тарелку от пирога и щелкающих эту картинку на Кодак Брауни своей Тети Харриет. Группа также должна была оценить угрозу со стороны Советского Союза и стран Железного занавеса, предположив конечно, что

летающие тарелки не ограничивались Северной Америкой и собирали данные разведки об информации о летающих тарелках, которая также была и у наших союзников. И при этом еще надо было обрабатывать технологии из Розуэлла и выяснять, как это можно использовать. Таким образом из исходной группы развилась целая древовидная структура свободно объединенных комитетов и подгрупп, иногда таких организаций как Проект ВВС «Синяя книга», все были разделены административными барьерами так, чтобы не случилось утечки информации, но всеми при этом управляли сверху.

С благополучно прикрытых первоначальных и текущих событий можно было начать реализовывать относительно долгосрочный планы по перепроектированию розуэлльских технологий. Но кто бы это сделал? Где должен находиться материал? И как могла сделанная военными маскировка остаться в тайне на фоне толчка в развитии нового вида вооружения, соревнования с Советами и охватившей страну в конце 1940-х годов мании в летающих тарелок? Относительно этого у Генерала Твининга также был план. Только спустя немногим более года после первой встречи группы в Белом доме, Разведка ВВС, когда военно-воздушные силы стали отдельной службой, в декабре 1948 года выпустила доклад № 100-203-79 под названием "Анализ Инцидентов с Летающими Объектами в США", в котором НЛО относятся не к инопланетным объектам, а к элементам "иностранной технологии", которые фактически и являются предметом доклада. Доклад, безвредный для большинства людей, так как в нем не сообщалось о прилетевших из космоса летающих тарелках, фактически был одним из первых индикаторов, продемонстрировавших, как будет работать план по маскировке в последующие годы.

Авторы доклада определили в пределах существующей военной административной структуры точное место, в котором все научные исследования явлений летающих дисков могли проводиться не только под завесой секретности, но и без лишних глаз: отдел Иностранных Технологий. В этом месте можно было накапливать и безопасного хранить материалы, пока цвет армии и военно-воздушных сил решал, что из существующих промышленных и исследовательских технологий можно привлечь. Возможно ли сделать из него оружие, секретные эксперименты без огласки и что самое главное, дискуссии от том, как Соединенные Штаты могли использовать эту волшебную техническую информацию, все это предполагалось делать внутри

структуры. Просто не надо называть их внеземными; назовите их "иностранной технологией" и бросьте в воронку вместе с остальным материалом, с которым собирались работать офицеры иностранных технологий.

И таким образом двенадцать лет спустя, сложенные в старую картотеку под замок технологии из Розуэлла, закатились с помощью двух невероятно огромных военных в мой новый кабинет в Пентагоне.

ГЛАВА 5

Пока генерал Твининг летал туда и обратно из Огайо в Нью-Мексико, на другом конце мира в Москве, Генеральный секретарь Иосиф Сталин был разъярен операцией прикрытия. С раскрасневшимся лицом и даже не скрывая свой гнев, который извергался из него, как из вулкана, Сталин взял копию Дейли Рекорд за вторник 8 июля 1947 года и кинул ее в центр стола для всех ученых, присутствующих в кабинете, кто знал английский. Сталину не нужно было читать газету, потому что агенты НКВД в Аламогордо сообщили на прошлой неделе: что поисковая команда армии США обнаружила разбитый инопланетный космический корабль в пустыне Нью-Мексико и уже исследовала ценную технологию.

Поначалу, когда руководители советской разведки получили рапорты своих агентов на американских базах, они были более, чем скептичны. Они полагали, что истории были выдуманными, ложной информацией, чтобы выявить советских шпионов, подозреваемых американцами в проникновении в их самые секретные базы. Если бы советское правительство среагировало на дезинформацию, то американские контрразведчики смогли бы определить источник информации и изолировать шпионов. Но когда газеты начали сообщать о катастрофе, а затем ее скрыли за историей о метеозондах, Советы поняли, что они столкнулись с реальным событием. И так как это было правдой, то Сталин объявил группе, что фактически американцы получили в распоряжение собственную летающую тарелку. И теперь, спрашивал он, что они с ней сделают?

На встрече был один из главных проектировщиков советской программы по строительству ракет на жидком топливе. Он, как и многие советские инженеры, которые были знакомы с секретными документами о немецком оружии конца войны, точно знал на

каком этапе должны были находиться американцы со своей программой строительства управляемой ракеты. Всю необходимую информацию, которую он по мнению руководителей Кремля должен был знать, он получал в виде сообщений от засланных агентов. Но ничего, ничего в информации о ракетах "Фау-2" запускаемых в Уайт Сэндс, ничего в информации о новых отслеживающих радарах в Аламогордо, не давало советским ученым-ракетчикам повода подозревать, что американцы были даже на йоту впереди них в области строительства управляемых ракет, пока он не услышал о катастрофе в Розуэлле.

Обе, и российские и американские ракетные программы базировались почти полностью на останках от немецких работ над оружием, которые Союзники делили еще перед окончанием войны. Я был непосредственным участником этого и как часть секретной операции под названием "Скрепка", которая началась в 1944 году, прятал немецких военных ученых в Италии после того, как мы заняли Рим. Вместе с проектировщиками "Фау-2", Вернером фон Брауном, Вилли Ли и другими участвующими в экспериментах с немецкими ракетами, которых мы отправили в Соединенные Штаты, армия успешно адаптировала большую часть немецкого высокотехнологичного оружия и продолжала эксперименты в Нью-Мексико. Советы также получили свою долю немецкой технологии через своих разведчиков и местные ячейки коммунистической партии в оккупированных странах.

И что же это была за технология. Немцы разработали реактивный самолет с серповидным крылом, реактивные "Мессершмиты", которые делали наши "P51", как будто они стояли на месте и подводная лодка с ракетами "Фау-1"/"Фау-2", которую немцы могли скрытно отправить к американской части Восточного побережья и может даже разбомбить сильно загруженный деловой Вашингтон в течение нескольких часов. Все, что им было нужно, так это время, чтобы развернуть свое оружие и поставить подводные лодки в боевое положении. Это было их стратегией к концу 1944 года, когда они развернулись и контратаковали через Бельгию в самый разгар зимы, придавив нас в Арденнах. Сломав наше продвижение, взорвав нас с воздуха с помощью своих новых самолетов, разбомбив северо американские города и выведя Великобританию из войны. Может со своим новым оружием они смогли бы остановить нас и выиграть мучительное перемирие. И американцы и Советы хотели добраться до этого немецкого оружия, особенно до "Фау-2".

Сталину, имевшему преимущество в немецком вооружении после войны, не надо было об этом сильно волноваться. Обе стороны были примерно равны. Но падение летающей тарелки было другим разговором и означало, что мгновенно, Соединенные Штаты получили огромное преимущество в гонке вооружения холодной войны, которая началась сразу после того, как немцы капитулировали. Чему бы это могло поспособствовать? Задался вопросомроссийский инженер, работающий с жидким топливом. Что американцы смогли получить из этой катастрофы?

Советские агенты сообщали, что жители Розуэлла говорили о маленьких существах на месте крушения и серповидный самолет, который военные далеко увезли на грузовиках, но истории быстро подавила военная контрразведка. Таким образом, любая реальная деятельность по разведке того, что могли развивать американцы, должна была исходить от советских агентов, глубоко засевших в американском правительстве. Сталин бы так приказал. И будто бы активированные невидимой кнопкой, шпионы из одной из самых эффективных и безжалостных разведывательных машин в мире, начали концентрировать свое внимание на американских военных базах, связанных с исследованиями Розуэлла и ключевом американском военном и гражданском персонале, который, как было известно русским, будет к этому подключен.

Американцы в 1947 году возможно и не были самыми успешными в ловле шпионов, но военная контрразведка была поднята по тревоге даже раньше, чем Советы узнали об обнаружении летающей тарелки. В течение лета 1947 года, начиная с центральной точки в цепи секретных баз в Нью-Мексико, агенты корпуса контрразведки опросили всех, кто казался им интересующимся информацией о событиях в Розуэлле. Если Вы задаете слишком много вопросов, то в Вашу дверь постучатся двое следователей в штатском, которым не нужен был ордер на обыск, чтобы покопаться в Ваших вещах. Возможно, что армия и была немного фанатична в своих методах допроса, но к началу августа стали появляться результаты. К этому времени генерал Твининг писал свой рапорт в командование ВВС в Вашингтоне, а командующие военной и морской разведкой знали, что у Советов проводилась сверхсекретная операция на военных базах по всей стране.

Советские агенты были повсюду. Директор Центральный

группы Разведки Адмирал Роскоу Хилленкоттер, как член консультативной группы президента Трумэна по НЛО, информировал президента. Он рекомендовал немедленно начать нисходящую контрразведывательную операцию или военным пришлось бы оценивать каждый свой план, чтобы понимать, какие из розуэлльских материалов будут скомпрометированы. Были миллионы вопросов. Были ли эти летающие объекты прелюдией чего-то масштабного? Общались ли они с Советами? Были ли они союзниками Советов? Исследовали ли они нашу обороноспособность для вторжения на планету? Мы уже допустили, что поведение этих самолетов было враждебным, но что они хотели? Между тем из полиции и через местные газеты приходили и другие сообщения о наблюдениях гражданскими лицами за летающими тарелками. Даже пилоты авиакомпании видели треугольные огни. Не было достаточно времени, чтобы как-то действовать. Если бы маскировка не была тщательно подготовлена, то большая тайна о летающих тарелках должна была обязательно выплеснуться и вызвать невыразимую панику среди гражданского населения. И что хуже, нам надо было держать Советы подальше от всего этого, пока мы не узнаем, что у нас есть. Нам был нужен план, и немедленно.

Некоторые сказали, что это была идея министра обороны Джеймса Форрестола. Другие сказали, что вся схема принадлежала директору Центральной Разведки Хилленкоттеру. Я, откровенно говоря, не знал кто был первым, потому что, когда план созрел, я до конца лета потел в форте Рили, все еще пытаясь вытряхнуть из головы воспоминания о плавающем в контейнере с омерзительным внеземном существом. Но по словам людей из Штаба по вопросам национальной безопасности Эйзенхауэра, с которыми я работал шесть лет спустя, кто бы ни сказал это первым, он сказал очевидное. Возможно это был Форрестол, который в конце концов, был единственным человеком в кабинете, кто мог сказать это Трумэну без обиняков, что всего чуть больше двух лет после того, как он унаследовал кабинет ФДР, он уже был очень непопулярным президентом

"Дело обстоит так", - я услышал, как президент Трумэн заговорил. "Мы находимся в реальном затруднении. Нейт Твининг говорит, что не знает, черт возьми, что это за штука, за исключением того, что, попади она в руки Советов, она точно изменит облик грядущего".

"Парни, вы собираетесь написать мне какой-нибудь доклад?"

– спросил президент.

"Генерал Твининг говорит, что он предпочел бы сделать это в виде брифинга, сэр, в настоящее время", - предложил адмирал Хилленкоттер.

"Только между нами. Кроме того, у нас должна быть рабочая группа исследователей, чтобы управлять всей этой проблемой".

Возможно рабочая группа, как бы ее не называли, придумала бы доклад с анализом ситуации, как только бы они изучили спрятанное под замком генералом Твинингом в Райт Филд, но никто не хотел спекулировать пока не узнает, что там было.

"Возможно Вам надо сначала пообщаться с генералом Твинингом", - предположили Форрестал и Хилленкоттер. Они знали, что Гарри Трумэну нравилось получать рапорты от людей, которые видели ситуацию своими собственными глазами. ФДР был с коллективом и знал, как обращаться с рапортами. Он доверял своим подчиненным. Но Трумэн был другим. Он знал, как управлять галантерейным магазином; если бы шляпа не подошла, то он отправился бы на фабрику, чтобы узнать почему. То же самое было с генералом Твинингом, который сам побывал на местах крушения. Если Трумэну нужны были ответы, он должен был смотреть глазами того человека, который там побывал.

"Он знает, что этим сукиным сынам нужно?" - спросил Трумэн, имея в виду инопланетян в разбитом блюдце.

"Этот вопрос мы хотим сами задать", - сказали они.

"Как вы планируете это сделать?"

Форрестол и Хилленкоттер объяснили, что президент должен выслушать генерала Твининга и затем созвать группу из военных, гражданских и разведчиков с крепкими узами доверия друг к другу. При чем любые вынесенные ими решения не должны фиксироваться где-либо чтобы не было риска утечки информации и попадания ее к Советам. "Мы не хотим чтобы что либо из этого попало в руки газетчиков или журналистов", - сказали они президенту.

"Винчелл замучает меня, если узнает о том, что мы сделали",

- сказал Трумэн на той встрече. Никто из знакомых так не нравился президенту Трумэну и он высоко ценил это.

"Это похоже на проект Манхеттен, господин президент", - напомнил ему адмирал Хилленкоттер. "Это была война. Мы должны были молчать. Это тоже война. Все так же."

Затем они объяснили, что после созыва рабочей группы, они поставят задачу по исследованию технологий, удалив ее подальше от советской машины по шпионажу, уже полностью проникшей в правительство.

"Мы спрячем ее даже от правительства", - объяснил секретарь.

"Создадим специально для этого совершенно новый уровень секретности", - сказал директор ЦРУ. "Разглашая любую информацию, даже между нами, мы сделаем так, чтобы у получающих информацию людей не было категории допуска, которая позволила бы им продвинуться дальше. Единственный способ скрыть это от русских - скрыть от нас самих".

Но президент все еще думал о трудностях удержания информации об операции подальше от журналистов, особенно когда летающие тарелки стали одной из самых горячих обсуждаемых тем. Что он должен был отвечать, когда людизадают вопросы правительству про историио летающих тарелках с акцентом на детали, которые надо было еще доказать. Как они могли исследовать этих странных существ, без исходящей наружу информации? И как они могли проанализировать все богатство описанного Хилленкоттером физического материала без привлечения людей из правительства? Президент Трумэн просто не знал, как правительство могло работать с этим в пределах идеи правительственной маскировки, без выхода ситуации из-под контроля. Несмотря на гарантии Форрестела, президент продолжил сомневаться.

"И есть конечная точка", - сказал Трумэн, адресуя это директору ЦРУ и Министру обороны. Это был настолько важный вопрос, что его очевидная наивность противоречила маячившей на горизонте зловещей угрозе. "Мы когда-нибудь расскажем американскому народу, что случилось в действительности?" Наступила тишина.

Не спрашивайте меня откуда я знаю. Мой старый друг и враг

из КГБ не стал бы мне рассказывать, как он узнал, а я не стал бы нажимать на него. Но примите это как факт от единственно верного источника, от которого я узнал, что ни министр обороны, ни директор разведки не считали подобное раскрытие даже в отдаленной перспективе.

"Хорошо", - сказал президент Трумэн. "Мы это сделаем?"

7 ноября 1944 года, в день, когда ФДР был избран на свой четвертый и заключительный срок, его главный советник Гарри Хопкинс описал нового вице-президента Гарри Трумэна, как человека, который не мог занять высокий пост, но которого нельзя недооценивать. И Джеймс Форрестэл, человек, с которым он тогда общался, сразу понял, что он имеет в виду, поскольку секретарь сидел напротив нынешнего президента Гарри Трумэна.

Это было основным вопросом, и хотя у Форрестела и Хилленкоттера был рефлективный ответ "нет", Форрестел быстро заметил, что он дался им нелегко. Для военных руководителей их первый ответ, естественно, был отрицательным, в соответствии со старым правилом, что если люди что-то не знают, то они и не должны это знать. Но президент Трумэн, пришедший не из военного окружения, видел то, что ни Форрестел, ни Хилленкоттер не видели. Если эти корабли могли уклоняться от наших радаров и приземляться в любом месте по желанию, то что мешало им приземлиться перед Белым домом или также перед Кремлем? Это же не ВВС США.

"И что мы скажем, когда они приземлятся", - продолжал Трумэн, "'это спровоцирует гораздо больше паники на улицах, чем если бы мы раскрыли то, что как мы считаем, мы теперь знаем?"

"Но мы действительно ничего не знаем", - сказал директор разведки. "И не будем ничего знать, пока не проанализируем то, что собрано".

Но оба, и министр обороны и директор разведки согласились с президентом Трумэном, что он был прав в своем скептицизме, особенно о финальной точке раскрытия информации.

"Таким образом, можем мы отложить принятие любых окончательных решений, по крайней мере, пока Вы не встретитесь с генералом Твинингом?" - спросил Адмирал Хилленкоттер. "Я думаю, что он даст некоторые ответы на наши

вопросы".

Пока адмирал Роскоу Хилленкоттер и Джеймс Форрестэл информировали президента Трумэна относительно их плана по рабочей группе, генерал Натан П. Твининг заканчивал свой предварительный анализ докладов и отправленного в Райт Филд материала. Почти сразу же он отправил останки инопланетян в Военно-морской госпиталь в Бетесде и Армейский госпиталь Уолтера Рида для дальнейшего анализа в этих двух военных службах. Сам корабль остался в Райт Филд, но как обещалось в записке для командования ВВС, генерал Твининг готовился распределять собранный после крушения материал среди различных военных и гражданских бюро для дальнейшей оценки.

Адмирал Хилленкоттер уже его предостерег, что относительно розуэллльского пакета документов будут введены новые уровни секретности. Ни у кого в вооруженных силах кроме названных самим президентом имен, не было полной категории допуска для возможности изучения полной истории Розуэлла, подготовленной Твинингом для президента и других членов рабочей группы.

Через три месяца после поездки в Нью-Мексико, для изучения произошедшего в Розуэлле, генерал Твининг встретился с президентом Трумэном, как предлагали Хилленкоттер и Форрестэл и четко объяснил, что по его мнению необходимо сделать, чтобы армия разобралась со своими проблемами. То, что он описал Президенту, было почти за пределами понимания, ничего из добытого не было произведено на нашей планете. Если русские и работали с чем-то похожим то, это было настолько секретным, что даже их собственные военные начальники ничего об этом не знали и Соединенные Штаты должны будут организовать программу по работе с последствиями катастрофы только ради обороны. Таким образом, по мнению Твининга о том, что они обнаружили вблизи Розуэлла, это было "не с этой планеты".

Президент Трумэн услышал его, он сказал Форрестэлу, после того, как Твининг улетел в Огайо, "прямо из первых уст" и это его убедило. Это было больше Манхэттенского проекта и требовало управления в более крупном масштабе и очевидно в течение более длинного периода времени. Группа, предложенная Форрестэлом и Хилленкоттером, должна была ознакомиться с чем они действительно имеют дело и как долго это продлится.

Пытались ли они просто удержать в секрете - что в Розуэлле разбился внеземной космический корабль - или скрывали то, что скоро станет самым большим в истории военным предприятием УИР, управлением отношениями Америки с инопланетянами?

Генерал Твининг пояснил в своем предварительном анализе, что они исследовали все появления летающих дисков, включая Розуэлл и любое другое появление, которое имело место. Они были враждебными существами, сказал генерал и если бы они имели мирные цели, то не избегали бы контакта, уклоняясь каждый раз, когда они проникали в наше воздушное пространство и наблюдали за нашими самыми секретными военными базами. Их технологии значительно превышали наши и мы должны были изучить и использовать их в случае, если они стали бы более агрессивными. Если бы нас втянули в войну в космосе, то нам следовало бы лучше понимать природу врага, особенно если дело зашло до прямого столкновения американцев с врагом лицом к лицу. Поэтому он предложил сначала заняться исследованиями, но при этом готовиться к дню, когда придется обо всем рассказать.

Это Трумэн мог понять. Он доверял Твинингу управлять этим потенциальным кризисом с момента, когда Форрестел сообщил ему о случившейся катастрофе. И Твининг провел блестящую работу. Он положил конец истории и вернул все, что мог под одну крышу. Он понял, что Твининг описывал ему странности космического корабля, у которого, казалось, не было двигателей, не было топлива, ни каких-либо других очевидных методов ускорения, однако он летал быстрее наших самых быстрых истребителей; странных, похожих на детей существ, которые находились внутри и как один из них был убит выстрелом; как можно было видеть дневной свет через внутреннюю часть корабля даже при том, что солнце еще не взошло; образцы металлической ткани, которую они не смогли ни сжечь, ни расплавить; тонкие лучи света, которых не было видно, пока они не попадали на объект и затем прожигали него насквозь, и так далее; больше вопросов, чем ответов. Потребуются годы, чтобы найти эти ответы, сказал Твининг и у нашей армии нет возможности сил делать с этим что-либо. Потребуется много человеческих сил, сказал генерал, и большая часть работы должна будет делаться в тайне.

Генерал Твининг показал фотографии этих инопланетных существ и результаты вскрытия, в которых предполагалось, что

они были человеческими; они должны были быть связанными с нашими видами в некотором роде. Очевидно, что они были умны и умели общаться, непосредственные свидетели сообщали о своего рода направлении мысли, отличающейся от любой психической телепатии, которую Вы можете увидеть на карнавалах. Мы не знали, прибыли ли они с такой планеты, как Марс из нашей солнечной системы или из другой галактики, которую мы могли увидеть только с помощью самых сильных телескопов. Но у них были военные технологии, аспекты которой мы могли бы понять и использовать, даже если только для обороны от Советов. И изучив то, что было у инопланетян, мы могли бы суметь построить систему обороны даже от них.

По крайней мере, Твининг сказал, что серповидный корабль выглядел достаточно некомфортабельным, как немецкие крылья Хортена, которые наши летчики наблюдали в конце войны, поэтому он подозревал, что немцы столкнулись с чем-то, чего мы не знали. И его разговоры с Вернером фон Брауном и Вилли Ли в Аламогордо сразу после катастрофы подтвердили это. Они не хотели об этом думать, но сообщили, что у спроектированного немцами была более глубокая история. Нет, совпадение крыла Хортена и тарелки, найденной в арройо, было не случайным. Мы всегда задавались вопросом, как немцы смогли внедрить такую передовую технологию в производство оружия в настолько короткое время, да еще и во время Великой Депрессии. Им помогли? Возможно, что теперь нам тоже повезло, как и немцам и мы оторвали себе часть этой технологии. Мы никогда не видели прежде такой скорости и маневренности, эта тарелка заставит американских авиаинженеров напряженно трудиться в течение многих лет, просто объединяя все, что они видели в непосредственные разработки.

Проблема безопасности была главной, но Президент ему напомнил, что были и вопросы разоблачения. Эта вещь была слишком большой для того, чтобы скрыться и разрастается пока репортеры держат но по ветру. Таким образом, просто ее более высокая секретность и угрозы всем, кто подошел слишком близко, не были достаточно эффективными, чтобы скрыть эту тайну. Вы не можете предотвратить утечки, и в конечном счете, так или иначе, все должно будет выйти наружу. Президент посоветовал генералу Твинингу подумать об этом, прежде чем группа примет какие-либо окончательные решения. К середине сентября это было очевидно каждому члену рабочей группы президента Трумэна, которая включала в себя следующих:

Директора ЦРУ Адмирала Роскоу Хилленкоттера, Министра обороны Джеймса Форрестэла, Генерал-лейтенанта ВВС и затем командующего Воздушной Командой Материальной части ВВС США Натана Твининга, Профессора Дональда Мензеля, Астронома из Гарварда и эксперта по криптографии военно-морской разведки Вэнневэра Буша, Председателя совместного научно-исследовательского совета Детлева Бронка, Председателя Национального исследовательского совета и биолога, назначенного впоследствии в Национальный консультативный Комитет по Аэронавтике Генерала, одноклассника генерала Твининга в Уэст-Пойнте, Робера Монтегю, Командира Форта Блисс с операционным контролем команды в Уайт Сендс Гордона Грэя, Секретаря президента Трумэна по военным делам и председателя совета по психологической стратегии ЦРУ Сидни Соуерса, Директора совета национальной безопасности генерала Хойта Ванденберга, Директора Центральной разведывательно группы, предшественника Роскоу Хилленкоттера и затем начальника штаба ВВС США в 1948 году Джерома Хунсэкера, Авиаинженера и директора Национального Консультативного комитета по вопросам Аэронавтики, члена Совместного Научно-исследовательского Совета Ллойда Бернера.

Если бы эта группа не приняла долгосрочного плана относительно защиты и развития проекта Розуэлла, то тайны скоро бы просочились.

Я понимаю, что генерал Твининг был первым, кто указал группе на то, что история уже фактически просочилась. Она утекает, сказал он, спустя несколько часов после катастрофы и затем отрекся от нее. Фактически, в Нью-Мексико продолжали говорить об этом, но после истории с военным метеозондом, центральные газеты относились к сообщениям людей о летающих дисках, как к заблуждениям после просмотра слишком большого количества фильмов Бака Роджерса. Центральная пресса уже выполняла работу комитета.

Твининг предложил то, что было действительно необходимо, методику сбора информации о продолжающейся деятельности НЛО - особенно о падениях, наблюдениях пилотами или вооруженными силами с высокой правдоподобностью или настоящими физическими контактами с людьми - и тайной фильтрацией этой информации группой, пока придумывается практические объяснения, которые превратили бы неопознанные

летающие диски в абсолютно идентифицируемые и объяснимые явления.

Под прикрытием объяснения всей деятельности летающих дисков, у соответствующих агентств, представленных членами рабочей группы, была свобода в исследовании реальных явлений летающих дисков, когда они сочтут это необходимым.

Но вместе со всем этим, Твининг подчеркнул, что должен быть способ полностью обеспечивающий отрицание явления летающих дисков, фактически готовящий общественность к раскрытию, постепенно уменьшая их чувствительность к потенциальной опасности противостояния более сильному биологическому виду из другого мира. Пусть так будет, предложил генерал Твининг, самое большое прикрытие и одновременно самая лучшая из когда либо существовавших, программа по связям с общественностью.

Группа согласилась, что эти необходимые действия должны быть предприняты. Они сформировали не что иное, как правительство внутри правительства, поддерживающих от администрации до президента независимо от любой политической партии у власти, и безжалостно охраняющих свою тайну, оценивая каждую полученную новую информацию о летающих тарелках. Но в то же время, они позволили бы раскрыть часть самой неправдоподобной информации, верной или нет, потому что это поможет создать общественный климат, который мог бы принять существование внеземной жизни без паники.

"Это сработает", - сказал генерал Твининг, "это тот случай, когда прикрытие информации — это ее раскрытие, а раскрытие информации - это ее прикрытие. Отрицайте все, но позвольте общественным настроениям взять свой курс. Позвольте скептицизму поработать за нас, пока правда не станет общим мнением."

Между тем группа согласилась организовать проект по сбору информации, в итоге названный "Синяя книга" и открыто управляемый военно-воздушными силами, которые будут служить для целей связи с общественностью, позволяя людям передавать свои наблюдения летающих дисков. В то время как старшие офицеры Синей книги приписывали сообщениям и наблюдениям банальные объяснения, весь проект был механизмом для получения, оценки и исследований фотографических отчетов о

деятельности летающих тарелок. Самые интригующие наблюдения, у которых была самая высокая вероятность того, что это действительно были неопознанные объекты, передавались наверх в рабочую группу для распространения между уполномоченными проводить исследования агентствами. Для моей работы, когда я пришел в Пентагон, общая категория всего исследования и оценки явления летающих дисков, упоминалась просто как "иностранная технология".

ГЛАВА 6

Как я когда то услышал, стратегия - это древний способ сохранить тайны. Группа людей пыталась защитить свои самые глубокие тайны от остальной части мира. Они взяли свои тайны и скрыли их в лачуге, чье местоположение было тайной. Но секретное местоположение вскоре было обнаружено, а в нем была тайна, которую скрывала группа. Но прежде чем раскрылись все секреты, люди быстро построили еще одну лачугу, где они хранили тайны, которые все еще удерживали между собой. Скоро и вторая лачуга была обнаружена и группа поняла, что они должны открыть некоторые тайны, чтобы защитить остальные. Таким образом, они снова стали строить третью лачугу и защищать всякие тайны, которые только могли. Этот процесс повторился много раз, до тех пор, пока любой желающий узнать тайны от первой лачуги до последней, не зайдет туда, откуда уже никуда не может пойти, потому что не знает местоположение следующей лачуги. В течение пятидесяти лет таким-же образом защищались тайны Розуэлла, путями различных последовательных воплощений специальной организации сверхсекретных рабочих групп во всех подразделениях правительства, что происходит и по сей день.

Где бы Вы не искали какой-нибудь правительственный документ, чтобы добраться до рассекреченных тайн Розуэлла и контакта, который мы поддерживали с инопланетянами, навещавших нас прежде и до сих пор, Вы бы находили засекреченные проекты один за другим и каждый со своим собственным делом, уровнем секретности, под военным или государственным контролем, механизмом надзора, некоторым видом бюджета, и даже с набором совершенно секретных документов. Все эти проекты были начаты, чтобы достигнуть того же результата: управления нашими длительными отношениями с инопланетными посетителями, которых мы обнаружили в Розуэлле. Однако если на каждом уровне по любой причине была

бы нарушена секретность - даже дизайном - часть тайны была бы раскрыта посредством рассекречивания, в то время как остальные втянули бы в новый секретный проект или переместили бы в существующий, который не стоял под угрозой.

У этого есть прекрасный смысл, особенно для тех из нас, кто понимает, что правительство не является монолитной неподвижной гранитной глыбой без какой-либо реакции. Для нас в вооруженных силах/государственном аппарате правительство динамичное, быстро реагирующее и даже превентивное, когда дело доходит до создания способов защиты его наиболее близко удерживаемых тайн. В течение всего периода времени после Розуэлла мы не были на расстоянии шага до желающих знать, что там произошло, мы были впереди на сто, тысячи или даже больше шагов. Фактически, мы никогда не скрывали правду ни от кого, мы просто замаскировали ее. Она всегда была рядом, люди просто не знали, что искать или признавать это, когда находили. И они находили это множество раз.

Проект "Синяя книга" был создан, чтобы осчастливить широкую публику механизмом для передачи своих наблюдений. Проекты "Недовольство" и "Знак" имели более высокий уровень секретности, чтобы дать вооруженным силам возможность обрабатывать наблюдения и сообщения о контактах, которые нельзя было с легкостью объяснить воздушными шарами, гусями или планетой Венера. У "Синей Мухи" и "Мерцания" были другие цели, также, как и множество других камуфляжных проектов, таких как "Горизонт", ХАРП, "Радуга" и даже СОИ, все имели некоторое отношение к инопланетной технологии. Но никто этого никогда не знал.

И когда репортерам передали правдивые описания инопланетных контактов, они или попадали от смеха на пол или продали историю таблоидам, которые нарисовали большеголового инопланетянина, с миндалевидными глазами и шестью пальцами. И снова все смеялись. Но это действительно похоже на то, что я видел тогда в Райт Филд.

Между тем, каждый новый создаваемый и управляемый проект, был еще одной хлебной крошкой для каждого, кто любит искать тайны, для них мы постепенно выпускали остатки известной им информации. Летающие тарелки сделали настоящую шумиху. Вашингтон, округ Колумбия, в 1952 году, здесь есть множество фотографий и показаний радаров, чтобы

доказать это. Но мы это отрицали, поощряя писателей-фантастов делать такие фильмы, как "Пришелец с планеты X", чтобы спустить часть давления относительно правды о летающих дисках.

Это было названо маскировкой посредством ограниченного раскрытия и это работало. Если люди могли наслаждаться этим, как развлечением, пугаться должным образом и нигде не преследовать следы того, что внушила рабочая группа, то они с меньшей вероятностью наткнутся на то, что мы действительно делали. А что мы действительно делали?

Как предложил в своем докладе генерал ВВС Твининг, "иностранная технология" была категорией, которой надо было делегировать исследование в области инопланетных экспонатов из Розуэлла. Иностранная технология была одним из больших универсальных терминов, охватывающая все, от исследования разработок французских военно-воздушных сил лопастей вертолетных винтов, до захваченных российских "Мигов", которыми управляли опытные пилоты из Кубы, и которые могли проникать сквозь наш южный радарный периметр лучше, чем наши собственные пилоты. И так, а что если несколько частей обломков странного серповидного летающего крыла, лежат в старой картотеке где-нибудь в документах армейских Иностранных технологий? Если никто не спрашивал об этом - и никто этого не сделал, потому что иностранная технология была настолько чертовски унылой для большинства репортеров, чтобы бродить вокруг нее - мы ничего не должны были говорить об этом. Кроме того, большая часть иностранного технологического материала была так или иначе засекречена, потому что они имели дело с разработкой оружия, которую мы скрывали от Советов и большинство репортеров знало об этом. Иностранная технология была абсолютно прекрасным прикрытием. Все, что я должен был сделать, это выяснить, что мне делать со своим материалом. И генерал Трюдо не был в настроении более ждать.

"Давайте Фил, вперед". Голос генерала из динамика интеркома на моем столе внезапно наполнил кабинет. Я поставил кофе и поднялся по лестнице черного хода к его внутреннему кабинету. Это было установленным порядком, который повторялся три, и иногда четыре раза в день. Генералу всегда нравилось получать информацию с глазу на глаз, потому что даже в большинстве охраняемых территориях Пентагона, стены имели тенденцию иметь уши и запоминать наши разговоры.

Наши встречи всегда были приватными и из-за того, как наш разговор переключался то туда, то обратно среди различных тем, если бы не его три звезды и моя пара листьев, Вы даже не подумаете, что слушаете двоих офицеров. Все было сердечно и дружественно, но мой босс был моим боссом и даже после того, как мы расстались как два старых боевых коня, разбредшихся по пастбищу, наши встречи никогда не были неофициальными.

"Ну теперь Вы выяснили, как поступила груз?", - спросил он меня после того, как я присел. Я понял его, пройдя по всем документам, я мог нащупать и отследить пути информации о Розуэлле от 509-го до Форта Блисса, а оттуда к точке распространения в Райт Филд.

Генерал Трюдо придвинулся ко мне, чтобы сесть и я устроился на стуле. Было уже десять тридцать утра, поэтому я знал, что сегодня будет по крайней мере еще две встречи.

"Я знаю, что все поступило через службу доставки", - сказал я. "Я не думаю, что у них есть настолько большой грузовик".

"Это помогло Вам сформулировать, что мы должны делать?" - спросил он.

Фактически, было важно знать, как материал попал в документы Иностранных технологий, потому что это значило, что они были отправлены туда первоначально. Даже если этим пренебрегали годами, было ясно, что отдел Иностранных технологий системы УИР, был местом назначения, частью первоначального плана. И у меня даже были документы из собственной картотеки генерала Твининга, чтобы доказать это. Не то, чтобы я когда-либо показывал их в то время. Генерал Твининг, больше, чем кто-либо еще в течение тех лет после войны понял чувствительную и защищенную природу бюджета УИР. И теперь, когда я понял, какой была маскировка, я также понял насколько у генерала был блестящий план. УИР, хоть и важный, перепахивающий рапорты захваченных после войны документах нацистов по разработке оружия, как плодородную почву, был похож на заброшенный тупик на железнодорожном узле.

Оказалось, что незамеченный большинством офицеров на их пути к вершинам и не призванный в конце 1940-х годов на большие работы, кроме ведения учета, он был прекрасным

убежищем от наемников ЦРУ, которые пролетели через Пентагон в начале 1950-х годов в поисках чего-либо от розуэлльских технологий. Кроме того, они не были частью рабочей группы с самого начала и даже члены Штаба по вопросам национальной безопасности в Белом доме Эйзенхауэра знали, что УИР был хранилищем для предметов из Розуэлла. Я был там. Я могу ручаться за это. Фактически, только когда я сам посмотрел документы и проследил их путь от начала до самого моего порога, я понял чего достигли генерал Твининг и рабочая группа. Тем не менее, к тому времени, как я попал в Белый дом, эта история была целиком и полностью древней.

Люди больше волновались по поводу пополняющей ежедневно проект «Синяя книга» информации о явлениях, чем обо всей этой забытой розуэлльской истории.

Но мой разум дрейфовал и генерал продолжал говорить. Он хотел знать что открыло мое исследование и что я узнал о Розуэлле в течение моей работы в Белом доме, что я видел, насколько пересекаются круги группы и людей, которые работали на них.

"Фил, мы знаем, что Ваш груз не удивителен", - сказал он очень категорически.

Я не отвечал по существу и он не ожидал этого от меня, потому что сделать так, будет нарушением секретности, которую я поклялся соблюдать, когда меня назначили в штаб СНБ в Белом доме.

"Вы ничего не должны говорить официально", - продолжал он. "И я не ожидаю этого от Вас. Но можете Вы передать мне свои впечатления о том, что работающие на группу люди говорят о грузе?"

"Я не работал на группу, Генерал", - сказал я. "И независимо от того, что я видел или слышал, все это проходило мимо меня, потому что я не собирался с этим что-либо делать".

Но он заставил меня вспомнить, были ли у штаба СНБ какие-либо прямые деловые отношения с группой и как сильно давили сотрудники ЦРУ в Белом доме, чтобы получить всю доступную информацию о том, что делала группа. Конечно, я помнил появляющиеся то тут, то там вопросы, о том, что могло произойти

в Розуэлле, что в действительности стояло за "Синей книгой" и о тех огнях, которые кружили у памятника в Вашингтоне в 1952 году. Мне нечего было сказать по существу моему боссу о своем участии, но его вопросы помогли мне соединить воедино в большую картину то, что как мне казалось, я знал. С моей точки зрения в 1961 году, особенно после обзора всего, что я мог найти о случившемся сразу после катастрофы в Розуэлле, я очень ясно увидел то, что-же я не понимал в 1955 году. Я не знал, почему ЦРУ было так агрессивно настроено по отношению к повторяющимся историям наблюдений за летающими тарелками или почему они продолжали искать всякую информацию о технологиях из Розуэлла. Конечно, я сам не давал никому информации о том, что видел партию "груза", так как он проходил через форт Рили и главным образом, потому что никто не спрашивал меня об этом. Я просто исполнял роль, представляя армию, как член Штаба по вопросам национальной безопасности, но я слушал все как муха на стене.

Вопросы генерала Трюдо вынудили меня задать вопрос самому себе, какую же картину он сам видел. Очевидно, что он искал что-то в моих описаниях структуры группы, поскольку я узнал об этом обозревая историю, и в описаниях начинающих, имевших более низкую степень допуска к секретным материалам, как я это понимал из своего опыта в Белом доме. Он по настоящему хотел знать, как работала бюрократия, какую деятельность развела сама группа, какие типы политических вопросов всплывали при мне и просили ли меня неофициально комментировать что-либо имеющее отношение к вопросам группы.

Устраивал ли адмирал Хилленкоттер брифинги для президента Эйзенхауэра, на которых присутствовали генералы, Твининг, Смит, Монтегю и Фанденбург? Генерал В. Б. Смит заменил секретаря Форрестэла после того, как тот совершил самоубийство на втором году правления Трумэна. Посещали ли регулярно Белый дом профессор Мезель, доктор Буш и доктор Бернер? Встречались ли они в Белом доме с адмиралом Хилленкоттером или генералами? Каков был уровень присутствия штатных сотрудников ЦРУ в Белом доме во всем этом? И узнал ли я кого-нибудь из Совместного научно-исследовательского совета или Комиссии по атомной энергии на каких-либо брифингах под председательством адмирала Хилленкоттера?

С помощью вопросов генерала Трюдо я не только понял, что

генерал почти знал свою историю, я также понял, как была сформирована настоящая группа и как она, вероятно, работала, но у него также был понимание, какого вида проблемы стояли перед ВоенУИР и сколько времени он должен потерять, чтобы решить их. Как и большинство специальных творений правительства, группа скорее всего в некоторый момент стала также настолько замкнутой на самой себе, как и любой долгоиграющий совместный комитет, который чем больше функционирует, тем больше работы себе находит. И с ростом маскировки летающих дисков, росла и роль группы. Только у группы не было одного, того что имело большинство правительственных комитетов: способности присоединять другие области правительства для получения большего количества ресурсов. Эта группа была сверхсекретной и официально не имела никакого права на существование. И поскольку в течение последующих десяти лет ее функции разрослись, охватывая больше исследований наблюдений за летающими тарелками и исследований большего количества контактов с инопланетными кораблями или с самими инопланетянами, ее ресурсы настолько растянулись, что это должно было стать причиной присоединения других областей правительства.

Соответственно, были сформированы подгруппы с определенными задачами, чтобы обращаться с определенными областями расследований или исследований. Возможно, что у них были более низкие уровни секретности, даже только потому, что привлеченный персонал, вероятно не имел соответствующего допуска к секретности, чтобы быстро реагировать на взятую группой дополнительную работу. Вероятно, что работа группы стала неуправляемой. Остатки информации выскочили и группа должна была определить, что она могла отдать на публичное освещение и что должно было защищаться любой ценой. Как в истории о лачугах, члены группы отступили, чтобы создать новые структуры для защиты хранимой информации.

Официальная маскировка провисала под давлением исследуемой группой информации и выделенным им временем. Вскоре военные представители обнаружили, что как и в Корее, они не могут по-настоящему доверять профессиональным разведчикам, особенно ЦРУ, потому что по видимому у них была другая цель. Возможно ли, что вооруженные силы стали сильнее сдерживать передачу всей информации, которую собирала центральная группа? Возможно ли, что в отсутствие какого-либо фактического законодательства, определяющего как платить за

работу группы, вооруженные силы видели, что ценные и финансируемые перспективы оружия ускользнули в бюджет ЦРУ? Возможно - и я знаю, что так и произошло - внутри самой группы развилась борьба за власть.

Начиная с формирования в конце 1940-х, вся структура рабочей группы изменилась. То, что начиналось со сплоченной группы старых школьных друзей, стало неуправляемой массой на протяжении пяти лет. Вокруг плавало множество кусков пирога и различные военные отделения хотели так урвать себе куски черного бюджета так, чтобы для управления менеджерами прикрытия, Вам потребовалась бы вся администрация. Поэтому, в какой-то момент в центре администрации Эйзенхауэра у великой маскировочной схемы лопнули швы и никто не знал, что делают другие. Из-за прикрытия ни у кого в действительности не было необходимости что-то знать и поэтому никто ничего не знал. Единственные люди, которые хотели достать информацию и предметы, относились к ЦРУ, но никто, даже те, кто не совсем понимал, что произошло четырнадцатью годами ранее, не доверяли ЦРУ. Официально, тогда, никто ничего не знал и ничего не происходило.

В 1950-х года развился каскадный эффект. То, что началось с одиночной специальной маскировочной операции разбилось на меньшие единицы. Функции командования и управления начали слабеть и точно так же, как у разбившейся о дно океана подводной лодки, обломки в виде информации устремились на поверхность.

Армейский Корпус контрразведки, когда то обладавший силой, что хранить историю Розуэлла, слабел под совместными вторжениями ЦРУ и ФБР. Именно во время этого периода мой старый друг Дж. Эдгар Гувер, всегда несчастный от того, что его не допускают ни в какие круги, запрыгнул в круг и очень спокойно начал исследовать инцидент в Розуэлле.

Это встряхнуло всех и чуть позднее, другие правительственные учреждения - имевшие официальные полномочия - начали вмешиваться повсюду.

К концу 1950-х годов, оригинальная схема маскировки для всех намерений и целей более не существовала.

Его функциями теперь управляли отдельные группы в

военных и гражданских спецслужбах, продолжая делиться ограниченной информации друг с другом и придерживаясь каждый своих собственных отдельных исследований и расследований и каждый - что удивительно - продолжающий действовать, как будто в команде все еще была некая супер разведывательная группа. Но, как и в "Волшебнике страны Оз", не было никакой супер группы разведки. Его функции были поглощены группами ниже его. Но никто не трудился что-либо говорить об этом, потому что, как предполагалось, супер группа никогда не существовала официально. Что не может существовать официально, не могло и официально исчезнуть. Следовательно, в течение последующих сорока лет, остатки того, что однажды было супер группой, делали вид, но реальные действия выполнялись отдельными агентствами, которые слепо верили, что ими управляют сверху. Помните очереди автомобилей у бензоколонок во время топливного кризиса в 1973 году, когда один водитель считая, что автозаправочная станция открыта, ждет у колонки, а через пятнадцать минут позади него выстраивается очередь?

У закрытых бензоколонок образовывались очереди на многие мили, потому что вообще не было топлива. На это к тому времени и походила большая маскировка летающих тарелок, когда президент Кеннеди вступил в свою должность.

"Никого нет дома, Фил", - сказал мне генерал Трюдо, когда мы обменялись нашими мнениями на том утреннем совещании. "Нет никого нет, кроме нас. Мы должны выработать свою собственную политику".

Я был солдатом и следовал приказам, но Трюдо был генералом, продуктом политического процесса, с отметкой одобрения конгресса и отчетом перед гражданской властью. Генералы создаются правительством, не армией. Они сидят между правительством и обширной военной машиной и от Начальника штаба армии до бригадиров на базах во всем мире, генералы создают способы, с помощью которых работает административная политика. И на этом утреннем совещании за чашечкой кофе в своем внутреннем кабинете на третьем этаже Пентагона, генерал-лейтенант Трюдо собирался выработать политику и сделать то, что не смогли сделать на протяжении более чем десяти лет работы секретных рабочих групп, комитетов и планирований исследований: эксплуатировать технологии из Розуэлла.

"Мне нужно, чтобы Вы сказали мне, что Вы нашли способ сделать что-то из этой неразберихи", - сказал мне генерал Трюдо. "В Вашей картотеке должны быть какие-нибудь кусочки, с помощью которых можно было сделать оружие, которое мы могли бы использовать на одном из наших вертолетов."

"Что у нас есть, Фил?" - сказал он затем. "Время теперь имеет существенное значение. Мы должны сделать что-то, потому что никто ничего не сделает".

В большом облаке незнания, которое спустилось на Пентагон относительно груза из Розуэлла, пятеро или шестеро человек из военно-морского флота, военно-воздушных сил и армии, фактически знали, что мы не доверяли никому за пределами своего подразделения вооруженных сил и конечно ничего не говорили ЦРУ. Так, присущим только военной бюрократии путем, прикрытие было спрятано от прикрытия, оставив некоторым из нас понимание, что мы свободны делать все что захотим.

Генерал Трюдо и я были совершенно свободными заходить так далеко, насколько это позволял груз. Независимо от того, что остаток группы все еще оставался, они просто потеряли след материалов, отгруженных в Иностранную технологию четырнадцатью годами ранее. И генерал был прав, никого не было дома и наши враги внутри правительства извлекали выгоду из любой информации, до которой они могли добраться. Груз из Розуэлла был одним из призов и если мы ничего бы не делали с ним, русские бы это сделали. И они были у нас на хвосте.

Наши военные разведчики сказали нам, что Советы сильно торговали нашими военными тайнами, в Кремле узнавали о нас раньше, чем мы узнавали что-то в Конгрессе. По крайней мере, армия знала, что КГБ проникало через ЦРУ, а лидерство ЦРУ было неотъемлемой частью рабочей группы по летающим дискам с начала 1950-х годов. Таким образом о каких бы тайнах не думала группа, для КГБ они, конечно же, тайнами не были.

Но вот что не давало крыше обрушиться на всех нас. КГБ и ЦРУ в действительности не были противниками, как таковыми. Они следили друг за другом, но ради практических целей, а также потому, что каждое агентство полностью проникло в другое, они работали как одна организация. Они были профессиональными разведчиками в одном расширенном

агентстве, играющими в одну и торгующим информацией. Информация это власть, которую можно использовать. Вы не отдаете ее за просто так политическим лидерам своего правительства, являются ли они республиканцами, Тори или коммунистами, просто за то, что они Вам что-то говорят. Вы не можете доверять политикам, но Вы можете доверять другим разведчикам. По крайней мере разведчики в это верят, поэтому их основная преданность к своей собственной группе и другим группам, играющим в ту же самую игру. ЦРУ, КГБ, Секретная разведывательная служба Великобритании и большое число других иностранных спецслужб были преданны сначала себе и профессии, а уж в последнюю очередь своему правительству.

Одной из причин, по которой в вооруженных силах знали, что профессиональное лидерство КГБ, не чиновников коммунистической партии, которые находились в ней только по политическим причинам, утаивало столько же информации от советского правительства, сколько ЦРУ утаивало от нашего правительства. Такие профессиональные организации по разведке, как ЦРУ и КГБ склонны существовать только ради самосохранения и поэтому ни американская армия, ни российские вооруженные силы им не доверяли. Если Вы посмотрите на то, как КГБ и ЦРУ проигрывали большие шпионские войны во время холодной войны, то Вы увидите, что и КГБ и ЦРУ действовали как одна организация: много профессиональной любезности, много информации в свободном пользовании, чтобы удостовериться, что никто не был уволен и время от времени некоторые человеческие жертвы ради того, чтобы только выглядеть честными. Но когда это дошло до лояльности, то ЦРУ было лояльно к КГБ и наоборот.

Я полагаю, что для этого у них было объяснение. Я знаю, они думали, что остальная часть нас была слишком глупа, чтобы бережно хранить мир и делясь информацией они не допускали между нами ядерной войны. Я верю этому, потому что в свое время я знал достаточно агентов КГБ и получил достаточно обрывков информации не для протокола, которые дали мне возможность составить картину Советского Союза в 1950-х и 1960-х годах, это очень отличается от того, что Вы читали на первых полосах Нью-Йорк Таймс.

Проникновение КГБ в ЦРУ и что организовывало их совместный шпионаж за вооруженными силами, было принятым нами в 1950-х и 1960-х годах фактом, даже при том, что

большинство из нас в Пентагоне играло в шпионов против шпионов как умели; некоторые из нас, кто пошел в школу разведки во время войны, знали некоторые антишпионские штучки, которые завораживали наблюдающих за ними людей. Мы меняли свои рабочие маршруты, для проверки подозрительных телефонов от захвативших наши кабинеты подслушивающих устройств, всегда использовали ложные информационные истории в качестве приманки, всегда придерживались кодекса в разговорах друг с другом на важные темы. У нас был контрразведчик в офисе военного атташе в российском консульстве в Вашингтоне, друзья которого в Советской Армии доверяли КГБ меньше, чем я сам. Если мое имя было бы связано с какой-то историей, то он дал бы мне знать. Но он никогда не сказал бы это ЦРУ. Хотите верьте, хотите нет, в столице своей собственной страны, такая информация помогла мне остаться в живых.

Было очень дезорганизующим, что ЦРУ было у меня на хвосте все время в течение моего четырехлетнего срока пребывания в Белом доме.

Я был без ума от этого, но я не придумал, что мне делать. Затем, когда я вернулся в Вашингтон в 1961 году, чтобы работать на генерала Трюдо, они снова сели мне на хвост и я сбрасывал его по всем глухим переулкам и крутым районам округа Колумбия. Они не дрогнули. Поэтому на следующий день, после того, как я сказал своему боссу, что я собирался делать, я отправился к своему безликому преследователю в Лэнгли, штат Вирджиния, мимо бормочущего секретаря и прямиком в офис своего старого врага, директора операций по прикрытию Франку Визнеру, к одному из лучших друзей КГБ, который у них когда-либо был. Я сказал Визнеру в лицо, что вчера был последний день, когда я ходил по Вашингтону без пистолета. И я положил свой ".45 Автоматик" на его стол. Я сказал, что если увижу завтра хвост, то они найдут его на следующий день в Потомаке с двумя дырками вместо глаз; то есть, если они специально будут его поискать. Визнер сказал, "Вы не сделаете этого, Полковник". Но я ему очень резко напомнил, что знал, где были похоронены тела людей, которых убили из-за их глупости и что хуже всего, из-за сотрудничества с русскими. Я расскажу это всем, кого я знаю в Конгрессе. Визнер отступил. Впоследствии, при поездке в Лондон, Визнер совершил самоубийство и был найден повешенным в своем номере в гостинице. Я никогда не рассказывал, что знал о нем. Два года спустя в 1963 году, один из друзей Визнера в

агентстве сказал мне, что это было "неплохой забавой, Фил". Частью тщательно продуманного процесса рекрутинга, чтобы взять меня в ЦРУ после того, как я ушел из армии. Но я вместо этого стал работать на сенатора Строма Термонда в Комитете по иностранным делам, а затем на сенатора Ричарда Рассела в Комиссии Уоррена.

Наш общий опыт избегания ЦРУ и КГБ, означал только одно, генерал Трюдо хотел во что бы то ни стало держать ЦРУ в стороне от нашего обсуждения по всем вопросам, иначе все, что мы обсуждали, стало бы темой обсуждения в КГБ в течение ближайших двадцати четырех часов и быстрее, если бы это было достаточно серьезно для КГБ, чтобы заставить своих коллег из ЦРУ начать ставить палки в колеса.

Откуда я все это узнал? Этим же путем я узнал как КГБ опережало нас на один шаг во время Корейской войны и советовало своим друзьям северокорейцам, как содержать военнопленных во время обмена. У нас были утечки из Кремля точно так же, как у них были утечки из Белого дома. Генерал Трюдо и я узнали в ВоенУИР, что наши коллеги в военно-морских и военно-воздушных силах, также в это верят. ЦРУ было врагом. Никому нельзя доверять. Поэтому, когда генералу даже еще до 1961 года стало ясным, что никто не помнил что армия нашла в Розуэлле, независимо от происходившего, мы действовали в соответствии со своей собственной стратегией. И мы должны были это делать, чтобы не дать ЦРУ и в конечном счете врагам нашего правительства, забрать ее у нас. Таким образом, когда генерал Трюдо сказал, что мы должны скрытно управлять грузом из Розуэлла, я точно знал о чем он говорит.

Логика и четкость, а не мой военный гений, продиктовали очевидный курс. Если никто не знает что у Вас есть, не рассказывайте об этом. Но если Вы думаете, что можете сделать что-то из этого, то сделайте это. Используйте любые доступные ресурсы, но никому не говорите что Вы делаете. Единственными людьми, которые были в кабинете, когда придумывался наш план, были я и генерал и я, он пообещал, "Я ничего не буду говорить, если Вы тоже будете молчать, Фил".

"Мы это сделаем, Генерал", - ответил я.

И мы начали разрабатывать стратегию.

"Гипотетически, Фил", - Трюдо излагал вопрос. "Что, если лучший путь в том, чтобы использовать то, чем мы располагаем, не говоря об этом, как о чем то особенном?"

"Это просто, Генерал", - ответил я. "Мы не делаем ничего особенного".

"У Вас есть план?" - спросил он.

"Это больше идея, чем план", - начал я. "Вот как она начинается. Об этом Вы уже сказали: Если мы не хотим, чтобы кто-либо думал, что мы делаем что-либо необычное, мы не делаем ничего необычного. Когда генерал Твининг сделал свои настоящие рекомендации президенту Трумэну и армии, он предложил поступить с этими сумасшедшими документами также, как поступают с обычными документами. Обычный бизнес. Так работала вся тайная группа.

Ничего особенного не происходит. Все, что ни происходит, организовано в соответствии с бизнес-планом даже при том, что похожих операций прежде не проводилось. Вот какая маскировка: не изменяйте сущность, а используйте те же процедуры и для инопланетной технологии тоже".

"Итак, как Вы рекомендуете нам действовать?" - спросил он. Я думаю, что он уже знал о чем я говорю, но хотел, чтобы я обстоятельно все разложил и мы смогли начать выводить мои документы из Пентагона и из под тени ЦРУ.

"Мы начнем так же, как все начинается в этом отделе: с докладов," - сказал я. "Я напишу доклады об инопланетной технологии точно так же, как если бы это была сводка от разведки о какой-либо части иностранной технологии. Что я вижу, что я думаю, какой может быть потенциал, где бы мы это могли бы внедрить, какую компанию мы должны привлечь и какой контракт мы должны составить".

"С чего Вы начнете?" - спросил генерал.

"Я разложу все документы", - начал я. "Все из того, что очевидно и не надо гадать. Затем я обращусь за советом к ученым с допуском, которым мы можем доверять, Оберту и фон Брауну".

"Я понял что Вы имеете в виду", - признался Трюдо. "Конечно.

Мы также разложим наших оборонных подрядчиков. Чтобы посмотреть, у кого есть работающие контракты на разработки, которые позволят нам подкармливать Ваши проекты по разработке прямо через них".

"Точно так. Таким путем, существующий оборонный контракт станет прикрытием для того, что мы разрабатываем", - сказал я.

"Ничего не выходит за пределы обычного, потому что мы никогда не запускаем ничего, что уже запущено в предыдущем контракте".

"Это похоже на большую комбинацию", - описал это Трюдо.

"Все, что мы делаем, Генерал, так это смешиваем технологию, которой мы занимаемся, с внеземной технологией", - сказал я. "И мы позволим компаниям, с которыми мы заключаем контракты, получить патенты на себя".

"Конечно", - Трюдо осознал. "Если они владеют патентом, то мы полностью воссоздадим технологии".

"Да, сэр, это верно. Никто никогда не узнает. Мы даже не скажем компаниям откуда мы взяли эти технологии. И мир будет знать, что история патента - это история изобретения".

"Это прекрасное прикрытие, Фил", - сказал генерал. "С чего Вы начнете?"

"Я напишу свой первичный анализ и рекомендации сегодня вечером", - пообещал я. "Нельзя терять ни минуты".

"Фотографии в моих документах", - начал я тем вечером свой рапорт по документам о вскрытии, которые я приложил, на которых были изображены существа ростом приблизительно в 4 фута. Тело выглядело разложившимся и сами фотографии не имели большого интереса, кроме как для любопытных. Вот медицинские заключения, которые представляют интерес. Органы, кости и состав кожи отличаются от наших. Сердце и легкие больше, чем у человека. Кости более тонкие, но кажутся более крепкими, как будто атомы соединены специально для большей прочности. Кожа также показала различные комбинации атомов для, как предполагается, защиты жизненно важных органов от космического излучения, воздействия волн или

гравитационных сил, которых мы еще не понимаем. В полном медицинском докладе сообщается, что судебно-медицинские эксперты были больше удивлены не различиями, а общими сходствами между теми, кто был найден в космическом корабле (примечание: В докладах СНБ это существо именуется как Extraterrestrial Biological Entity [EBE]) и людьми, особенно в строении мозга, который у EBE больше, но нисколько не отличается от нашего.

Первой из множества ночей в том году я написал грубые наброски, которые позже перепечатал в формальные доклады и если бы кто-нибудь кроме генерала Трюдо их увидел, то ему они показались бы ему более похожими на научную фантастику, чем на реальность. Я был очень счастлив, но не потому что я наконец то работал с этими документами, а как ни странно, а потому что верил, что эти доклады никогда не выйдут в свет. В суровой реальности повседневного мира, даже сейчас когда я вспоминаю их, они звучат фантастически. Еще более фантастическими, как я помню, были потрясающие заключения, которые я позволил себе сделать. Их написал я или кто-то еще? Откуда появились эти идеи?

Если мы рассматриваем подобные биологические факторы влияющие, к примеру на бегунов на большие расстояния, сердце и легкие которых больше, чем у среднестатистических жителей холмов и гор, возможности их легких тем больше, чем ближе к морю они проживают или на натуральных атлетов, строение мышечной ткани которых отличается от тех, кто не занимается спортом, разве мы не можем предположить, что попавшие к нам EBE, представляют собой завершенный процесс генной инженерии, развитой для того, чтобы приспособить их к долгим космическим полетам в окружении электромагнитных волн, на скоростях, которые создают физические условия, описанные Общей теорией относительности Эйнштейна?

(Заметка: доктор Герман Оберт предполагает, чтобы найденный в Розуэлле в Нью-Мексико корабль таковым не является, а представляет собой машину времени. Его технический доклад о двигателе будет представлен дальше.)

ГЛАВА 7

EBE

Поэтому, возможно мы должны полагать, что ЕВЕ, как описывается в акте медицинского вскрытия, скорее гуманоидные роботы, чем живые формы, специально спроектированные для путешествия на большие расстояния в космосе или сквозь время.

Жаркое Вашингтонское утро лета уже расплылось по Потомаку, как влажное полотенце, днем я закончил первый из своих докладов для генерала Трюдо. И какой же это был доклад. Он установил тон для всех других докладов и рекомендаций, которые я должен был сделать для генерала в последующие два года. Все началось с самой большой находки, которая у нас была: самого инопланетянина.

Если бы я не читал доклада судебно-медицинской экспертизы инопланетянина от Уолтера Рида своими собственными глазами, не видел армейские фотографии 1947 года и эскизы, я бы назвал любое описание этого существа чистой научной фантастикой; то есть, не видел бы я его или его близнеца в прозрачной капсуле в Форте Рили. Но здесь все было по-новому, просто пачка желтоватой бумаги и нескольких потертых глянцевых фотографий в коричневой папке, лежащей среди множества всяких деталей, обломков и странных устройств в моей картотеке.

Еще более странной, чем доклад судебно-медицинской экспертизы, для меня была моя собственная реакция: Какую мы могли извлечь пользу из этого существа? Я написал генералу, что, "для УИР не так важно, нашли ли мы, 'внеземное существо' или нет, как важны способы, которыми мы можем развить что мы почерпнем из этого для подготовки человека к полету в космос". Это быстро стало наиважнейшей заботой относительно всех предметов из Розуэлла и общим форматом всех моих докладов. Как только я переварил подход "о, ничего себе" ко всей этой изменяющей жизнь информации - и иногда это требовало очень большого терпения - я все еще продолжал работать с разбором того, что выглядело многообещающим для развития в УИР, всего того, что казалось пока находилось вне нашего реалистического понимания. Я начал работать с ЕВЕ.

Медицинское заключение и прилагающиеся фотографии, разложенные передо мной, дали мне возможность предположить, что существо было замечательно хорошо адаптировано к космическому полету на большие расстояния. К примеру, биологическое время, судебно-медицинские эксперты Уолтера Рида выдвинули гипотезу, что оно для существа проходило очень медленно, потому что существо обладало очень медленным метаболизмом, свидетельствуемым, как они сказали, огромной силой сердца и легких. Физиология этого существа показала, что оно не было существом, тело которого должно упорно работать,

чтобы поддерживать жизнь. Большое сердце, согласно докладу экспертов, означало, что ему требовалось меньшее число ударов, чем среднему человеческому сердцу и прогонять тонкую, молочную, почти как лимфатическую, жидкость, через ограниченную и более на их взгляд примитивную, очевидно, что сокращенную сердечно-сосудистую систему. В результате его биологические часы шли медленнее, чем человеческие и вероятно позволяли существу путешествовать на большие расстояния за более короткий, чем для человека, биологический срок.

Сердце очень сильно разложилось, к тому времени, как попало к патологам Уолтера Рида. Им показалось, что наша атмосфера была довольно токсична по отношению к органам существа. Учитывая время, которое прошло между крушением транспортного средства и поступлением существа в Уолтер Рид, все его органы разложились намного быстрее, чем это было присуще человеческим органам. Этот факт особенно впечатлил меня, потому что я видел одного из этих существ, если даже не то самое, описанное в докладе, находившегося в подобном гелю веществе в форте Рили. И по-любому, воздействие, которое на него оказывалось было минимальным по человеческим стандартам, потому что медперсонал 509-го в Уолкер Филд очень быстро поместил его в эту жидкость. Тем не менее, патологи Уолтера Рида были неспособны определить с какой-либо уверенностью строение сердца существа, кроме предположения, что оно выполняло роль пассивного хранилища крови, а также перекачивающую мышцу, которая работала не как в четырех камерном сердце человека. Они сказали, что у сердца инопланетянина, казалось, была внутренняя диафрагма, похожая на мышцу, которая работает меньше, чем мышца человеческого сердца, так как предназначением существ является выживание при низкой силе притяжения, как мы эту силу притяжения понимаем.

Как верблюды хранят воду, это существо также запасало какой-либо воздух огромными по своей емкости легкими. Легкие работали по принципу верблюжьих горбов или наших баллонов для аквалангов, медленно передавая воздух в систему существа. Из-за большого сердца и предполагаемой нами функции по хранению, мы также предположили, что для существа требовалась менее плотная атмосфера, чтобы поддерживать существо, что таким образом уменьшало потребность в запасе больших объемов воздуха в полете. Возможно, у корабля был способ рециркуляции его воздуха, перерабатывающего истощенный или ненужный

воздух в тарелке. Кроме того, потому что существа были ростом примерно четыре фута или около того, большие легкие занимали намного больший процент грудной полости, чем человеческие легкие, что произвело впечатление на патологов, которые исследовали существо. Это также показало нам, что мы, возможно, имели дело с существом, определенно спроектированным для путешествия на большие расстояния.

Если верить сердцу и легким, которые выглядели как продукт биоинженерии для путешествий на большие расстояния, то такой же была и ткань скелета существа. Хотя оно было в состоянии активного разложения, осмотренные военными судебно-медицинскими экспертами кости существа были волокнистыми, более тонкими, по сравнению с человеческими костями, такими как ребра, грудина, ключица и таз. Патологи думали, что кости были более гибкими, чем человеческие и имели упругость, которая могла быть связана с функцией амортизаторов. Более хрупкие человеческие кости могли легко разрушаться под давлением, которому, возможно обычно подвергались эти инопланетные существа. Однако с гибкой структурой скелета, эти существа казались хорошо скроенными для возможных ударов и физических травм чрезвычайной силы и могли противостоять переломам, которые нанесут вред путешествующему в космосе человеку в аналогичных условиях.

Военная восстановительная группа в Розуэлле сообщила, что у двух существ, выживших в катастрофе, было затрудненное дыхание нашей атмосферой. Было ли это то, потому что их внезапно выбросило незащищенными из тарелки, в наше поле силы притяжения или сама наша атмосфера была для них токсична, мы не знаем. Мы также не знаем, умерло ли одно из пытавшихся дышать существ вскоре после катастрофы от смертельного ранения выстрелами или из-за других причин. Другие истории армейских свидетельств о выжившем существе, говорят, что оно пыталось бежать. Некоторые сказали, что оно стало дышать изо всех сил, когда военные окружили территорию; другие сказали, что оно стало задыхаться только после того, как в нее выстрелил один из часовых. Мое предположение было таким, это было неожиданное воздействие большой силы притяжения земли, которая заставила существо поначалу паниковать. Возможно, что это было единственной причиной, его казавшегося тяжелым дыхания. Затем после того, как он побежал и был подстрелен, он так тяжело дышал из-за ран. В докладе судебно-медицинского эксперта ничего не говорилось о токсичных газах

или какой-либо атмосфере, которой по его предположению существа обычно дышали.

Если упавший в Розуэлле корабль был разведчиком или наблюдателем, как говорят военные аналитики в Райте, то было также более чем вероятно, что существа никогда не выходили из корабля. Это был корабль, оборудованный устройством, которое могло позволять видеть в ночное время или использовать температурную разницу различных объектов, чтобы создавать визуальное изображение, позволяя команде летать и вести наблюдение в темноте. И потому как они могли уклоняться от наших перехватчиков, появлялись и исчезали когда хотели с наших радиолокационных экранов, мы полагали, что команда просто сидела внутри и наблюдала, а не бродила по округе. Возможно, другие типы кораблей, построенный этой же культурой, были оборудованы для приземления и выполнения заданий и поэтому имели на борту приспособления для дыхания членов команды и антигравитационный аппарат, что позволяло им выходить из корабля без каких либо последствий. Судебно-медицинский эксперт не размышлял об этом.

Что действительно заинтриговало всех, кто осматривал корабль, как только он был доставлен в Райт Филд, это полное отсутствие любых средств для приготовления пищи. И при этом на борту не было никакого запаса продовольствия. В те времена, когда космический полет был фантазией писателя-фантаста, военные аналитики уже работали над формулированием идеи практической реализации такой простой технологии. Она не предназначалась для полетов к другим планетам, а только для полетов вокруг земли, потому что такую технологию, в которую верили военные планировщики, немцы развили как дополнение к их программе полетов ракеты "V2". Если Вы собираетесь отправить людей на земную орбиту, как Вам перерабатывать их отходы, обеспечить соответствующую атмосферу и поддерживать их в течение длительных периодов? Ясно, что после разработки ракеты-носителя с достаточным ускорением, чтобы отправить корабль на земную орбиту, следующей проблемой становится, как содержать их там достаточно долго, чтобы выполнить задание миссии. Тарелка из Розуэлла, казалось делала все это, потому что каким-то образом она попала сюда. Но не было никаких признаков того, как решались такие бытовые проблемы, как приготовление пищи и уничтожение отходов.

Было много предположений различных медицинских

аналитиков того, из чего состояли эти существа и что могло поддерживать их. В первую очередь, врачей больше мучили общие с нами черты существа, чем различия. Вместо отвратительно выглядящих насекомых или рептилоидных людоедов, которые напали на Землю в "Войне Миров", эти существа были похожи на небольшие копии нас, только другие. Это было жутко.

Пока врачи никак не могли выяснить, как работала химия организма существа, они определили, что в нем не содержится новых базовых элементов. Однако в моих докладах, предполагались новые комбинации органических соединений, которые требовали намного более длительного изучения врачами, перед тем, как они смогли бы сформулировать какое-то мнение. Определенный интерес представляла служившая кровью жидкость, которая, как казалось, регулировала физические функции почти также, как работает железистая секреция в человеческом теле. В этих биологических организмах система крови и лимфатические системы, как казалось, были объединены. И если обмен питательными веществами и отходами происходил внутри этих систем, тот возможно, что внешний обмен происходил через кожу существа или внешнее защитное покрытие, которое они носили, потому что у них не было какой-либо пищеварительной системы или системы выделения отходов.

В медицинском докладе сообщалось, что на существах было защитное покрытые из цельного куска, по типу спортивного костюма или внешней оболочки, атомы которой были выстроены для обеспечения большой прочности и гибкости. Один исследователь написал, что это напомнило ему паутину, которая кажется очень хрупкой, но фактически она очень крепкая. Уникальные качества паутины являются результатом выстраивания волокон, что обеспечивает большую прочность, они в состоянии растягиваться под большим давлением, но все же быть упругими и принимать первоначальную форму даже после резкого воздействия. Точно так же, внешняя оболочка или скафандр существа, казалось, были натянуты на него, как будто их буквально выткали вокруг существа и покрыли его всего, обеспечив прекрасную облегающую защитную оболочку. Врачи такого никогда прежде не видели.

Думаю, что в итоге, через несколько лет после того, как я покинул Пентагон, я понял это, когда покупал рождественскую елку. Когда я стоял на морозе, я увидел как молодой человек готовил елку для транспортировки, вставив ее вершину сначала в

короткую трубу устройства, которое автоматически оплетает ветки сеткой из шпагата и удерживает их вместе для перевозки домой. После того, как я вернулся домой, мне надо было лишь разрезать сетку ножом, чтобы освободить ветки и поставить елку. Этот способ перевозки елки напомнил мне медицинское заключение о существе из Розуэлла и я подумал, что возможно, процесс плетения внешнего покрытия существа был чем-то похожим.

Продольное выстраивание волокон костюма также побудило медицинских аналитиков предположить, что должно-быть костюм мог защищать своего владельца от космических лучей с низкой энергией, под действие которых обычно попадает любой корабль во время космического полета. Внутренние органы существа казались такими хрупкими и чрезмерно большими, что медицинские аналитики Уолтера Рида предположили, что без костюма, существо будет уязвимо для кумулятивной физической травмы от постоянной бомбардировки энергетическими частицами. Космический полет без защиты от бомбардировки субатомными частицами может повлиять на путешественника также, как если бы он побывал в микроволновой печи. Бомбардировка частицами в корабле, если они достаточно тяжелые, чтобы образовать ливень, так возбудила бы и разогнала структуру атомов существа, что выделяющаяся тепловая энергия его бы буквально изжарила.

Врачи из Уолтера Рида были также поражены фактурой внутренней кожи существа. Она напоминала, хотя в их предварительные доклады не входили химические анализы, тонкий слой жировой ткани, отличный от всего, что они когда-либо видели прежде. И она была абсолютно водопроницаемой, будто она постоянно обменивалась химическими веществами с комбинацией кровеносной/лимфатической системы в обе стороны. Действительно ли это был способ, которым существо питалось во время полетов и таким же образом выделяло отходы? Очень маленький рот и отсутствие пищеварительной системы по типу человеческой поначалу обеспокоили врачей, потому что они не знали, как эти существа могли жить. Но их гипотеза, что они потребляли химические элементы через кожу и возможно даже выделяли таким-же способом отходы, объясняет отсутствие какой-либо готовой пищи или приспособлений для выделения отходов жизнедеятельности. Я размышлял, однако, что им не требовалось ни еды или средств для удаления отходов, потому что они не были фактическими формами жизни, они были своего

рода роботами или андроидами.

Конечно было и другое объяснение от инженеров Райт Филд, состоящее в том, что на судне не было никакой необходимости в наличии пищи, потому что это было судно-разведчик, которое не улетало далеко от большого корабля. Медленный метаболизм существ значил, что они могли длительные периоды находиться вдалеке от главного корабля, питаясь до возвращения на базу разновидностью заранее приготовленной пищи. Ни у инженеров Райт Филд, ни у судебно-медицинских экспертов Уолтера Рида не было объяснения, как отсутствию на борту судна приспособлений для выведения продуктов жизнедеятельности, так и способу выведения отходов из существа. Возможно я зашел слишком далеко в своих размышлениях о роботах или андроидах, когда писал свой доклад для генерала Трюдо, но я также думал, что судя по анализу кожи, она казалось была более близка к коже комнатного растения, чем к коже человека. Возможно, что это также было одним из объяснений отсутствия еды или отходов.

Большая часть внимания во время предварительных и более поздних вскрытий существ сосредоточилась на размере, природе и анатомии их мозга. Много доверия также было оказано свидетельским описаниям, которые говорили, что получили от умирающего существа впечатление, что оно страдало и испытывало сильную боль. Никто не слышал, как существо издавало какие-либо звуки, поэтому все полученные персоналом военной разведки впечатления должны были создаваться через некоторый тип сопереживания или прямой психической телепатии. Но свидетели сказали, что слышали в своей голове не "слова", а только резонанс общего или предполагаемого впечатления, намного более простого, чем предложения, но намного более сложного, потому что они смогли разделить с существом смысл не только страдания, но и глубокой печали, как будто оно переживало по тем, кто погиб в корабле. Эти свидетельские показания заинтриговали меня больше, чем какая-либо другая информация, которую мы нашли на месте крушения.

Судебно-медицинские эксперты считали, что мозг инопланетянина, разделенный на четыре отдельные доли, был непропорционально большим, по сравнению с человеческим мозгом и небольшим ростом существа. Существа были мертвыми и к моменту извлечения их мозга из мягких губчатых черепов, которые по мнению врачей были больше похожи на хрящи, чем твердую кость, они начали разлагаться. Даже если бы существа

были живыми, когда их исследовали, в 1947 году у медицины не было современных ультразвуковых аппаратов или магнитно-резонансной томографии. Соответственно, у врачей не было способов оценить природу краниальных долей или "сфер", как их называли в докладе. Таким образом, несмотря на буйные фантазии о природе мозга существ - направления мыслей, мощности психокинеза, и т.п. – никаких веских доказательство не было и доклады были без реальной научной информации.

Где действительно и была возможность найти некоторые доказательства работы мозга инопланетян, так это в том, что я называл в своих докладах "головными повязками". Среди добытых после крушения предметов, были странные устройства, которые выглядели как головные повязки, но они были без украшений или какого-либо художественного оформления. В них были встроены каким-то очень умным способом вулканизации эластичной пластмассы то, что мы сейчас теперь знаем, как электрические контакты или датчики на подобии электродов для электроэнцефалографа или детектора лжи. Эта повязка была приспособлена для надевания на череп инопланетянина чуть повыше ушей, в месте, где череп начинал расширяться, чтобы вместить большой мозг. В составленном тогда докладе о катастрофе и последующем анализе в Райт Филд указывалось, что инженеры Воздушной команды Материальной части считали, что это могли быть коммуникационные устройства, подобные ларингофонам наших пилотов во время Второй мировой войны. Но когда я хотел найти применение этому устройству и отправил его для перепроектирования, я узнал, что оно было так же близко к ларингофону, как примитивное перо к цветному лазерному принтеру.

Достаточно сказать, что за те несколько часов, пока материал был в Уолкер Филд в Розуэлле, не один офицер 509-го поломал над этим предметом голову, пытаясь выяснить что оно делало. Сначала оно ничего не делало. На нем не было ни кнопок, ни выключателей, ни проводов, ничего, что можно было назвать панелью управления. Поэтому никто не знал, как его включить или выключить. Кроме того, у повязки не было регулировки, хотя она была достаточно эластичной, чтобы подходить по размеру для тех, у кого череп был достаточно большим для нее. Однако в докладах, которые я прочитал, было написано, что несколько офицеров, головы которых были достаточно большими, чтобы все проводники повязки прилегли к голове, получили шок на всю свою жизнь. В своих описаниях этой повязки, офицеры сообщали

обо всем, от слабых покалывающих ощущений внутри головы, до жгучей головной боли и небольших танцующих или взрывающихся цветов на внутренней поверхности век, когда они вращали устройство на голове головы и подключали датчики к различным точкам на ней.

Эти свидетельства очевидцев подсказали мне, что датчики стимулировали различные части мозга и в то же время обменивались информацией с мозгом. Используя аналогию с электроэнцефалограммой, эти устройства были очень современным механизмом для преобразования электрических импульсов мозга существа в определенные команды. Возможно, эти повязки представляли собой интерфейс управления кораблем и двигателем, объединенный с коммуникационным устройством дальнего действия. Поначалу я этого не знал, но это было только в самом начале нашей долгой научно-исследовательской работы с мозговыми волнами и к концу своего срока пребывания в Пентагоне, я просто снимал шляпу перед тем как это было сделано. Для развития такой технологии потребовалось много времени, но спустя пятьдесят лет после событий в Розуэлле, варианты этих устройств в итоге стали компонентом системы навигации и управления в некоторых самых современных военных вертолетах, а также скоро выйдут на американский рынок бытовой электроники в виде пользовательских устройств ввода данных для компьютерных игр.

Главные аналитики ВВС и инженеры 509-го и Райт Филд были также смущены отсутствием в корабле любых традиционных средств управления и двигателя. Глядя на их доклады и экспонаты с точки зрения 1961 года, я предполагаю, что ключ к пониманию того, что движет кораблем и управляет его полетом, лежит не только в самом корабле, но и в отношениях между пилотами и этим кораблем.

Если выдвинуть гипотезу о системе управления с помощью мозговых волн, которая была бы настроена на электронную сигнатуру пилотов космического корабля, то мы увидим полностью революционную концепцию управляемого полета, в котором пилот был частью системы. Представьте транспортные средства, в которых ключом к старту является цифровая сигнатура, полученная из Ваших электро-энцефалографических сигналов, которые автоматически считываются после того, как Вы наденете своего рода чувствительную повязку. Я полагал, что этим способом космический корабль напрямую взаимодействовал

с создаваемым мозгом пилотов электронными волнами и системой управления кораблем. Электронные сигналы из мозга расшифровывались и передавались служащими интерфейсом датчиками повязки.

Мне не удалось получить копию акта вскрытия полученного от генерала Твининга тела инопланетянина в Бетесде. У меня был только армейский рапорт. Оставшиеся тела первоначально оставались на хранении в Райт Филд.

Затем их разделили среди служб. Когда военно-воздушные силы стали отдельным подразделением, оставшиеся на хранении в Райт Филд тела, вместе с космическим кораблем были отправлены на Авиационную базу ВВС в Нортоне в Калифорнии, где военно-воздушные силы начали эксперименты с целью скопировать технологию этого корабля. Это имело смысл. Военно-воздушные силы заботили, как летные возможности корабля, так и построение обороны от них.

Эксперименты поначалу проводились в Нортоне, а потом на авиабазе Неллис в Неваде на известной территории Грум Лейк, где была разработана технология "Стелс". Армию заботили только системы вооружения на борту корабля, а также, как их можно перепроектировать для того, чтобы использовать для своих нужд. Однако, оригинальный космический корабль из Розуэлла остался в Нортоне, где ВВС и ЦРУ создали своего рода музей инопланетной технологии, последнее пристанище космического корабля из Розуэлла. Но эксперименты по копированию инопланетного корабля продолжались в течение многих лет, так как инженеры пытались адаптировать двигатель и навигационные системы до нашего уровня технологии. Это продолжается до сих пор, практически на виду у людей с секретными допусками, которых отправили в место хранения корабля. За эти годы, копируемые корабли стали долгоиграющей сагой между ведущими военными офицерами и членами правительства, особенно привилегированными сенаторами и членами парламента, которые голосуют за военное производство. Всех, кому открывают эти тайны, немедленно законодательно обязывают хранить государственную тайну и они не могут говорить о том, что они видели. Таким образом сохраняется официальная маскировка, несмотря на большое число знающих правду людей. Я признаюсь, что я никогда своими глазами не видел тарелки в Нортоне, но по ходу моей работы в Иностранных технологиях, через мой стол прошло достаточно докладов,

поэтому я знал, что это был за секрет и как он охранялся.

Никаких обычных технологических объяснений способа работы двигателя тарелки из Розуэлла не было. В ней не было ни ядерных двигателей, ни ракетных двигателей, ни реактивных турбин, ни двигателей с пропеллерами. Направленные из трех филиалов УИР люди, которые в течение многих лет пытались приспособить систему двигателей тарелки для наших собственных нужд в течение 1960-х и 1970-х годов, были далеки от получения готового для эксплуатации образца. Тарелка могла преодолевать силу притяжения посредством магнитной волны, которой управляли, перемещая магнитные полюса вокруг тарелки, но не для того, чтобы управлять, двигателем, а для того, чтобы управлять силой отталкивания одноименных зарядов. Как только они это поняли, инженеры наших основных оборонных подрядчиков стали соревноваться между собой в выяснении, как тарелка могла сохранять свою электрическую емкость и как управлявшие ей пилоты могли находиться в энергетическом поле волны. Рассматривалось не только само большое открытие, но и шанс заключить многомиллиардные контракты по разработке целого поколения воздушных и подводных военных кораблей.

Первоначальные открытия природы космического корабля и его интерфейса для пилотирования случились достаточно быстро в течение нескольких первых лет изучения в Нортоне. Военно-воздушные силы установили, что вся тарелка работала как гигантский конденсатор. Другими словами, сама тарелка хранила необходимую для распространения магнитной волны энергию, которая ее поднимала и позволяла развивать вторую космическую скорость для преодоления силы притяжения, а также позволяла ей развивать скорости более семи тысяч миль в час. На пилотов не влияли огромные перегрузки, которые в обычном самолете растут с ростом ускорения, потому что для находящихся внутри инопланетян сила притяжения как-бы обходила тарелку снаружи, по внешней границе окутывающей тарелку волны. Возможно это было похоже на перемещение в центре вихря. Но как пилоты управляли производимой ими волной?

Я сообщил генералу Трюдо, что секрет этой системы может быть в сплошном обтягивающем комбинезоне существа. Продольное атомное выравнивание странной ткани было для меня ключом к разгадке, что каким-то образом пилоты были причастны к выработке и накоплению электрической энергии в корабле. Они не только управляли или маневрировали кораблем;

они стали частью электрической схемы корабля, управляя им, подобно тому, как Вы управляете движением своих мышц. Корабль был просто расширением для их тел, потому что он был связан с их неврологической системой способами, которыми сегодня мы только-только начинаем использовать.

Таким образом, существа смогли долгое время выживать, находясь в высокоэнергетической волне, став управляющей схемой контроля волны. Они были защищены своими костюмами, закрывавшими их с головы до ног и эти костюмы позволяли им становиться одним целым с тарелкой, буквально - частью волны. В 1947 году это было настолько новой технологией, что как бы это ни было печально, она пугала нас. Если бы мы только смогли разработать источник энергии, необходимой для постоянной генерации определенной магнитной волны вокруг транспортного средства, мы смогли бы использовать эту превосходящую все виды ракеты и реактивных двигателей, технологию. Сегодня, спустя пятьдесят лет после того, как тарелка попала к нам в руки, мы все еще пытаемся воссоздать этот процесс.

Я заставил себя закончить доклад для генерала за ночь. По крайней мере, я хотел, чтобы он увидел, что наша стратегия обещала возможность того, что было скрыто даже в основной оценке материала, семена для развития определенных продуктов. Я хотел начать весь процесс с написания для него со справочного доклада о природе существ, вскрытие которых было проведено, чтобы понять их технологии с помощью анализа космического корабля.

Когда я закончил, время было как раз перед восходом солнца, и я был похож на черта. В этот день я в первую очередь собирался положить свой доклад на стол генерала. Я бы встал перед ним по стойке смирно и сказал, "Вот доклад, который Вы ждете, Генерал", уверен, в нем содержится больше, чем он когда-либо думал, потому что тема была настолько новой и сложной. Но я хотел побриться и надеть свежую рубашку. Вот все, что мне было нужно. Мне даже не хотелось спать, потому что мой оптимизм и уверенность в тот момент были сильнее потребности в нескольких часах сна. Я знал, у меня было нечто такое, что могло изменить мир. Здесь, в подвале Пентагона, были пролежавшие в безызвестности больше десятилетия тайны, которые мои предшественники только-только стали обнаруживать, прежде чем их остановили. Возможно это было следствием Корейской войны, возможно ЦРУ или других спецслужб, которые омрачили работу

УИР, но теперь это закончилось. Я был в отделе Иностранных Технологий и нес за этот материал ответственность, о которой генерал Твининг говорил четырнадцать лет назад.

В этих ящиках я нашел кусочки пазла для совершенно нового технологического века. Все, что только мерцало в умах инженеров и ученых, лежало прямо передо мной в виде самых настоящих артефактов развитой культуры. Управляемая с помощью мозговых волн тарелка, которая летает на волне электромагнитной энергии, существа, которые смотрели сквозь приборы, помогающие им превращать ночь в день, и лучи света, настолько тонкие и сфокусированные, что их нельзя было видеть, пока они не отражались от находящегося на удалении объекта.

В течение многих лет ученые размышляли о том, на что будет походить полет в космос, особенно с тех пор, как русские запустили свой Спутник. Для вооруженных сил под руководством генерала Артура Трюдо, в ВоенУИР в 1950-х были разработаны планы лунной базы, но в итоге все было отложено из-за образования НАСА. В этих планах была первая попытка противостоять проблемам космического полета в течение длительных периодов времени и приспособлению к низкой силе притяжения на Луне. Но здесь, прямо перед нами, лежали доказательства того, как инопланетная культура приспособилась к долгосрочному космическому полету, разной гравитации и воздействию миллиардов врезающихся в корабль энергетических частиц и волн. Все, что мы должны были сделать, чтобы получить эти технологии, это передать в распоряжение УИР обширные ресурсы вооруженных сил и промышленности. Все было в нашем распоряжении, если бы мы знали, как это использовать. Это было началом и я находился на самом его острие.

Поэтому в течение первых нескольких минут, когда свет только занимался на краю горизонта, обещая новый день, я выскочил домой, чтобы принять душ, побриться, выпить кофе и надеть саму свежую униформу, которую я только мог найти. Я поехал на восток, в сторону рассвета совершенно новой эры, мой доклад лежал рядом со мной на переднем сиденье в портфеле. Я знал, что мне в будущем предстояло сделать еще множество докладов, но это был первый, основа, луч света в скрытое прошлое и зыбкое будущее. Но это был свет и это было важно. Теперь не будет времени для сна. Предстояло очень много сделать.

ГЛАВА 8

Проект идет полным ходом

"ЭТО ПОТРЯСАЮЩИЙ ДОКЛАД, ФИЛ", - СКАЗАЛ ГЕНЕРАЛ ТРЮДО, оторвав взгляд от пачки сшитых машинописных листов, которые я в первую очередь вручил ему тем утром. Я ждал его в своем кабинете до шести утра, после того, как вернулся в Пентагон, время от времени бросая взгляд на ярко-оранжевое отражение восходящего солнца, которое взрывалось в дальнем окне и смотрел на него, как на огонь. "Вы не спали всю ночь, когда Вы все это подготовили?"

"Я остался после работы", - сказал я. "Я не хочу проводить слишком много времени с документами, когда людям полагается работать."

Генерал засмеялся, пока листал документы, но было видно, что он был впечатлен. Как бы я ни хотел назвать документы из Розуэлла кучей ящиков с материалами, ради которых меня могут убрать, мы знали, что там находилась большая часть будущего нашего УИР.

Военные научно-исследовательские агентства являлись объектом растущего давления Конгресса, с которыми можно было либо заработать несколько очков, либо выйти из программы запуска навсегда. Первые неудачи в запуске военно-морской WAC "Корпорал" и военной "Редстоун" подняли на смех американскую программу запуска ракет, тогда как Советы демонстрировали свой успех и как баскетболисты забрасывали мячи в сетку с другого конца площадки. Армейский проект лунной базы "Горизонт" пылился на полках. А в вооруженных силах возрастало беспокойство о том, что мы будем втянуты в неудачную французскую миссию в Индокитае, чтобы сдерживать Вьетконг, Патхэт Лао и Красных Кхмеров от создания целой коммунистической области. Это была война, в которой мы не могли выиграть, но она истощала наши ресурсы для реальной битвы в Восточной Европе.

Даже больше выигрыша очков, генералу Трюдо нужны были развивающиеся проекты, чтобы воспрепятствовать гражданским агентствам в урезании и сокращении наших ресурсов. И теперь в руках моего босса был мой первый отчет и теперь он знал, что у нашего стратегического плана было некоторое рациональное

основание. Онстремилсяктактическомуплану.

"Мы знаем то, что хотим сделать", - сказал он. "Но как мы это сделаем?"

"Я об это тоже думал, Генерал", - сказал я. "И вот с чего бы я хотел начать".

Я объяснил, что хотел бы составить список всех наших технических человеческих ресурсов, таких, как специалистов по ракетам из Германии, продолжающих работать в Аламогордо и Уайт Сэндс. Я бы хотел повстречать больше людей, чем встретил за период своей работы со специалистами по ракетному топливо и специалистами по управлению ракетами в программе управляемых ракет, когда я был в командовании батальоном Найк в Красном Каньоне. Но мы также работали и с учеными-теоретиками, людьми с опытом, которые могли объединить холодную четкость инженера с рисковыми взглядами вольнодумца. Это были люди, которых я хотел собрать в мозговой трест, люди, с которыми я мог говорить о странных предметах и устройствах, у которых не было никакой связи с земной реальностью. Это были ученые, которые могли рассказать мне о потенциале таких предметов, как кремниевые пластины с таинственными серебряными гравюрами на них.

"И что будет после того, как у Вас появится мозговой трест?" - спросил генерал Трюдо.

"Познакомлю их с технологиями," - сказал я. Я осознавал, что мы не совсем ориентировались в большей части своего материала. Мы не могли обратиться с просьбой к основным научным и академическим сообществам, потому что мы бы очень быстро потеряли контроль над своими тайнами. Кроме того, многое из этого имело отношение к оружию и на этот счет у нас были очень строгие правила, мы не могли раскрывать информацию без соответствующих допусков. Но наш мозговой трест был бы бесценным. И с помощью соответствующей ориентации и проверки безопасности, они также хранили бы наши тайны, как они делали, начиная с конца Второй мировой войны.

"Кого из ученых Вы имеете в виду?" – спросил Трюдо, доставая небольшой блокнот из черной кожи, который он держал во внутреннем кармане пиджака.

"Я думал о Роберте Зарбахере", - сказал я. "И Вернер фон Браун, конечно. ГансКолер. ГерманОберт. ДжонфонНейман".

"Как много они знают о Розуэлле?" - хотел знать Трюдо. Если только с ними консультировались по материалам из Розуэлла в 1947 году, поскольку я знал, что Вернер фон Браун был с генералом Твинингом, то мы не раскрывали им никаких секретов. Если им никогда не сообщали о катастрофе, то мы рисковали поделиться с ними информацией, которая была все еще под грифом даже выше, чем "совершенно секретно". Генерал Трюдо должен был знать насколько опасно было подставить головы этих ученых под петлю. Но я уверил его, что все они знали что-то о Розуэлле из-за своих связей с Научно-исследовательским Советом. Во время правления Эйзенхауэра, информация о секретных исследовательских проектах и собранных данных об инопланетянах, обычно фильтровалась в офисе Совета по научным исследованиям, потому что глава Научно-исследовательского Совета был одним из настоящих членов группы.

"Я был в Белом доме, когда Зарбахер был в Совете, Генерал", - сказал я своему боссу. "Таким образом, я вполне могу быть уверен, что он в курсе. И Герман Оберт тоже", - признался я Трюдо. "Он уже говорил мне, что как он полагал, наблюдаемые нами на радиолокационных экранах в Красном Каньоне объекты, которые появлялись и затем исчезали без следа, вероятно были такими же внеземными кораблями, как и тот, который мы нашли в Розуэлле. Янезнаюкак, ноонзнал".

"Ну что же, во всяком случае это хорошие новости", - сказал генерал. "Я бы предпочел не разглашать секретные данные, прежде, чем они дадут подписку. Фил, я также не хочу подставлять Вас под объяснения с высшими чинами, почему Вы решили выдать совершенно секретную информацию людям без допуска, даже в интересах национальной безопасности".

Я это ценил, но для осуществления нашего плана, нам были нужны такие технические и научные эксперты, как фон Браун, Оберт и Зарбахер, которые смогли бы реализовать стратегию перепроектирования и разработки продукта.

"Каким образом Вы планируете обратиться к ним?" - спросил Трюдо.

"Мы начнем с ревизии всех военно-промышленных контрактов, которыми в настоящее время мы управляем, Генерал", - сказал я. "Сопоставим контракты и системы, которые мы разрабатываем с материалами из документов, чтобы понять куда они вписываются. Затем подключим ученых для консультаций относительно проверки того, что мы знаем, что мы думаем, что мы имеем, то есть, если они смогут понять, что мы имеем".

"Давайте сначала пройдемся по перечню потенциальных продуктов", - предложил генерал. "Затем посмотрим, где можно сопоставить наши контракты и где могут помочь ученые. АдальшеВывсезнаете", - сказалТрюдо.

Я не совсем понимал, откуда он собирался все это взять.

"Мы снова оденем Вас в гражданскую одежду и отправим навестить наших друзей из этих оборонных предприятий".

"Я даже не надену свои боевые орденские ленты", - пошутил я.

"Я не хочу, чтобы кто-нибудь знал", - объяснил генерал Трюдо, "что какой-то подполковник из списка наблюдения ЦРУ поехал к нашим крупнейшим оборонным подрядчикам с полным портфелем неизвестно чего. С таким же успехом Вы могли бы написать на спине пароль", - засмеялся он. "Мы должны поработать над этим списком".

В это же день я вернулся к своему отчету о EBE и его тарелке и начал перечислять содержавшиеся в них загадки, а также возможные перспективные продукты, которые они нам сулили. Все случившееся для нас было похоже на загадку, потому что ни в корабле, ни в самом EBE, нельзя было найти ни одну из наших обычных потребностей.

Где у корабля был двигатель или источник энергии? У него не было ни реактивных двигателей, ни пропеллеров. Не было ракетного двигателя, как у "Фау-2" и при этом на корабле не было топлива. На Авиабазе ВВС в Нортоне, где в корабль в итоге обрел место стоянки, инженеры были поражены тонким слоем сплава из чистейшей меди и серебра, покрывавшего нижнюю часть корабля, которые они когда-либо видели. Металл был замечателен по

своей проводимости и не создавал сопротивления электрическому току, как будто бы весь корабль был электрической схемой. И даже это наши военные инженеры не могли скопировать. К 1950-му году на Авиабазе ВВС в Нортоне были изготовлены по крайней мере два прототипа инопланетного корабля, но ни у одного не было источника энергии, как у упавшего корабля. Вместо этого были грубые попытки применять ядерные генераторы, но они были неэффективны и опасны. Даже портативных ядерных генераторов, которые ставились в примитивные советские и американские спутники в 1960-х годах, не хватало для обеспечения потребностей в энергии скопированного космического корабля. Таким образом, вопрос о том, что приводило космический корабль из Розуэлла в движение остался открытым.

Я занес все свои открытия в список:

• У серповидного космического корабля, также не было никаких традиционных средств навигации, насколько мы себе их представляли. Не было рычагов управления, рулей, тяг, педалей, кабелей, закрылок или рулей направления. Как существа управляли этим судном и его скоростью, разгоняясь за несколько секунд от почти неподвижного парения на одном месте, как вертолет, до скоростей свыше семи тысяч миль в час?

• Что защищало существ от огромных перегрузок, которые их пригвоздили бы в каком-нибудь обычном самолете? Наши пилоты во время Второй мировой войны должны были носить специальные устройства для перегрузок, которые препятствовали обеднению мозга кислородом и потере сознания. Но мы ничего не нашли в летных костюмах существ, что указывало бы на то, что они столкнулись с такой же проблемой. Все же их корабль должен был создавать десятикратную перегрузку, которую испытывали наши пилоты, поэтому мы не могли понять, как они им управляли. Никаких средств управления, никакой защиты, никакого электропитания, никакого топлива: это были загадки, которые я указал.

На другой стороне я перечислил следующее:

• Сам корабль был электрической схемой.

• Летные костюмы - "летная кожа", это наилучшее описание, которую носили существа, были сделаны из вещества, строение

атомов которого было вытянутым, продольно усиленным, чтобы обеспечивать направление потока любого протекающего по нему тока.

Инженеры, которые первыми обнаружили это, были поражены чистой проводимостью этой кожи, функционирующей как кожа самого корабля и очевидной способностью защищать владельца, в то же время направляющей некоторое электронное поле. Где было физическое соединение схемы пилота с кораблем? Включалась ли она или выключалась самим пилотом с помощью выключателя, о котором мы не знали?

Наряду с загадкой очевидного отсутствия средств навигации, я указал повязку с датчиками, которая так смутила розуэлльских офицеров из Уолкер Филд и заворожила меня. Если, как мы предполагали, это устройство принимало электронные сигнатуры с негабаритного мозга существа, что оно с помощью них делало? Я верил - и что в итоге подтвердилось, когда для управления в наших промышленных изделиях с 1960-х годов до настоящего времени стали использоваться мозговые волны - что эти повязки транслировали электронные сигналы из мозга в систему, для управления скоростью, направлением и высотой. Возможно повязки были калиброванными или настроенными на каждого отдельного пилота или, возможно, пилотов - так как я полагал, что они были генетически спроектированными существами, биологически произведенными специально для полетов или долговременных исследований, откалиброванными под повязку.

Так или иначе повязки были интерфейсом между пилотом и кораблем. Но это пока еще не отвечало на вопрос об отсутствии кабелей, механизмов или проводов.

Возможно ответ заключается не в отсутствии конструкций со средствами управления, а в взаимодействии костюмов, повязок, мозга существ и всего корабля. Другими словами, когда я смотрел на возможное функционирование всей системы, синхронизации между мозговым интерфейсом через повязку, проводимости космического корабля и вытянутой структуры космической кожи, которая работала также как схема, я возможно понял, как управляющие команды транслировались лентами в некоторый вид протекающего через кожу тока и в ряд приподнятых панелей управления с углублениями для рук существ. Углубления в этих панелях, как было написано в рапортах из Розуэлла, были похожи на отпечатки рук,

выдавленных в бетоне у китайского Театра старины Граумана в Голливуде. Действительно ли направляемые команды были последовательностью электронных инструкций, транслируемых непосредственно из мозга существ через их тела и через панели в сам корабль, как будто корабль был только дополнением к телу существ? Но все еще не было объяснения для одной вещи. Двигатель.

И снова я засел над идей функционирования через структуру. По обломкам и космическому кораблю было видно, что двигатель так или иначе не выпадал из корабля, когда он упал. Определенно там никогда не было обычного двигателя.

Мы обнаружили, что корабль, казалось, был способен хранить, а также проводить огромное количество тока. А что, если сам корабль был двигателем, постоянно получающим ток из другого источника, который его хранил, как гигантский конденсатор? Это походило бы на заряд батареи в электромобиле и управлении им, пока батарея не истощалась. Звучит неправдоподобно? Это не очень отличается от заправки автомобиля топливом и езде, пока бак не опустошится или заправки самолета и посадки перед тем, как закончится топливо. Я подозревал, что корабль из Розуэлла был просто хранившим ток конденсатором, который контролировался или управлялся пилотом, и который мог в некотором роде перезаряжаться или само перезаряжаться от какого-то генератора.

Это могло бы объяснить источник энергии, я сделал запись о загадке с недостающим двигателем, но каким-же способом оно ускорялось и меняло направление движения? Если бы это была сила, которая работала также, как и сила тяги, не было очевидным, как она создавалась и направлялась. Уже в сентябре 1947 года, отправленные в Воздушную Команду Материальной части в Райт Филд ученые, с целью поближе посмотреть на обломки, думали о том, что электронный потенциал корабля из Розуэлла напоминал им об экспериментах немцев и англичан с антигравитацией в 1920-х и 1930-х годах. Генерал Твининг несколько раз говорил, что в разговорах всплывало имя сербского инженера-электрика и изобретателя переменного тока Николы Теслы, потому что исследовавшие поврежденный корабль ученые, описывали способ, с помощью которого, возможно, электромагнитное поле преобразовывалось в антигравитационное поле. И конечно, сам корабль напоминал им о немецком экспериментальном самолете-истребителе, который появился на

свет ближе к концу войны, но его разрабатывали, начиная с 1930-х годов.

Тесла и многие другие европейские ученые были пионерами в преобразовании электромагнитных полей в небольшие ограниченные области антигравитационных полей. Однако среди производителей самолетов обычной компоновки, разработок настоящего антигравитационного летательного аппарата никогда не осуществлялось, потому что бензиновые и реактивные двигатели обеспечивали технологические потребности производимого оружия. Но теория электромагнитного антигравитационного двигателя не была тайной, хоть ее и не до конца понимали и без такого источника энергии, как небольшой портативный ядерный генератор, она была невыполнима. А что, если в летающей тарелке уже было достаточно электрического потенциала и емкости для хранения энергии, так же, как у очень продвинутого летающего аккумулятора? Тогда у нее было бы достаточно энергии, чтобы усиливать и направлять волну, перемещая свои магнитные полюса. Если бы эксперименты по теории магнитного поля, проведенные инженерами и пионерами в области электроэнергии Паулем Бифельдом и Таунсендом Брауном в 1920-х годах в Калифорнийском Институте Специальных исследований, точно показали - и Американские военные, а также ученые архивариусы из Бюро Исследований обратили свое внимание работу этих инженеров – тогда бы технологическая теория антигравитационного полета существовала до начала Второй мировой войны.

Фактически, прототипы дисковидных летательных аппаратов с вертикальнымвзлетом и посадкойбыли на чертежных досках в Калифорнийском Институте еще перед войной. Просто в Соединенных Штатах никто не уделял им много внимания. Немцы действительно разрабатывали и у них были летающие диски,об этом можно почитать в сводках разведки, при этом они не оказали влияния на исход войны, кроме стимулирования гонки между Соединенными Штатами и СССР по сбору как можно большего количество информации о немецкой технологии. Таким образом, даже при том, что инженеры и раньше пытались строить летающее крыло с вертикальным взлетом и преуспели в этом, космический корабль из Розуэлла в действительности настолько функционален и перескочил все, что у нас было - а также летал в космосе-чем представлял настоящий технологический вызов ученым, приезжавшим в Воздушную Команду Материальной части. Мы знали что сделалиЕВЕ, мы попросту не могли

повторить это. Мои доклады для ВоенУИР были исследованиями технологий, которую мы должны были развить, чтобы или посоревноваться с этим космическим кораблем в отношении военной обороны или построить его самим.

В своих записках генералу Трюдо, я сделал для него обзор всех технологических значений, которые, как мне верилось, были уместны в любой дискуссии о том, что можно было почерпнуть из розуэллльского корабля. Я также описал то, что я понял о технологии магнитного поля и как чуждые условностей проектировщики и инженеры спроектировали прототипы этих "антигравов" в начале века. Все это указывало в одном направлении, я предложил: теперь у нас был корабль и могли передать промышленности его компоненты, которые включали в себя этот электромагнитный антигравитационный двигатель и средства навигации с помощью мозговых волн. Мы должны были скармливать им кусочки, как только мы разделяли их на отдельные части, у каждой из которых могло быть свое техническое направление. Для этого нам был бы нужен совет из ученых, которые в итоге запустят наш мозговой трест, людей, на которых мы могли полагаться и с кем мы могли говорить об обломках из Розуэлла. Это были ученые, которые обычно работали с нашими главными оборонными подрядчиками и могли сказать нам, кого приблизить к их подразделениям УИР для частных и безопасных консультаций.

Я надеялся, что оценка всего, что мы могли узнать о EBE и его корабле, которую я готовил для генерала Трюдо, приведет меня к решению некоторых физиологических проблем, с которыми, как мы знали, столкнутся наши астронавты в космическом полете. В начале 1960-х годов, астронавты в Соединенных Штатах и в СССР сделали свои первые полеты на орбиту и испытали во время своей миссии более, чем несколько отрицательных физических воздействий невесомости. Несмотря на наши официальные утверждения, что люди могут безопасно летать в космосе, наши врачи знали, что даже короткие периоды нахождения в невесомости чрезвычайно дезориентировали некоторых наших астронавтов, и чем дольше был полет, тем больше неудобств это влияние могло принести. Нас волновала потеря физической силы, уменьшение активности мышц сердца и диафрагмы, уменьшения возможности легких и потеря прочности костей.

Все же, разбросанные по пустыне за границей Розуэлла

существа, казались полностью адаптированными к космическому полету. Даже только суметь исследовать эти организмы было огромным успехом, но я знал, что у нас была возможность добыть все, что мы могли узнать об инопланетянах. Итак, со стороны своих предположений о EBE и их корабле я указал свои мысли о том, что главные результаты развития продукта позволят нам путешествовать в космосе в течение длительных периодов времени.

Возобновляемые запасы кислорода и питания были очевидными направлениями для работы и к 1960-м годам, инженеры НАСА уже разрабатывали способы регенерации воздуха в капсуле и способы хранения продуктов питания. Мы помогли. Это был ВоенУИР и нашим планом было развитие процесса облучения еды, который даже сегодня является основой для запасов не замороженного питания на борту космического корабля. Но кроме этого, были реальные проблемы со здоровьем и выживанием. Даже просто полет на орбиту вокруг Земли или даже полет на орбиту вокруг Луны и безопасное возвращение обратно, были прямыми техническими проблемами, которые требовали решений. Но переадаптация человеческого организма к земной силе притяжения после длительного периода нахождения в невесомости или небольшой силы притяжения была намного более тяжелой проблемой, которую предстояло решить. Физиология EBE дала важное представление. Помимо развития супер прочных волокон, которые служили бы защитой астронавтов и покрытием космического корабля, разработки процесса хранения пищи, который нейтрализовал все вредные бактерии, мы должны были исследовать способы, которым бы смогли физически натренировать наших астронавтов так, чтобы они стали лучше приспосабливаться к периодам нахождения в невесомости и дезориентации в пространстве. В то же время мы должны были разработать упаковки с питанием, которая не создавала бы нежелательной нагрузки на пищеварительную систему, нуждавшуюся в поддержке из-за уменьшения силы притяжения.

С тех пор не было изобретено никаких средств для приготовления пищи на борту космического корабля, мы не знали, как они хранили или обрабатывали еду и даже, что они ели, если ели что-либо вообще. Однако моя озабоченность по поводу процесса подготовки еды к хранению во время полета в космос была вызвана очевидным вопросом, поставленным самим космическим кораблем. Если мы собирались лететь в космос, то

из всего было ясно, что армия нашла в Розуэлле такую технологию, которую по крайней мере одна культура смогла разработали, поэтому УИР должен был найти способ накормить наших пилотов в космосе. И, мы должны были развивать процесс хранения еды в космических миссиях, который не требовал охлаждения и потребления чрезмерного количества энергии.

Проблема долгосрочного космического полета все еще не была решена, частично потому что мы продолжаем полагаться на обычные способы движения, которые подвергают наших астронавтов длительным периодам физического напряжения, особенно во время старта. У нас также нет волшебного способа для приспособления астронавтов к земному притяжению после долгого нахождения на орбите в такой космической станции, как российский Мир или нашей собственной планируемой на начало следующего века станции. Запланированные на бумаге полеты на Марс в начале двадцать первого века, также будут проблемой, потому что они будут длиться многие месяцы и подвергать наших астронавтов большим нагрузкам.

В своем докладе генералу Трюдо я предложил, хотя такая задача перед ВоенУИР не ставилась, что НАСА должна начинать подготовку кандидатов в астронавты еще когда они учатся в школе. "Если мы будем также обучать наших астронавтов с детства, как мы готовим профессиональных спортсменов в спортивных лагерях и предоставим самым многообещающим кандидатам в полет военные или правительственные стипендии в колледжах, где есть корпусы по подготовке офицеров запаса, мы создадим штат физически подготовленных офицеров, изначально обученных для вступления в следующее поколение космических полетов," - написал я. Я знаю, что генерал Трюдо озвучил эту рекомендацию, потому что, в течение последующих нескольких лет после моей отставки от службы, НАСА открыло тренировочный лагерь для будущих астронавтов.

Помимо вопросов, касающихся подготовки потенциальных астронавтов для обычного космического полета, встают и другие интригующие вопросы, например, об изучении тел EBE и возможной двигательной установки корабля. Что если на спроектированные с помощью биоинженерии для межзвездного полета тела EBE, не действуют силы, с которыми обычно сталкивается человек в космосе? Если EBE используют такие волновые технологии, как антигравитационный двигатель и навигационную систему, то они перемещаются внутри некоторой

регулируемой формы электромагнитной волны. Я предложил генералу Трюдо, что нам нужно изучить потенциальные физиологические эффекты от долговременного воздействия на людей различных видов энергетического всплесков, производимых электромагнитными волнами. Биологи должны были определить, как будет влиять на активность клеток человеческого организма излучение, возникающее в космическом полете по этому принципу. Возможно, что цельная внешняя оболочка на EBE защищала их от последствий нахождения в компактном электромагнитном поле.

Хотя ВоенУИР никогда не проводил таких исследований, так как сопровождающие полет в космосе медицинские проблемы относились к категории НАСА в соответствии с контрактами с военными, косвенные медицинские исследования стали проводиться в нем несколько лет спустя.

Исследования физиологических последствий от влияния окружающей среды на живущих вблизи линий высокого напряжения людей и людей, пользующихся мобильными телефонами с выдвижной антенной, оказались безрезультатными. В то время как некоторые люди утверждали, что в обоих исследуемых группах была более высокая заболеваемость раком, другие исследования утверждали противоположное или находили другие причины заболеваемости раком. Я полагаю, что все же необходимо провести определенные исследования в области влияния низких энергий или воздействия электромагнитных волн, потому что, в конечном счете, даже больше, чем атомная энергия или ионные двигатели, генерация магнитного поля будет системой, которая двинет вперед наши ближайшие межпланетные путешествия, начиная с 2050 года и до начала двадцать второго века. Кроме того, чтобы выйти за пределы солнечной системы, людям потребует радикально иной двигатель, который позволит им достигнуть скоростей, превышающих скорость света.

Таким образом мой второй доклад охватывал возможности для исследования представленных нам результатов вскрытия EBE и обломков их корабля. По моему мнению это было ничем иным, как подтверждением того, что исследования электромагнетизма в 1920-х года, разработки Союзников и Держав "Оси", приведут к полностью новому поколению воздушных кораблей. Я знаю, что мои отчеты читали высокие чины в вооруженных силах, потому что совершенно секретное исследование продолжается до сего момента в целой линейке моделей и двигателей от истребителя и

бомбардировщика "Стелс" до разработанных в Неллисе и Эдвардсе чертежей прототипов высотных суборбитальных самолетов-перехватчиков, которые могут зависать на месте и летать со скоростями более чем в семь тысяч миль в час.

Как только я закончил свой отчет о возможностях, которые могли бы нам дать EBE и корабль, я переключил свое внимание на составление короткого списка непосредственных возможностей, которые по-моему мнению были достижимы для перепроектирования Отделом иностранных технологий ВоенУИР. Это были определенные вещи, не настолько теоретические, как вопросы физиологии EBE или изучение их корабля. Но, несмотря на то, что некоторые могли бы назвать их чисто приземленными, очевидным результатом вмешательства ВоенУИР стало то, что каждый из этих артефактов, помог породить технологическое производство, из которой получились новые продукты и военное оружие.

Среди розуэлльских артефактов, вопросов и проблем, которые появились в результате этой катастрофы, в моем первоначальном перечне, требующем резолюции для планирования развития или простых заказов нашему военному научному сообществу, были:

- Усилители изображения, которые в итоге стали "приборами ночного видения"
- Волоконная оптика
- Суперпрочные волокна
- Лазеры
- Ориентация молекулярных осей металлических сплавов
- Интегральные схемы
- Микроминиатюризация логических схем
- HARP (Проект высотных исследований)
- Проект "Горизонт" (лунная база)
- Портативные ядерные генераторы (ионный двигатель)
- Облучение еды
- Система наведения "Третий мозг" (повязки EBE)
- Лучи из пучков частиц (противоракетное энергетическое оружие "Звездные войны")
- Электромагнитные двигатели
- Снаряды с обедненным ураном

Для каждого пункта из моего списка, генерал Трюдо сверялся со своим списком персонала и находил имена ученых,

работающих над правительственными оборонными проектами или в научно-исследовательских проектах в университетах союзников, куда я мог обратиться за советом и какой-либо консультацией. Я не был удивлен увидев, что Вернер фон Браун включается в решение каждой проблемы с ракетными двигателями. Вернер фон Браун был включен в списки в 1959 году, когда объявил, что американские войска получили новую технологию в результате совершенно секретного исследования неопознанных летающих объектов. И при этом я ни на секунду не был удивлен имени Джона фон Неймана рядом с упоминанием о кремниевых пластинках со странными серебрянными отпечатками, я думал, что они были похожи на крекеры эллиптической формы. "Если это то, что я думаю", - сказал генерал Трюдо, "то это печатная схема и есть только один человек, с которым мы можем поговорить."

Доктор Роберт Зарбахер был особо важным лицом в нашем списке ученых, потому что он работал в Научно-исследовательском Совете во время правления Эйзенхауэра. Мало того, что с Зарбахером консультировались члены рабочей группы адмирала Хилленкоттера и генерала Ванденберга об НЛО в течение 1950-х годов, он был частью оригинального решения, которое принял генерал Твининг, когда возвращал все обломки из Розуэлла в Райт Филд для предварительного изучения перед тем, как передать их в военное научное сообщество. Уже в 1950 году Зарбахер, комментируя природу обломков, сказал, что правительственным лабораториям необходимо тщательно исследовать легкие и крепкие материалы, собранные на месте падения.

Так как он был уже хорошо знаком с обломками из Розуэлла, доктор Зарбахер был еще одним очевидным кандидатом в мозговой трест ВоенУИР.

Мы также упомянули доктора Вилберта Смита, который своей запиской диспетчеру телекоммуникаций в ноябре 1950 году, убедил правительство Канады исследовать природу инопланетной технологии, которую Соединенные Штаты достали из разбитых инопланетных кораблей, и одновременно они изучались Вэнневэром Бушем. Доктор Смит, узнав об исследовании американцев от Зарбахера, сказал, что независимо от того, вписываются ли НЛО в нашу систему взглядов или нет, факт был в том, что мы их получили и для нас было важно добыть содержавшуюся в них технологию. Он просил правительство

приложить существенные усилия, чтобы применить инопланетную технологию. Генерал Трюдо шутил, что, хотя доктор Смит и знал, что у нас были технологии из Розуэлла, он в действительности не знал, что это было. "Не могу дождаться, чтобы увидеть его лицо, когда Вы откроете перед ним свой портфель, Фил," - сказал генерал, думая о том, что его старый друг всегда хотел узнать особенности того, что он спрятал в далеком 1947 году.

Каждый из этих ученых поддерживал существующие отношения с различными оборонными подрядчиками в 1950-х годах. У генерала Трюдо также были отношения с военными подрядчиками, которые с одной стороны разрабатывали новые системы вооружения для армии, в то время как с другой стороны получали части такой же технологии для развития производства потребительских товаров. Это были компании - Белл Лабс, IBM, Монсанто, Доу, Дженерал Электрик и Хьюз - с которыми генерал Трюдо хотел поговорить о списке технологических продуктов, которые мы в УИР собрали из розуэлльских документов.

"Начните обзванивать наших друзей ученых", - объявил генерал Трюдо. "И назначайте любые необходимы Вам встречи".

"Вы собираетесь куда-то поехать, Генерал?" - спросил я.

"Я тоже собираюсь в небольшое путешествие", - сказал он. "Сначала к начальнику штаба, удостовериться, что у нас есть необходимый нам контролируемый бюджет. Поэтому я хочу, чтобы Вы поговорили с некоторыми людьми, как только вернетесь из научного сообщества из Вашего перечня".

"Куда сначала?" - спросил я.

"А куда бы Вы хотели?" - парировал генерал.

"Мы некоторые время работали с усилителем изображения", - сказал я. "У нас в руках даже были устройства, с которыми немцы работали в конце войны".

"Хорошо, тогда почему бы Вам сначала не съездить в форт Белвар", - сказал генерал Трюдо. "У них последние десять лет в работе был проект прибора ночного видения, но у него нет ничего общего с тем, что у Вас в документах".

"Я отдам туда первую вещь", - сказал я.

"Да, Фил, но Вам необходимо сменить форму на гражданский костюм", - приказал генерал. "И не берите свою штабную машину". Он увидел мой удивленный взгляд. "Все, что Вам необходимо сделать, это дополнить проект," - продолжал Трюдо, "он идет полным ходом с конца войны. У них есть материал, но Вам надо дать им гигантский прыжок. Как только Вы дадите это им, Вы исчезнете, а я здесь поручу местному менеджеру проекта прибора ночного видения сообщать, что там происходит". Я приготовился покинуть его кабинет. "Никто не узнает, Фил", - сказал он. "Как Вы и думали, прибор ночного видения из Розуэлла посеет семя идеи в чьем-то разуме в форте Белвар и он станет частью истории проекта. Он исчезнет в истории разработки продукта также, как и Вы".

"Да, сэр", - сказал я. Я начинал понимать, насколько одинокой может быть эта работа.

"У Вас еще подходящий костюм?" - спросил генерал.

"Думаю, да", - ответил я. "Возможно тот, что я носил в Белом доме, он немного вышел из моды, но это не важно".

"Удачи, Фил", - сказал генерал Трюдо. "Убедитесь, что никто не узнает куда Вы едете, а я позабочусь о необходимом Вам бюджете".

Это было начало. Я отдал честь, но генерал просто пожал мне руку. В этот момент мы поняли, насколько нас впечатлила важность дела. Генерал-лейтенант, собирающий деньги на бюджет проекта и подполковник, который ищет кого-то, чтобы внедрить в производство линзу для глаз, подобранную четырнадцать лет назад каким-то неизвестным солдатом вблизи упавшего во время шторма в пустыне около Розуэлла НЛО.

Какой же парой мы должны были стать.

ГЛАВА 9

ОФИЦИАЛЬНОЕ НАЧАЛО ПРОЕКТА

Генерал Трюдо спустился вниз в холл к своему боссу в Пентагоне, чтобы начать процесс финансирования новых тем,

которые мы определили в бюджете Иностранных Технологий, а я тем вечером пошел домой и примерил свой официальный костюм из Белого дома. Президент Эйзенхауэр однажды сказал мне, что всегда доверяет человеку, который носит жилет и я всегда помнил его. Хотя были времена, когда президент просил меня надеть свой мундир для особых совещаний, где я должен был выглядеть военным, а для ежедневной работы я обычно надевал костюмы. Но после того, как я провел некоторое время в Красном Каньоне и в боевом мундире в Германии, я потерял ловкость ношения штатской одежды. Тем не менее, после всех лет я снова его надел, как какой-то Джо из "С 9 до 5", так как я направлялся в форт Белвар, может быть в самую важную военную базу во всем военном округе Вашингтона.

Форт Белвар был одним из таких военных узлов, где обычные тренировки и тестирование оружия были эффективным прикрытием тайной жизнью форта Белвар. Он комфортно располагался в тридцати минутах езды от Пентагона и был обширной частью совершенно секретных военных исследований технологий НЛО. В Белваре находился военный Технический институт и для таких бывших офицеров из артиллерии и ракетных войск как я, поддерживал базу данных важной информации о баллистическом тестировании и разработке нового оружия. Но на своей секретной стороне, форт Белвар был родиной Школы связи, где имевшие доступ к совершенно секретной информации офицеры, обучались для Совета национальной безопасности.

Даже спустя годы после того, как я оставил действительную военную службу, в форте Белвар хранились давние истории об НЛО, включая фотографии и даже снятые военными фильмы об упавших инопланетных кораблях. Очень немногие люди знали, что секретное элитное подразделение военно-воздушных сил работавшее в форте Белвар - якобы на военной базе - отвечала за поиск упавших НЛО. Именно так форт Белвар стал хранилищем секретных фильмов об НЛО. Эти тайны в течение многих лет оставались в форте Белвар и тщательно охранялись, в то время как базу окутывала тайна. Для тех, кто подозревает о хранящейся на базе информации, форт Белвар является центральной частью официальных легенд о прикрытии НЛО, окружающих вооруженные силы.

Я, я был на пути туда, где можно поговорить о проекте прибора ночного видения и увидеть какие там хранились

документы об инфракрасных видоискателях из германии со времен Второй мировой войны, которыми нацисты пытались укомплектовать свои войска для ведения ночных боевых действий. Это были тяжелые, громоздкие устройства, которые нагружали пехоту и заставляли их пригибаться. Они никогда не были эффективными на войне, но сулили огромный обзор боля битвы в ночное время, где армия могла маневрировать вокруг своего слепого и беспомощного врага. Это мучило и Советы и американские силы, когда мы приблизились к самым секретным средствам вооружения Германии в течение заключительных месяцев войны.

Наши войска обеспечили нам все немецкие документы о приборах ночного видения, устанавливаемых на оружии и касках, но когда мы осмотрели упавшую тарелку в Розуэлле и увидели затуманенный дневной свет через иллюминаторы, мы поняли какой мог быть потенциал у приборов ночного видения. После того, как корабль вернулся в Райт Филд и генерал Твининг сделал свой первый доклад, в тот момент мы поняли, что были слепым и беспомощным врагом в глазах EBE. Эти существа контролировали наше ночное небо, непринужденно наблюдая за нами, чего не было у нас, пока несколько лет спустя мы не сделали свои собственные приборы ночного видения и уровняли шансы против них и выстроившихся вокруг нас советских сил.

Мой великолепный темно-синий "Олдсмобиль", возможно и не был секретным оружием в арсенале США, но нес на себе отпечаток одной из крошечных составных частей того, что будет одним из самых эффективных вооружений холодной войны. Партизанские армии использовали ночь на своей земле, как тактическое оружие, которое позволяло им занимать правильные позиции без возможности быть обнаруженными. Они как невидимки могли обеспечить себе преимущество на поле битвы. Но снабдив патруль приборами ночного видения, установив эти приборы на танках и машинах наблюдения, паря ночью над полем битвы на боевых вертолетах, оборудованных ночным видением, ночь внезапно становится днем и невидимый враг появляется в Вашем прицеле, как добыча у охотника.

Для EBE мы были добычей и мы знали, что они контролировали нашу обороноспособность, наблюдая за следящим за ними секретным самолетом и летали над нашими экспериментальными спутниками. Мы видели их на нашем радаре, я видел их на наших экранах своими собственными

глазами и мы знали, что их присутствие не было благоприятным. Но у них было преимущество перед нами, которую мы не смогли бы преодолеть, если бы не обрели технологическую способность действительно укрепить защиту, чтобы сделать цену их участия в крупномасштабной войне слишком высокой. Мало того, что это было преимущество, которое дало нам возможность снизить вероятность наших столкновений с ними; это был один из многих факторов, которые обеспечили нам спокойствие в части присутствия инопланетян. Если бы у государства не было врага, то не было бы никакого давления общественности, чтобы сделать с этим что-либо. Таким образом, мы просто отрицали всю инопланетную активность и у военных не было необходимости противостоять инопланетной угрозе. Но мы все еще планировали, изучая их враждебные намерения и продвигая разработку оружия, которое могло бы сократить их преимущества.

Было почти невозможным организовать вооруженные силы так, чтобы это помогло нам бороться с инопланетными врагами, наши старые враги Советы и Китай нам в этом не помогали. Советы не отрицали своих намерений доминировать над всем миром с помощью коммунистических революционных переворотов и приступить к этому сразу же, как только закончилась Вторая мировая война. К 1948 году на Восточную Европу опустился Железный занавес и Советы пытались вернуть нас в состояние попустительства. В 1949 году Мао Цзэдун изгнал Чан Кайши из материкового Китая на остров Тайвань и у Соединенных Штатов появился еще один крупный коммунистический противник, пытающийся навязать свою волю на своих соседей в Азии. Сначала мы попробовали их кровь в Корее и вскоре почти захлебнулись ей во Вьетнаме, Лаосе, Таиланде и Камбодже.

Это были трудные времена, которые стали еще тяжелее, потому что американские войска также знали, что не только свободный мир, но и вообще весь мир находился под военной угрозой силы, намного большей, чем объединенные вместе силы Советского Союза и Китайской Республики. Мы поначалу не знали, что хотели ЕВЕ, но мы знали, что на фоне увечий рогатого скота, наблюдений за установками нашего секретного оружия, сообщений о странных похищениях людей и их постоянных зависаний над нашими беспилотными и пилотируемыми космическими миссиями, ЕВЕ не были просто дружелюбными визитерами, которые искали способ вежливо сказать - "Привет, мы не причиним Вам никакого вреда ". Они имели вредные

намерения и мы об этом знали. Проблема была в том, что мы поначалу не могли с этим ничего поделать и все что мы в действительности пытались сделать, должно было делаться в полной тайне, иначе это вызвало бы международную панику.

Но Холодная Война обернулась для нас огромной возможностью, потому что она позволила модернизировать наши вооруженные силы, демонстрируя на публике подготовку к борьбе с коммунистами, тайно создавая арсенал и стратегию защиты от инопланетян. Короче говоря, реальная и достаточно опасная Холодная Война, была для нас также и прикрытием развития системы слежения за планетой и системы обороны, обращенной и в космос, и на территорию Советов. И Советы делали то же самое, но мы смотрели вверх, а они смотрели вниз.

Единственным молчаливо признаваемым совместным усилием Советов и США, одновременно с тем, что каждый явно использовал холодную войну для получения преимущества друг перед другом, было то, что мы стремились развить способность военной защиты от инопланетян. Мельчайшие признаки такой политики были заметны в типах оружия, развиваемого обоими странами, а также в нашем взаимном отношении друг к другу каждый раз, когда одна сторона близко подходила к красной кнопке. Я это могу сказать Вам определенно, потому что я был там, когда мы по крайне мере четыре раза избегали ядерной войны, так как обе военные группировки сумели отступить, когда раздувался пылающий котел войны, угрожавшей охватить всех нас в период между 1945 и 1975 годами - Первый Берлинский кризис, вторжение Китая в Корею, Карибский кризис и Четвертая арабо-израильская война - а также, вероятно в будущем.

К тому моменту, как президент Никсон вернулся из Китая, согласившись отдать Вьетнам коммунистам, он эффективно направил фланг Советов в сторону холодной войны. В течение следующего десятилетия Советы чувствовали себя пойманными в ловушку между китайцами, с которым они вели приграничные войны в прошлом и Соединенными Штатами. Когда президент Рональд Рейган продемонстрировал Михаилу Горбачеву, что Соединенные Штаты были способны развернуть эффективную противоракетную оборону и пытались сотрудничать с Советами в обращении ее против инопланетян, все поводы для ведения холодной войны исчезли и большой советский монолит в Восточной Европе начал рушиться.

Но холодная война волшебным образом подействовала на обе супердержавы, позволив им подготовить свою оборону против инопланетян, без необходимости раскрывать общественности, что же они делали в действительности. Когда Вы решите это проверить, сами документы будут свидетельствовать, что холодную войну сопровождали другие тайные планы. В конце концов, почему одной стороне, имеющей в реальности десятки и более боеголовок, необходимо разрушать ракетно-ядерный арсенал другой стороны, а также крупнейшие центры сосредоточения их населения? Реальная история обширных ракетных арсеналов, огромного флота авиабомбардировщиков и подводных платформ для запуска межконтинентальных баллистических ракет состоит в том, что обе стороны готовились к нападению инопланетян, и если бы они заняли часть нашей планеты, у нас была бы огневая мощь, чтобы уничтожить их. Если бы они напали на Соединенные Штаты или на Советский Союз, то потеряв один из арсеналов, у нас все равно было бы достаточно ракет, чтобы заставить их заплатить высокую цену за начало войны, что даже им этого не стоило бы и пробовать. Это было частью нашего секретного плана, который стоял за наращиванием огромного военного потенциала в 1950-х и 1960-х годах: пожертвовать частью планеты, чтобы другая часть смогла выжить. Это позволяло Соединенным Штатам и СССР запугивать друг друга, но также это работало на глав служб военной разведки, как способ запугивать любые внеземные культуры.

Никто об этом не писал, потому что размещение оружия во время холодной войны было прикрытием плана противодействия инопланетянам.

Несомненно, это было трюкачеством, продолжающимся в течение почти сорока лет, начиная с 1948 года и до 1989 года, когда рухнула Берлинская стена. Каждая сторона пыталась заставить другую сторону потратить как можно больше денег, чем у них было, с целью ослабить ее экономику. Наше ЦРУ последовательно давало нам ложные оценки, потому что они передавали нам информацию из КГБ, в то время как мы, мне это было известно, пытались сделать то же самое с Советами. И если бы Советы смогли выиграть холодную войну максимально бескровно, то они бы так и сделали. Но в конце концов, поскольку тщетность взаимного разрушения сделала Третью мировую войну нереальной, наше внимание стало больше сосредотачиваться на общем враге: инопланетянах, которые отказывались уходить.

Во время холодной войны нам делали тонкие и не очень намеки о том, что тайный план был в действии. Большинство людей просто не знало куда смотреть. Для тех, кто это делал и таких было много, ответы лежали на видном месте. Хотя над ними нависала тяжелая цензура и угроза карьерного краха, множество военных и гражданских источников сообщали о наблюдениях за летающими тарелками. Истории о похищениях - в то время как большинство из них было или фантазиями, кошмарами или воспоминаниями о других событиях, так называемых похищениях в детстве - продолжали появляться в больших количествах.

Некоторые были правдой и это сильно пугало членов рабочей группы по НЛО. Если правительство не могло защитить своих граждан от похищений инопланетянами, то не было ли это показателем нарушений в функционировании государственного органа? Этобеспокоило.

Аналогично, если бы в одно и то же время слишком много людей заметят множество летающих тарелок, то не стало бы очевидным, что вооруженные силы супердержав не могут защитить свое население? Какое-то время это было верным, но общественность этого никогда не понимала. Скоро мы сможем модернизировать нашу защиту воздушного пространства и подготовить множество перехватчиков против ограниченных ресурсов EBE и представить для них реальную угрозу. Они внедрились и исследовали нашу обороноспособность только тогда, когда она казалась им безопасной. Таким образом у соревнований супердержав, кто потратит больше миллиардов долларов и построит самые быстрые и лучшие перехватчики, была истинная двойная цель. Нам были нужны эти самолеты, потому что они дали сверхдержавам гибкий альтернативный ответ на угрозу уничтожения с помощью управляемых ракет, но в то же время обе супердержавы разрабатывали технологию ПВО, чтобы защитить планету от инопланетян.

Всем хочется сделать самый лучший и быстрый самолет, но конечно такой, чтобы им было можно управлять и стрелять по врагу. Но мы также защищали свое небо от врага, наличие которого мы отрицали. Всегда был другой тайный план и холодная война обеспечила вооруженным силам необходимое бюджетирование: Мы строили самолет для защиты от летающих тарелок. Ивоченьреальныхоценках, мыпреуспели.

И Соединенные Штаты и СССР были уязвимы в другой области, где инопланетяне вели себя агрессивно по отношению к нашим военнослужащим: в наших программах исследования космоса. С самого начала наших усилий по отправке спутников на орбиту, инопланетяне следили и затем активно вмешивались в полеты наших ракет-носителей, а в некоторых случаях и в сами перевозимые грузы, нападая на их, нарушая радиообмен, вызывая электрические неполадки в системах космических кораблей или вызывая механические сбои. Американские астронавты и советские космонавты по-отдельности сообщали о наблюдениях НЛО так часто, что это стало банальным явлением. Однако, аудио/видео обмен информацией из космоса между космическими капсулами и НАСА, производится посредством секретного зашифрованного сигнала так, чтобы сообщения о помехах космическому кораблю не могло быть подслушанным частными слушателями на НЛО. И даже в этом случае, астронавтам определенно приказано не сообщать о наблюдениях НЛО до своего приземления.

Например, астронавт Гордон Купер, сообщил, что будучи летчиком-истребителем в Германии в 1950-х годах, он был поднят по тревоге вместе с другими пилотами реактивных истребителей "Сейбр" на перехват группы пролетающих над его базой НЛО, но когда его группа истребителей слишком приблизились, группа НЛО улетела. Купер также описал фильм о приземлении НЛО, который он смотрел на Авиационной базе ВВС Эдвардс в Калифорнии в 1957 году. Он сказал, что отправил этот фильм в Вашингтон и расследовал его вместе с офицерами проекта "Синяя Книге", но они не ответили на его вопросы.

Точно так же, пилот "X-15" Джо Уокер рассказал, что в 1961 году его заданием, помимо достижения нового мирового рекорда скорости в воздухе, была также охота на НЛО во время своих полетов на высоте. Он также рассказал, что год спустя в 1962 году во время полета на "X-15", он снял НЛО на пленку. Сохранились и другие доклады астронавтов миссии "Меркурий 7", за которыминаблюдали НЛО, о том, как Нил Армстронг видел инопланетную базу на Луне во время облета и посадки миссии "Аполлон 11". НАСА конечно же, ни в чем не признавалось и, что очень правильно, считало это наиважнейшим вопросом национальной безопасности.

Внеземное присутствие на Луне, было ли это правдой или нет в 1950-х годах, было такой проблемой такой военной важности,

что ее собирались сделать предметом для дебатов в Совете национальной безопасности, пока адмирал Хилленкоттер и генералы Твининг и Вандерберг не забрали все это к себе в рабочую группу под гриф совершенной секретности. Формально, эта проблема никогда не доходила до Совета национальной безопасности, хотя ВоенУИР под командованием генерала Трюдо в 1958 году быстро представил предварительные планы "Горизонта", проекта строительства лунной базы, разработанного для возможности предоставления Соединенным Штатам военного присутствия для наблюдения за лунной поверхностью. Начатый в конце 1950-х годов и планируемый к завершению в период между 1965 и 1967 годами, "Горизонт" предполагал строительство на Луне защитных укреплений от попыток Советов использовать ее в качестве своей военной базы, первоначально планировалось строительство систем наблюдения и дальнего обнаружения ракетного удара Советов, а самое главное, наблюдения и защиты от НЛО. Откровенно говоря, это был план по организации линии обороны в космосе, чтобы защитить Землю от внезапного нападения. Но реализация "Горизонта" была отложена, когда принятый закон "О национальной аэронавтике и исследованию космического пространства" передал бразды правления гражданской НАСА, эффективно устранив военные подразделения от преследования их проектов и намного позе в 1970-х годах.

Страх перед возможным пробным нападением на нашу планету, с целью исследования ее обороноспособности разлетался по Совету национальной безопасности и среди начальников военных штабов, начиная с середины 1950-х годов. Даже генерал Дуглас Макартур после отставки из армии вступил в перепалку, убедив вооруженные силы подготовиться к тому, что как он чувствовал, будет следующей главной войной. В 1955-м году он сказал для "Нью-Йорк Таймс", что "Мировые нации должны будут объединиться для следующей межпланетной войны. Однажды страны Земли объединятся в общий фронт против напавших на них жителей других планет". Общественность не придала большого значения этому высказыванию, но фактически это было раскрытием стратегической мысли вооруженных сил в 1950-х годах и объясняет часть паранойи, которую правительство выказывало обо всей информации, касающейся летающих тарелок и неопознанных объектов. Частью реакции военных на то, что они считали инопланетной угрозой, было, во-первых, проанализировать специфичные методы, которыми инопланетные космические корабли "пассивно" разрушают нашу обороноспособность и всемирные коммуникации с помощью

электрического и магнитного поля и развить схему противодействия этому. Во-вторых, генерал Трюдо и его коллеги в других отделениях вооруженных сил в Пентагоне, занятые стратегическим планированием, смотрели на агрессивное поведение ЕВЕ. Они не просто следили или обследовали наши космические корабли на орбите; они нападали на нас и пытались разрушить наши системы коммуникации так, что НАСА несколько раз должна была заново продумывать систему безопасности астронавтов в программах "Джемини" и "Меркурий". Несколько лет спустя, среди покинувших круги НАСА аналитиков Военной разведки возникло мнение, что программа посадки Аполлона на Луну была в итоге закончена из-за отсутствия каких-либо способов защиты астронавтов от возможных инопланетных угроз.

Еще космические корабли инопланетян настойчиво беспокоили нашу оборону у границы с Восточной Европой, либо искали слепые зоны, либо слабые места, либо - как я считал, потому что был там и видел все своими глазами - исследовали наш радар, чтобы понимать, насколько быстро мы реагируем. Мы видели проскакивающие и внезапно исчезающие по нашим экраны вспышки, которые мы не могли зафиксировать. Затем они снова появлялись, только на сей раз еще ближе к нашим аэродромам или пусковым установкам. Как только мы понимали, что это не были советские или восточногерманские разведывательные самолеты, мы иногда решали не отвечать на их угрозы. Много раз они просто улетали. Но в другое время они играли с нами в кошки-мышки, приближаясь все ближе и ближе, пока мы не реагировали. Этим они изучали, насколько быстро мы могли реагировать и определять их на наших радарах наведения или ловить их нашими перехватчиками. Каждый раз, когда мы хотя бы замечали их, они скрывались в атмосфере на скоростях более чем в 7 500 миль в час. Если мы пытались преследовать их, то они играли с нами, пока летчики не возвращались домой.

Единственными успехами, которых мы достигли в обороне против них в конце 1950-х и в начале 1960-х годов, были уверенные отслеживания их перемещения на радарах. И затем, когда мы объединили наши радары наведения, то сигналы от летящих за ними ракет как-то вмешивались в их навигационную систему и полеты тарелок стали неустойчивым. Если бы нам повезло, и мы смогли бы усилить сигнал до момента их удаления, то фактически мы смогли бы их сбить. Иногда нам везло и ракета попадала в цель, прежде чем НЛО мог уклониться, так было сделано в батальоне ПВО около Авиационной базы ВВС Рамштайн

в Германии в мае 1974 года с помощью зенитной ракеты. Космический корабль разбился в долине. Корабль был обнаружен и отправлен на авиабазу Неллис в Неваде. Катастрофа в Розуэлле произошла иначе. Было множество предположений, что это произошло из-за бури в пустыне с молнией и наших радаров слежения в Аламогордо и 509-го, которые помогли инопланетному кораблю упасть в пустыне Нью-Мексико в 1947 году.

Тогда же были и подозрительные увечья рогатого скота, а также сообщения о похищениях, возможно самая прямая форма вмешательства в нашу культуру за исключением прямых атак наших установок. Пока среди разоблачителей велись дебаты - о том, что это были комбинации обманов, ежедневных нападений хищников на рогатый скот, психологических воспоминаний прошлых эпизодов детских кошмаров, которых рассказывали похищенные и несомненно фальсификации СМИ - оперативные исследователи обнаружили, что они не смогли объяснить некоторые увечья рогатого скота, особенно в случаях, когда было похоже на применение лазерной хирургии, а психологи обнаружили общие тревожные черты в описаниях похищенных, не знавших историй друг друга. Сообщество военной разведки расценило эти истории с увечьями и похищениями очень серьезно. Они выделили описания по крайней мере трех разных сценариев, в которых (1) EBE просто проводили научные эксперименты на земных формах жизни и собирали различные экземпляры, без слишком сильного вреда и тревоги для нас; (2) EBE активно собирали образцы и проводили эксперименты, чтобы определить, была ли окружающая среда подходящей для их жизни и любой нанесенный вред их не интересовал; и (3) все эксперименты и сбор образцов были прелюдией к какому-либо проникновению или вторжению на нашу планету. Мы не знали их мотивов, но могли только предполагать худшее и поэтому считали необходимым по-возможности защищать себя.

Никогда не раскрывая этого публично, аналитики военной разведки поддержали мнение, что Земля уже находилась под некоторой формой пробного нападения одной или более инопланетных культур, которые проверяли наши способности и решимость защитить себя. Никогда непосредственно не обращаясь, либо с помощью контактов между инопланетянами и правительствами уже заселенной Земли - потому что записки и протоколы рабочей группы Хилленкоттера, никогда Начальниками штаба или их офицерами разведки не

разглашались - главы вооруженных сил коллективно решили, что было лучше планировать войну, а не удивляться.

В то же время гражданские лидеры национальной космической программы в НАСА решили, что военная разведка слишком остро реагировала на слежку и зависание над нашим космическим кораблем. НАСА, которое относилось к любым сообщениям о о внеземной деятельности вокруг наших космических кораблей со строгой конфиденциальностью, тем не менее решило придерживаться официальной позиции "ждать и наблюдать", потому что там полагали о невозможности начать открытое развитие военной оборонной космонавтики и одновременно достигать гражданских научных целей. Таким образом, НАСА согласилось действовать скрытно. Как прикрытие, в 1961 году НАСА согласилось сотрудничать с органами военного планирования, чтобы работать "вторым уровнем" космической программы под прикрытием гражданских научных миссий. Они согласились открыть конфиденциальную линию "обходной" связи с военной разведкой относительно любых враждебных действий, проводимых EBE против наших космических кораблей, даже если они включали только слежку или наблюдение. Я знал об этом от своих контактов в сообществе военной разведки. Что бы НАСА ни сообщало военной разведке, это конечно же поступало по еще более секретному обходному каналу в рабочую группу Хилленкоттера и обновлялось по каждому сообщению астронавтов о случаях появления инопланетного космического корабля, особенно во время первых полетов Аполлона, когда тарелка EBE нападала на лунные модули ряда миссий, покидавших орбиту вокруг Земли. Даже при том, что военная разведка не допускалась в круг обмена информацией между НАСА и рабочей группой, у меня и немногих других все еще были контакты в гражданском разведывательном ведомстве, которые нас информировали. И военным и военно-воздушным силам удалось получить по крайней мере 122 фотографии, сделанные астронавтами на Луне, которые дали некоторые доказательства инопланетного присутствия. Это было потрясающей находкой и было одной из многих причин, почему в 1981 году администрация Рейгана так продвигала Инициативу Космической обороны.

В 1960 году, на конфиденциальное одобрение рабочей группы и по требованию Агентства национальной безопасности, которое было обеспокоено уязвимостью его полетов "U2", НАСА согласилось позволить некоторым его миссиям стать

прикрытиями для военных спутников наблюдения. Эти спутники, хотя и предполагалось использовать для наблюдения советскими МБР, определяли активность инопланетян в отдаленных частях земли. Возможно, в 1960-х годах, у нас не было технологии для перехвата их судов, но при помощи новых спутниковых методов наблюдения мы полагали, что будем в состоянии получить примеры присутствия инопланетян на нашей планете. Военная разведка полагала, что если бы мы затруднили для них возможность постройки баз на Земле, то возможно они бы просто ушли. Это было другим примером того, как стратегия холодной войны использовалась для двойной цели попробовать следить за внеземной деятельностью под покрытием слежки за советской деятельностью.

Однако в течение 1960-х, отделом Иностранных Технологий были начаты критические проекты для защиты систем жизнеобеспечения командования и управления, включая укрепление коммуникаций и системы компьютерной защиты, защиту компонентов, чувствительных к электромагнитному пульсу, такому же виду энергии, которую производит ядерный взрыв, а также космический корабль ЕВЕ. Фактически, наше исследование эффектов электромагнитного импульса или ЭМИ, было настолько важным, что начиная с конца 1950-х годов Министерство обороны моделировало ЭМИ, чтобы определить, как защитить электрические схемы самолетов, танков, ракет и судов от выхода из строя. Генераторы ЭМИ были установлены во многих местах по всей стране, включая армейские лаборатории Гарри Деймонда в Филадельфии, Мэриленд, эмуляторы ЭМИ I и II для военно-морского флота посреди Чесапикского залива и еще один в Чайна Лейк в Калифорнии. Военно-воздушные силы установили эмуляторы ЭМИ на Авиационной базе ВВС в Кирклендe в Нью-Мексико, армейских дополнительных установках в Уайт Сэндс, Нью-Мексико и в арсенале Редстоун в Алабаме. Мы также начали разработку оборудования ночного видения из обломков, чтобы дать возможность нашим войскам видеть ночью таким же способом, как и ЕВЕ, наконец позволив нам получить точку опоры, если не равную инопланетянам, но такую, чтобы мы смогли принудить их к некоторой патовому положению. Тогда мы только начинали понимать в чем заключались их намерения и удивительные тайны их существовании на этой планете.

Сегодня мой разум занимало ночное видение, я проскочил через контрольный пост главных ворот и очень быстро летел в

отделение исследовательских лабораторий в форте Белвар к военным специалистам, которые как оказалось были удивлены, что на мне не было униформы.

"Полковник Корсо", - сказал доктор Пол Фредерикс, консультант отдела по разработке технологий ночного видения в форте Белвар, когда протянул мне руку и проводил меня к своему специальному кожаному табачного цвета креслу. Оно выглядело слишком большим для его небольшого кабинета и очевидно было его любимым местом. Я был благодарен оказанной мне честью и любезностью. "Генерал Трюдо сказал мне, что Вы привезете нам какую-то удивительную информацию об одном из проектов над который мы здесь работаем".

"Я надеюсь, что это будет полезным для Вас, доктор Фредерикс", - начал я. "Я не физик, но я думаю, что у нас есть кое-что, что могло бы ускорить время исследования и открыть некоторые новые возможности".

"Все, что может помочь, Полковник", - сказал он, когда я открыл свой портфель и стал раскладывать все, что привез. "Все, что угодно".

ГЛАВА 10

Программа "Локхид U-2" и проект "Корона": Шпионы в космосе

"Конечно, генерал Трюдо контактировал с Доном и всей группой разработчиков", - продолжал доктор Фредерикс, когда он смотрел, как я открыл папку с ночным видением, которую я достал из своего портфеля. "И я знаю о сущности материала, который у Вас есть. Это не то, о чем мы хотели поговорить по телефону".

"Я ценю Вашу осмотрительность, доктор Фредерикс", - сказал я. "Если Вы считаете, что я собираюсь показать кое-что, что можете помочь Вам в процессе разработки, это Вам для работы. Но договоренность будет состоять в том, что все будет происходить отсюда из форта Белвар. УИР приложит все необходимые усилия для бюджетного финансирования этой разработки. Вы используете свои собственные возможности для производства продукции и возьмете все кредиты для организации процесса на себя".

"А этот разговор?" - спросил доктор Фредерикс.

"Как только Вы скажете, что сможете использовать то, что я принес, мы организуем для Вас необходимый бюджет", - начал я, "этого разговора никогда не было и Вы исключите мое имя из своего списка посетителей".

"Теперь Вы меня по-настоящему заинтересовали", - сказал он только с долей озадаченного сарказма в голосе, как если бы он проходил через это много раз прежде. "Что Вы привезли в портфеле, это так секретно?"

И одновременно с этим я достал первый из армейских обзоров прибора ночного видения 1947 года, который мы достали из розуэлльских обломков. Я передал его доктору Фредериксу, который смотрел на него, держа кончиками пальцев, будто это был один из Свитков Мертвого моря.

"Вам не надо быть настолько аккуратным с ним, доктор Фредерикс", - сказал я. "Я сделал несколько термокопий".

"У Вас есть действующее устройство?" - спросил он.

"В Пентагоне".

"У кого это было?" - продолжал он.

"Сейчас уже ни у кого", - сказал я ему. "Согласно рапорту, они нашли это в песке около одного из тел".

"Тела? Из катастрофы в Розуэлле?" Теперь он был абсолютно поражен. "Генерал Трюдо ничего не говорил никому о телах".

"Да, это правда", - сказал я. "Эту информацию мы не выдаем. Генерал Трюдо уполномочил меня отвечать на любые Ваши вопросы до определенного уровня секретности".

"Мы еще не достигли цели," - доктор Фредерикс одновременно и спрашивал и утверждал.

"Но мы близко", - намекнул я. "Я могу говорить об устройстве, говорить о том, где оно было найдено, но только, вероятно, насколько сам знаю. Если генерал Трюдо захочет сделать секретный доклад и уполномочит меня это сделать, то я смогу углубиться".

"Забавно, но я всегда думал, что Розуэлл был своего рода легендой. Вы знаете, они нашли что-то, но возможно это было у русских", - сказал доктор Фредерикс. Затем он снова спросил, видел ли кто-либо при сборе обломков в Розуэлле какое-либо из существ, которое носило такое устройство ночного видения.

"Нет", - сказал я. "Там было много обломков, выпавших из корабля. Солдаты поисковой команды просмотрели сквозь один разрывов, пробегая вдоль корабля и они увидели вмонтированные в корпус иллюминаторы. Что их удивило их, когда они просмотрели сквозь иллюминаторы, они увидели дневной свет или зеленоватый, матовый рассеянный свет, который был похож на сумрак, но снаружи было абсолютно темно".

Пол Фредерикс уже сидел на краю своего стула.

"Никто на месте крушения ничего не знал о приборах ночного видения, которые немцы разрабатывали во время войны", - объяснил я. "Поэтому, даже офицеры поисковой команды были поражены тем, что они увидели. Когда они провели вскрытие инопланетянина в 509-м и извлекли эти 'окуляры', что является единственным словом, которым я могу использовать для них, они поняли, что это был сложный набор отражателей, которые собирали весь доступный свет и превращали его в усиленное, видимое ночью изображение". Я продолжал, указывая на эскиз в руках Пола Фредерикса. "Один медицинский работник попытался просмотреть через него в затемненную комнату и оно показало изображение, но с ним ничего никогда не делалось, они упаковали его вместе остальными частями инопланетянина".

"Они проводили с ним какие-либо исследования, когда привезли?" - спросил Фредерикс.

"Некоторые", - сказал я ему. "Но у них не было никаких возможностей в 509-м и им пришлось подождать, пока они не перевезли его в Райт. Только когда парни из разведки Воздушной Команды Материальной части получили это, они поняли, что это было похоже на то, что пытались разработать немцы".

"Но оно было намного более сложным", - сказал доктор Фредерикс. "Немцы даже не приблизились к чему-то вроде этого".

"Да, сэр", - сказал я. "Даже близко не были. И люди из разведки в Райте так заинтересовались этим. Насколько близко немцы подобрались к концу войны? Что у них еще было? Помогали ли им?"

"Или", - доктор Фредерикс говорил очень медленно, "они обнаружили точно такие же обломки, как у нас?"

"Это точно, доктор Фредерикс", - сказал я. "Что же они нашли?"

"И если немцы смогли достать этот материал, то что относительно Советов?" – спросил он. Но теперь он говорил сам с собой, говоря голосом, который звучал, как будто он действительно думал вслух. "Почему не китайцы или кто-либо из наших европейских союзников? Сколькотам этогоматериала?" - наконецон спросилменя.

"У нас нет ответов", - сказал я ему. "По крайней мере, у нас в армии. И по очевидным причинам, никто из причастны лиц не делится этой информацией со службами или какими-либо другими агентствами. У нас есть только то, что есть и мы готовы этим заниматься".

"И Вы не хотите мне об этом рассказать или пытаетесь разнюхать любую информацию", - сказал он.

"Если бы мы думали, что Вы собирались сделать это, то меня здесь бы не было", - сказал я. "У меня здесь есть отчеты и описания устройства. Я оставлю их Вам. Если Вы думаете, что сможете включить их в свою программу разработок, то я отправлю Вам весь материал. Развивайте его, как захотите. Предложите Вашему оборонному подрядчику запатентовать его. Никогда не говорите им откуда он у Вас или о его возможном происхождении. Мы заинтересованы в том, что кто бы ни придумал прибор ночного видения, с кем Вы в итоге заключите контракт на производство, он может полностью владеть этим продуктом и прилепить на него свое имя. Все, что мы хотим, так это развить этот прибор. Именно так."

"Могу я?" – спросил доктор Фредерикс, протягиваясь к отчетам, которые я положил на подлокотник кожаного кресла.

Я протянул ему пачку бумаг и он просмотрел ее, как будто был моим старым учителем, проверяющим курсовую работу, сутулясь, хрюкая и кивая на каждой странице.

"Здесь больше о том, как они обращались с инопланетянином в Райт Филд, чем о самих окулярах", - сказал я. "Поскольку в действительности, они не знали как эти штуки работают, они не захотели разбирать их на части".

"То есть они просто упаковали их?" – спросил он.

"В основном так и было", - сказал я. "Сначала они не знали, как это работает. Или возможно, они думали, что от этого можно ослепнуть или еще что-то. Они опасались их. Через некоторое время они просто положили их на долгое хранение и надеялись, что кто-нибудь заберет это у них".

"И это были Вы", - сказал доктор Фредерикс.

"Фактически", - сказал я ему, "это будете Вы, если захотите".

"Я должен прочитать этот материал более тщательно и понять, в какую часть проекта мы можем включить Ваш прибор ночного видения, не вызывая особого шума", - объяснил доктор Фредерикс.

"Насколько это будет сложно?" – спросил я.

"В форте Белвар", - ответил он, "команды учат держать свои мысли при себе. Если Вы скажете им, что это часть иностранной технологии, полученной нашими парнями из разведки откуда то из другой страны и мы хотим внедрить это в нашу работу, то все будет тихо".

"Никто не задаст никаких вопросов?" – надавил я.

"Никто не задает вопросов ни при каких обстоятельствах", - сказал он. "Дело пошло бы быстрее и создало бы свою некоторую бюрократию, если бы у нас был бюджет, чтобы превратить это в проект с реальными сроками выполнения работы".

"И что затем произойдет?" – спросил я.

"Точно так же, как на заводе Санты в первый день зимы. Никто из эльфов не отрывает глаз от рабочего места, пока все не сделает. Затем начнется следующий проект и все забудется. К тому времени, когда войска станут применять эти штуки и получат золотые часы на приеме в Потомак Инн, ночное видение станет всего лишь большим счастливым воспоминанием, с переделанными для красивой истории деталями. Никто никогда даже не задумается, полковник Корсо", - сказал он. "С момента, когда наши парни передадут материал, он растворится в общей каше разработок форта Белвар и выйдет с другого конца в виде боевого оружия ".

Я встал и закрыл свой портфель, пока он обходил свой стол. "Так что же Вы порекомендуете генералу Трюдо?" – спросил он.

"Я хотел бы предложить передать устройство, Вы рассчитаете необходимый Вам бюджет, а генерал Трюдо обеспечит финансирование", - сказал я.

"А Вы?" – сказал он.

"Было бы лучше нам больше не встречаться, доктор Фредерикс", - сказал я ему. "Конечно, в ВоенУИР будет ответственный за разработку прибора ночного видения. Он будет отчитываться перед генералом Трюдо и все, что мне нужно будет узнать, я буду узнавать от генерала. Я буду знакомиться с отчетами о разработке, как только они будут появляться. Примите поздравления по случаю Вашей новой технологии. И поздравьте компанию, которую привлечете для этого оборонного контракта".

"Безусловно поздравлю", - сказал доктор Фредерикс.

Мы обменялись рукопожатием и он проводил меня из своего кабинета в коридор. На мгновение это походило на выход из нереальности в реальность. Мы только что создали свою часть реальности, создали часть истории. Парни технологи из научных исследований в форте Белвар получат устройство от одного из своих консультантов, который нашепчет им, что оно было получено от одного из наших врагов. И ничего не спрашивать.

Это было тем, что искали люди из лаборатории в форте Белвар, чтобы показать им, как может выглядеть законченное устройство. Смогут ли они придумать план перепроектирования? Есть ли компания, которая производит для них приборы ночного видения? И в течение нескольких месяцев, любая компания, чем бы она ни занималась, разработает план, бюджет развития и новое описание для странно выглядящих окуляров, которые достали из моих розуэлльских папок. Это может занять пять или около этого лет, но когда оно выкатится со сборочного конвейера где-нибудь в Пенсильвании, Мэриленде, Огайо или из любого места, где на нем будет клеймо "Сделано в США", я прочитаю об этом в газетах или увижу по телевизору.

Прибор ночного видения было первым проектом, который мы фактически зародили в течение моего первого года пребывания в Иностранной Технологии. Это оказалось легко из-за истории о немецких разработках во время войны и уже проведенных исследований в течение 1950-х. К тому времени, когда я принес прибор ночного видения из Розуэлла в форт Белвар, он четко вошел в существующую программу разработки и никто не оказался умнее. Действующая программа разработки оружия в форте Белвар служила таким отличным прикрытием для

распространения розуэлльских технологий, что единственной зацепкой, за которую мог кто-нибудь зацепиться, если бы он прокрутил назад всю историю, было внезапное ускорение самой программы разработки вскоре после 1961 года. Прибор ночного видения получил усиление финансирования, нового, назначенного для проекта генералом Трюдо офицера и имя генерала Трюдо, как одного из очевидных благодетелей программы, стало регулярно упоминаться. К 1963 году, когда он и я ушли из Пентагона, проект был в "Мартин Мариетта Электроникс" - сейчас уже подразделения "Локхид Мартин - и уже продвигался для первоначального применения, которое имело место в Европе и Вьетнаме.

Но я этого знал, когда выехал из ворот форта Белвар и вернулся в свой кабинет в Пентагоне. Я только лишь чувствовал себя удовлетворенным от того, что мы успешно внедрили один из наших проектов Иностранных Технологий в идущий полным ходом поток разработки и скрыли наше финансирование части инопланетной технологии. С этого момента я верил, что мы не отдали его Советам и инопланетяне, если они контролировали нашу работу, возможно не знали что мы это делали. Это давало нам время.

Я направился на север вдоль Потомака, через зеленый лес округа Фэрфакс, Вирджиния, назад в наполняющийся другими проектами отдел, которые было необходимо также разместить. Один из них, который шел параллельно с только что переданным прибором ночного видения, был зарождающийся проект "Корона", идея, время которой внезапно настало в связи с падением наблюдательного самолета "U2" и захватом его пилота, Фрэнсиса Гэри Пауэрса.

Военно-воздушные силы и ЦРУ некоторое время управляли программой "U2" во время правления Эйзенхауэра и отчеты, фотографии обычно проходили через мой отдел в Совете национальной безопасности. Как и многие другие события во время холодной войны, у "U2" не было одной единственной цели наблюдения за Советским Союзом, чтобы контролировать их программу разработки управляемых ракет. У него было тройное предназначение. Конечно, мы хотели четко знать, что готовили Советы, но мы также хотели проверить способности их ПВО. Мы хотели знать, как точно могли их радары отслеживать "U2" и могли ли их ракеты его сбить. Таким образом, мы осознанно их провоцировали, делая наше присутствие известным, когда мы

этого хотели, чтобы они стреляли по нам. Могли ли они подстрелить нас? Камеры на "U2" засекали активность врага перед запуском ракеты, так как пилот пролетал над важными установками, где Советы должны были бросить вызов или уступить нам контроль воздушного пространства над их секретными зонами.

Таким образом, мы играли с ними в игру, исследуя их обороноспособность, жертвуя сознательно, как мы верили, погибшими пилотами подбитых самолетов и всегда отрицали, что мы делали, даже когда Хрущев кричал на Эйзенхауэра, что программа "U2" угрожала самому Хрущеву в Кремле. "Мы можем иметь дело друг с другом", - сказал Айку секретарь коммунистической партии. "Но только не, тогда, когда Вы выгоняете меня из кабинета". Но так, как Эйзенхауэр ненавидел программу "U2" и опасность, которой она подвергает наших пилотов, президент переключился на другую тему для обсуждения: продолжающийся поиск любых доказательств приземления или падения на необъятной территории Советского Союза внеземных космических кораблей. Мы также хотели увидеть, была ли у Советов какая-либо инопланетная технология. Это делало программу "U2" очень ценной, чтобы от нее отказываться без каких либо альтернатив. Альтернатива, хотя это была программой военно-воздушных сил, а не военных, была частью общего дела УИР, нашей разведки и Совета национальной безопасности / аппарата ЦРУ. И она уже разрабатывалась в подразделении Локхида, которое они назвали "Сканк Воркс".

Поскольку мы строили полеты наших "U2" на провокациях Советов, мы знали, что в конечном счете начнем терять пилотов и самолеты, и уже в 1957 году, в последний год моего пребывания в Белом Доме, Штаб по вопросам национальной безопасности начал упорно искать более безопасную программу наблюдения. Разведка решила делать спутниковые фотографии советских установок, но только если они могли принести надежную информацию. Кроме того, мы не хотели сообщать Советам, что превратили земную орбиту в средство наблюдения, потому что мы не хотели поощрять их преследование наших спутников. Таким образом этот фокус со спутником работал только в полной тайне. Но как Вы можете наблюдать за всем миром?

У армии и ВВС была идея. Локхид уже показал, что без общественного внимания и управления смог разработать самолеты наблюдения, "U2" и потом "SR71", эти полеты

проводились без излишнего вмешательства наблюдательных комитетов Сената и без каких-либо газетных репортеров. Могли ли они сделать то же самое со спутником? И если они могли, мог ли спутник дать настолько же надежные фотографии, какие не делал "U2"?

Обычно, я хочу сказать, что если армия запускала спутник, то он мог бы делать то, что им нужно и так как все делалось под прикрытием разведки, все оставалось относительно безопасным. Однако, к окончанию правления Эйзенхауэра и армия и военно-воздушные силы были эффективно выведены НАСА из бизнеса запусков спутников под объединенные ресурсы программы безопасных полетов, чтобы запускать спутники в космос и показывать всему миру наш флаг. Первоначально, Советы победили нас в гонке со Спутником и неудачные попытки армии и военно-морского флота в запусках спутников, только ухудшили наше положение. Я запомнил как факт, что когда Нью-Йорк Дейли Ньюс напечатала на всю страницу заголовок, "Боже мой", после того, как "Корпорал" поднялся на несколько дюймов, сошел с площадки для запуска и взорвался, громче Никиты Хрущева не смеялся никто.

После нескольких таких попыток Совет национальной безопасности советовал президенту Эйзенхауэру признать себя побежденным, объединить все доступные национальные научные ресурсы и передать бразды правления космического соревнования гражданскому агентству. Военные службы извлекли свой урок жесткой конкуренции в одной и той-же области технологий и отступили, чтобы наблюдать, как НАСА взяло все в свои руки.

У НАСА были некоторые собственные успехи и перед окончанием правления Эйзенхауэра в 1960 году, им удалось запустить на орбиту спутники и экспериментировать с эффектами орбитальных полетов с животными, намного более сложными способами, чем армейские эксперименты с "Фау-2" и небольшими приматами в Аламогордо в конце 1940-х и ранних 1950-х годов. Поскольку в кабинетах военной разведки армейских и военно-воздушных сил наблюдали за успехами этих спутников НАСА, в растущем числе слабых места полетов "U2" они увидели возможный ответ на реализацию свой потребности в проведении безопасной программы наблюдения. Когда НАСА начало свою программу орбитальных исследовательских аппаратов, отправив полезный груз на низкую орбиту и вернув его, военные службы подумали, что нашли решение. Если бы они смогли так или иначе

осуществить постройку фото спутника, достаточно маленького, чтобы вписаться в очень ограниченное пространство в грузовой капсуле, вернуть устройство наблюдения после приземления орбитального аппарата и построить всю программу военного шпионажа в рамках гражданской программы научных исследований, которая привлекала большое внимание газет, не привлекая внимания общественности к секретной работе вооруженных сил, у них было бы свое скрытное наблюдение.

Мы знали, что Советы очень быстро узнают о программе, но это не было чем-то плохим. Мы считали, что учитывая проникновение КГБ в ЦРУ, не было никакого способа сохранить программу в абсолютной тайне, но если бы Советы знали, что мы могли наблюдать за ними, то это могло держать их в узде. И Хрущеву не нужно было беспокоиться о нашем преднамеренном нарушении его воздушного пространства, он слез в Кремлевского крючка и был благодарен за это. Все, что мы должны были делать, это держаться подальше от публичных обсуждений и наш дом будет в безопасности. Целая программа опиралась на то, что мы теперь назвали "Корона", протолкнув ее без лишнего шума в существующую программу исследований, Советы отступили без возражений, а мы получили свои фотонаблюдения.

Для Советов мы добавили дополнительный стимул, чтобы отговорить их заставлять своих друзей в ЦРУ выпускать истории дружественным журналистам и срывать покров со всей операции. Мы привлекли их к участию с нами к скрытой работе "Короны": к наблюдению за местами потенциальных инопланетных катастроф. Военная разведка, с одобрения Эйзенхауэра и СНБ, сделала известным своим коллегам в советских вооруженных силах, что любые разведывательные данные, полученные нами с помощью "Короны", которые показали бы нам присутствие инопланетян на советской территории, будут разделены между военными. Мы сказали, что нас не интересовало, что они будут делать с этой информацией. Но военные были более, чем благодарны. Профессиональные военные не доверяли комиссарам коммунистической партии, даже больше, чем мы и очень не хотели попасть под их коллективный каблук. Поэтому, таким извращенным способом, хоть мы и информировали российские вооруженные силы об инопланетной деятельности на их территории, мы в действительности информацией с коммунистами не делились, из-за глубокого разделения внутри советского правительства между коммунистической партией и вооруженными силами.

Наш стимул работал и КГБ содействовало ЦРУ - даже я был удивлен тем, как эффективно они сотрудничали - чтобы не допустить утечки информации. Теперь, военно-воздушные силы и подразделение "Сканк Воркс" в Локхиде должны были построить спутник наблюдения "Корона" без привлечения внимания общественности и погрузить его в исследовательскую ракету прямо под носом американской прессы. Это была одна из самых хитрых операций времен холодной войны, потому что русские знали, что мы делали, а НАСА реализовало весь проект, но американская пресса, жаждущая даже самого маленького кусочка информации о космическом полете, должна была находиться в полном неведении. При необходимости мы должны были лгать им, давать им ложную информацию, завлекать их в ловушку так, чтобы все население Америки думало об отправленном на орбиту маленьком шимпанзе в специально подобранном по размеру его головы шлеме. И у нас не было большого количества времени, чтобы сделать это, потому что мы знали о том, что Советы пытались смутить Айка в конце его срока правления, сбив один из наших самолетов "U2" с выжившим пилотом внутри. Теперь мы соревновались с Советами, чтобы заменить "U2" "Короной", даже с учетом того, что Советы поняли и приняли каждый наш шаг. Это была одна из ирониий холодной войны.

Инженеры Локхида спроектировали корпус фотоспутника, чтобы он аккуратно вписывался в конус грузовой капсулы ракеты. Они были чудовищно ограничены по срокам, потому что президент Эйзенхауэр давил на Совет национальной безопасности, чтобы полностью исключить полеты "U2". Старый генерал знал, что это был вопросом времени, пока Советы не захватят живого американского пилота, достанут из него признание и выставят его перед телекамерами для позора Соединенных Штатов. Эйзенхауэр был человеком слова, которому не нравились политики, так как они всегда искали выгодное, но не самое благородное решение. Эйзенхауэр не любил выгоду ради выгоды и всегда предпочитал идти, по возможности наиболее честным путем. Но, поскольку Хрущев жаловался на полеты "U2", Айк всегда отрицал, что мы их запускали. Именно такой очевидной ложью Хрущев продолжал понукать Эйзенхауэра и таким образом показывал себя. "Мы подстрелим одного из них, Вы увидите," – говорил он Эйзенхауэру каждый раз, когда тот жаловался. "И что Вы тогда скажете?"

Но президент Эйзенхауэр отрицал существование "U2",

бросил трубку и отчитал своих подчиненных за то, что они допустили такую неловкую ситуацию. "Прекратите ночные полеты", - приказал он. Но ЦРУ продолжало полеты. Это необходимо для дела, говорили они. Они изучали российскую систему ПВО и одновременно следили за областями с возможной инопланетной активностью. С ведома русских или без него, "U2" своей антенной с высокой чувствительностью мешал инопланетянам. Я не знаю, нашли ли мы с помощью "U2" какие-либо фактические доказательства приземления инопланетян на территорию России, но инопланетяне, конечно знали, что мы могли следить за Советским Союзом и это знание наших способностей служило средством устрашения от безнаказанных полетов над его обширными областями.

ЦРУ утверждало, что "U2" были настолько важны для нашей национальной безопасности, что они были готовы пожертвовать даже одним из своих пилотов. Однако я также полагаю, что внедренные в них кроты КГБ, хотели, чтобы Эйзенхауэр был скомпрометирован перед всем миром. И когда Фрэнсис Гэри Пауэрс был сбит в мае 1960 года, у них появился шанс.

Относительно сбитого "U2" Пауэрса есть одно большое сомнение. Его миссия состояла в том, чтобы пролететь над самыми чувствительными советскими ракетными установками и стать для них целью. Мы полагали, что русские ракеты земля-воздух не смогут его достать. Но, или Пауэрс уснул за штурвалом из-за недостатка кислорода или его вынудили снизить высоту диспетчеры ЦРУ, чтобы сделать более четкие фотографии или стать провоцирующей целью, мы никогда об этом не узнаем. Я полагаю, что вероятно, Пауэрс находился в летаргии из-за недостатка кислорода и достаточно близкий взрыв ракеты земля-воздух заставил его потерять контроль. Его самолет не был поражен ракетой. "U2" был таким самолетом, которым было очень трудно управлять. Вероятно Пауэрс вошел в штопор и не смог выйти из него. И поскольку его самолет летел к земле и Пауэрс был дезориентирован для управления самолетом, он дернул рычаг рядом со своим сидением, сбросил стеклянный колпак и выпрыгнул.

Захваченного живьем Пауэрса выставляли перед камерами и принуждали признаваться, что он шпионил за Советским Союзом. Хрущев получил для себя оправдание отменить встречу с Эйзенхауэром на саммите и выставить это ярчайшее событие в его карьере перед Верховным Советом. Эйзенхауэр, чего он больше

всего боялся, был публично посрамлен и вынужден был признаться Хрущеву, что отправлял "U2" летать над Советским Союзом. Он пообещал Хрущеву прекратить полеты "U2", устранив такой ценный инструмент для наблюдения и потенциально отключил нас от наблюдения не только за Советским Союзом, но за инопланетянами в Азии. Для старика это был ужасный опыт и он считал, что был скомпрометирован своей собственной администрацией.

Все время в течение последних месяцев приготовлений перед полетом Гэри Пауэрса на "U2", НАСА заканчивало работать над техническими деталями по установке груза "Корона" в грузовой отсек "Исследователя". Если бы все шло по плану, то первый запуск "Короны" дал бы Совету национальной безопасности нужные результаты, а программа "U2" стала бы устаревшей и закончилась. Но когда подбили Гэри Пауэрса, то программу "U2" закончил сам Эйзенхауэр. Мы были слепыми. Затем с мыса Канаверал был запущен "Исследователь" и те из нас в армии и работающие в программах запуска ракет военно-воздушных сил, кто знал о "Короне", провожали его затаив дыхание. Если бы это сработало, то у нас были бы глаза. Если бы он упал, то наша наилучшая возможность проводить наблюдения потерпела бы неудачу.

Вы можете вообразить себе ликование в Пентагоне, когда было получено содержимое грузовой капсулы "Короны" и напечатаны первые фотографии. Они были лучше тех, которые мы получили от "U2" и "Корона" была абсолютно невидима для Советов. Хрущев скрыл информацию от своего Верховного Совета и Эйзенхауэр, конечно же не делал публичного заявления для американцев. Мы вернулись в дело фоторазведки и в дополнение к слежению за советскими ракетными разработками, у нас был способ отследить любую возможную попытку ЕВЕ построить базу в самых отдаленных частях Азии, Африки или Южной Америки. Мы получили паритет с ЕВЕ, маленькую победу, но тем не менее - победу.

Когда я достиг предместий Вашингтона на пути из форта Белвар, я подумал, что меня больше всего удовлетворило в проекте "Корона" то, что он был изящным и при этом успешным; Точно так же, как мы непринужденно передали прибор ночного видения из Розуэлла для развития и проектирования в форт Белвар, мы внедрили спутник фотонаблюдения "Корона" непосредственно в проводимую программу "Исследователь",

перепроектировав его для доставки полезного груза. Никто не понял, чего мы достигли или насколько эффективно вооруженные силы использовали традиционные программы для прикрытия своих секретных систем разработки оружия.

В то же время мы знали, что извлекали пользу из инопланетян. С каждым успешным началом нового проекта, некоторые из которых были основаны на технологиях из Розуэлла, а другие начали с определенной целью противостояния возможностям инопланетян, которых мы обнаружили в Розуэлле, мы полагали, что двигали фишку на следующее поле в нашей игре. Мы полагали, что независимо от того, насколько были намерения инопланетян враждебными, у них не было грубой силы для начала глобальной войны с нами. Они бы нас изучили, отфильтровали и стерли, пока у нас не было возможности им сопротивляться, но мы верили, что у них не было ни намерения, ни способности к разрушению и захвату планеты. В этом у нас было превосходство.

Но мы нуждались в настоящем форпосте в месте, которое позволит нам установить стратегическое преимущество, в базе, где достаточно далеко от Земли мы могли бы напасть на них не создавая паники. Нам была нужна база на Луне. Армия мечтала об этом с самых первых месяцев после наших столкновений с инопланетянами за пределами Розуэлла, что мы и попытались финансировать без ведома общественности. Это был амбициозный проект, который в вооруженных силах больше года подвергался скептическим оценкам, прежде чем лег ко мне на стол. И когда я стал работать в отделе Иностранных Технологий, этот проект был почти у нас в руках.

ГЛАВА 11

Проект лунной базы

"Я ПРЕДВИЖУ БЫСТРОЕ РАЗВИТИЕ ПРОЕКТА ПО организации критически важной для армии США лунной заставы. Это мнение очевидно разделял Начальник штаба в связи с его быстрым одобрением и энтузиазмом в инициативе исследования", - написал генерал Трюдо руководителю артиллерии в марте 1959 года, в поддержку военного проекта "ГОРИЗОНТ", стратегического плана по размещению военной базы на поверхности Луны. Это был самый амбициозный ответ армии на угрозу от инопланетян и к тому времени, когда я попал в Пентагон, это был один из

проектов, которые генерал Трюдо передал мне для продвижения.

"Парни из НАСА устраивают целый бизнес по запускам ракет, Фил", - сказал он. "И армии не досталось даже завалящего кусочка".

Я только что оставил Белый дом, когда в 1958 году был подписан закон об организации НАСА и знал, что это предвещает. Он передавал ответственность за космос от военных служб к гражданскому агентству, которое, как предполагалось, выполняло обещания Америки другим странам по демилитаризации космоса. Это была цель, достойная похвалы, каждый скажет: демилитаризируйте космос, чтобы страны могли исследовать и экспериментировать без риска потери своих космических кораблей или спутников от враждебных действий. Для Соединенных Штатов и русских, соглашение значило, что наши астронавты и космонавты не будут вести друг с другом войну. Хорошая идея. Но кто-то забыл рассказать его инопланетянам, которые систематически нарушали воздушное пространство нашей планеты в течение многих десятилетий, если не веков и уже построили оперативную базу на Луне.

Для генерала Трюдо и большей части Американской военной команды, способность Советов с относительной непринужденностью запускать на орбиту транспорт с полезным грузом и космонавтами на орбиту, была пугающей перспективой. Военные полагали, что если Соединенные Штаты не бросят вызов советской технологии с помощью нашей собственной программы запуска и расширят наши возможности по наблюдению со спутников, то они уступят важное стратегическое преимущество Советскому Союзу. К 1960 году мы достигли критического момента. Из-за пробела в развитии и затраченного времени для развития проектов, слишком поздно запущенные, в конце 1960-х годов программы, к 1970-м годам будут безнадежно устаревшими, когда Советы, как ожидалось, обоснуются в космосе.

Как и в программе "U2", у нас был другой план, который больше касалась нас самих, чем просто способности Советов угрожать нам ядерным оружием в космосе. Мы также очень беспокоились о способности военной силы доминировать на Земле, чтобы определить свою версию соглашения с инопланетянами. Мы уже видели, как Сталин договорился об отдельном пакте о ненападении с Гитлером, позволив немцам

стабилизировать свой Восточный фронт и вторгнуться в Западную Европу. Мы не хотели видеть, как Хрущев получает такую бесспорную силу в космосе, что инопланетяне с готовностью пойдут на некоторое соглашение с ним гарантирующее им обоим свободу доминирования над политическими вопросами нашей планеты. Сейчас в 1990-х это может казаться параноидальным, но в конце 1950-х годов это было определенным взглядом в сообществе военной разведки.

Проблемы генерала Трюдо были проблемами любого, кто знал правду об инопланетном присутствии вокруг нашей планеты и их способности в 1952 году так-же к в Розуэлле неожиданно появиться сверху в Вашингтоне, округ Колумбия и в разных других местах по всему миру. И мы не знали, могло ли какое-либо из этих появлений превратиться в полноценное силовое вмешательство или может вторжение уже не началось. Если бы они могли превратить советское правительство в сотрудничающее с ними государство, то никак нельзя было проверить их способность осуществить свое желание колонизировать нашу планету, присвоить наши природные ресурсы или если бы увечья рогатого скота и истории с похищениями были правдивы, то они вели себя с полной безнаказанностью, организуя программу экспериментов или тестирования форм жизни на этой планете. В отсутствие любой информации, опровергающей наши страхи, обязательством вооруженных сил было предвидение худшего сценария. Вот почему армия стремилась к реализации проекта "ГОРИЗОНТ". Нам надо было иметь план.

Документы "Горизонта" прямо выражали их проблемы: Мы первыми должны были разместить полностью вооруженную военную базу на Луне, потому что, если Советы достигнут этой цели прежде, мы будем поставлены в положение необходимости штурмовать эту гору, а не защищать военную позицию. Мы были бы защитниками сильно укрепленного анклава, а не нападающими. Наша база должна была стать достаточно сильной, чтобы противостоять нападению и иметь достаточно персонала, чтобы проводить научные эксперименты и непрерывное наблюдение за Землей и ее воздушным пространством.

Первоначально, генерал Трюдо говорил, что база должна иметь достаточный размер и иметь достаточно оборудования, чтобы обеспечить выживание и облегчить конструктивную деятельность персонала, численностью от десяти до двадцати человек. Она должна позволять постоянное расширение

территории, пополнение запаса и ротацию персонала, чтобы гарантировать максимальное количество времени для длительного нахождения там. Генерал не только хотел, чтобы база заняла часть поверхности Луны, он хотел, чтобы она была постоянной и была способна работать в течение многих длительных периодов без поддержки со стороны Земли. Поэтому, местоположение и дизайн были важны и необходимы, с точки зрения армии, привязка Луны к Земной системе наблюдения за космическим пространством облегчила бы:

(1) связь с и оптимальное наблюдение за Землей,
(2) регулярные перемещения между Луной и Землей,
(3) возможность лучшего исследования не только ближайшей территории лунной поверхности, но и дальние исследовательские экспедиции и самое главное с точки зрения армии,
(4) военную защиту лунной базы. Главная цель армии состояла в том, чтобы обосновать первую постоянную укомплектованную базу на Луне и никак меньше. Военный потенциал Луны был главным, но миссия допускала также реализацию коммерческих и научных целей базы.

Армия хотела, чтобы "Горизонт" соответствовал существующей национальной политике по исследованию космоса, даже если на повестке дня стояла демилитаризация космоса. Но это было трудно, потому что все мы в военных службах, кто был знаком с розуэллськими документами, полагали, что уже находились под некоторой формой нападения. Демилитаризация космоса означала только игру на руку культуре, которая показывала нам враждебные намерения. Но мы также поняли, что открытое военное присутствие в космосе поощрит Советы следовать за нами след в след и приведет к гонке вооружений в космосе, которая усилила бы напряженные отношения во время холодной войны. Могло так получиться, что вооружением в космосе было бы труднее управлять и вероятность случайного военного столкновения, возможно, легко ускорила бы кризис на Земле. Таким образом, всеобъемлющей проблемой организации военного присутствия в космосе, была загадка. "Горизонт" был попыткой армии достигнуть своих военных целей в пределах контекста политики правительства по демилитаризации.

В своем плане, составленном членами розуэллськой рабочей группы, которые продолжали определять и проводить в жизнь политику на сверхсекретных уровнях, армия столкнулась с другим препятствием. Рабочая группа правильно понимала, что у

любой отдельной военной экспедиции в космос, специально с целью поставить базу на Луне, была высокая вероятность столкновения с инопланетянами. И не было никакой гарантии, что в этом столкновении не возникнет военного конфликта или, по крайней мере, за ним не последует военный доклад. Даже если эти доклады будут храниться в совершенно секретном виде, учитывая военную бюрократию и присутствие законодательного надзора, было очень маловероятно, что пресса не узнает о военных столкновениях с инопланетянами. Таким образом, основная предпосылка рабочей группы и всей ее миссии по маскировке нашего открытия посещений инопланетными формами жизни и вероятной угрозе Земли, была бы подорвана и годы успешных операций могли быть легко потеряны. Нет, рабочая группа предпочла бы вести исследование космоса руками гражданского агентства, бюрократией было легче управлять и персонал будет подобран, по крайней мере поначалу, членами рабочей группы.

Таким образом готовилась почва для византийской бюрократической борьбы среди членов одних и тех же организаций, но с разными уровнями допуска к секретной информации, разными заданиями и даже знаниями того, что имело место в прошлом. И в основе всего этого было основное допущение, что гражданское население не было готово узнать настоящую правду о существовании и вероятных угрозах внеземных культур для жизни на Земле. Генерал Трюдо был неустрашим, как никогда. В Корее на Порк Чоп Хилл он так жестоко бился с врагом лицом к лицу, что предложившие добровольно пойти за ним солдаты, полагали, что все они живут последние минуты. Но они не могли позволить ему пойти одному, когда им стало ясно, что он собирался сделать, когда отбросил свою каску и обнял одного из раненых сержантов. Он зарядил первую обойму в свой автомат и сказал, "Я пошел. Кто со мной?" Я предположил, что его взгляд и выражение лица был такими же, как и сейчас, когда он вручил мне доклад по проекту "Горизонт". "Мы в деле, Фил", - сказал он и это все, что я хотел услышать от него.

Когда гражданские сторонники космического агентства говорили армии, что все поднятые вооруженными вопросы о необходимости в первую очередь установить присутствие, будут реализованы с помощью гражданских миссий, генерал Трюдо утверждал, что гражданские планы явно не указывали на базу на Луне, а только на возможность организации базы на земной

орбите, которая еще не известно, будет или нет способна служить в качестве станции для полетов на Луну или на другие планеты. И период времени на строительство орбитальной космической станции казался устаревшим даже, прежде чем она попала на чертежные доски. Кроме того, генерал Трюдо к концу президентского срока Эйзенхауэра сказал ученым в консультативном комитете по аэронавтике и космосу, что Вы не можете доверять гражданскому агентству реализацию военной миссии. Этого не было в прошлом и этого не произойдет в будущем. Если Вы хотите полностью законченную военную операцию, то это могут сделать только сами вооруженные силы. Президент Эйзенхауэр понял такую логику.

В конце 1950-х годов, Белый дом отправил генералу Трюдо вопросы о научно-исследовательской политике армии относительно проекта "Горизонт", почему, конкретно, вооруженные силы должны были быть на Луне и почему гражданская миссия не могла достигнуть большинства научных целей. Это происходило в то время, когда Белый дом поддерживал Закон об организации НАСА и поддерживал создание гражданского Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства.

Генерал Трюдо ответил, что не мог немедленно выложить в полной мере военные возможности. "Но", - написал в докладе, "вероятно, что наблюдение с Луны за Землей и космическими кораблями, окажется в будущем очень выгодным".

Позже он написал, что используя линию привязки Луны к Земле, космические наблюдения с помощью триангуляции - иными словами, использование ориентира на Земле и ориентира на Луне, чтобы закрепить положение вражеских ракет, спутников или космических кораблей - обещали больший диапазон и точность наблюдения. Вместо того, чтобы иметь только одну точку наблюдения, у нас был бы дополнительный угол обзора с базы на Луне. Это особенно было необходимо для различных лунных и марсианских миссий, которые НАСА планировало уже в 1960 году. Он сказал, что типы нынешних наземных отслеживающих и контролирующих сетей, которые планируются гражданскими агентствами, в перспективе уже не подходят для операций в открытом космосе. Поэтому не имело никакого смысла тратить денежные средства на развитие коммуникационных и контролирующих сетей, когда цели, для которых они разрабатываются уже устареют. Военная связь была

бы неизмеримо улучшена с помощью расположенной на Луне ретрансляционной станции, которая перекроет более широкий диапазон и вероятно будет более устойчивой к нападениям во время обычной или ядерной войны на Земле. Но у генерала Трюдо за пазухой была настоящая бомба, которую он ждал, чтобы сбросить.

"Вооружение лунной базы, направленное на Землю или космические цели, может быть, выполнимым и желательным", - написал он армейскому шефу артиллерии, показав впервые, что вместе с Дугласом Макартуром он верил, что армию можно было привлечь для ведения войны, и в космосе, и на Земле. Генерал Трюдо предвидел возможность, что базируемая на Луне система коммуникаций будет иметь преимущество в отслеживании запущенных с Земли управляемых ракет, но он также понял, что оружие могло стрелять и из космоса, при чем не только Земными правительствами, но и внеземным кораблем. Это был проект лунной базы, он верил, что сможет защитить гражданское население и вооруженные силы на Земле от нападения или с земной орбиты или из космоса. Но у оборонной военной инициативы по базированию на Луне была дополнительная функция.

"Базируемая на Луне военная сила будет мощным средством предотвращения войны из-за чрезвычайной трудности, с точки зрения врага, лишения нас способности принимать ответные меры", - выдвинул он гипотезу. "Врагу будет трудно проводить военные операции на Луне из-за трудности ее достижения, если наши силы уже будут присутствовать там и будут иметь средства противостояния приземлению или средства нейтрализации каких-либо приземлившихся враждебных сил."

И генерал сказал мне, что это будет применяться, будь этими враждебными силами Советы, китайцы или ЕВЕ. Ситуация бы, однако, полностью изменилась, "если враждебным силам разрешат прилететь первыми. Они могут противостоять своей военной силой нашим приземлениям и пытаться отказывать нам с политической точки зрения в использовании их собственности".

Армия задумала развитие лунной базы, также, как когда-то стремилась создать атомную бомбу: огромное количество ресурсов было направлено на один особый проект в полной тайне о природе проекта, и срок выполнения программы был назначен до начала следующего десятилетия. Он сказал, что организация

базы должна проводиться в такой же обстановке важности и приоритета, как проект "Манхэттен" во время Второй мировой войны. После установки, лунная база должна была работать под контролем объединенной космической команды, которая была бы продолжением нынешнего военного командования и управления. Космос, воображаемая сфера в космосе, охватывающая Землю и Луну, рассматривалась бы, как управляемый действующими на то время правилами военнойигры. Контроль всех вооруженных сил США объединенной командой к концу 1950-х годов уже работал, таким образом, план генерала Трюдо относительно объединенной военной космической команды не был никаким исключением из действующей практики. Единственная разница была в том, что генерал не хотел, чтобы объединенная команда имела власть только над самой лунной базой; он хотел более широкий контроль и исключительное использование военных спутников, военных космических кораблей, систем наблюдения за космическим пространством и всю организованную для этих объектов логистическую сеть.

По мнению генерала, второе место после Советского Союза в размещении и поддержке постоянной лунной базы имело бы катастрофические последствия не только для нашего национального престижа, но и для самой нашей демократической системы. По оценке Артура Трюдо, Советский Союз в настоящее время планировал построить лунную базу к середине 1960-х годов и объявить ее советской территорией. Он полагал, что если Соединенные Штаты попытались бы приземлиться на Луну, особенно если бы мы попытались установить там работающую базу, Советы пропагандировали бы это событие, как военные действия, вторжение на его территорию и попытались бы охарактеризовать Соединенные Штаты, как агрессора, а наше присутствие, как враждебные действия. Если бы они защищали Луну как одну из своих колоний или если бы они представляли интересы инопланетян, с которыми они заключили военное соглашение, то Соединенные Штаты были бы в ослабленном положении. Так генерал Трюдо закончил и таким образом посоветовал своему руководителю ракетного управления артиллерийско-технической службы, что для армии США было предельно и безотлагательно необходимо выработать план по приземлению человека на лунную поверхность к весне 1965 года, организовать к концу 1966 года полностью готовую к эксплуатации на ближайшие восемь с половиной лет лунную базу, стоимостью 6 миллиардов долларов.

Первым двум астронавтам, движущей силе команды исследователей, намечалось приземлится на лунную поверхность в апреле 1965 года в районе вблизи лунного экватора, где в соответствии с обзорами, армия полагала, что ландшафт будет подходящим для многократных взлетов и посадок, а также для строительства цилиндрического домика с трубчатыми стенами, под поверхностью Луны, который стал бы первоначальным жилищем для первых двенадцати человек. Большая часть строительных материалов для лунной базы, весом приблизительно в 300 000 фунтов, уже была бы перевезена за предыдущие три месяца. В соответствии с армейским планом, дополнительные 190 000 фунтов груза должны были отправиться на Луну с апреля 1965 года до ноября 1966 года. А с декабря 1966 года до декабря 1967 года, на уже функционирующую базу была намечена отправка еще 266 000 фунтов груза и материалов.

Апрель 1965 года, лунный корабль с командой из двух астронавтов, только что приземлился на поверхность Луны.

Несмотря на то, что у корабля есть возможность взлететь и вернуть астронавтов на Землю, их наблюдения с орбиты показали, что область безопасна для приземления и угроз от Советов или от каких-либо инопланетян нет.

Радио потрескивает первыми инструкциями для команды.

"Это центр управления "Горизонтом", Лунная база. Разрешается посадка на первые двадцать четыре часа", - командуют "Горизонтом" из центра управления космическими полетами в Какао-Бич на мысе Канаверал во Флориде. Они прячут свой посадочный модуль, который, если будет получено разрешение остаться, в итоге должен стать их домом в течение следующих двух месяцев до прибытия с Земли строительной команды для сборки лунной базы.

Однако, даже прежде, чем прибудут первые управляемые грузовые корабли, передовая команда из двух астронавтов проверит состояние уже доставленного на место груза, уточнит экологические исследования, которые были ранее проведены беспилотными исследовательскими кораблями и проверит, верны ли первоначальные измерения и предположения о выборе места для лунной базы.

К июлю 1965 года, прибудет первая команда из девяти

человек, чтобы начать укладывать цилиндрические трубы в полости под поверхностью Луны и установить два портативных атомных реактора, которые обеспечат работу всей базы. На решение военных поместить главные структуры под лунной поверхностью повлияло множество факторов. Самыми важными из них были постоянная температура, термоизоляционные свойства самого материала на лунной поверхности, защита от потенциально опасных падений небольших метеоров и метеоритов, маскировка, секретность и защита от разного вида высокоэнергетических частиц, которым на Земле обычно препятствует наша атмосфера.

Военные инженеры спроектировали цилиндрические жилища, выглядящие и работающие как вакуумные термосы с двойными стенками, со специальной изоляцией между ними. Дизайн термоса предотвращал бы потери тепла и также изолировал жилище так, чтобы внутренняя система искусственного освещения была бы более, чем достаточна для поддержания внутри соответствующей температуры. Атмосфера для команды должна была поддерживаться с помощью отдельных емкостей для жидкого кислорода и азота с жидкими отходами, углекислого газа поглощаемого с помощью твердых химических элементов и проходящего через влагоотделитель. В конечном счете, при постоянной работе базы и ротации команд, была бы установлена более эффективная система переработки отходов.

Первая строительная команда должна была жить во временной конфигурации из цилиндрических отсеков, поскольку их количество было увеличено на шесть человек и на соответствующий дополнительный объем снабжения. Также, как постоянное строение, временная каюта строителя находилась бы под поверхностью Луны, но она была бы меньше обычной каюты и не имела бы никакого лабораторного оборудования, которые было включено в состав постоянной структуры.

Из уже отправленных на посадочную площадку компонентов строительная команда должна была собрать луноход, машину для рытья и прокладки траншей – похожую на экскаватор с обратной лопатой - и машину для подъема грузов, которая будет также служить подъемным краном. Армия считала, что даже с помощью только этих трех машин, команда из пятнадцати рабочих могла бы собрать из готовых компонентов постоянно действующую базу. План "Горизонта" по строительству конструкций в невесомости и безвоздушной среде, в конечном счете стал образцом для

строительства российской космической станции "Мир" и американской космической станций "Свобода".

Пока одни члены команды ведут строительство под поверхностью Луны, другие члены команды прокладывают мультиантенные коммуникационные системы, которые опираются на земные спутники геосинхронизации для ведения передачи и приема с наземными станциями. Отслеживающее и радиолокационное оборудование лунной базы, также поддерживало бы постоянное наблюдение за Землей и могло бы отслеживать любые выходящие с поверхности Земли на орбиту и входящие в атмосферу Земли из космоса корабли. Члены команды общались бы друг с другом и с самой базой по смонтированной в шлемах их скафандров радиосвязи.

К тому времени, когда армия предложила проект "Горизонт", армейские инженеры уже выбрали множество стартовых площадок. Вместо мыса Канаверал, армия выбрала экваториальное местоположение, потому что вращение Земли быстрее на экваторе и это обеспечит добавление ускорения для любой ракеты, особенно с тяжелым полезным грузом. Армия выбрала секретное место в Бразилии, где хотела начать строительство восьми пусковых площадок, которые вместили бы в себя весь проект. Контроль и управление космическими кораблями велись бы из Какао-Бич, откуда армия и военно-морской флот уже запускали свои спутники.

Мы разделили программу на шесть отдельных фаз, начинающихся с первоначальной оценки выполнимости в июне 1959 года, которая была написана в ответ на первое предложение генерала Трюдо и стала Фазой I всего плана. Фаза II, завершить которую планировали к началу 1960 года, когда я принял проект, предназначалась для детальной проработки и планирования финансов в комбинации с предварительным экспериментами с некоторыми важными компонентами. Во время этой фазы я запланировал использовать наши процедуры в ВоенУИР, чтобы организовать и провести тестирование и удостовериться, что мы могли сделать на основании первоначального технико-экономического обоснования.

В Фазе III мы наметили полную разработку оборудования и системной интеграции всего проекта. В него входили ракеты, космические капсулы, все лунные технические средства для транспортировки и строительства, средства запуска на

предполагаемой площадке в Бразилии, а также все составные части лунной базы, для временного и постоянного использования. Также в эту фазу было включено развитие всех коммуникационных систем, включая ретрансляционные станции, системы наблюдения и личной защиты, механизм коммуникации для астронавтов. И наконец, Фаза III включала в себя разработку всех необходимых для успеха "Горизонта" процедур, таких как орбитальные стыковки, заправка лунных кораблей на орбите, перемещение грузов по орбите, запуск и проверка грузовых ракет.

В намеченной на 1965 год Фазе IV, должно было произойти первое прилунение. Также было намечено поселение на лунном наблюдательном посту двух первых человек и строительство предварительного жилого и рабочего помещения для первой команды. В планах указывалось, что к окончанию этой фазы "будет подготовлена полностью укомплектованная лунная база".

Фазы V и VI были эксплуатационными фазами проекта и как было намечено, заканчивались в двухлетний период, начинавшийся в декабре 1966 года и заканчивавшийся в январе 1968 года. В течение этих фаз лунная база должна была развиться от предварительного строительства до постоянных сооружений. Эти сооружения должны были начать наблюдение за Землей, организовать наше военное присутствие на укрепленных лунных позициях и начать первые научные эксперименты и исследования. По итогам эксплуатации стационарной базы и исследований лунного ландшафта в Фазе VI, армия запланировала расширение базы большим количеством стартовых площадок, дополнительных сооружений, отчитаться о результатах биологических и химических опытов и первых попыток эксплуатации Луны для коммерческих нужд. Армия, как и УИР в это верила, так как коммерческая эксплуатация Луны была способом, которым мы могли отплатить за наше огромное развитие, возможно с помощью таких же федеральных лизинговых соглашений о земле, которые Министерство внутренних дел в настоящее время предоставляет для разведки нефтяных и минеральных и ресурсов, мы могли бы вернуть миллиарды потраченных долларов в федеральную казну.

Проект "Горизонт" также обрисовывал в общих чертах развитие земной орбитальной станции, как вспомогательного проекта для поддержки задачи прилунения. Для технического обеспечения "Орбитальной Станции", разработчики проекта Армейской Артиллерии предложили запустить и собрать

"простую, базовую" орбитальную платформу, которая предоставила бы командам астронавтов по пути на Луну место встречи для обмена и увеличения их полезного груза, дозаправки и запусков космических кораблей. Орбитальная станция также была бы важна на первоначальных стадиях грузоперевозок для проекта "Горизонт", где армейские команды в космической невесомости могли бы быстрее и легче, чем на Земле, производить перегрузку. Груз мог запускаться на орбиту раздельно, перемещаться по земной орбите вместе со станцией, а затем перегружаться командами, которые бы находились в своих собственных космических модулях, а не в космической станции и по завершению дозаправки и перегрузки возвращались на Землю.

Если бы первая базовая космическая станция была успешна, армия представляла себе еще более тщательно продуманную и сложную конструкцию, на которой была бы размещена своя собственная научная и военная миссия, которая служила бы ретрансляционной станцией для команд на их пути на Луну и обратно. Эта станция имела бы расширенные военные возможности и позволила бы Соединенным Штатам доминировать в воздушном пространстве над территориями своих врагов, ослеплять вражеские спутники и сбивать их ракеты. Армия также представляла себе эту расширенную космическую станцию, как компонент в тщательно продуманной обороне от инопланетян, особенно если вооруженные силы смогли бы разработать высокоэнергетические лазеры и пучковое оружие, которое мы видели на борту космического корабля из Розуэлла. Согласно армейскому плану, космическая станция была бы эффективной платформой для тестирования оружия земля-космос, и оно, с чем были согласны они, генерал Трюдо и я, было бы прежде всего направлено против враждебных инопланетян, которые были реальной угрозой нашей планете.

В своем плане относительно отдельного администрирования и управления в пределах структуры армии, проект "Горизонт" разрабатывался для того, чтобы быть самым большим в исследованиях, развитии и базировании в истории армии. Больший, чем проект "Манхэттен", "Горизонт" возможно бы с легкостью стал абсолютно отдельной единицей в пределах самой армии. Также, "Горизонт" воспринимался, как непосредственная угроза для других подразделений вооруженных сил, а также для гражданских космических агентств. У военно-морского флота был свой домашний план относительно установки подводных баз, которые исследовали бы коммерческие и научные возможности

океанского дна и одновременно, что еще более важно, устанавливали противолодочную защиту, которая противостояла бы угрозе советских ядерных субмарин.

Мы подозревали, что планы военно-морского флота, как и наши собственные планы относительно лунной базы, также давали военно-морскому флоту возможность слежения и наблюдения за неопознанными подводными объектами, если ЕВЕ их все-таки отправляли на Землю.

Несмотря на гражданскую оппозицию планам армии, генерал Трюдо написал, что у армии не было выбора, кроме как защищать свои планы относительно лунной базы. "Разведывательное ведомство Соединенных Штатов соглашается, с тем что Советский Союз может совершить управляемое прилунение в любое время после 1965 года". Это, сказал он, создаст прецедент для объявления лунной поверхности советской территорией, что само по себе может ускорить наступление войны, если бы Соединенные Штаты также попытались установить там свое присутствие. Быть вторыми было не вариантом. "Как отметил Конгресс", - продолжал генерал Трюдо, "мы попали в струю, в которой у нас нет выбора, кроме как продолжать действовать".

Однако насколько бы нам ни было трудно пытаться получить проект "Горизонт" для полного финансирования и развития, нас остановили. Национальная космонавтика стала собственностью гражданского космического агентства и у НАСА были свои планы и свой собственный график исследования космоса. Мы были успешны в таких отдельных проектах, как "Корона", но он не дал армии необходимый для постройки лунной базы по проекту "Горизонт"контроль.

Я стал подчиненным генерала Трюдо для проекта в Вашингтоне. Я смог лоббировать этот проект и "Горизонт" также стал эффективным прикрытием всего розуэлльского технического прогресса, за которым я присматривал.

Никто не знал, как мни проекта "Горизонт" даже с учетом того, что он не был состоянии ни убрать НАСА, ни приказать НАСА передать контроль армии для развития базы на Луне.

Но я думаю, что в конечном счете мы высказали свое мнение президенту, потому что он в итоге понял ценность лунной базы. Вскоре после того, как я свидетельствовал перед Сенатом на

закрытой, совершенно секретной сессии о том, как КГБ проникло в ЦРУ и фактически диктовало некоторые наши разведданные перед Корейской войной, генеральный прокурор Роберт Кеннеди, который прочитал это секретное свидетельство, попросил, чтобы я приехал к нему в Министерство юстиции.

В тот день мы приехали во встречу для достижения согласия. Я знаю, что убедил его, что официальные данные разведки, которые президент получал через свои агентства, не была только неправильной, она была сознательно испорчена. Роберт Кеннеди начал понимать, что мы в Пентагоне не были просто группой старых солдат, ищущих войны. Он видел, что мы действительно видели угрозу и над Соединенными Штатами действительно нависла угроза советского проникновения в наши самые секретные агентства.

Мы не говорили о Розуэлле или об инопланетянах. Я никогда не рассказывал ему об инопланетянах, но я смог убедить его в том, что, если Советы попадут на Луну раньше нас, то до конца десятилетия им будет принадлежать победа в холодной войне. Бобби Кеннеди подозревал, что кроме коммерческих и научных целей, желанием армии развернуть базу на Луне руководили другие планы и даже никогда не интересуясь этим планами, он обещал поговорить об этом с президентом.

Я могу Вам только сказать, что для меня лично было признаком успеха, когда вскоре после моей встречи с Бобби в Министерстве юстиции, президент Джон Кеннеди объявил, что одной из его целей к концу 1960-х была отправка Соединенными Штатами экспедиции на Луну. Он все понял! Возможно он не мог позволить армии иметь другой проект "Манхэттен". Это было другой эрой и другой войной. Но я верю, что Джек Кеннеди действительно понимал реальные последствия холодной войны и что, вероятно, произошло бы, если бы русские высадились на Луне раньше нас.

Путь истории повернулся, именно наши лунные экспедиции, одна за другой в течение 1960-х годов, не только сконцентрировали на себе внимание всего мира, но и показали всем нашим врагам, что Соединенные Штаты были полны решимости застолбить за собой территорию и защитить Луну. Никто не хотел тотальной войны, особенно ЕВЕ, которые попытались даже больше раз, чем мне известно, прогнать нас с Луны и с их базы. Они нападали на наши корабли, вмешивались в

наши коммуникации и стремились угрожать нам своим физическим присутствием. Но мы были настойчивы и продолжали. В конечном счете мы достигли Луны и отправили туда достаточное количество экспедиций, чтобы исследовать лунную поверхность и очень эффектно соревновались с EBE по контролю своего воздушного пространства и сферы космоса, той самой сферы, о которой говорил генерал Трюдо в записках о проекте "Горизонт" десятью годами ранее. И хотя проект "Горизонт" предполагал прилунение к 1967 году, он также предполагал создание в армии инфраструктуры управления и постройки оборудования к началу 1959 года. Из-за НАСА и гражданского управления исследованием космоса, Соединенным Штатам потребовалось больше времени, чтобы достигнуть Луны, чем мы первоначально планировали и конечно же, мы никогда не строили там постоянную базу, которую мы планировали для первоначальных целей "Горизонта".

Я знал, даже при том, что в 1969-м году я уже не работал в армии, что наш успех исследования Луны демонстрировал наши возможности контроля и отсутствия свободы действий у EBE. Было также продемонстрировано, что, если бы были заключены какие-либо соглашения с инопланетянами, Советы не были теми, с кем они могли быть заключены. К началу 1970-х годов, в то время как продолжались прилунения Аполлона, было ясно, что течение повернулось и мы в отношениях с EBE получили небольшое преимущество, к которому стремились с 1950-х годов.

Но я, возвращаясь в 1961 год, пристально рассматривающий гигантский отчет о проекте "Горизонт" на своем столе и понимающий, что все гражданское научное сообщество мобилизовалось против этого усилия, знал, что перед тем, как одержать большие победы, должны быть достигнуты маленькие победы. Я достал кремниевые пластинки, которые мы обнаружили среди обломков космического корабля в Розуэлле и сказали сам себе, что для развития они будут включены в следующий проект. Я не очень хорошо понимал, что это было, но если ученые с Ракетного полигона в Уайт Сэндс были правы в том, что они по этому поводу думали, это было победой, которую мы еще долго будем смаковать после окончания политических боев вокруг проекта "Горизонт".ого розуэлльских технологий в итоге будет внедрено для развития, так как вооруженные силы продвигали "Горизонт" неявно предполагая о присутствии инопланетян и их враждебных намерений. После первого года работы, президент Кеннеди также знал о ценности проекта

"Горизонт" даже с учетом того, что он не был состоянии ни убрать НАСА, ни приказать НАСА передать контроль армии для развития базы на Луне.

Но я думаю, что в конечном счете мы высказали свое мнение президенту, потому что он в итоге понял ценность лунной базы. Вскоре после того, как я свидетельствовал перед Сенатом на закрытой, совершенно секретной сессии о том, как КГБ проникло в ЦРУ и фактически диктовало некоторые наши разведданные перед Корейской войной, генеральный прокурор Роберт Кеннеди, который прочитал это секретное свидетельство, попросил, чтобы я приехал к нему в Министерство юстиции.

В тот день мы приехали во встречу для достижения согласия. Я знаю, что убедил его, что официальные данные разведки, которые президент получал через свои агентства, не была только неправильной, она была сознательно испорчена. Роберт Кеннеди начал понимать, что мы в Пентагоне не были просто группой старых солдат, ищущих войны. Он видел, что мы действительно видели угрозу и над Соединенными Штатами действительно нависла угроза советского проникновения в наши самые секретные агентства.

Мы не говорили о Розуэлле или об инопланетянах. Я никогда не рассказывал ему об инопланетянах, но я смог убедить его в том, что, если Советы попадут на Луну раньше нас, то до конца десятилетия им будет принадлежать победа в холодной войне. Бобби Кеннеди подозревал, что кроме коммерческих и научных целей, желанием армии развернуть базу на Луне руководили другие планы и даже никогда не интересуясь этим планами, он обещал поговорить об этом с президентом.

Я могу Вам только сказать, что для меня лично было признаком успеха, когда вскоре после моей встречи с Бобби в Министерстве юстиции, президент Джон Кеннеди объявил, что одной из его целей к концу 1960-х была отправка Соединенными Штатами экспедиции на Луну. Он все понял! Возможно он не мог позволить армии иметь другой проект "Манхэттен". Это было другой эрой и другой войной. Но я верю, что Джек Кеннеди действительно понимал реальные последствия холодной войны и что, вероятно, произошло бы, если бы русские высадились на Луне раньше нас.

Путь истории повернулся, именно наши лунные экспедиции,

одна за другой в течение 1960-х годов, не только сконцентрировали на себе внимание всего мира, но и показали всем нашим врагам, что Соединенные Штаты были полны решимости застолбить за собой территорию и защитить Луну. Никто не хотел тотальной войны, особенно EBE, которые попытались даже больше раз, чем мне известно, прогнать нас с Луны и с их базы. Они нападали на наши корабли, вмешивались в наши коммуникации и стремились угрожать нам своим физическим присутствием. Но мы были настойчивы и продолжали. В конечном счете мы достигли Луны и отправили туда достаточное количество экспедиций, чтобы исследовать лунную поверхность и очень эффектно соревновались с EBE по контролю своего воздушного пространства и сферы космоса, той самой сферы, о которой говорил генерал Трюдо в записках о проекте "Горизонт" десятью годами ранее. И хотя проект "Горизонт" предполагал прилунение к 1967 году, он также предполагал создание в армии инфраструктуры управления и постройки оборудования к началу 1959 года. Из-за НАСА и гражданского управления исследованием космоса, Соединенным Штатам потребовалось больше времени, чтобы достигнуть Луны, чем мы первоначально планировали и конечно же, мы никогда не строили там постоянную базу, которую мы планировали для первоначальных целей "Горизонта".

Я знал, даже при том, что в 1969-м году я уже не работал в армии, что наш успех исследования Луны демонстрировал наши возможности контроля и отсутствия свободы действий у EBE. Было также продемонстрировано, что, если бы были заключены какие-либо соглашения с инопланетянами, Советы не были теми, с кем они могли быть заключены. К началу 1970-х годов, в то время как продолжались прилунения Аполлона, было ясно, что течение повернулось и мы в отношениях с EBE получили небольшое преимущество, к которому стремились с 1950-х годов.

Но я, возвращаясь в 1961 год, пристально рассматривающий гигантский отчет о проекте "Горизонт" на своем столе и понимающий, что все гражданское научное сообщество мобилизовалось против этого усилия, знал, что перед тем, как одержать большие победы, должны быть достигнуты маленькие победы. Я достал кремниевые пластинки, которые мы обнаружили среди обломков космического корабля в Розуэлле и сказали сам себе, что для развития они будут включены в следующий проект. Я не очень хорошо понимал, что это было, но если ученые с Ракетного полигона в Уайт Сэндс были правы в

том, что они по этому поводу думали, это было победой, которую мы еще долго будем смаковать после окончания политических боев вокруг проекта "Горизонт".

ГЛАВА 12

Интегральные микросхемы: Из места крушения в Розуэлле в Силиконовую Долину

ВМЕСТЕ С ИДУЩИМ ПОЛНЫМ ХОДОМ ПРОЕКТОМ УСИЛИТЕЛЯ НОЧНОГО ВИДЕНИЯ в форте Белвар и пытающейся плыть против течения гражданского управления американской космонавтики команды проекта "Горизонт", я обратил свое внимание на другие фрагменты из розуэлльской катастрофы, которые выглядели особенно интригующе: темно-серые полупроводниковые пластины, которые выпали из какого-то более крупного устройства. Я поначалу не ставил их в приоритет, так как не знал, что это было, пока генерал Трюдо не попросил меня уделить им больше внимания.

"Поговорите об этих штуках с ракетчиками из Аламогордо, Фил", - сказал он. "Я думаю, что они узнают, как нам с этим поступить".

Я знал, что в дни сразу после катастрофы, генерал Твининг, встретился с группой из Воздушной Команды Материальной части в Аламогордо и дал им описание некоторых обломков. Но я не знал, насколько были подробными его описания или знали ли они хотя бы о пластинах, которые были у нас в картотеке.

"Я тоже хотел бы поговорить с некоторыми учеными оттуда", - сказал я. "Особенно, я хочу увидеть некоторых инженеров от оборонных подрядчиков. Возможно они смогут выяснить, что за процесс лежит в основе всего этого".

"Отправляйтесь в Белл Лабс, Фил," – предложил генерал Трюдо. "Они выпустили транзистор, а эти штуки во многом похожи на транзисторные схемы".

Я слышал, что генерал Твининг очень тесно работал и с Белл Лабс и с Моторолой над исследованиями коммуникаций во время войны и впоследствии на испытательной площадке для запуска ракет "Фау-2" в Аламогордо, а также после катастрофы в Розуэлле. Давал ли он им какой-либо материал с места

катастрофы или показывал ли им крошечные кремниевые чипы, было вопросом чистого предположения. Я знаю только, что вся тема миниатюризации схем сделала гигантский прыжок в 1947 году после изобретения транзистора и первых твердотелых элементов. К концу 1950-х транзисторы заменили электронную лампу в радио и превратили деревянный ящик размером со стену из 1940-х годов в переносное пластмассовое радио, которое можно было слушать на берегу в жаркое июльское воскресенье. Меньше чем за десять лет электронная промышленность сделала главный технологический скачок и я должен был задаться конфиденциальным вопросом, не достали ли они какой-либо материал из Розуэлла, о котором я ничего не знал до поступления в 1961 году в Иностранные Технологии.

Когда я показывал эти кремниевые пластины генералу Трюдо, то я поначалу не понимал, что они очень быстро и глубоко войдут в развивающуюся компьютерную отрасль и станут очень маленьким, абсолютно невидимым винтиком на сборочном конвейере, который пятнадцать лет спустя приведет нас к первым микрокомпьютерным системам и революции в мире персональных компьютеров.

В течении времени, с тех пор, как я присоединился к армии в 1942 году, моя карьера провела меня через разные уровни ламповых устройств, от наших радиоприемников и радаров в период Второй мировой войны, до отдельных деталей. Это были большие детали схем, которые если ломались, то заменялись на меньшие и наконец на крошечные транзисторы и транзисторные схемы. Первые военные компьютеры, которые я видел, занимали комнаты, бряцая монстроподобными электронными лампами, которые постоянно ломались и по сегодняшним стандартам им требовалась вечность для вычисления даже самого простого ответа. Они были просто горшками с маслом. Но они поразили тех из нас, кто никогда не видел работающих компьютеров.

В Красном Каньоне и в Германии, нашими отслеживающими и наводящими радарами управляли новые транзисторные блочные компьютеры, которые были достаточно компактны, чтобы перемещаться вместе с батальоном на грузовиках. Таким образом, когда я открыл свои документы и увидел темно-серую матовую поверхность похожих на крекеры кремниевых пластин с дорожками, напечатанными на них крошечнымидорожками, я смог высказать обоснованное предположение об их функциях даже при том, что я никогда не видел ничего подобного прежде.

Однако я знал, что наши ученые-ракетчики и исследователи из университетов, которые работали с исследовательскими лабораториями в Белл, Моторолле и IBM, лучше поймут функции этих пластинок и выяснят, что мы должны были сделать, чтобы сделать такие-же свои.

Но первым для основного фона любого развития после катастрофы в Розуэлле, я бы назвал профессора Германа Оберта. Доктор Оберт знал ученых из Аламогордо и вероятно получил из вторых рук суть разговоров генерала Твининга со своей группой в Аламогордо в первые часы после обнаружения летающей тарелки. И если генерал Твининг описал некоторые обломки, описал ли он эти небольшие кремниевые пластинки? И если он делал это в период, когда ENIAC - первый рабочий компьютер - только раскручивали на Абердинской артиллерийской испытательной площадке в Мэриленде, что с этими пластинками могли сделать ученые?

"Они видели их в ангаре в Уолкер Филд", - сказал мне доктор Оберт. "Все из Аламогордо полетели с генералом Твинингом в Розуэлл, чтобы наблюдать за отправкой в Райт Филд".

Оберт сообщил, что произошло в тот день после катастрофы, когда команда ученых-ракетчиков из АМС детально изучила остатки обломков с места крушения. Некоторые обломки были упакованы для перевозки на "B29". Остальной материал, особенно ящики, которые заколотили в форте Рили, были погружены на грузовики для перевозки. Доктор Оберт сказал, что спустя несколько лет, фон Браун рассказал ему, как ученые, которые буквально выстроились в очередь, чтобы обработать свои уравнения на экспериментальном компьютере в Абердине в Мэриленде, трепетали перед микроскопической схемой, впечатанной в серую пластинку, добытую из корабля.

Фон Браун интересовался у генерала Твининга, собирались ли по этому поводу связаться с Белл Лабс. Поначалу Твининг удивился, но когда фон Браун рассказал ему об экспериментах с твердотелыми элементами - с материалом, электроны для электропроводности в котором не требовалось возбуждать высокой температурой – Твининга это заинтриговало. "Что, если эти пластинки были компонентами очень большой твердотелой схемы?" – спросил его фон Браун. Что, если одной из причин, по которой военные не смогли обнаружить электрической проводки в тарелке, были слои из этих пластин проходивших по всему

кораблю? В корабле, эти пластинки со схемами могли быть его нервной системой, передавая сигналы и команды точно так же, как это делается в человеческом организме.

У генерала Твининга был опыт только с электровакуумными приборами времен Второй мировой войны, в которых многожильные провода были покрыты тканью. Он никогда до этого не видел подобных металлических пластин.

"Как они работают? " - спросил он у фон Брауна.

Немецкий ученый не был уверен, хотя и предполагал, что они работали на том же самом принципе, как и транзисторы, которые разрабатывались в лаборатории для коммерческого производства. Фон Браун объяснил генерал Твинингу, что это полностью бы преобразовало электронную промышленность, это было ни что иное, как революция. Немцы отчаянно пытались разработать подобные схемы во время войны, но Гитлер убедил всех, что война будет закончена в 1941 году и сказал немецким компьютерным исследователям, что у Вермахта не было потребности в компьютерах, срок работы над которыми больше, чем один год. ВБерлинекконцугодаужебудутпраздноватьпобеду.

Но исследование немцами твердотелых компонентов и ранние работы в Белл Лабс, были ничем по сравнению с чудом, которое Твининг показал фон Брауну и другим ученым-ракетчикам в Нью-Мексико. Рассматривая ее под лупой, группа подумала, что они увидели не только один единственный твердотелый вентиль, но и целую систему объединенных друг с другом вентилей и представляющих собой целую схему или систему схем. Они не могли быть уверены, потому что никто из них никогда не видел такого даже приближенно. Но через это они увидели, каким могло бы стать будущее электроники, если бы мы смогли пройти этот путь и произвести подобные схемы на Земле. Можно было бы одним разом миниатюризировать огромные системы наведения и управления ракетой, которые в 1947 году, были слишком большими, чтобы поместиться в ее фюзеляж. Если мы сможем повторить то, что было у ЕВЕ, то у нас тоже будет возможность исследовать космос. В действительности, перепроектирование интегральной твердотелой схемы началось спустя недели и месяцы после катастрофы, даже при том, что в 1946 году в Белл Лабс над своим транзистором уже трудился Уильям Шокли.

Летом 1947 года ученым из Аламогордо было известно только об идущих полным ходом исследованиях твердотелых схем в Белл Лабс и Моторола. Поэтому, они указали Натану Твинингу на исследователей из обеих компаний и согласились помочь ему провести предварительные встречи на тему Розуэлла. Очень тайно, армия поместила некоторые компоненты под контроль инженеров-исследователей и к началу 1950-х годов был изобретен транзистор, а теперь транзисторные схемы используются в потребительских товарах и в военных

электронных системах. Эра электроламповых технологий, на которых было построено целое поколение коммуникационных устройств, включая телевизионные приемники и компьютеры, теперь спустя восемьдесят лет подходила к концу с открытием в пустыне полностью новой технологии.

Радиолампа была наследством от экспериментов с электрическим током в девятнадцатом веке. Как и множество исторических научных открытий, теория электронной лампы была открыта почти случайно и в действительности никто не знал, что это было или не беспокоился о ее судьбе в течение нескольких лет. Радиолампа, вероятно, достигла своей самой большой популярности в период с 1930-х до 1950-х годов, пока обнаруженная нами розуэлльская технология не сделала ее устаревшей. Принцип работы радиолампы, поначалу обнаруженный Томасом Эдисоном в 1880-х годах, когда он экспериментировал с различными компонентами своей лампы для освещения, состоит в том, что протекающий как правило в любом направлении через проводник электрический ток, через вакуум можно было направить только в одну сторону. Это направленное движение тока, названное "эффектом Эдисона", является научным принципом вытекающим из свечения материала нити в вакууме осветительной лампы, технологией, которая оставалась незаменимой на протяжении более ста лет.

Но технология осветительной лампы, обнаруженная Эдисоном в 1880-х годах, затем отложенная, только ради того, чтобы начать экспериментировать с ней снова в начале двадцатого века, также имела другую не менее важную функцию. Поскольку исходящий от нити накаливания поток электронов шел только в одном направлении, электронная лампа была также разновидностью автоматического выключателя.

Направьте поток электронов через провод и ток потечет в том направлении, по которому Вам захочется его направить. Чтобы выключить ток вручную, Вам не нужно было выключать рубильник, потому что это за Вас могла сделать электронная лампа.

Эдисон фактически открыл первое устройство автоматического выключения, которое можно было применить в сотнях разных электронных приборов, от радиостанций, с которыми я рос 1920-х годах, до систем коммуникаций и радаров Второй мировой войны, а также до телевизоров 1950-х годов.

Фактически, радиолампа была единственным компонентом к началу двадцатого века, который позволил нам начать международные коммуникации.

У радиоламп было также и другое важное применение, которое не было обнаружено, пока экспериментаторы молодой науки о компьютерах, поначалу не признали потребности в них в 1930-х годах и затем в 1940-х годах. Поскольку это были выключатели, открывающие и закрывающие ток в схемах, из них можно было создать компьютер для выполнения различных задач. В принципе, сам компьютер, по существу остался той же разновидностью вычислительного устройства Чарльза Беббиджа, которое он впервые изобрел в 1830-х годах. Это был набор внутренних шестеренок или колес, которые действовали как счетчики и ячейки "памяти", хранившие числа, пока до них не доходила очередь на обработку.

Компьютером Беббиджа управлял вручную технический специалист, который переключал механические выключатели, чтобы ввести исходные числа и выполнить программу, которая их обрабатывала.

Простой принцип, лежащий в основе первого компьютера и названный его изобретателем "Аналитическая машина", заключался в том, что эта машина могла производить бесконечные варианты и типы вычислений, меняя свою конфигурацию с помощью механизма переключения. У машины было средство для ввода чисел или инструкций для процессора; сам процессор, который выполнял вычисления; центральный блок управления или центральный процессор, который организовывал и упорядочивал задачи, чтобы проверять правильность работы в правильные отрезки времени; область памяти для хранения чисел; и наконец средство вывода результатов вычислений по типу принтера: те же самые составляющие Вы найдете во всех современных компьютерах.

Эта же машина могла складывать, вычитать, умножать, делить и даже накапливать результаты процесса вычисления. Она могла даже хранить сами арифметические инструкции для вычисления в промежутках между работой. И Беббидж позаимствовал процесс обработки перфокарт, изобретенный Жозефом Жаккаром для программирования ткацких станков.

Программы Беббиджа могли храниться в пачке перфокарт и

вставляться в компьютер, чтобы управлять процессом обработки чисел. Хотя это и может походить на потрясающее изобретение, это была технология Индустриальной Революции, которая началась в конце восемнадцатого века для решения чисто утилитарной проблемы обработки больших чисел для британских вооруженных сил. И все же, концептуально, это был полностью новый принцип построения машин, который очень тихо начал цифровую революцию.

Поскольку машина Беббиджа управлялась вручную и была громоздкой, в течение девятнадцатого века с ней мало что было сделано и к 1880 году о самом Беббидже забыли. Однако, практическое применение электричества в механических приборах и передача электроэнергии по сетям, изобретенные Томасом Эдисоном и усовершенствованные Николой Теслой, дали новую жизнь вычислительным машинам. Понятие автоматической вычислительной машины вдохновило американских изобретателей на изобретение своих собственных управляемых электричеством вычислителей для обработки больших чисел на соревновании перед переписью населения США в 1890 году. Победителем соревнования был Херман Холлерит с электрическим калькулятором, который был монструозным устройством, который не только обрабатывал числа, но и показывал всем ход процесса обработки больших чисел на часах. Он был так успешен, что крупные железнодорожные компании его наняли для обработки их чисел. На рубеже веков, его компания CTR стала единственным крупнейшим разработчиком автоматических вычислительных машин. К 1929 году, когда Холлерит умер, его компания стала конгломератом автоматизации - IBM.

Сразу после смерти Холлерита, немецкий инженер по имени Конрад Цузе приблизился к некоторым из проблем, которые на сто лет раньше уже стояли перед Чарльзом Беббиджом: как построить свой собственный универсальный компьютер, который мог перестраивать себя в зависимости от вида производимого оператором вычисления. Цузе решил, что вместо работы с машиной, ограниченной выполнением арифметических действий в десятичной системе счисления, его машина будет использовать только два числа, 0 и 1, двоичную систему счисления. Это значило, что он мог обрабатывать любой тип математического уравнения посредством включения или выключения последовательности переключающихся электромагнитных реле, которые действуют как клапаны или ворота, пропускающие ток

или отключающие его. Эти реле были такими же устройствами, которые использовались для организации сетей в таких крупных телефонных компаниях, как TheBellSystem в Соединенных Штатах. Объединив электрическое питание и электрические переключатели в архитектуре Аналитической машины Беббиджа и базируя его вычисления на наборе из двух чисел вместо десятичной системы счисления, Цузе придумал европейскую версию первого электрического компьютера, целиком и полностью нового устройства. Это произошло всего за три года до вторжения немцев в Польшу и внезапного начала Второй мировой войны.

В Соединенных Штатах, приблизительно в то же самое время, когда Цузе собирал свой первый компьютер в гостиной своих родителей, преподаватель математики в Гарварде Говард Эйкен пытался реконструировать теоретическую версию компьютера Беббиджа, тоже с использованием электромагнитных реле в качестве переключающих устройств и опираясь на систему двоичных чисел. Различие между Эйкеном и Цузе состояло в том, что у Эйкена были дипломы и образование, которое инновационный математик получил в кабинете Томаса Уотсона, президента IBM, представив ему свое предложение первого американского компьютера. Уотсон был впечатлен и выделил бюджет в $1 миллион долларов и сразу прямо перед нападением на Перл-Харбор, проект был запущен в Кембридже, Массачусетс. Во время войны он переехал в главный офис IBM в Нью-Йорке.

Из-за своей теоретической способности вычислять обрабатывать большие числа за относительно небольшой период времени, компьютеры были взяты в военный оборот в Соединенном Королевстве, как устройства для взлома шифров. К 1943 году, в то же самое время, когда первая блистающая нержавеющей сталью версия компьютера Эйкена из IBM была запущена в Эндикотте, Нью-Йорк, британцы использовали свой специализированный крипто-аналитический компьютер "Колоссус", чтобы взламывать немецкие коды и расшифровать коды, создаваемые немецкой "Энигмой" - кодирующей машиной, которая, как считали нацисты, делала их передачи недоступными для расшифровки Союзниками. В отличие от компьютера IBM-Эйкена из Гарварда и экспериментального компьютера Конрада Цузе в Берлине, "Колоссус" в качестве переключающихся реле использовал радио-лампы и поэтому был в сотни раз быстрее, чем используемые в компьютерах экспериментальные электромагнитные реле. По этой причине "Колоссус" был

истинным прорывом, потому что он объединил скорость ламповых технологий с дизайном компонентов Аналитической Машины, чтобы создать первый в мире современный компьютер.

Британцы использовали "Колоссус" настолько эффективно, что быстро почувствовали потребность в постройке их в большем количестве, чтобы обрабатывать все больше и больше объемов зашифрованных посланий, отправляемых немцами, которые не знали о том, что Союзники расшифровывали каждое их слово и переигрывали их на каждом шагу. Я бы даже и по сей день утверждал, что технологическое преимущество Союзников, которыми они располагают в аппарате разведки, особенно компьютеры для дешифровки кодов и радары, позволило нам выиграть войну несмотря на первоначальные успехи Гитлера и его первоначальное преимущество в вооружении. Использование Союзниками компьютера во время Второй мировой войны было примером того, как превосходящее технологическое преимущество может иметь значение для победы, независимо от того, сколько оружия или войск враг в состоянии развернуть.

Американский и британский опыт применения компьютеров во время войны и заинтересованность нашего правительства в разработке жизнеспособного компьютера, привела нас к созданию сразу после войны компьютера, названного Электронным Числовым Интегратором и Калькулятором или "ENIAC". "ENIAC" был детищем Говарда Эйкена и одного из наших советников в мозговом тресте ВоенУИР, математика Джона фон Неймана. Хотя он оперировал десятичными числами вместо двоичных и имел очень небольшую память, он был сделан с применением радио-ламповых технологий. В свое время он был первым среди так называемых "арифмометров".

Если измерить время развития компьютеров, начиная с первогооборудования тогда, до персональных компьютеров сегодня, "ENIAC" будет чем-то вроде динозавра. Он был громким, горячим, тяжелым, порывистым и потреблял электричество для работы, как весь город. Он не мог долго работать, потому что радио-лампы всегда были ненадежными, даже самые лучшие могли выйти из строя после нескольких часов работы и потребовать замены. Но машина работала, она производила расчеты и показала путь к следующей модели, которая отразила сложную символьную архитектуру разработок Джона фон Неймана.

Фон Нейман предположил вместо того, чтобы каждый раз после включения загружать в компьютер необходимые Вам программы, сами программы могут постоянно храниться в компьютере. Рассматривая сами программы как компоненты машины, хранимые прямо внутри ее оборудования, компьютер мог переключаться между программами или выполняемыми подпрограммами, по мере необходимости для решения задачи. Это означало, что большие программы можно разбить на небольшие подпрограммы, которые сами могли бы организовываться в шаблоны для решения подобных задач. В сложных приложениях программы могли бы постоянно вызывать другие программы без необходимости вмешательства человека и могли даже изменять подпрограммы при соответствующей необходимости. Фон Нейман изобрел блочное программирование, основу для сложного технического и делового программирования конца 1950-х и 1960-х годов и великой, прабабушке сегодняшнего объектно-ориентированного программирования.

К 1947 году все это объединилось: дизайн машины, источник электропитания, радиолампы, логика машинной обработки, математическая архитектура фон Неймана и практическое применение компьютера. Но появившись в середине нашего века, сам компьютер, если говорить о технологии был продуктом восемнадцатого и девятнадцатого века. Фактически, учитывая короткий срок работы радиоламп, потребности в огромном количестве энергии и охлаждения для работы, разработка компьютера, казалось, зашла в тупик. Хотя IBM и БеллЛабс инвестировали огромные суммы денег на развитие и проектирование компьютера с меньшими расходами на эксплуатацию и обслуживание, учитывая технологию 1947 года, ему некуда было развиваться. В то время это был просто дорогой в постройке и дорогой в эксплуатации неуклюжий слон.

И затем с неба в Розуэлл упал инопланетный космический корабль, разлетевшись обломками по пустыне и в один вечер все изменилось.

Первый полупроводниковый транзистор в 1948 году – микроскопически тонкий сэндвич из кремния n-типа, в котором у некоторых атомов есть дополнительный электрон и кремния p-типа, у атомов которого на один электрон меньше – был создан физиком Уильямом Шокли. Изобретение было сделано в BellTelephoneLaboratories, и как по волшебству, тупик, в котором остановилось развитие динозавро-подобных компьютеров "ENIAC"

исчез и начался век полностью нового поколения миниатюрных схем. Там, где схема на радиолампах требовала питания огромным количеством электроэнергии для подогрева ламп, потому что электричество проводилось при высокой температуре, транзистор требовал очень низких уровней напряжения и практически не нагревался, потому что транзистор усиливал поток электронов, протекавших через его Базу. Так как потребление тока было небольшим, то он мог питаться электричеством от батарей. Поскольку для проводимости электричества ему не требовался разогрев и он был настолько маленьким, что на очень небольшой площади можно было разместить множество транзисторов, миниатюризируя компоненты схемы. И наконец, поскольку они не сгорали, как радиолампы, они были намного более надежными. Таким образом, в течение месяцев после катастрофы в Розуэлле и первого представления кремниевой технологии компаниям, уже вовлеченным в научные исследования по разработке компьютеров, ограничения были отброшены и началось развитие следующего поколения компьютеров. Это дало нам в ВоенУИР, особенно в течение тех лет, когда я там был, возможность поддержать военные контракты, способствующие внедрению устройств на интегральных схемах в последующие поколения систем вооружения.

Многие историки периода микрокомпьютеров писали, что до 1947 года никто не предвидел изобретения транзистора и даже не мечтал о полностью новой технологии, опирающейся на полупроводники из кремния, а не углерод в лампах накаливания Эдисона. Больше идеи Вычислительной или Аналитической машины, либо любой комбинации компонентов из которых состояли первые компьютеры в 1930-х и 1940-х годах, изобретение транзистора и его естественное развитие до кремниевого чипа в интегральной схемотехнике, было за пределами того, что можно назвать квантовым скачком технологии. Линия развития радиоламп от первых экспериментов Эдисона с нитью накаливания для его лампочки, до электронных ламп, из которых был построен механизм переключения ENIAC, протянулась приблизительно на пятьдесят лет. Разработка кремниевого транзистора, казалось, была вопросом месяцев. И, не будучи лично знакомым с кремниевыми пластинами из Розуэлла, которые я держал в своих собственных руках и говорил о них с Германом Обертом, Вернером фон Брауном или Хансом Кохлером, изучая доклады этих теперь уже мертвых ученых об их встречах с Натаном Твинингом, Вэнневэром Бушем и

исследователями из Белл Лабс, я бы подумал, что изобретение транзистора было чудом. И теперь я знаю теперь, как он появился.

Как показывает история, изобретение транзистора было только началом развившихся в 1950-х технологии интегральных схем, которая продолжает развиваться до сих пор. К тому времени, когда в 1961 году я был лично привлечен, американский рынок уже демонстрировал техническое оснащение Японии и Германии в 1950-х годах и Кореи с Тайванем с конца 1950-х годов до начала 1960-х годов. Генерала Трюдо это беспокоило, но не потому, что он считал эти страны нашими экономическими врагами, он полагал, что американская промышленность пострадает в результате ее самоуспокоенности о фундаментальных исследованиях и развитии. Он выражал мне это много раз во время наших встреч и история подтвердила его правоту. Генерал Трюдо полагал, что американская индустрия собрала урожай технологий в годы сразу после Второй мировой войны, результаты которого полным ходом демонстрировались в 1960-х годах, но вскоре все замедлилось, потому что УИР был затратным предприятием, которое не приносило немедленных прибылей. И генерал Трюдо всегда говорил, что Вы должны всегда показывать хороший результат, чтобы держать своих акционеров счастливыми, иначе они взбунтуются и выбросят руководство прямо на улицу. И в конце сказал, что фактически, гигантские отрасли промышленности США уничтожают себя так же, как семья проедающая свои сбережения.

"Продолжайте вкладывать капитал в себя, Фил", - генерал хотел сказать, что когда он отрывает взгляд от своего WallStreetJournal перед началом наших утренних совещаний, то каждый раз замечает, как фондовые аналитики умудряются вкладывать свои средства в неверные дела. "Несомненно, эти компании получат прибыль, но посмотрите на японцев и немцев, они знают ценность фундаментальных исследований", - сказал он мне когда-то. "Американские компании ждут, когда правительство оплатит все их исследования и мы должны этим заняться, если мы хотим оставить их на плаву. Но скоро придут времена, когда мы больше не сможем платить им. И кто тогда заплатит?"

Генерала Трюдо беспокоило каким образом продвижение новой электронной продукции, основанной на миниатюризированных схемах создаст полностью новые рынки,

которые отгородят американские компании. Он сказал, что американским компаниям стало дешевле производить свои продукты в Азии, где уже есть переоборудованные после войны компании по производству транзисторных компонентов, чем американским компаниям, которые в большей степени вложили свой капитал в производственную технологию девятнадцатого века, делать это самим. Он знал, что потребность исследования космоса, для противостояния враждебным EBE на их территории, реализуется через развитие технологий интегральных схем, чтобы электронные компоненты космического корабля можно было миниатюризировать для соответствия требованиям размеров ракет. Гонка за разработку более продвинутых ракет и артиллерии также требовала развития новых типов схем, которые можно было бы упаковать в самые маленькие объемы. Но японские и немецкие отрасли промышленности, были после переоборудования единственными, кто мог воспользоваться прямым преимуществом, называемым генералом Трюдо "новой электроникой".

В американской индустрии, за то, чтобы добраться до игрового поля фундаментальных исследований должны были бы заплатить вооруженные силы. За это генерал Трюдо был готов бороться в Пентагоне, так как он знал, что это было единственным способом, которым мы могли получить оружие и только горстка из нас знала, что мы должны были вести войну с инопланетянами, и только горстка нас знала, что мы боролись. Артур Трюдо был боевым генералом, занимавшимся в одиночку военной кампанией, о которой национальная политика и законы о секретности запрещали ему даже говорить. И поскольку река времени от катастрофы в Розуэлле, до опасений по поводу послевоенного подъема экономики, разлилась шире, то даже те, кто воевал рядом с генералом Трюдо, стали один за другим отступать. Генерал Трюдо верил, что индустрия могла воевать вместо нас, если бы она была должным образом засеяна идеями и деньгами для развития.

К 1961 году мы обратили свое внимание на интегральные схемы.

Расходы правительства на вооружение и потребности в исследовании космоса, в большой степени уже финансировали транзисторные схемы. Радары и ракеты, которыми я командовал в Красном Каньоне, Нью-Мексико, в 1958 году были основаны на миниатюризированных компонентах для надежности и

мобильности. Новые поколения отслеживающих радаров на чертежных досках в 1960 году были еще более сложными и электронном смысле умнее, чем оружие из которого я прицеливался из Германии по советским целям. В Соединенных Штатах продавались японские и тайваньские радиоприемники, которые умещались на ладони руки. Такие же как ENIAC компьютеры, который когда-то занимал площадь небольшого склада, теперь занимали комнаты и были по размерам не больше шкафа и все еще продолжая вырабатывая тепло, они больше не ломались из-за перегретых радиоламп. Миникомпьютеры, которым помогает правительственное финансирование УИР, были на расстоянии нескольких лет от свободного рынка и находились уже на стадии проектирования. Телевизоры и стереофонические записывающие устройства, в основе которых лежит твердотелая электроника, поступали на рынок и такие компании, как IBM, Sperry-Rand и NCR начинали выставлять на свободный рынок электронные офисные машины. Это было началом нового века электроники, которому частично помогли бюджетным финансированием фундаментальных исследований в части развития и производства продукции с интегральными схемами. Но реальный приз, реальное развитие того, что было добыто в Розуэлле, все еще находилось на расстоянии нескольких лет. И когда оно появилось, опять же для разработки вооружения и космических полетов, оно вызвало другую революцию.

История печатной схемы и микропроцессора - это тоже история технологии, которая позволила инженерам ужимать все больше и больше элементов в меньшее пространство. Это история интегральной схемы, которая развивалась в течение 1960-х годов, развилась до крупномасштабной интеграции к началу 1970-х годов и дошла до интеграции сверхвысокого уровня к середине 1970-х годов, как раз перед появлением первых настоящих персональных компьютеров, и перешла в крайней крупномасштабную интеграцию к началу 1980-х годов. Сегодняшние 200+ мегагерцовые настольные компьютеры с многогигабайтным жестким диском являются результатом развития технологий интегральных схем, который начался в 1960-х годах и продолжается в настоящее время. Скачок от базовой транзисторной схемы 1960-х годов до крупномасштабной интеграции был сделан возможным после разработки микропроцессора в 1972 году.

Однажды, процесс развития более плотно упакованной схемы вдохновился с изобретением в 1948 году транзистора и

подпитывался потребностью изготавливать быстрые, лучшие и самые маленькие компьютеры, он продвигался естественным путем, пока в 1972 году инженеры из Intel не разработали первый микропроцессор, четырехбитный центральный процессор, названный ими 4004. Этот год отметил начало микрокомпьютерной промышленности, хотя первые персональные микрокомпьютеры не появлялись на рынке до разработки в Intel процессора 8080A.

Эта микросхема была сердцем компьютера "Альтаир", первого продукта в котором была версия языка программирования высокого уровня под названием Бэйсик, позволявшем программировать и создавать приложения для него далеким от техники специалистам. Вскоре, такие компании, как Motorola и Zilog представили на рынок свои собственные микропроцессоры и к 1977 году, на рынок вышел компьютер AppleII, работающий на процессоре Motorola 6502, к которому присоединился RadioShack на 8080A, CommodorePET, Atari и Heathkit. В самой своей глубине, микропроцессор содержит точно такие же массивы ключей и выполняет точно такую же функцию обработки двоичных команд, как и их предки, большие универсальные ЭВМ 1950-х и 1960-х годов, а также транзисторные мини-компьютеры конца 1960-х и начала 1970-х годов. Функционально, микропроцессор выполняет те же самые задачи, как Аналитическая машина Чарльза Беббиджа 1830-х годов: чтение чисел, хранение чисел, логически обработка чисел и вывод результатов. В микропроцессоре, все просто умещается в намного меньшем пространстве и происходит с намного более высокой скоростью.

В 1979 году AppleComputer начала продавать первую компьютерную операционную систему на дискете для хранения данных и программ, которая вывела микрокомпьютерную революцию в более высокий уровень. Мало того, что пользователи могли вводить данные с помощью клавиатуры или записывать их на магнитофонную кассету, они могли хранить относительно большие объемы таких данных, как документы или математические проекты, на компактных, перезаписываемых и сменных майларовых дисках, которые читал компьютер. Теперь компьютер перешел из разряда электронного хобби в рабочее место. К концу года, представление компанией MicroPro первого текстового процессора под названием WordStar и выпуск компанией PersonalSoftware самой первой электронной таблицы под названием VisiCalc, настолько преобразовали рабочее место, что настольный компьютер стал необходимостью для любого

молодого руководителя на его или ее пути по служебной лестнице. И к началу 1980-х годов, с появлением AppleMacintosh и объектно-ориентированной компьютерной среды, не только рабочее место, но и весь мир были похожи на нечто иное, чем они были в начале 1960-х годов. Даже концепция доктора Вэнневэра Буша о типах исследования языка запроса, основанного не на линейной схеме, а на интеллектуальном отношении к чему-то, включенному в тело текста, стало реальность с выходом компьютерной программы Apple называемой HyperCard.

В 1979 году AppleComputer начала продавать первую компьютерную операционную систему на дискете для хранения данных и программ, которая вывела микрокомпьютерную революцию в более высокий уровень. Мало того, что пользователи могли вводить данные с помощью клавиатуры или записывать их на магнитофонную кассету, они могли хранить относительно большие объемы таких данных, как документы или математические проекты, на компактных, перезаписываемых и сменных майларовых дисках, которые компьютер мог читать. Теперь компьютер перешел из разряда электронного хобби в рабочее место. К концу года, представление компанией MicroPro первого текстового процессора под названием WordStar и выпуск компанией PersonalSoftware's самой первой электронной таблицы под названием VisiCalc, настолько преобразовали рабочее место, что настольный компьютер стал необходимостью для любого молодого руководителя на его или ее пути по служебной лестнице. И к началу 1980-х годов, с появлением AppleMacintosh и объектно-ориентированной компьютерной среды, не только рабочее место, но и весь мир были похожи на нечто иное, чем они были в начале 1960-х годов. Даже концепция доктора Вэнневэра Буша о типах исследования языка запроса, основанного не на линейной схеме, а на интеллектуальном отношении к чему-то, включенному в тело текста, стало реальность с выходом компьютерной программы Apple называемой HyperCard.

Получилось, как будто с 1947 года до 1980 года фундаментальная парадигма человечества сместилась в сторону способности человечества обрабатывать информацию. Сами компьютеры стали чем-то похожим на кремниевую форму жизни, вдохновляя земную углеродную форму жизни на их развитие, взращивание и даже помощь в воспроизведении. Фактически, современные компьютерные программы управления процессами распространены во всех главных отраслях промышленности, программы, которые пишут программы, самообучающиеся в

реальном мире нейросетевые экспертные системы и идущие полным ходом эксперименты по выращиванию кремниевых чипов в безвоздушном пространстве на земной орбите, могут предшествовать времени, когда автоматические орбитальные фабрики станут выращивать и получать новый кремниевый материал для более сложных микропроцессоров, чем мы даже можем сейчас вообразить. Было бы все это правдой, то кто-бы возразил, что силиконовые пластинки из Розуэлла были главными космическими путешественниками, и кем были существа EBE, их хозяевами или слугами? Естественным ли путем наша культура на Земле дошла до точки готовности в развитии своих первых цифровых вычислительных машин, начиная с изобретения транзистора, позволившего нам достигнуть симбиотических отношений с кремниевым материалом, управляющего нашими данными и давшего нам возможность стать более творческими и успешными?

Возможно катастрофа в Розуэлле, которая помогла нам развить технологический базис для систем вооружения, чтобы защитить нашу планету от EBE, была также механизмом для успешного внедрения абсолютно инопланетной негуманоидной формы жизни, которая передается от хозяина к хозяину, цифровой вирус Эбола, который мы люди когда-нибудь перенесем на другие планеты. А что, если враг захотел внедрить в нашу культуру прекрасную систему шпионажа или механизм саботажа? В этом случае, внедрение EBE схем на микрочипах в нашу технологию было бы прекрасным методом. Что это, саботаж или подарок Прометея? Возможно катастрофа в Розуэлле в 1947 году была ожидаемым событием, как падающие на землю ядовитые плоды. И яд подействовал, как только его попробовали.

"Попридержите лошадей, Фил", - сказал бы генерал Трюдо, когда я слишком далеко захожу в размышлениях. "Помните, у Вас есть группа ученых, с которыми Вам надо поговорить, а люди в Белл Лабс ждут Ваш отчет после разговора с группой из Аламогордо".

Шел 1961 год, уже началась миниатюризация компьютера и электронных схем, а мой доклад генералу и встречи с учеными в Сперри-Рэнде, Хьюзе и Белл Лабс устроенные им для меня, были необходимы для решения, как связанным с ними компаниям внедрять миниатюризированные схемы в проекты для систем вооружения. Вдохновение для разработки микросхем упало с неба на Розуэлл и повернуло отрасль по разработке компьютеров в

полностью новом направлении. Теперь, моя работа заключалась в том, чтобы применять микросхемы в процессе разработки вооружения, а в особенности в развитии систем наведения баллистических ракет. Генерал Трюдо и я были среди пионеров в том, что в 1980-х будет называться полем электронных битв.

"Не волнуйтесь, Генерал, у меня все готово для встреч", - сказал я ему. Я знал насколько далеко меня занесет, но я все-таки был офицером разведки и это означало работу с чистого листа. "Но я думаю, что люди из Белл Лабс уже все это прежде видели". Фактически так и было - в 1947 году.

ГЛАВА 13

Лазер

КОГДА Я ПРОКЛАДЫВАЛ СЕБЕ ПУТЬ ПО СПИСКУ ПУНКТОВ В МОЕЙ ПАПКЕ, готовя консультативные отчеты и рекомендации для генерала Трюдо о потенциале каждого предмета, я потерял чувство времени. Во время поездок вдоль берега Потомака в форт Белвар для контроля продвижения дел с прибором ночного видении для Martin Marietta, я мог видеть, как заканчивалось лето и листья начинали менять свой цвет. Я также мог заметить, как на улице было темно, когда я выходил из Пентагона. И каждое утро, когда я приезжал в Пентагон было таким же темным.

Я выработал у себя привычку следовать разными маршрутами, чтобы у возможного хвоста из ЦРУ было побольше работы допоздна.

Генерал Трюдо и я погрузились в тягучую ежедневную рутину УИР. Каждое утро мы встречались с ним для обсуждения розуэлльской картотеки - он называл ее "грудой барахла", потому что в ней большое число обломков и запчастей, отвалившихся от больших блоков - но мы так глубоко закапывали проекты развития материала из Розуэлла среди обычных функций подразделений УИР, что даже другие, ежедневно работающие с нами офицеры не знали, что происходило. Мы так тщательно засекречивали свою работу, что когда приходило время говорить о чем-то из Розуэлла, даже если у этого было влияние на некоторые другие пункты нашей работы, мы проверяли отсутствие кого-либо в офисе или перемещались в место, куда никто не мог войти и потревожить нас.

Моей работой в Иностранной Технологии было обеспечение текущего проекта УИР информацией и данными разведки из источников вне регулярных армейских каналов. Они разбегались по Пентагону к оборонным подрядчикам, к тестовым площадкам на военных базах и к исследователям в университетах или независимых лабораториях, которые действовали в соответствии с заключенными с нами контрактами. Если мы разрабатывали методики хранения еды, каждый раз пытаясь придумать наилучший способ подготовить ежедневный рацион, а у итальянцев и немцев был схожий процесс, то моей работой было все узнать об этом и подсунуть информацию в процесс разработки. Даже когда для определенной темы не велось никакого официального процесса разработки, если что-то изучаемое мной подходило какой-либо из армейских команд, был ли это Медицинский Корпус, Корпус Связи, автопарк, артиллерия или даже Корпус Интенданта, моей работой также было найти способ сделать эту информацию для них доступной без лишнего шума. Это было прекрасным прикрытием для работ с документами из Розуэлла и передачи их разными скрытными способами в разработку так, чтобы никто никогда не смог найти концов в этом потоке информации.

Для других, мы с генералом Трюдо регулярно встречались и изучализапущенные предыдущей командой ВоенУИР проекты и те, которые мы хотели начать сами. У работавших прежде нас в УИР офицеров уже были свои рабочие проекты и генерал поставил мне задачу подкармливать эти проекты информацией и разведданными без лишнего шума и свидетелей. Это было уловкой, потому что я должен был работать скрытно, втайне даже от своих коллег, репутация которых будет разрушена, если где-то просочиться информация, что они имели дело с "предметами из летающей тарелки". В то же самое время, самые высокопоставленные офицеры в Пентагоне и ключевые фигуры из числа их персонала знали, что розуэлльские технологии проплыли через большинство новых проектов. Они уже смутно, если не определенно, знали о произошедшем в Розуэлле и нынешней версии рабочей группы Хилленкоттера/Буша/ Твининга, персонал которой размещался в Пентагоне, чтобы следить за тем, что делали военные.

Объединение того, что я называл своей официальной "дневной работой" в УИР с регулярными проектами и мою тайную работу с картотекой из Розуэлла, было в подразделении моей официальной, но во много раз неформальной ролью заместителя

генерала Трюдо. На этой работе я выполнял приказы генерала, когда они имели отношение к подразделению и не относились к какому-либо определенному проекту. Если бы генералу Трюдо была нужна информация для помощи в пересмотре бюджетных приоритетов или сбор информации для организации дополнительных бюджетов разработок, то он частенько просил меня помочь или по крайней мере дать ему совет. И также я еще работал офицером разведки у генерала, поддерживая его информацией во время встреч, помогая ему готовить бумаги о нынешнем положении дел, постоянно помогая ему проводить брифинги или встречи с комитетами из Конгресса и защищая его и подразделения от почти еженедельных нападений офицеров из других военных подразделений, спецслужб или гражданских служб на нашу зону ответственности. Все хотели знать, что знали мы, на что мы тратили деньги, и на что мы планировали их потратить. И у нас не было проблем ни с кем, кто точно хотел знать, какие виды товаров американцы получали за свои собственные деньги кроме тех случаев, когда это доходило до одной категории - Розуэлл. Именно в этом месте ниспадала мантия темноты и наши воспоминания о том, что и откуда взялось сразу тускнели, как это получилось с драматическим улучшением технологии приборов ночного видения вскоре по окончании лета 1961 года. Даже наши люди очень расстроились, когда генерал Трюдо повернулся ко мне на встрече и спросил, "Вы помните эту информацию о приборе ночного видения, которую некоторое время назад отправили в форт Белвар? Где Вы ее нашли, Фил?" И если я не мог разыграть из себя идиота и сказать, "Я не думаю, что когда-либо сталкивался с этим прежде, должен быть кто-то еще, кто в курсе дела", то я просто пожал бы плечами и сказал, "Я не знаю, Генерал, должно быть это было где-то среди документов. Мненадовернутьсяипосмотреть".

Это был факт и многие офицеры, которые подозревали, что мы где-то прятали информацию, знали, что мы что-то скрывали. Но если они были профессионалами, они знали также, как играть в пентагоновскую версию игры "Укради сало". Мы это умели и мы это скрывали. Никто бы ничего не узнал без нашего разрешения. Таким образом, как правило, генерал передавал мне все, что имело отношение к информации военной разведки, а я обычно делал так, чтобы терялся не только ответ, но и сам вопрос тоже. Мы стали в этом настолько успешными, что полностью новые изобретения могли найти свой путь для развития во множестве различных мест и в то же самое время, никто никогда не знал об источнике технологий, а в особенности офицер, которого

назначили менеджером проекта внутри нашего очень закрытого подразделения.

ЦРУ настолько расстроилось из-за невозможности вытащить из нас любую информацию, что они стали ближе к российским атташе, вращающихся вокруг Вашингтона и работающих в посольствах и консульствах под контролем КГБ. Поскольку ЦРУ знало, как они глубоко проникли в нашу структуру, они полагали, что получат нужную информацию из фотокопировальных аппаратов в российском посольстве в Вашингтоне. И конечно же, из циркулирующих вокруг ученых из промышленности и академии слухов, ЦРУ знало, что мы в ВоенУИР к чему-то шли и держались друг за друга. Поэтому, я должен был контролировать генерала, не позволяя ему ходить неподготовленным на любые встречи, всегда удостоверяясь в том, что ЦРУ знает, что чтобы добраться до генерала Трюдо и всего, что он знал, им сначала придется пройти через меня. И в ЦРУ знали, что я знал их дела и их привязанности, а также знали, что когда-нибудь все откроется.

Генерал Трюдо и я быстро установили наш распорядок дня в начале 1961 года и свою классификацию выполняемой работы. Прибор ночного видения разрабатывался в форте Белвар и исследователи, которые работали с нами, подтвердили, что кремниевые пластинки попали к их коллегам в Белл Лабс и уверили нас, что новое поколение транзисторных схем уже нашло свой путь развития. Кремниевые чипы были тайно повторно представлены людям из Белл Лабс, так как первоначально эти пластинки из Розуэлла уже представлялись оборонным подрядчикам в 1947 году, вскоре после того, как материал попал Райт Филд.

Подобная история с повторным знакомством произошла с вынужденным энергетическим излучением, оружием, которое первые аналитики искали среди обломков корабля из Розуэлла. Поскольку направленное излучение энергии было технологией, которую мы уже применяли со времен Второй мировой войны, становится понятно, что в их головах были мысли о супер-сильной версии этой технологии, настолько развитой, будто она была из другой реальности, это так взволновало аналитиков из Райт Филд, что они как можно быстрее захотели передать ее ученым-исследователям, что и сделали.

И к началу 1950-х годов, версия источника энергии

вынужденного излучения пробила себе путь в научное сообщество, которое развивало новые продукты в области процесса генерации микроволн.

Большинство американцев, живших в 1950-х годах, помнит появление микроволновой печи, которая помогла нам "ужиться с электричеством" на наших современных кухнях. Один из чудесных приборов, который ворвался на сцену в 1950-х годах, обещал готовить еду за меньше чем половину времени, требуемого для обычных духовок, даже в том случае, когда еда была полностью заморожена. Продаваемый под множеством фирменных марок, включая теперь почивший "Radar Range", микроволновая печь готовила все, что в нее клали не используя свойственное обычным духовкам прямой нагрев, а бомбардируя еду потоками электромагнитного излучения, с длиной волн около сантиметра или больше. Волны проходят через еду, возбуждая в глубине молекулы воды и заставляя их вертеться и двигаться взад и вперед с большой скоростью. Взаимное трение молекул дает тепло и еда нагревается изнутри. Достаточно положить еду в контейнер, чтобы воспрепятствовать испарению всей влаги и у Вас будет быстро приготовленная еда.

Лежащая в основе микроволновой печи теория, которая начала свой долгий и прибыльный путь с исследованийвынужденного излучения, была сформулирована в 1945 году и первые коммерческие микроволновые печи выкатились с конвейера в Рейтеоне, Массачусетс в 1947 году до распространения любой информации, данных разведки или материалов с места крушения космического корабля в Розуэлле. Но по обломкам упавшего корабля, ученым из испытательного полигона в Аламогордо показалось, что экипаж корабля использовал очень современное оборудование для генерации волны, которая в соответствии с их исследованием, имела отношение к физике обычного микроволнового генератора.

Поисковая команда, вывозившая обломки из пустыни, еще нашла похожее на фонарь короткое устройство с внутренним источником энергии, из которого на небольшое расстояние выходил тонкий, как острие карандаша и интенсивный пучок света, и который мог фактически резать металл. Как считали инженеры из Райт Филд, он также работал на вынужденном излучении волны. Тогда возникли вопросы, как EBE использовали вынужденные излучения и как мы могли бы приспособить их для военного применения или подсунуть их в идущие полным ходом

проекты?

К 1954 году, когда я был в Белом доме, Совет национальной безопасности уже получал сообщения о разработанной Чарльзом Х. Таунсом теории, описывающей, как возбуждать до чрезвычайно высоких энергетических уровней атомы газа с применением всплесков энергии. Газ отдавал бы свою избыточную энергию в виде микроволн на очень точной частоте, которой можно было управлять. В теории, думали мы, энергетический луч мог быть сигналом для переноса информации или усилителем сигнала. Когда в Белл Лабс в 1956 году был собран первый квантовый генератор (мазер), он использовал этот эффект в качестве задающего генератора из-за очень точной частоты волны.

Однако, квантовый генератор, был только предшественником появляющегося продукта - лазера, коренным образом изменившего аспект любой технологии, которой только коснулся. Представлялось, что он будет оружием и поможет нам в размещении реальной угрозы для ЕВЕ, которые, как казалось, были готовы развязать ядерную войну между супердержавами.

Там, где квантовый генератор увеличивал амплитуду сгенерированных волн, лазер увеличивал амплитуду света и описывающие это теории циркулировали повсюду в сообществе разработчиков оружия, даже прежде чем Белл Лабс сделала первый квантовый генератор. Я видел описания лазера ЕВЕ в рапортах о катастрофе в Розуэлле, пучок света, настолько тонкий, что не был виден, пока не попадал на цель. "Для чего был необходим этот генератор света?", - задавалась вопросом группа из Аламогордо. Оно было похоже на устройство наведения или устройство для коммуникации и казалось, оно работало почти на неограниченной дистанции, а если к нему подобрать правильный источник энергии для того чтобы усилить свет, то оно смогло бы прожигать металл и использоваться в качестве дрели, сварочного аппарата или даже быть разрушительным оружием.

И даже пока я был в Белом доме, все три отделения вооруженных сил работали с исследователями в университетских лабораториях, чтобы разработать рабочий лазер. В теории, возбуждая атомы производящего световую энергию элемента таким же образом, каким атомы газа возбуждаются в микроволновых печах, лазеры демонстрируют возможность создания направленного энергетического луча, у которого было такое большое количество предназначений, что он мог стать

почти универсальным для всех подразделений вооруженных сил, даже для управления складским инвентарем Корпуса Интендантов.

И наконец в 1958 году, через год после того, как я покинул Белый дом, в научно-исследовательской деятельности произошел скачок, а особенно в Колумбийском университете, где спустя два года физик Теодор Мэймен построил первый рабочий лазер.

В 1960 году была произведена первая практическая демонстрация лазера и к тому времени, как я добрался до Пентагона, генерал Трюдо занес его в список наших приоритетов для военных нужд. Кроме того, так как устройства вынужденного излучения энергии были в перечне обнаруженных обломков, которые мы вывезли от Розуэлла, разработки США или лазера, потребовали специальных срочных шагов в моей розуэлльской миссии. Я должен был написать доклад для генерала Трюдо, с предложением способов, которыми EBE использовали лазерные технологии в своих миссиях на этой планете и как мы могли развить подобное применение под маской обычной программы разработки. Другими словами, любое предположение относительно способов его использования инопланетянами должно было стать нашей моделью развития для подобного применения.

Мы полагали, что EBE использовали лазеры для навигации, отражая лучи от удаленных объектов в космосе и наводя на них вычисляют курс; для коммуникации, с помощью несущего сигнал лазерного луча или просто луча; для наблюдения, обозначая лучом потенциальные цели; и для передачи энергии, освещения и даже для хранения данных. Сила и прямолинейное направление лазерного луча должны были служить основным методом коммуникаций EBE на больших расстояниях или же, являются способом разделения данных на пакеты для более поздней доставки. Однако, со стороны EBE направленная энергия использовалась также и как медицинский инструмент, а итоге стало потенциальным оружием, которое вселяло в нас дрожь, потому что для нашего разума это было доказательством враждебных намерений инопланетян. Рассматривали ли они нас как врагов для уничтожения или относились ко всей жизни на нашей планете как к лабораторным крысам для опытов, исследования найденных нашими поисковыми командами и гражданскими разведчиками туш животных показали почти тоже самое.

С 1961 до 1963 года, я рассматривал в Пентагоне рапорты местных и федеральных полицейский агентств об обнаружениях мертвого рогатого скота, туши которых выглядели так, как будто их кто-то систематически калечил и сообщения людей, которые утверждали, что их похищали инопланетяне и ставили на них эксперименты. Одной из общих черт этих историй были отчеты самих похищенных о том, как их подвергали своего рода исследованиям или даже некоторым формам хирургии с управляемым, ярким, тонким, как острие карандаша пучком света. Местная полиция сообщила, что вызванные для исследования оставленных на полях мертвых животных ветеринары, часто находили доказательства не только того, что у животных отсутствовала кровь, но и все органы были удалены с таким хирургическим профессионализмом, что возможно, это не было похоже на работу хищников или вандалов, удаляющих органы для какого-то страшного ритуала. В случаях, когда имели место признаки преступления, организованного каким-то обманщиком, то неуклюжесть попытки и преднамеренное положение туши обычно были очевидны. А в подавляющем большинстве случаев, когда животное было убито хищником, который выпил его кровь и извлек внутренние органы, очевидным доказательством этого были следы от зубов или следы борьбы за жизнь. Но те случаи, когда следователи утверждали, что они были сбиты с толку обнаруженным, удаленными органами и высосанной кровью - когда кровь полностью отсутствовала – были настолько изощрены, что даже не наблюдалось никаких повреждений окружающей ткани. В начала 1960-х годов даже было некоторое предположение, что независимо от того, что использовали EBE , оно даже не проникало в окружающую ткань. У нас не было медицинских инструментов, которые даже отдаленно приближались к тому, что могли сделать инопланетяне. Будто бы некоторое устройство удалило органы с такой точностью, что обошло нашу собственную хирургию.

Когда я был в Белом доме в Штабе по вопросам национальной безопасности и позднее в Пентагоне, я был заинтригован этими рапортами. Еще я помню, что персонал и гражданской и военной разведки, прикрепленный к штату людей, работавших в 1950-х годах на рабочую группу Хилленкоттера и Твининга по НЛО, активно участвовал в исследовании разных хирургических методик, которые смогли бы воспроизвести такие же "доказательства преступления".

Поначалу они думали, что это русские. Учитывая напряженный климат холодной войны, опасения, что Советы экспериментировали с американским домашним скотом для разработки какого-нибудь токсина или биологического оружия, которое опустошит поголовье нашего крупного рогатого скота, были весьма параноидальными. Достаточно сказать, не вдаваясь ни в какие подробности, что мы подумывали о таком же оружии и не таким уж далеким от истины было то, что мы сами проектировали собственную стратегию Судного Дня в ответ на то, что могли сделать русские.

Но за нашими коровами бегали не Советы. Фактически советская стратегия дестабилизации Соединенных Штатов была настолько сложной, что их могло вынудить отступить только столкновение лоб в лоб. Это были EBE, которые экспериментировали со сбором органов для пересадки другим существам или для изготовления своего рода питания или даже создания какого-то гибридного биологического существа. Вот что думали люди, связанные с рабочей группой в 1950-х и 1960-х годах, и даже при том, что в то время у нас не было твердых данных разведки для подтверждения нашей правоты, мы действовали считая, что никто не будет забирать органы ради удовольствия или самой операции по его удалению. Хотя первые публичные сообщения об увечьях рогатого скота появились приблизительно в 1967 году в Колорадо, мы в Белом доме знали об увечьях, информация о которых не раскрывалась прессе в середине 1950-х годов, особенно вблизи Колорадо. Также было предположение, что возможно, к этому были причастны фармацевтические компании, потому что они могли использовать органы и мягкие ткани для биологических экспериментов, но мы это отклонили, потому что у этих компаний были свои собственные фермы, где они могли выращивать все, что угодно. Наши разведывательные организации и особенно рабочая группа полагала, что увечья рогатого скота, которые нельзя было объяснить, как очевидную шутку, действия хищников или ритуальных жертвоприношений, были результатами вмешательств инопланетян, которые брали для экспериментов определенные органы. Таким образом, если для EBE наш рогатый скот был достаточно важен, чтобы заставить их делать то, что они делали, для нас было важной вещью понять почему они это делали. EBE вели себя хладнокровно и клинически эффективно - их методика напомнила нам о нацистах - и они не стали бы напрасно тратить время, находясь повсюду на земле и будучи из-за этого очень уязвимыми для нападения или захвата, если бы у

них не было чертовски серьезного обоснования так поступать.

Мы не знали их мотивов в 1950-х и 1960-х годах и сейчас мы можем высказать о них вполне грамотные предположения, но тогда нами правил страх, что если мы не найдем способы защиты от EBE, они загонят нас в загон и будут использовать как доноров тканей или как источник пищи. В 1997 году это может быть похоже на кошмар из фильма ужасов о летающих тарелках, но 1957 году это было у нас в мыслях, как в Белом доме, так и в вооруженных силах. Мы не знали, но у нас были неопровержимые доказательства, что EBE приземлялись на фермы, добывали из домашнего скота жизненное важные органы, а затем просто оставляли тела на земле и они знали, что мы ничего с этим не могли поделать.

Увечья, которые заинтересовали людей из Национальной безопасности, казалось были сделаны по одному принципу. Кто бы ни преследовал животных, его сильнее всего интересовали молочные, пищеварительные и половые органы, особенно матки коров. Во многих случаях глаза или горло были удалены с помощь такой хирургии, при которой линия разделения ткани была очень тонкой, и по окружающей ткани было видно, что разрез сначала сильно нагрелся, а затем почернел во время охлаждения. Но судя по месту совершения преступления и заметок судебных специалистов, после любого вида нападения, хищника или человека - даже обладающего навыками хирургии - можно было бы обнаружить признаки некоторой травмы окружающих тканей, опухоль, контузию или разные формы ссадин. В сообщениях об увечьях, судебная экспертиза не смогла привести доказательств сопутствующих травм или даже воспалений. Поэтому, они считали, что разрезы для извлечения тканей и раны были сделаны и запечатаны настолько быстро, что окружающая ткань не повредилась. Это означало, что кто бы ни воздействовал на этих животных, он это сделал за минуты. Это было необычно и полиция вряд ли смогла застать их на месте. Поэтому, если мы не могли защитить хотя бы свой домашний скот или разумно отреагировать на истории о похищениях людей, кроме их разоблачений и внушения похищенным о том, что это было бредом, мы должны были найти оружие, которое поставит нас в более равное положение с EBE. Одним таким оружием с потенциалом для обширного применения был лазер – усиление света с помощью энергетического излучения – найденное военными в Розуэлле в космическом корабле устройство, позднее станет оружием при взаимодействии с Hughes Aircraft.

Вскоре после первой успешной демонстрации красного рубинового лазера в Колумбийском университете, все три военные ветви поняли, что у них был победитель. В следующем году, по результатам тестирования в Колумбии, интерес промышленности к развитию основанных на лазере продуктов и отчет из Розуэлла о стимулируемой энергии слились на моем столе. Теперь пришла моя очередь приложить усилия и собрать информацию для поддержки разработки на основе лазера военным финансированием, перед тем, как вся операция будет передана одному из специалистов УИР, который будет сопровождать продукт на следующих стадиях. Таким способом работали наши футбольные защитники: Я обеспечил игру, удостоверился, что захвата нет, а затем растворился за блокаторами. К тому времени, когда игрок с мячом направился на вторичное, я уже был вне поля. Мне никогда не вручали Хисмана, но я уверен, что забивал голы.

Я приступил к списку потребностей армии для удовлетворения которых можно было применить лазер. Основываясь на сообщениях армейские аналитиков от том, что они увидели в корабле из Розуэлла, мне было очевидно, что если лазер из Розуэлла был резаком или хирургическим инструментом, то его луч мог также использоваться как оружие быстрого уничтожения. Своими точностью и прямым направлением луча, лазер также превосходно подошел бы как указатель направления и целеуказатель для артиллерии. Если бы луч мог улучшать видимость и передавать это в компьютер, то его можно было использовать как прекрасную систему наведения для танка, особенно танка в движении. Как правило, танк перед выстрелом должен остановиться, потому что у стрелка должна быть зафиксированная площадка, относительно которой он вычисляет направление и другие компенсирующие факторы. Лазер может делать это при движении танка, что может дать танку возможность стрелять в движении. И если лазер может обозначить цель из танка и показать направление, думал я, то для вертолета он может указывать цели воздух-воздух и воздух-земля.

Я намекнул генералу Трюдо, что для всех проводимых нами исследований по тактике применения вертолетов, особенно о роли вертолетов в поддержке пехоты оружием и ракетами, лазер был отличным способом целеуказания. Мы могли подсветить им дружественные войска, чтобы определить их местонахождение, опознать наших противников и осветить потенциальные цели с

помощью невидимого для всех, кроме наших стрелков света. В то же время наши собственные бомбы или ракеты могли бы наводиться по лазерному лучу, который мы направляли бы на цель, также как наводится тепловая ракета. Однажды замеченная, цель с трудом может уклониться от ракеты с лазерным наведением или отстреливаться с большими трудностями. Для стационарной цели, такой как сооружение или артиллерийский редут, обстрел по лазерному наведению был бы особенно разрушительным, потому что мы могли достать ее одним или двумя залпами вместо постоянной проверки попадания в цель.

Как сигнал, лазер очень интенсивен, четок, совершенно стабилен и почти невосприимчив к любому виду помех. Поэтому я написал генералу Трюдо, что должно быть, EBE использовали лазер для коммуникации и мы также можем. Интенсивность луча и его четкий фокус означают, что его можно навести с высокой точностью. Усиление мощности для усиления сигнала не искажает луч, что делает его идеальным для коммуникаций на большие расстояния в зоне видимости.

У лазеров также есть отличная способность для многоканальной передачи сигналов. Поэтому, я написал генералу, что мы можем упаковать в лазерный луч большее число диапазонов для передачи, чем могут наши обычные радиопередатчики. Это значило, что мы могли буквально заполонить поле битвы с помощью лазерного луча различными каналами надежной связи, каждый из которых переносил бы различные коммуникации, которые может быть даже еще и не изобрели.

Для команд и контроля на все более и более сложном электронном поле битвы, предсказанном армией в течение 1970-х годов, лазеры станут рабочими лошадками Корпуса Связи.

Генерал Трюдо сказал, что также интересуется одним пунктом из списка в котором другие военные обозреватели написали, что лазеры также могут служить устройствами для показа изображения на больших экранах. Лазеры были настолько яркими, что изображение можно показывать в незатененных помещениях. Генерал видел возможность показывать на больших экранах в полностью освещенных помещениях передачи со спутников. Это помещение позволило бы операторам ПК видеть свои клавиатуры, в то время пока они смотрят на дисплеи и слушают доклады.

Я предположил, что подразделение армейской картографии особенно заинтересуется точностью полученных с помощью лазера измерений. Такая же возможность измерений могла бы давать цифровые данные для вертолетов поддержки пехоты или низко летающих самолетов. Находящийся близко к земле самолет, мог не попасть на вражеский радар и оставаться скрытым до последней минуты. Но если бы не было способа для точного картирования топографии, то самолет в этом случае мог задеть вершины деревьев или врезаться в холм. Если бы лазер мог точно передавать топографические особенности для контроля высоты и навигационных компьютеров на борту нападающего самолета, то он держал бы самолет на безопасной высоте от любых мелких препятствий, но достаточно близко к земле, чтобы оставаться скрытым. Эта способность прятаться на местности, которую я предложил генералу Трюдо, была предложена мне в аналитических сообщениях об НЛО, которые умели так летать. Это позволило бы нам находиться над землей и перемещаться, ничего не задевая на скоростях более чем в тысячи миль в час на уровне верхушек деревьев.

Лазерные устройства на борту НЛО мгновенно передают в него топографические особенности местности и корабль автоматически подстраивается под ландшафт.

В конце 1961 года генерал Трюдо попросил меня снова съездить в форт Белвар, на этот раз для встречи с доктором Марком Джонстоном, одного из исследователей аэронавтики в HughesAircraft. Из-за того, что форт Белвар был охраняемым военным объектов, он был одним из секретных объектов УИР для проведения встреч. Мои приезды и отъезды по делам ВоенУИР были абсолютно обычными, даже для наблюдателей из ЦРУ, которые иногда следят за моим, выезжающим из Пентагона автомобилем, и могли для прикрытия скрываться под нашими ежедневными делами с текущими проектами. К примеру, моя встреча с Джонстоном означает, что мы будем говорить о программе разработки вертолетов в HughesAircraft, а не передачу моих докладов о лазерных измерительных приборах, которые, как мы считали, были в космическом корабле из Розуэлла. Я проинформировал Джонстона, что так считает группа ученых из Аламогордо, попросил, чтобы он об этом ничего не говорил и предложил группе из HughesAircraft, разрабатывающей навигационные радары для вертолетного проекта, рассмотреть возможность применения недавно разработанных лазеров в

качестве приборов для измерения ландшафта и поиска целей.

"Да, конечно", - уверял я его. "Офис УИР хотел бы получить бюджет на развитие лазерного проекта, если группа из УИР в HughesAircraft придумает, как реализовать и развить нашу идею."

Точно так и произошло. Используя положительные результат тестирования в Колумбийском университете и составленные в УИР технические требования для оружия военного назначения, дальномера, прибора наведения и слежения, включая гранты Пентагона на проведение исследований, в качестве подрядчика для производства военного лазера был выбранHughesAircraft. Сегодня, лазер стал Высокоэнергетическим Лазером, используемым Командованием Космической Обороны армии США наряду с прочим противоспутниковым / противоракетным вооружением.

Моя встреча в HughesAircraft была быстрой и откровенной. Как и множество исследователей из HughesAircraft, Dow, IBM и Белл, Джонстон скрывался от меня, где-то на задворках компании, на своем рабочем месте, за мониторами или пробирками. Когда несколько месяцев спустя генерал Трюдо попросил меня заняться проектом, со мной бы встретился другой представитель компании и проект выглядел бы точно так же, как и любой другой исследовательский контракт ВоенУИР. Исчезли бы любые следы Розуэлла или документов и проект в УИР начал бы работать в обычном режиме. И конечно же, это устройство было не из Розуэлла. Катастрофа была только мифом; ее никогда не было. Все вышло из отдела Иностранных Технологий, над чем-то поработали итальянцы или французы, а мы получили это через наши разведывательные каналы.

К окончанию 1961 года наша работа с лазерными продуктами стала настолько успешной, что генерал Трюдо стал убеждать меня распределить свое хозяйство по всем доступным мне базам. К примеру, я говорил с экспертами по вооружению в форте Рили, Канзас об использовании лазеров в войсках. Возможно, как дальномеры или как способы наведения на цель в, как их называли военные, "умных бомбах". К 1964 году, после наблюдения за исследованиями применимости сделанных нами лазеров, ручные дальномеры тестировались на военных базах по всей стране и сегодня, полиция использует лазерные прицелы на своем оружии. Лазеры стали одним из больших успехов армии.

В одном из наших финальных наступлений на разработку базируемых систем лазерного вооружения, мы успешно получили бюджет на развитие лазерных систем слежения за приближающимися ракетами. Это был проект, в котором мы упорно боролись с политической оппозицией, а также оппозицией со стороны других военных отделений, которые смотрели на наше предложение, как на обычный метод слежения за ракетами. Лазер слишком новый, говорили они. Они сказали, что атмосферные помехи или плотные облака были бы помехой лазеру на больших расстояниях. Или, сказали они, он попросту будет требовать слишком много энергии и потеряет мобильность. У генерала Трюдо и у меня были другие планы на счет этого проекта, которыми мы не могли поделиться ни с кем. Мы полагали, что лазеры могли использоваться не только, чтобы отслеживать приближающиеся ракеты, что было очевидно. Мы считали, лазеры нашим лучшим оружием не только для того, чтобы следить за НЛО с земли, из самолетов или со спутников, мы могли увеличить их мощность до необходимого уровня, чтобы стрелять. Сбейте несколько НЛО, думали мы и они не будут безнаказанно нарушать наше воздушное пространство. Оборудовав наши самолеты-истребители или перехватчики механизмами стрельбы лазером, мы могли представлять для них вероятную угрозу. Оборудовав наши спутники механизмами стрельбы лазером, мы могли увеличить площадь ведения огня по НЛО, что могло бы даже удерживать их подальше от нашего орбитального космического корабля. Но в конце 1961-го года все это было лишь предположением.

Только у очень немногих людей в других отделениях УИР был только намек на то, что мы предлагали. Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства имело свои собственные планы относительно развития систем лазерного слежения и не хотело делить какой-либо бюджет на развитие с вооруженными силами, поэтому в НАСА нам мало кто помогал.

Военно-воздушные силы и военно-морской флот защищали свои бюджеты на развитие лазерного вооружения и мы вообще не могли доверять гражданским спецслужбам. Таким образом, генерал Трюдо и я начали защищать план как прикрытие, чтобы развивать лазерное наведение и другие разновидности сложных проектов слежения. Снаружи это было возмутительным, но оно быстро нашло своих сторонников и ее реальные планы могли быть полностью замаскированными. Мы никогда не могли

называть его прибором противо-НЛО, поэтому мы назвали его противоракетой. Это был один из самых успешных проектов, которые когда-либо выходили из ВоенУИР. Он использовал большую часть открытой нами в обломках из Розуэлла теории лазера.

ГЛАВА 14
Проект противоракеты

В течение моего срока пребывания в Пентагоне были периоды, когда что-то из розуэлльских документов так резонировало в моей жизни, что я задавался вопросом, был ли в моей работе какой-то больший план. После того, как я уволился из вооруженных сил, я читал о концепции синхронности или слияния, как вещи или события имеют тенденцию группироваться вокруг общей канвы. Такой канвой была разработка противоракеты, которая охватила мою работу в УИР в Пентагоне, в течение моего небольшого периода службы советником в штабе сенатора Строма Термонда, и течение моих лет в Риме во время войны и оккупации, как помощника руководителя штаба, в разведке (G-2) и в Союзническом командовании в Риме.

В начале 1963 года, сразу после того, как я покинул Пентагон, сенатор Стром Термонд попросил, чтобы я присоединился к его штабу в качестве консультанта и советника по проблемам военной и национальной безопасности. Конгресс только что выделил $300 миллионов, чтобы повернуть неокрепший план по исследованию выполнимости программы противоракеты для полного развития проекта. Но, как только он покинул Сенат, он сразу же натолкнулся на крепкий барьер.

Министр обороны Роберт Макнамара категорически отказался тратить деньги, мало того, сказал он, это станет причиной усиления американо-советской гонки вооружений, они фактически этим оскорбили бы Кремль, потому что этим они бы выдали свои попытки подготовки первого удара путем нейтрализации советских МБР. Что хуже, сообщил он Конгрессу, у вооруженных сил Соединенных Штатов попросту не было первоочередной необходимости в вооружении.

Сенатор Термонд был рассержен и глубоко взволнован. Макнамара его просто не понял. Он был полностью дезинформирован о том, как Советы реагировали на любое базирование оружия с нашей стороны. Они не вели с нами

переговоров ради сотрудничества, только при необходимости следовать своим интересам. Если они думали, что мы могли сбить их МБР, это больше, чем что-либо заставило бы их быть честными. Разве они не ушли с Кубы из-за того, что увидели серьезность слов Кеннеди, когда он принял решение приказать военно-морскому флоту организовать блокаду? Но у ЦРУ было ухо Макнамары и оно давало ему ту информацию, которую хотели ему дать специалисты по дезинформации в Кремле: не разрабатывать противоракету.

У нас с генералом Трюдо был секретный план, который мы отработали в Пентагоне за предыдущий год. Предполагалось, что противоракета, используя лазерное наведение и слежение, была бы прекрасным механизмом для того, чтобы заставить деньги разработать лазерное оружие, которое мы в итоге смогли бы использовать для борьбы с НЛО. По крайней мере мы так планировали. Генерал понял это от офицеров из Пентагона, пока я прикрывал его фланги на законодательном уровне, свидетельствуя перед Комитетом по делам вооруженных сил относительно эффективности оружия, которое прикрыло бы американские стратегические силы, как зонтом. Если бы какая-либо страна была настолько глупа, чтобы напасть на Соединенные Штаты, то противоракета остановила бы их наступление и позволила бы нам не только уничтожить их вооруженные силы, но и держать в заложниках центры сосредоточения их населения.

Не совсем так, заявило Министерство обороны. Размещение противоракеты стимулировало бы наших врагов сначала напасть на наши города и разорить наше гражданское население. Какой смысл наносить ответный удар, когда нам уже нанесен ущерб? Единственным, что сохраняло наши центры сосредоточения гражданского населения, была способность каждой стороны держать ядерные силы другой стороны в заложниках. Если бы обе стороны уничтожили ядерные силы друг друга, то это дало бы каждой стороне время, чтобы остановиться до взаимного разрушения гражданского населения.

Но министр обороны не видел смысла в войне. В особенности, он не видел уроков, которые Советы извлекли во время Второй мировой войны, когда были разорены центры сосредоточения их населения и люди были доведены до голода и каннибализма ради еды. Такой опыт не настраивает Вас против разрушительных последствий войны, он Вас обучает.

Единственная надежда Советов на победу в холодной войне была в подавлении нашей обороны и капитуляции. Отказываясь продвигаться с разработкой противоракеты, министр обороны слушал аргументы, которыми его кормили с ложечки управляемые из КГБ люди в гражданском разведывательном ведомстве и конечно же без его ведома,.

Реакцией сенатора Термонда на отказ Боба Макнамары выделить финансирование на противоракету было проведение слушания подкомиссии по этой проблеме для того, чтобы разобраться в причинах. Министерство обороны не хотело раскрывать секретные данные о возможностях предполагаемого оружия и нашей политики в области обороны перед общественной сессией Конгресса. Фред Бажард, который спустя несколько лет стал адвокатом президента Никсона, предложил сенатору Термонду использовать сенаторскую привилегию закрыть сессию Сената, чтобы проблему противоракеты можно было конфиденциально обсудить со всем Сенатом. Но сначала, мы должны были запросить у Министерства обороны определенную информацию и так как я был советником сенатора по военным вопросам, эта задача свалилась на меня. Никто не знал, что фактически я был офицером, подготовившим первоначальную информацию для начала программы противоракеты и вероятно, я знал о документах больше, чем кто-либо, потому что менее чем за год до этого я подготовил их сам.

Первая встреча с Министерством обороны проводилась в моем новом кабинете на цокольном этаже Капитолия. Секретарь Макнамара отправил своего научного советника Гарольда Брауна, который позже сам станет министром обороны, вместе с армейским полковником, который стал офицером проекта программы разработки противоракет. Браун не знал кем был я, но его военный помощник, конечно же знал.

"Полковник", - начал офицер проекта, как только я задал ему вопрос о направленном нами запросе на получение информации, Гарольд Браун сидел напротив него на стуле. Постепенно, как срезая лишнее с куска гранита, я расспросил офицера проекта об определенных деталях программы противоракеты, сколько бюджетных ассигнований из предыдущего финансирования Пентагона они уже потратили и в какой точке был бы их график разработки, если бы текущее ассигнование было потрачено на текущую фазу проекта. Затем я задал некоторые технические вопросы об исследовании наземных радаров, спутниковых

радаров, предположения о советской стратегии перехватывающих противоракет и развития советских еще больших и более мобильных МБР, которые были более важными целями любой противоракетной системы, потому что мы не могли уничтожить их с первого удара. Установленные на железнодорожных вагонах или грузовиках, мобильные советские ракеты было почти невозможно отследить даже при том, что для проведения заправки жидким топливом они должны быть неподвижными.

"Я вижу, что мой помощник называет Вас полковником, г-н Корсо," - сказал Гарольд Браун. "И кажется, что Вы конечно же знаете множество деталей об этой теме".

"Да, сэр", - сказал я. "Я несколько месяцев как уволился из армии, но пока я был в Пентагоне, я был действующим офицером по проектам программы противоракеты".

"Тогда нет смысла утаивать", - сказал Гарольд Браун сказал и наконец-то впервые улыбнулся на нашей встрече. Он протянул руку в своей карман и вытащил конверт. "Вот Ваши экземпляры полных копий деталей проекта, о котором мы проинформировали президента Кеннеди. Все здесь. И я полагаю, это то, что Вы официально разыскиваете", - сказал он с особым акцентом на "официально". Он знал, что я знал о содержимом конверта, но не мог огласить его перед Сенатом, потому что он содержал секретные данные и я бы этим нарушил закон Национальной безопасности. Однако предоставление Брауном мне материала, большая часть которого основана на информации, которую я сам подготовил и тайно проинформировал генерального прокурора Роберта Кеннеди в 1962 году, давало мне полное право разглашать. Вероятно он понял, что на частных встречах я обычно говорил о том, что было в армейских документах по противоракете - это было формой сенаторской привилегии, пока этим не стали злоупотреблять - но формально, я с этим мог никуда обратиться. Теперь же я мог и я ценил искренность Гарольда Брауна.

Должна была начаться битва за финансирование, но я не мог просмотреть содержание конверта, часть которого была моими собственными заметками, не задумываясь о последовательности событий, которые привели к этой встрече и проекту, который в результате был образован. Все началось еще в 1962 году, когда я работал над составлением списка приоритетов из моих секретных документов. В нем было медицинское заключение о существах,

которое я пытался попридержать, пока не внедрил все предметы из Розуэлла в процесс разработки.

Это был отчет о возможной функции и очевидной структуре мозга инопланетянина, доклад, содержание которого поражало схожими чертами между мозгом EBE и мозгом человека.

Однако один пункт отчета заставил меня зациклиться. Судебно-медицинский эксперт написал, что измерения мозговой деятельности еще едва живого EBE в Розуэлле, показали, что его сигнатура или по крайней то, что они смогли измерить с помощью оборудования в 1947 году, показывала сигнал, похожий на то, что мы назвали длинными, низкочастотными волнами. И эксперт привел описание одного из врачей Воздушной армии в Розуэлле, что мозговые доли существа, казалось, были не только физиологически и неврологически интегрированы, но также и объединены с электромагнитным током.

Я бы хотел отклонить предположение доктора, у которого не было опыта с таким типом анализа и конечно не было никакого опыта с инопланетными существами. Поэтому, независимо от того, что он написал, не было смысла и не стоило тратить на него время. Документ вернулся в кабинет и его место заняли другие проблемы, которые можно было превратить в жизнеспособные проекты. Но отчет судебно-медицинского эксперта был более тревожным, чем я ожидал, потому что он вернул меня во времени, когда я был помощником руководителя штаба в Риме и подружился с некоторыми выпускниками университета в Риме.

В то время я был капитаном двадцати пяти лет, бывшим техническим студентом, без единой мыли у голове и изучавшим ежедневно свои должностные обязанности, опережавшим своего босса на один шаг, чтобы он не узнал, что я в действительности ничего не знал. Во время одного из моих визитов в университет я встретил доктора Джислеро Флеша, преподавателя криминологии и антропологии, который читал мне лекции о том, что он называл своей теорией и экспериментами с "основой жизни". Это была дикая и как я думал, сверхъестественная теория о том, что он называл связью между клетками. Связь активировалась неким космическим действием или формой электромагнитного излучения, которая непрерывно бомбардировала землю из космоса и резонировала с постоянно изменяющейся электрической активностью мозга.

"Капитан", - говорил он каждый раз, когда начинал некоторое формальное объяснение. Я думал, что его всегда удивляло насколько молодого человека отправили из Нового Света для управления законом и справедливостью в Риме, столицей древнего мира. Старый преподаватель также был скрупулезен в демонстрации всем, включая самого плохого студента, экстраординарного уважения. "Электромагнитные силы в теле наименее поняты", - продолжал он. "Все же они вызывают большую активность, чем кто-либо понимает."

Как технический студент, весь опыт с энергией которого имел отношение к экспериментам поддающимся проверке, я поначалу был настроен более, чем скептически. Как Вы можете измерить электрическую активность в мозге, который не видите? Как могут невидимые волны энергии, которую нельзя почувствовать или увидеть, возбуждать определенные области клеток человека и какая у них цель?

Профессор Флеш представил меня профессору Кэсмиру Франку, одному из первых ученых, кто когда-либо фотографировал мозговые волны. Профессор Франк стал мне другом, потому что в течение моего пребывания в Риме, отбиваясь от агентов Гестапо, приверженцев коммунистов и местных преступных кланов и вождей преступников, я всегда был занят какой-то войной. Но когда у меня было свободное время, я хотел встретить людей, увеличить свой опыт, полюбить город своих предков, которых мне поручили защищать. Поэтому я искал сообщество друзей, к которым я мог иметь отношение и от которых я мог чему-либо поучиться. Профессор Франк был таким человеком.

В первых экспериментах Франка, в качестве испытуемого, он использовал мозг кролика. Он измерил то, что он называл генерируемыми длинными низкочастотными мозговыми волнами животных и описал, как смог отследить пути по которым эти волны передавались от мозга до произвольно сокращающихся мышц животного. Определенные мышцы, сказал профессор Франк, были настроены, чтобы реагировать на определенные длины мозговых волн, на волны определенной частоты. В случаях паралича мышц, не обязательно была повреждена мышца, отключалась настройка механизма мышцы и она больше не принимала правильной частоты. Это похоже на радио, сказал он. Если радио не может поймать сигнал, радио не обязательно сломано; возможно, что его антенну или полупроводниковый

кристалл можно настроить на правильную частоту. Я посещал его лабораторию более, чем несколько раз и наблюдал, как он проводил эксперименты с живыми кроликами, вмешиваясь в распространение электромагнитной волны в их мозге, внедряя электроды и наблюдая, какие мышцы цепенели, а какие отвечали. Он сказал, что эта частота изменялась сразу, как только животное уносили со стола для экспериментов и оно могло ходить и прыгать, как-будто ничего не произошло.

Затем профессор Франк представил меня другому своему коллеге, знаменитому биологу-исследователю и врачу, доктору Кастеллани, который много лет ранее выделил и определил, так называемую "сонную болезнь" и усовершенствовали то, что в 1930-х и 1940-х годах стало известным как "Мази Кастеллани" для лечения множества кожных заболеваний. Он сказал, что там где другие врачи сосредоточились на рассмотрении только признаков, они видели только кожу, но проблемой многочисленной кожной сыпи, псориаза или воспаления, которое было похоже на бактериальные инфекции, фактически было корректируемым с помощью изменения электромагнитного резонанса кожи. Мази, сказал он, не воздействовали на заражение с помощью лекарств; это были химические реагенты, которые изменяли электростатическое состояние кожи, позволяя длинным низкочастотные мозговым волнам проводить лечение.

Все трое использовали эти электромагнитные волны, чтобы способствовать исцелению способами, которые я считал поразительными.

Они заявляли о способности электромагнитного лечения влиять на скорость деления клеток и рост опухоли. Они утверждали, что посредством направленного распространения электромагнитной волны могли вылечить болезнь сердца, артрит, все типы бактериологических инфекций, которые вмешивались в работу клетки и даже определенные формы рака.

Если это звучит как нечто сверхъестественное в 1997 году, вообразите, как должно было это звучать в ушах молодого и неопытного офицера разведки в 1944 году, который до сих пор не в своей тарелке чем даже раньше, закаленная британская разведка смеялась над его возрастом. Они смеялись, пока они не увидели, что произошло с агентами Гестапо, которые пытались повторно внедриться в Рим за линией фронта Союзников и были встречены моими людьми на глухих улицах и в переулках.

Именно тогда смех закончился.

Я провел многие часы с профессорами Флешем, Франком и Кастеллани в Риме и наблюдал, как они экспериментировали со всеми видами мелких животных. У них не было средств на исследования, не было одобрений медицинских обществ, чтобы позволить им расширить свои работы или лечить пациентов своими нетрадиционными методами. Таким образом большая часть их работ нашла свой путь в монографиях об исследованиях, в статьях в академических журналах или университетских лекциях на симпозиумах. И я уехал из Рима весной 1947 года, попрощавшись со своим друзьям, которых я завел в университете Рима и вынес их работу - низведенную до сверхъестественного - из своей головы, когда сконцентрировался на своих новых рабочих местах в форте Рили, Белом доме, Красном Каньоне, Германии и Пентагоне. И затем, в день, когда я столкнулся со неоднозначным отчетом о структуре мозга инопланетянина из Розуэлла, все, как говорили профессоры Флеш, Франк и Кастеллани, вернулось ко мне как удар грома. Я снова, уставившился на лист бумаги который перенес меня в прошлое и заставил меня рассматривать идеи и понятия из десятилетий прошлого, бросавших вызов всему, что наука тогда говорила о работе мозга.

Пока я изучал отчеты о вскрытии мозга инопланетянина и мыслях судебно-медицинского эксперта о значении низкочастотных волн, когда он подводил ток к тканям, я также смотрел на отчеты армейской военной связи, прикрепленной к офису консульства в Сталинграде, в которых описывались советские эксперименты с экстрасенсами, пытавшимися осуществить некоторую форму кинетического управления сознанием летающими в воздухе объектами, направлявших их из одной точки к другой. Эти написанные в конце 1950-х годов отчеты, сильно обеспокоили генерала Трюдо, потому что они показывали, что у Советов было что-то.

"Эти парни не тратят время впустую, Фил", - сказал мне генерал тоном наших утренних совещаний после того, как я сдал накануне отчеты и он смог просмотреть их. "Если они изучают этот материал, тогда они знают, что в этом что-то есть".

"Вы не думаете, что этот отчет попросту сильное предположение?" - спросил я. Я знал по выражению на его лице,

что этот вопрос я не должен был задавать.

"Если Вы думаете, что это просто предположение, Полковник", - сказал он очень резко, "тогда Вам не надо перекладывать ответственность на меня за то, чтобы рассказывать Вам об этом". У генерала Трюдо был способ поставить на место, когда он считал, что Вы сказали нечто-то глупое. И то, что сказал я, было очень глупо для офицера с моим образованием и опытом. Он также знал, что я волновался по этому поводу, иначе я бы не попытался отступить так быстро. "Вы правы, что волнуетесь по этому поводу", - сказал он, смягчив тон, когда увидел, как я посмотрел на него. "Вы были бы правы, когда сидели в своем кабинете и потели над тем, что это значит. И Вы точно знаете, что волнует нас обоих. Мне это сказать?"

Он не сказал. Это было очевидно. Если бы Советы достали какие-то части аппаратов из какого-либо разбившегося в 1947 году инопланетного космического корабля - я не знал, сколько их было - они к настоящему времени выяснили, что инопланетяне использовали некоторую форму мозговой волны для навигации. Мы не знали, как они направляли свои мысли или передавали их в электронную схему. Но мы знали, что в космическом корабле не было никаких рулей или обычных способов управления и найденные нами повязки с электронными датчиками в них, были разработаны, чтобы получать от мозга некоторый вид сигнала. Аналитики из Райт Филд полагали, что датчики на повязках соответствовали точкам на производившем низкочастотные волны многодольном мозге инопланетянина, таким образом, повязки являлись неотъемлемой частью схемы. Если мы смогли понять это, то Советы, конечно, также были способны это понять. Кроме того, генерал не должен был говорить, потому что я думал так: Что, если у Советов, в самом начале их работ в космосе в 1960-х годах была некоторая связь с инопланетянами, которой у нас не было? Кто сказал, что EBE должны быть настроены против коммунистов?

Генерал Трюдо также делился со мной некоторыми отчетами разведки, которые описывали тестирование противоракет, которые Советы проводили с очень мощным отслеживающим радаром. Мы знали об их радарах, потому что я видел как они работ во время тренировок в Германии, когда каждая сторона проверяла ответ другой вдоль всей восточногерманской границе.

Их радары и их возможности по захвату самолета были так

же хороши как и наши. Но то, что показал мне генерал, было отчетами, в которых описывались запуски Советами перехватывающих МБР ракет и взрывающих перехваченные боеголовки, чтобы отключить навигационные системы на ракетах агрессора. Один из таких испытательных перехватов был успешно проведен сквозь атомное облако на одном из советских испытательных полигонов в Азии. Особенно тревожило то, что любой, кто что-либо знает о природе атомного облака, знает, что электромагнитный пульс немедленно отключает все виды электроники. Это то же самое, что мы знали о сигналах инопланетных НЛО, которые штурмовали наши суда и базы. Большая часть наших незащищенных средств была отключена пульсом и мы знали, что нас поразила электромагнитная волна. Таким образом, если Советы смогли бы усилить систему наведения своей противоракеты, чтобы направиться на цель сквозь заряженное электромагнитным полем атомное облако, они использовали значительно более передовую технологию, чем наша и это грозило проблемами.

"Когда Вы командовали батальоном Найк в Германии" - спросил меня генерал, все еще держа в руке отчеты, "во время учебной стрельбы по дронам у Вас был опыт тренировок со сложными маневрами уклонения, не так ли?"

Память генералу служила исправно. У нашего зенитного батальона был Найк, одна из самых развитых управляемых зенитных ракет того времени. Найк был управляемой радаром ракетой.

А Хоук был ракетой с тепловым наведением и мог наводиться на цель с помощью радара, а затем, после запуска, наводиться по тепловому выхлопу цели. И даже если бы пилот попытался уклониться от ракеты, то быстрые боеголовки Хоука поймали бы его и уничтожили бы его двигатель. Если бы это был истребитель с двигателем на хвосте, то он бы эффективно закончил свою миссию и вероятно, должен был катапультироваться. Если бы это был самолет с двигателем на крыльях, то взрывом ему бы оторвало один из двигателе на крыле, в этом случае, вероятно, что пилот должен был свернуть к дому, потому что ему не хватило бы мощности, чтобы донести груз бомб до цели.

"Когда мы стреляли по дронам, расположенных в формации для бомбометания, стрельбы всегда проходили отлично, но когда пилоты использовали чрезвычайно быстрые маневры уклонения

от наших ракет, мы их поразить не могли", - сказал я.

"Опишите, как это происходило", - попросил он.

"Ракетае земля-воздух Найк движется, как лодка по воде", - объяснил я. "Они движутся по широкой дуге и постоянно держат угол наведения на цель. Любой ранний маневр уклонения, который делает летчик-истребитель, ракета компенсирует и держит курс на источник тепла. Но если пилот сможет уклониться в самый последний момент движения Найк по траектории, то ракета пролетит мимо по прямой и не сможет вернуться назад. Пилоты бомбардировщиков должны сохранять порядок и держать курс, если они собираются поразить свою цель и оставить достаточно топлива, чтобы вернуться домой, поэтому, их формы уклонения строго ограничены. Летчикам-истребителям это делать намного легче, таким образом, любой МиГ, точно так же, как и любой из наших Фантомов, может каждый раз уходить от Найка".

"Таким образом, если у Советов есть нечто, что может провести ракеты с боеголовками через атомное облако и они используют устройства, которые, возможно, произошли от инопланетных технологий, у нас есть повод волноваться", - сказал генерал.

"У нас есть много о чем поволноваться", - согласился я. "У нас нет ничего, даже удаленно напоминающее это, за исключением лазерной системы слежения, но мы на многие годы отстали в разработке, даже предположив, что мы можем заставить президента просить у Конгресса деньги на разработку".

Генерал Трюдо сильно хлопнул ладонью по столу, чтобы встряхнуть весь кабинет. Я уверен, что сидящий снаружи секретарь подумал, что он что-то рявкнул мне, но так генерал решил закрепить принятое им решение. "Фил, Вы в настоящее время офицер проекта противоракеты. Меня ни черта не волнует, что вы там еще устроите, Вы напишете мне отчет о том, что мы здесь обсудили и затем сформулируете предложение, которое я смогу использовать, чтобы добыть немного денег на развитие этой штуки", - сказал он. "Я знаю, что мы на правильном пути, даже если мы играем в странные игры. Управление с помощью мысли", - сказал он, размышляя о том, как могла использоваться сила человеческого мозга для управления ракетой. "Ну, если русские смотрят на это серьезно, то мы должны делать то же

самое, прежде чем они огорошат нас, как они это сделали со Спутником".

"Почему я?" - сказал я себе, когда спускался вниз по лестнице к своему кабинету. Это походило на поручение написать курсовую работу, когда даже не было никакого исследования, которое Вы могли бы использовать и которое можно было назвать нормальным. Я должен был написать об аппаратных средствах и применении системы навигационного контроля, не медицинских, по сути, или биологических функциях, что делало все еще труднее. Я вспомнил своего сына, который сказал мне, что смог бы починить сломанные бензиновые и электрические двигатели, которые больше не выдавали мощности, потому что он полагал, что детали разговаривали с ним. Как выход, думал я пока спускался к своему кабинету и думал об этом, Советы играли с такими вещами, что даже мой ребенок конце концов казался мне не настолько сумасшедшим. Это было нечто, что мне надо будет исследовать.

Если в информации, которую профессоры Флеш, Франк и Кастеллани передали мне в Риме пятнадцать лет назад, была какая-либо обоснованность, то неопределенные предпосылки из Розуэлла говорят, что вероятно я читал нечто верное.

Итак, я начал.

"Упоминание функции мозга EBE в отчетах судебно-медицинского эксперта из Розуэлла", - написал я в своей вводной записке для генерала Трюдо, "предполагает новые пути наших исследований по управлению и навигационному контролю машин. Электромагнитная интеграция полушарий мозга инопланетянина и возможная интеграция с другими функциями мозга, включая кинестетическую способность - способность перемещать объекты - на большие расстояния потрясает и больше походит на научную фантастику, чем факт. Но если мы можем установить корреляцию с длинными низкочастотными волнами и этой электромагнитной интеграцией, это будет способом отождествления измеримого явления с процессом, который мы не понимаем. Первоначально я рекомендую изучить явление, чтобы использовать наши результаты для сбора и использования любых данных, которые мы можем добыть относительно длинных низкочастотных волн и электромагнитной интеграции, чтобы объединить с ними наше существующее оборудование управления и контроля и создать новый уровень искусства в отслеживании

ракет.

Предупреждение: Центральное разведывательное управление США начало программу, в которой они работают с, как они их называют - "ясновидцами", парапсихологи, как ожидается, дадут им такую же способность как и обучение "Психотронным Технологиям" в КГБ. Обе спецслужбы окружают наши вооруженные силы и мы должны быть осторожными, чтобы наше исследование не попало к ним в котел. Мы бы дискредитировали себя и возможно, остановились, благодаря усилиям с обоих сторон, с нашей стороны, а также благодаря протестам Советов, если они это узнают. Поэтому я рекомендую, чтобы окружение наших экспериментов с длинными низкочастотными мозговыми волнами и любым исходным материалом было полностью вычеркнуто, наряду с любыми историческими данными, относящимися к этому анализу."

Моим базисом для предложенной нами противоракеты, был успех Советов в управлении траекторией полета боеголовки МБР и наведением на вторгающиеся боеголовки вместе с разработкой их собственной противоракеты.

"В последние месяцы", - написал я, наше внимание привлекло то, что Советы могут изменять траекторию МБР после запуска на пути к цели. Кроме того, Советы дважды провели испытание противоракеты, запущенной сквозь атомное облако в приближающуюся МБР. Поэтому, техническое предложение должно быть составлено как можно скорее для:

1. Противоракеты, которая сможет захватывать вторгающуюся МБР и держать ее на прицеле во время маневров уклонения и уничтожить ее, прежде чем она достигнет своей цели, и

2. Все схемы необходимо усилить для противостояния радиации, взрыву, высокой температуре и электромагнитному пульсу от атомного взрыва, включая 60 мегатонную русскую бомбу.

Предпосылки:

Наши нынешние зенитные ракеты, ориентированные на Найк-Аякс, Найк-Геркулес и Хоук, не подходят для противодействия МБР и таким образом делают нас полностью беззащитными перед подобным нападением. Существующие системы не могут

зафиксировать вторгающуюся МБР или обнаружить цель и уничтожить ее, если она изменяет траекторию, враг тем временем может развернуться в течение десятилетия, на что указывают последние советские экспериментальные модели. Наши спутники-шпионы смогут определить местонахождение советских боеголовок, как только они стартуют, но Советы также развивают способность отключать наши спутники наблюдения, или с помощью разрушения их орбитальным ядерным оружием, или сбивая их с орбиты. По крайней мере, способность советов произвести электромагнитный импульс с помощью ядерного взрыва в космосе, сделает электронику наших спутников слепой. Секретные разведывательные сводки подтверждают, что Советы уже отключили два из наших спутников и один, запущенный англичанами. Поэтому у нас, есть две проблемы, мало того, что схему противоракеты необходимо усилить, но и схема спутника-шпиона также должна быть защищена от излучения, ионной эмиссии и ЭМ импульса. Но из-за соглашения о запрете ядерных испытаний, у Соединенных Штатов не будет возможности провести фактические тесты, таким образом, мы должны будем взвесить наши данные по результатам проведенных испытаний и достигнуть значений, которые мы можем считать точными.

Когда генерал Трюдо прочитал мой полный доклад, он попросил меня поговорить с учеными, которые консультировались с нами, как часть мозгового треста и развить обширное гипотетическое техническое обсуждение, необходимое нам, чтобы вообще снять все ограничения и объединить наши розуэллльские документы с данными разведки о проводимых Советами тестированиях.

"Пусть Вас не волнует, как это будет передаваться, Фил", - уверил меня генерал Трюдо. "Я хочу показать его только некоторым членам парламента и Комитету Сената по ассигнованиям на оборону, они обещали хранить его в секрете".

"Я знаю, что Вы хотите сделать это прямо сейчас, Генерал", - сказал я. "Может быть я поработаю над ним в оставшуюся часть дня?"

"Завтра утром", - сказал он. "Завтра после ланча мы с Вами встречаемся с подкомиссией Сената и я хочу зачитать им этот отчет".

Я сказал свей жене, что вернусь домой рано утром, чтобы

переодеться в форму и затем я отправлюсь на Капитолийский холм на встречу. Затем я заказал несколько сэндвичей, поставил себе кружку кофе и устроился в кабинете на всю ночь.

"Существующий дизайн и конфигурация наших МБР соответствуют…", - записал я в свой блокнот, зачеркнул предложение, в затем написал его снова. "Однако, необходимо провести внутренние изменения, особенно в капсуле боеголовки".

То, что я бы порекомендовал, будет очень радикальным. Нам была нужна полностью новая навигационная компьютерная система, использующая транзисторные схемы, в настоящее время начинающие свое развитие и проектирование для рынка конца 1960-х годов.

Я предложил смоделировать бортовой компьютер ракеты в виде мозга из двух полушарий с одним полушарием или долей, получающим глобальные данные о расположении от орбитальных спутников. Другое полушарие будет управлять такими функциями ракеты, как маневровые двигатели, изменение позиционирования и отделение ступени ракеты-носителя. Он будет получать данные с помощью низкочастотных сигналов из другого полушария. Отвечающая за контроль доля также будет передавать телеметрию полета ракеты в долю, отвечающую за позиционирование, таким образом, два этих компьютера будут функционировать в паре. Это, рассуждал я, сделает систему более устойчивой к поражению. Если бы наш спутник глобального позиционирования обнаружил угрозу приближения противоракеты, то он передал бы эту информацию боеголовке, контролирующий компьютер которой, управляя маневровыми двигателями, сделал бы маневр уклонения перед заключительным заходом на цель.

Во что я верил, так это в то, что посредством применения и усиления низкочастотных мозговых волн, с помощью которых EBE управляли кораблем, который мы нашли в Розуэлле, внедрение у нас этой технологии могло бы позволить нам также шевелить мозгами, чтобы управлять полетом объектов. Мы могли использовать некоторую форму системы мозговых волн, чтобы управлять нашими ядерными боеголовками на заключительном этапе полета, если бы их бортовой радар обнаружил бы угрозу от противоракеты. Мы также могли использовать эту систему, чтобы наводиться на вторгающиеся вражеские боеголовки, даже если бы они были способны на некоторые маневры уклонения.

Если мы проектировали ракету предложенным мной путем, к тому моменту, когда она фиксировалась на заключительной траектории полета, ее взрыв был бы таким, чтобы даже если бы она была сбита с курса, то своим взрывом нанесла бы достаточно ущерба, который можно было признать попаданием. Достаточное количество наших МБР могло так пройти, думали мы, чтобы сокрушить не только батальоны советских управляемых ракет, но и создать реальную угрозу центрам сосредоточения их населения.

Между тем, разработанная нами технология для изменения направления полета наших МБР, могла примяться как шаблон для наших противоракет, чтобы нейтрализовать любую угрозу от советских ракет.

Мое заключение: "В финансировании 1963 года необходимо запросить средства в размере $300 миллионов, в виде срочного финансирования разработок на основе розуэлльской катастрофы".

Я прочитал свои примечания из конверта, полученного от Гарольда Брауна и посмотрел на него. "Полковник", - сказал помощник Брауна. "Мы понимаем безотлагательность Вашего запроса в прошлом году и мы ценим Ваши мотивы борьбы за него сейчас".

"Но Министерство обороны в этот период попросту не собирается позволить армии разрабатывать противоракету. Не в 1963 году", - сказал г-н Браун.

"Когда?" - спросил я.

"Тогда" - сказал армейский полковник, "когда воздействие от разворачивания этой системы будет сильнее, чем сейчас.

Русские знают, что у нас есть прицел на спутники, которые они запускают и мы можем сбить их в мгновение ока, намного быстрее, чем они могут сбить наши".

Я приготовился ответить, но Гарольд Браун встал, чтобы уйти. Мы обменялись рукопожатием и он пошел к двери. Армейский полковник встал перед перед моим столом. "Возможно, что мы с Вами можем перебросится парой слов, полковник Корсо", - сказал он. Мой партнер по комитету сенатора Термонда также ушел из кабинета.

"Мы в Пентагоне понимаем, что настоящая причина Вашей поддержки - это Ваши первоначальные исследования технологий противоракеты, полковник Корсо", - сказал менеджер проектов. "Они находятся в хороших руках".

Но я могу Вам сказать, что он не знал настоящую причину - EBE. Только генерал Трюдо знал секретные планы, которые лежат в основе исследовательского проекта.

"Но как Вы думаете, когда начнется разработка?" - спросил я.

"Всего через несколько лет у нас будет лунный космический корабль на орбите вокруг Луны", - сказал он. "У нас будут орбитальные спутники, сканирующие каждый дюйм территории

Советского Союза. Мы увидим то, что они могут направить против нас. Тогда у нас точно появится противоракета, которую Вы предлагаете, потому что тогда даже у Конгресса будут основания для отказа". "Но до тех пор..." - начал я.

"До тех пор" - сказал полковник, "все, что мы можем сделать, это ждать." Потребовались бы еще двадцать лет для начала размещения противоракет. И это также затрагивало президента, который был готов признать угрозу инопланетян, чтобы протолкнуть противоракетное оружие сквозь враждебный Конгресс.

ГЛАВА 15

Мой последний год в УИР: Документы Гувера, Волоконная оптика, Суперпрочность и другие предметы

Я ЕДВА ОТРЫВАЛ ГОЛОВУ ОТ ГРУД технических предложений на своем столе все зимние месяцы 1961 года. Работа не останавливалась даже на рождественские каникулы, когда большая часть Вашингтона любит прерваться и съездить в горы Западной Вирджинии или посетить окрестности Мэриленда. Я много путешествовал в течение последних месяцев 1961 года, наблюдая за тестированием оружия на открытых полигонах по всей стране, встречался с университетскими исследователями по таким разнообразным темам, как хранение еды или преобразование ядерных отходов в оружие и делал разведывательные сводки для генерала Трюдо по видам технологий, которые могли бы определить направления разработки оружия на следующее десятилетие.

С другой стороны я держался подальше от всяких поступающих в Воздушную Команду Разведки отчетах о наблюдениях НЛО, я считал, что об этом должна думать Военная разведка. AIC был следующим шагом в секретности работавших над проектом "Синяя Книга" людей. Его работой, помимо очевидной задачи перемещения любого срочного сообщения об НЛО вверх на следующие уровни секретности, где они исчезали под завесой маскировки, была классификация типов событий или инцидентов, о которых сообщалось в наблюдениях. Обычно это означало разделение на случаи с обычными самолетами, которые необходимо было исследованы в целях военной разведки и на истинные случаи наблюдений НЛО, которые необходимо было обработать во всех элементах настоящей рабочей группы,

определявшей правда это или ложь, которую было необходимо вернуть обратно вниз в "Синюю Книгу" для разоблачения. В AIC любили, когда к ним поступали по-настоящему ложные наблюдения, они могли их вернуть: он могли подтвердить явный метеорит, какую-то визуальную аномалию, имеющую отношение к противостояниями планет или лучше всего, когда несколько клоунов решили разыграть шутку из Хэллоуина и напугать местных жителей. Были и парни, бегающие по пшеничным полям в снегоступах или показывавшие местным газетам фотографии летающих тарелок от замороженных пирогов. Затем люди из "Синей Книги" могли опубликовать историю в прессе и все поддерживали друг друга ради работы, которую они все вместе делали. Жизнь в начале 1960-х годов могла показаться забавной, особенно если Вы не знали правду.

Двигаясь в 1962 год, Военная разведка была переполнена приходящими со всех мест слухами о потенциальных угрозах. Настроенные против Кастро кубинцы были без ума от отказа президента в поддержке вторжения в залив Свиней и искали мести; Кастро был без ума от вторжения в залив Свиней и надеялся отомстить нам; Хрущев был все еще в ярости от "У-2" и событий в заливе Свиней и думал, что слабовольный Кеннеди скоро вынудит нас на некоторый оскорбительный компромисс. Русские были на грани отправки пилотируемого космического корабля на удаленную орбиту и роботизированного зонда для исследования Венеры. Мы отстали в космической гонке и ни у одной службы не было бюджета или способности вернуть нас в борьбу. НАСА говорило президенту, что им необходимо взяться по-настоящему, развить технологическую базу и к середине десятилетия показать все миру. Но сейчас, в начале года, все шло тихо и мы пока еще не могли показать что-то, чем можно было бы похвастаться.

Армия зловеще шумела по поводу событий в Юго-Восточной Азии. Чем больше армия продвигала наземные войска, тем больше администрация Кеннеди отказывалась принимать в этом участие. Армия говорила президенту, что мы в итоге будем втянуты в войну, которую мы не можем выиграть и нами будут управлять события, вместо того, чтобы нам управлять ими. Позже в этот же год, мне предложили работу директора разведки армейского Спецназа, уже работавшего в Юго-восточном секторе. Приблизительно в то же самое время армия сказала, что собиралась назвать Генерала Артура Трюдо в качестве командующего всеми американскими силами в Южном Вьетнаме.

Поскольку наши имена часто упоминались, генерал Трюдо доверился мне в том, что он сомневался в получении этой работы. И если бы мы ее получили, сказал он, то исход в определении самого недовольного, Вьетконга или армии США, был бы 50 на 50.

"Если они нас туда отправляют, Фил", - сказал он после одного из наших утренних совещаний, "произойдет одно из двух. Либо нас обоих будет судить военный суд, либо мы выиграем эту проклятую войну. Так или иначе, армии не нравится, как мы ведем бизнес".

Как обычно, генерал Трюдо был прав. Перед окончанием 1962 года и во время него, старик решил подумать о пенсии, на его имя, как командующего всеми американскими силами во Вьетнаме, было наложено вето и мне было сказано оставаться на своем месте. Все было очевидно: Вьетнам был политической войной, которой управляют специалисты по дезинформации из ЦРУ и прячут свою борьбу в тумане незнания. К сожалению, история нам показала, чтобы все было правдой. К тому времени, когда Ричард Никсон сдался китайцам, а несколько лет спустя мы уползали из Юго-Восточной Азии, мы узнали и я надеюсь в последний раз, на что было похоже оскорбление на поле битвы, а затем потрошение за столом переговоров.

Новый год принес Дж. Эдгара Гувера в Пентагон. Директора ФБР все сильнее беспокоили истории о Розуэлле, циркулирующие по НАСА и гражданским спецслужбам, как ледяное течение по глубокому дну океана. Кто-то что-то конспирировал и это значило, что ФБР должно принять в этом участие, особенно если ЦРУ ничего не делало в вопросах внутренней политики. Гуверу не нравилось ЦРУ и ему особенно не нравились, как он думал, уклончивые отношения президента Кеннеди с ЦРУ, так как он полагал, что его босс, брат президента, держал его на коротком поводке, когда агентству пришло время взять на себя решение местных проблем. Гувер знал, а не полагал, что после залива Свиней, Кеннеди стал очень подозрительным к получаемой от ЦРУ разведывательной информации. К концу 1962 года президент узнает от своего брата, который узнает от меня, о выходящей из ЦРУ некорректной информации. И я также узнал, когда работал на сенатора Рассела в Комиссии Уоррена в 1964 году, как это отразилось на его судьбе.

Но в 1962 году, все еще на вершине своей власти, Дж. Эдгар

Гувер был настолько же своим, каким в Вашингтоне мог быть любой пожизненный бюрократ. И когда кто-нибудь наступал ему на ногу или когда он думал, что кто-то наступил ему на ногу, он пинал его, пока парень не отдавал концы. Даже его собственные агенты знали на что было похоже попасть к нему в немилость. Я был своим на свой собственным лад также, как и директор ФБР был своим на свой собственный лад и в течение моих лет в Белом доме при президенте Эйзенхауэре мы поддерживали профессиональные отношения. Если он хотел знать что-либо о некотором агенте КГБ, разнюхивающим что-либо в правительстве, я его выручал. Если я хотел что-либо узнать о ком-то, кого я хотел бы удалить из бюрократической цепочке, он говорил мне, что знал. Мы никогда не поддерживали формальных отношений в 1950-х годах, но всегда сообщали друг другу о плохих парнях.

В 1950-х годах Гувер интересовался слухами о Розуэлле, потому по-любому ЦРУ заставляло его понервничать. Если бы это были только вооруженные силы, управляющие операцией маскировки, то он мог бы жить с этим, хотя и думал, что вооруженные силы не должны были управлять УСС во время Второй мировой войны. Но как только он заподозрил, что ЦРУ была частью истории с Розуэллом, он захотел узнать все. В свои годы в аппарате Белого дома, мне не очень то и было что ему сказать. Так продолжалось до 1961 года, когда я узнал, что действительно произошло в Розуэлле и затем я не должен был держать с ним контакт. Он вызвал меня.

Мы поняли, что могли бы помочь друг другу. Помимо этого, будучи своим, Дж. Эдгар Гувер был информационным фанатиком. Если вблизи плавало немного информации, были ли это слухи или правда, Гувер был одержим желанием ее заполучить. Информация была для него настолько ценным товаром, что он был готов торговаться за нее с любым, кому он доверял в правительстве. Мне тоже была нужна информация. Я выходил на встречи с учеными и университетскими исследователями, лояльность которых я не мог проверить. Я должен был быть очень осмотрительным с передаваемой технологической информацией и множество раз мне было необходимо знать, подозревался ли когда-либо особый химик или физик в контакте с коммунистами или, что хуже, работал ли он на ЦРУ.

В ретроспективе я вижу, как все это имеет привкус размышлений о сенаторе Джо Маккарти, но во время армейских слушаний Маккарти я был в Белом доме и я могу сказать Вам

прямо, что Джо Маккарти - невольно - был лучшим другом, который когда-либо был у коммунистов в правительстве. В одиночку, сенатор Маккарти помог выйти в свет группе людей, у которой никогда не было шанса сделать это иначе. Своей тактикой, он повернул презрение к Конгрессу в геройский поступок и коммунисты в правительстве смеялись над свободой действий, которую он им дал. Все, что им надо было делать, так это приносить ему время от времени жертву, кого-то абсолютно неважного или абсолютно невиновного в каком-либо проступке и Маккарти прибивал их к позорному столбу на телевидении. Но когда он повернулся против Армии США, он вторгся на мою территорию и нам надо было его заткнуть.

Коммунисты использовали Маккарти, чтобы дать им хорошую прессу и открыть область, где они могли бы работать пока антикоммунистов выставляли дураками. Я сказал это Роберту Кеннеди, который как молодой адвокат был членом следственного штаба Роя Кона, работающего на подкомиссию Маккарти и который изучил непосредственно, на что было похоже быть полностью введенным в заблуждение да саморазрушения. Это была ошибка, он доверился мне, как он никогда не сделает снова. К сожалению, враги его брата были и его тоже, он стал ошибочно думать, что пост президента позволит ему свести счеты.

Но в январе 1962 года, у меня в голове было только восстановление отношений с Дж. Эдгаром Гувером, чтобы я мог следовать своему плану, наблюдая за теми, кто мог оказаться опасным в академическом сообществе. Теперь у меня было кое-что для сделки по получению необходимой мне информации. Мало того, что у меня были обломки из Розуэлла, которые, как я знал, были необходимы Гуверу, у меня также была информация о внутренних движениях в ЦРУ. Гувер был более, чем заинтересован в том, чтобы делиться информацией и мы продолжали общаться прямо до 1962 года, пока я не оставил армию и не перешел в штаб сенатора Термонда. Наши отношения продолжались весь 1963 год. И в 1964 году, когда я был следователем сенатора Рассела на Комиссии Уоррена, а Гувер вел свое собственное независимое расследование убийства президента, я и он могли только смотреть друг на друга по разные стороны пропасти случившегося преступления. Против чудовищности случившегося, мы оба, Гувер и я поняли, что некоторые сражения нельзя выиграть. Таким образом их пришлось отложить на потом.

Я не уверен, считал ли Дж. Эдгар Гувер когда-нибудь в действительности, что история с Розуэллом была правдой, чем-то скрытым под абсолютным заговором или просто заблуждением, ставшим массовой истерией в пустыне. В армейских записках и под слоями прикрытий фальшивых военных экспертов было похоронено столько деталей, что у него не было возможности узнать правду. Но будучи хорошим полицейским, он брал информацию везде, где мог ее найти и продолжал искать что-либо имевшее отношение. Если армия видела угрозу нашему обществу, то Гувер думал, что это была угроза. И каждый раз, когда он мог добыть сообщение о наблюдении с помощью очень осторожной пары агентов ФБР, которая опрашивала свидетелей и выйти сухим из воды, он это делал. Он был более, чем готов поделиться этой информацией со мной и именно так я узнал о некоторых неопубликованных историях об увечьях рогатого скота в начале 1960-х годов.

Мой контакт с Дж. Эдгаром Гувером был также важен для меня, в начале моей работы в первые недели 1962 года, так как уровень исследований в развиваемых нами проектах стал очень интенсивным. Слухи о назначении генерала Трюдо командующим в Юго-Восточную Азию и выбор меня директором разведки Зеленых Беретов в Юго-Восточной Азии, настолько же неопределенные и неподтвержденные, устанавливали крайний срок для меня и генерала в продвижении наших проектов, так как мы знали, что у нас был приблизительно только один год пребывания в УИР. Таким образом, когда я разговаривал с директором ФБР, вопросы были у меня всегда наготове. Мы никогда не делились письменной информацией и все сделанные мной во время этих разговоров записи, после заучивания их или действий относительно обсуждаемых дел, я позднее уничтожил. Даже по сей день, хотя агенты ФБР связывались со мной относительно отчетов, которые предположительно, все еще лежат среди старых документов, я не знаю какие заметки о наших встречах сделал директор ФБР и какие меры он когда-либо предпринимал. Поскольку мы доверяли друг другу и контактировали приблизительно один раз в шесть месяцев даже после того, как я оставил службу в правительстве, я никогда ничего не упоминал и никогда не просил проверить информацию из документов. Я думаю, что Гувер ценил это.

К февралю 1962 года я упорядочил свои проекты для окончательного забега, который либо займет меня до конца года

и дальше, либо я попаду в Южный Вьетнам, либо на пенсию. Первая папка на моем столе называлась "Стеклянные нити".

Волоконная оптика

Члены спасательной команды, которая на утро после обнаружения обыскивала внутренности космического корабля, сказали полковнику Блэнчарду из 509-го, что их поразило отсутствие обычных проводов.

Где же электрические соединения? - спрашивали они, потому что было очевидным, что на корабле была электроника. Они не понимали функций обнаруженных пластинок с печатными схемами, но что было еще более важным, они были полностью зачарованы одинарными стеклянными нитями, которые проходили через панели корабля. Поначалу, некоторые ученые думали, что они входили в состав отсутствующих проводов, что смутило даже инженеров, готовивших корабль к отгрузке. Возможно они были частью жгутов с проводами, которые были повреждены во время катастрофы. Но у этих нитей были странные свойства.

Проводка казалась оторванной от пульта управления и была разделена на двенадцать истрепанных нитей, которые выглядели как кварц. Когда вернувшиеся в ангар 509-го офицеры спасательной команды посветили на один конец нити, с другого конца стал выходить специфичный свет. Разные нити испускали разные цвета. Волокна - в действительности стеклянные кристаллические трубки - вели к подобию распределительной коробки, где волокна разделялись и расходились по различным частям пульта управления, который, как казалось распознавал электрически различные цвета, пульсирующие в трубках. Так как оценивающие материал из Розуэлла инженеры знали, что у каждого цвета света была своя определенная длина волны, они предположили, что частота световой волны активировала определенные компоненты пульта управления космическим кораблем. Но кроме того, инженеры и ученые были сбиты с толку. Они не могли даже определить источник энергии космического корабля, не говоря уже о том, что производило энергию для световых трубок.

И самой удивительной вещью из всех было то, что нити не только были гибкими, но еще и излучали свет, когда их сгибали, как скрепки. Как можно согнуть свет? - задавались вопросом

инженеры.

Это была одна из тайн физики корабля из Розуэлла, которая оставалась нераскрытой в течение 1950-х годов, пока один из контактов в Корпусе Связи, который обычно информировал генерала Трюдо о всяких разработках Корпуса Связи, не рассказал нам об экспериментах с оптоволокном, проводящихся в Белл Лабс.

Технология была пока еще очень новой, сказал мне Ханс Колер во время частной встречи в начале 1962 года, но обещание использовать свет для передачи всех видов сигналов через одинарные стеклянные нити открывало большую перспективу. Он объяснил, что основой оптоволокна должна была быть стеклянная нить из настолько прозрачного и свободного от любых примесей стекла, что ничего не будет препятствовать прохождению луча света в ее центре. Для передачи сигала также понадобится сильный источник света на одной стороне и я думал об успехе рубинового лазера, который тестировался в Колумбийском университете. Я знал, что EBE объединили две эти технологии в передающем стеклянном кабеле в их космическом корабле.

"Но как свет изгибается?" - спросил я профессора Колера, все еще не доверяя тому, что инопланетяне, как казалось, могли бросить вызов одному из наших законов физики. "Это - какая-то иллюзия?"

"Это вовсе не фокус", - объяснил ученый. "Это только похоже на иллюзию, потому что волокна настолько прозрачны, что Вы не увидите разные слои без микроскопа".

Он показал мне, когда я дал ему оторванный кусочек нити, которая хранилась у меня в картотеке, что каждая жила, которая выглядела как однородный материал окруженный крошечной трубкой, фактически состояла из двойного слоя. Когда Вы смотрели в центральную жилу, Вы видели, что по периметру нити шел еще один слой стекла. Доктор Колер объяснил, что индивидуальный световой луч отражался от окружающего центральную жилу слоя так, чтобы свет не мог потеряться. Огибая стеклянными волокнами углы, а в случае с космическим кораблем из Розуэлла, проводя их через внутренние перегородки корабля, инопланетяне могли поворачивать свет и направлять его точно так же, как Вы направляете струю воды через шланг. Я никогда прежде не видел ничего такого в своей жизни.

Колер объяснил, что точно так же, как и лазеры, свет может переносить любой сигнал: свет, звук и даже цифровую информацию.

"Сигнал не испытывает сопротивления", - объяснил он. "И Вы можете вместить больше информации в луч света".

Я спросил его, как ЕВЕ могли использовать эту технологию. Он предположил, что коммуникации корабля, визуальные изображения, телеметрия и все усиленные сигналы, которые корабль отправлял или получал от другого корабля или от баз на Луне или на Земле, могли бы использовать эти стеклянные волоконные кабели.

"По всей видимости, они обладают огромной мощностью для подъема какого-либо груза", - предположил он. "И если лазер может усилить сигнал в самом чистом виде, по этим кабелям можно одновременно передавать различные сигналы".

Я был более, чем впечатлен. И даже прежде, чем спросить его об определенных типах приложений, в которых они могли бы использоваться в армии, я понял, как с их помощью можно было сделать коммуникации на поля битвы более безопасными, так как сигналы будут более сильными и меньше подвергаться помехам. Тогда профессор Колер предложил использовать эти волокна для передачи визуальных изображений от небольших камер в самом оружии к регулирующим устройствам в пусковой установке.

"Представьте", - сказал он, "возможность запустить ракету и видеть через глаз ракеты, куда она летит.

Представьте себе возможность визуально захватить цель и в тот момент, когда она пытается уклониться от ракеты, Вы это видите и вносите заключительные корректировки." И Колер продолжал описывать потенциал того, как основанные на волоконной оптике датчики, могли бы отслеживать передвижения врагов по земле, передавать большие визуальные изображения со спутников наблюдения и сжимать очень сложные многоканальные коммуникационные системы в небольшие объемы. "Вся космонавтика зависит от передачи данных, голоса и изображений," - сказал он. "Но сейчас все эти реле и переключатели занимают слишком много места, у сигнала слишком большой импеданс. Это нас ограничивает во время

выполнения заданий. Но представьте, что мы смогли бы приспособить эту технологию и использовать в своих целях".

Затем он посмотрел мне прямо в глаза и сказал то же самое, что думал и я. "Вы знаете, что это их технология. Это часть того, что позволяет им проводить исследовательские миссии. Если бы это стало и нашей технологией тоже, то мы возможно смогли бы немного догнать их".

Затем он спросил у меня о заинтересованности армии. Он объяснил, что некоторые наши научно-исследовательские лаборатории уже изучали свойства стекла, как проводника сигнала и это исследование нельзя проводить наспех. Эти проекты заставили на обеспокоиться об УИР, потому что, если мы их полностью скроем, все будет походить на полный прорыв технологических решений. Как Вы это объясните? Но если исследование уже идет, независимо насколько глубоко, тогда просто в целях перепроектирования этой технологии для своих нужд, будет достаточно продемонстрировать кому-то в компании один из этих кусочков. И если бы у компании не было на это средств, то мы должны были бы поддерживать это, как часть военного контракта на исследование разработку. Именно это я и хотел сделать с технологией стеклянных волокон.

"Где лучше всего идет исследование в области оптоволокон?" - спросил я его.

"Белл Лабс", - ответил он. "Необходимо еще тридцать лет, чтобы это развить, но когда-нибудь, большая часть телефонного трафика будет передаваться по волоконно-оптическому кабелю".

У ВоенУИР были такие же контакты с Беллом, как и с другими подрядчиками, с которыми мы работали, поэтому я написал короткую записку и предложение генералу Трюдо о потенциале оптоволокон для всего диапазона продуктов, о которых мы говорили с профессором Колером. Я описал свойства того, что мы первоначально назвали жгутом из проводов и объяснил, как он передавал сигналы лазера, и что самое главное, как эти волокна загибали поток света за угол и проводили его так же, как электрический ток проходит по проводам. Представьте луч света с высокой яркостью на одной частоте, проходит так же, как Вы наливаете воду в пустую ванну, написал я. Вообразите, какую силу и гибкость он предоставлял для ЕВЕ, особенно, когда они использовали световой сигнал для передачи различной

закодированной информации.

Это позволило бы вооруженным силам переделать всю свою коммуникационную инфраструктуру и позволить нашим новым спутникам наблюдения получать информацию для наведения прямо над линией фронта и изучаемыми базами. Военно-морской флот смог бы наблюдать за наступлением всего вражеского флота, военно-воздушные силы смогли бы свысока смотреть на приближающиеся вражеские подразделения и наводиться на них сверху, даже пока еще наши самолеты были на земле, для армии это дало бы стратегическое преимущество, о котором мы не мечтали. Мы могли смотреть на все поле битвы, следить за передвижениями войск, от малочисленных патрулей, до любых подразделений и одновременно готовить наступления танков, артиллерии и вертолетов. Ценность волоконно-оптической связи для вооруженных сил была бы неизмеримой.

Я добавил, что был почти уверен, что толчок развития в армии облегчит исследования в области полного реинжиниринга уже устаревшей телефонной сети нашей страны и не будет никем считаться неуместным вторжением. Мне не потребовалось долго ждать ответа генерала.

"Займитесь этим", - приказал он. "И сделайте это быстро. Я дам Вам все необходимые контакты. Расскажите им об этом". И в конце недели у меня была встреча с системным исследователем в экспериментальной установке Western Electric рядом с Принстоном, Нью-Джерси, прямо по пути от Института Специальных Исследований. Я сказал ему, что это получено из-за границы, люди из разведки сняли это с разрабатываемого восточными немцами нового оружия и они подумали, что мы могли бы это использовать.

"Если у Вас есть то, что Вы имеете в виду", - сказал он по телефону, "это очень интересно и показывает нам, к чему идет наше исследование, мы будем дураками, если не уделим Вам время".

"Мне потребуется меньше дня, чтобы показать Вам, что у меня есть", - сказал я. Затем я сложил свой рапорты из Розуэлла в портфель, взял себе авиабилет на рейс в аэропорт Ньюарка и отправился в путь.

Суперпрочное волокно

Еще до 1960-х годов, когда я находился в Штабе по вопросам национальной безопасности, армия начала поиски волокна для бронежилетов, защиты от шрапнели, парашютов и защитного покрытия для другого вооружения. Для парашютов всегда предпочитали использовать шелк, потому что он легкий и имеет невероятную прочность, которая позволяет ему растягиваться, держать форму и выдерживать огромной давление. Были ли поиски армии так называемого "суперпрочного волокна" вызваны просто потребностью в лучшей защите для своих войск или тем, что было обнаружено спасательной командой в Розуэлле, я не знаю. Однако я подозреваю, что армия занялась этим после обнаружения обломков на месте крушения.

Среди предметов в моей розуэлльской картотеке, обнаруженных во время поиска, были переплетенные волокна, которые нельзя было перерезать даже с помощью бритвы. Когда я смотрел на них под лупой, их унылая серость и почти матовые концы противоречил прямо таки сверхъестественным свойствам этого волокна. Их можно было вытягивать, оборачивать вокруг предметов и скручивать с такой силой, что она разорвет любое другое волокно, но это волокно выдерживало. И потом, когда приложенное усилие снимались, они становились той-же изначальной длины и формы. Это напомнило мне о нитях в паутине.

Мы очень заинтересовались этим материалом и начали изучать множество технологий, включая шелк пауков, потому что они единственные в природе обладают естественным свойством суперпрочности.

Прядение пауком шелка начинается с его брюшной железы, через узкую трубку, выделяемый белок вытягивает свои молекулы в одном направлении, превращаясь в очень длинную нить со структурой, мало чем отличающейся от кристалла. Процесс экструзии не только вытягивает молекулы белка, они сильно сжимаются, занимая намного меньше места, чем занимают обычные молекулы. Эта комбинация продольных вытянутых и сверх сжатых молекул дает нити невероятную прочность и способность вытягиваться под огромным давлением, сохраняя свою прочность и целостность. Одну шелковую нить паука можно протянуть почти на пятьдесят миль, прежде чем она порвется и если ее протянуть вокруг всего земного шара, она будет весить всего пятнадцать унций.

Когда ученые из Розуэлла увидели, что это волокно, а не ткань, не шелк, а нечто напоминающее керамику - покрывало корабль и образовывало слой внешней оболочки EBE, они поняли, что это был очень перспективный путь для исследований. Когда я исследовал материал и признал его подобие нити паука, я понял, что ключ к коммерческому производству этого материала должен идти через синтез белка и процесс моделирования екструзии. Генерал Трюдо содействовал мне в контактах с производителями пластмассы и керамики, в особенности с Monsanto и Dow, чтобы узнать, кто проводил исследования в области сверхпрочных материалов, в особенности, в университетских лабораториях. Мои контакты быстро окупились.

Я не только обнаружил, что в Monsanto искали способ разработки процесса массового производства искусственного шелка, я также узнал, что они уже работали с армией. Армейские исследователи из Медицинского Корпуса пытались скопировать химическое строение гена паука, чтобы произвести белок для шелка. Несколько лет спустя, после того, как я покинул армию, исследователи в Университете Вайоминга и Dow Corning также начали эксперименты по клонированию производящего шелк гена и разработку процесса для экструзии шелковых волокон в сырье, из которого можно было бы изготовить ткань.

Наша научно-исследовательский контакт в Медицинском Корпусе сказал мне, что воссоздание сверхпрочного волокна велось еще задолго до 1962 года, но любая помощь, которую Медицинскому Корпусу могла оказать Иностранная Технология, найдет свой путь к компаниям, с которыми они работали и вероятно не потребует отдельного бюджета УИР. Офицер Медицинского Корпуса сказал мне, что если не сложится никаких чрезвычайных ситуаций, то у них более чем достаточно финансирования разработок американским правительством, а также медицинских и биологических грантов на проведение исследований. Но меня все еще зачаровывала перспектива создать нечто похожее на сплетенную оболочку корабля из сверхпрочной паутины. Я знал, что независимо от того, что это было тайной, сделанная для нашего самолета из ткани или керамики своего рода кожа, даст им такую же, как у корабля из Розуэлла защиту и будет при этом относительно легкой.

С другой стороны, я не знал об этом до последнего момента, но исследование способа производства ученым, который,

несколько лет спустя, выиграет Нобелевскую премию, шло уже полным ходом. На встрече американского Физического Общества за три года до этого, доктор Ричард Феинмен дал теоретическую вероятную оценку возможностей создания веществ, молекулярная структура которых была настолько сжата, что у получившегося материала могли бы быть радикально другие свойства по сравнению с немодифицированным веществом. Например, Феинмен предположил, если ученые смогли бы создать материал, в котором молекулярная структура была бы не только сжата, но и упорядочены по-другому, в отличие от обычных молекулярных структур, ученые смогли бы изменить физические свойства вещества удовлетворяющего определенным требованиям.

Для Американского Физического Общества это было совершенно новым материалом. Тем не менее, в действительности, сжатые молекулярные структуры были одним из открытий, которые были сделаны некоторыми оригинальными научными аналитическими группами и в Аламогордо сразу после катастрофы в Розуэлле и в Воздушной Команде Материальной части в Райт Филд, которая доставляла материал. Как молодой ядерный физик, Ричард Феинмен был коллегой многих послевоенных ядерных специалистов, которые были сначала в армии, а потом в программе управляемых ракет военно-воздушных сил, а также в программе ядерного вооружения в 1950-х годах. Хотя я никогда не видел записок об этих свойствах, но как сообщали, Феинмен был в контакте с членами группы Воздушной Команды Материальной части в Аламогордо и знал о некоторых находках на месте крушения в Розуэлле. Дали ли ему эти открытия теорию о потенциальных свойствах сжатых молекулярных структур, либо его идеи были продолжениями теорий о поведении электронов в квантовой механике, за которые он получил Нобелевскую премию, я не знаю. Но теории доктора Феинмена о сжатых молекулярных структурах совпадали с усилиями армии по копированию состава суперпрочного волокна и процесса экструзии. К середине 1960-х годов работа шла полным ходом не только в большой компаниях по производству керамики и химии в Соединенных Штатах, но в наших университетских научно-исследовательских лабораториях, а также в Европе, Азии и Индии.

Вместе с моими вопросами о том, кто проводил исследование суперпрочных волокон и ответом, где это исследование велось, я смог обратить свое внимание и на другие применениям технологии, где армия могла бы помочь в ускорении разработок и

где была возможность развить разработку суперпрочных волокон параллельным путем. Наши ученые сказали нам, что один из способов моделирования эффекта суперпрочности состоял во взаимном переплетении композитных слоев ткани. Эта идея была предпосылкой для поисков армией возможности разработки бронежилета, который будет защищать от осколков шрапнели и пулеметных очередей.

"Это не защитит от контузий", - сказал генерал Трюдо после встречи с исследователям из Армейского Медицинского Корпуса в Уолтер Риде. "И шок от ударного воздействия будет достаточно силен, чтобы убить кого-либо, но по крайней мере, как предполагается, это воспрепятствует попаданию пуль в тело".

Я думал о множестве тупых травм, которые можно встретить во время боя и можете представить себе воздействие, которое оставит длинная очередь, даже если эта кожа не будет пробита. Но благодаря стремлению генерала и организованные им для меня контакты с DuPont и Monsanto, мы непрерывно исследовали возможность разработки тканного материала для пуленепробиваемых жилетов. Я перевез целые тонны материалов с описаниями найденной в Розуэлле ткани на свои встречи в этих компаниях и показал настоящую ткань ученым, которые посетили нас в Вашингтоне. Мы не хотели рисковать материалом и перевозить его по стране. К 1965 году DuPont объявила о создании кевларовой ткани, которая к 1973 году была представлена рынку, как пуленепробиваемый кевларовый жилет и сегодня она распространилась среди вооруженных сил и правоохранительных органов. Я не знаю, сколько тысяч жизней было спасено, но каждый раз, когда я слышу о полицейском кевларовом жилете, который спас от смертельного ранения в грудь или спину, я вспоминаю те дни, когда мы только начинали предполагать о ценности тканного суперпрочного материала и благодарен тому, что наш отдел сыграл свою роль в разработке продукта.

Наши поиски сверхпрочных материалов также привели к разработке сложных пластмасс и керамики, которые выдерживают высокие температуры, давление от быстрых маневров в воздухе и еще невидимы для радаров. Оболочка космического корабля из Розуэлла, сотканная из сверхпрочных волокон, как я считаю, также стала стимулом для полностью нового поколения атакующих и стратегических самолетов, а также композиционных материалов для будущих проектов военных вертолетов.

Один из самых больших слухов, крутящихся в течение многих лет после событий в Розуэлле, стал достоянием общественности после свидетельства отставного майора Военно-Воздушных Сил Джесси Марселя перед тем, как он умер, и состоял в том, что технология "Стелс" стала результатом полученных из Розуэлла знаний. Это верно, но прямой передачи технологии не было. Военная разведка знала, что в определенных условиях у космического корабля EBE была способность скрываться с экрана радара, но мы не знали, как они это делали. У нас также были куски оболочки космического корабля из Розуэлла, которая состояла из сверхпрочных волокон. Насколько я знаю, нам так и не удалось воссоздать точный процесс производства этого материала, точно также, как мы не смогли дублировать электромагнитный двигатель и навигационную систему, которая позволяла кораблю из Розуэлла летать, даже при том, что у нас есть этот корабль и еще другие в Нортоне, в Эдвардсе и на авиабазе Неллис. Но с помощью исследования, как этот материал работал и какими были его свойства, мы скопировали материалы и выпустили с конвейера полностью новое поколение самолетов.

Хотя американская общественность впервые услышала о существовании технологии Стелс во время кампании президента Джимми Картера против президента Форда в 1976 году, мы не увидели действующий "Стелс" до начала воздушных атак на Ирак во время войны в Персидском заливе. Там, абсолютно невидимый для иракских радаров истребитель Стелс, впервые использовался для высокорискованных атак на иракскую систему ПВО и работал почти с полной безнаказанностью. Невидимые для радаров, невидимые для тепловизоров ракет, налетающие из ночного неба как демоны, истребители Стелс с их серповидным фюзеляжем, удивительно похожи на космический корабль, который врезался в арройо вблизи Розуэлла. Но не обращая внимание на форму, само сложное покрытие Стелса, которое помогает сделать его невидимым для почти всех видов радаров, было инспирировано исследованием в ВоенУИР оболочки корабля из Розуэлла, разобранного по частям для распределения по лабораториям всей страны.

Невидимые снаряды из обедненного урана

Для военно-воздушных сил технология "Стелс" означала, что самолет мог незаметно для вражеских радаров приблизиться к цели и сохранять это преимущество в течении всей миссии.

Армейским вертолетам технология "Стелс" дает невероятное преимущество в операциях типа "найти и уничтожить", при разведке или в рейдах вглубь вражеской территории. Но возможность применения "Стелс" для артиллерии, которой мы в УИР озадачились в 1962 году, позволила нам сделать то, о чем думали военные начиная с первого появления артиллерии в западноевропейской армии и победе Генриха V в Азенкуре в начале пятнадцатого века. Конечно, Наполеон тоже хотел бы этим завладеть, когда использовал свою артиллерию против британской линии при Ватерлоо. И немцы во время Первой мировой войны, когда их артиллерия обстреливали Союзные войска в окопах, а затем и в битве в Арденнах в 1944 году, когда находившиеся в Риме могли только молить бога, чтобы наши парни смогли продержаться, пока небеса не разверзлись и наши бомбардировщики не смогли разбомбить немецкие окопы.

Во всех артиллерийских сражениях, любой источник выстрела можно отследить и затем подавить ответным огнем. Но с увеличением дальности стрельбы мы нашли способы скрывать это оружие, мы стали профессионалами в маскировке артиллерии до момента появления на поле битвы радара, который позволяет проследить траекторию полета снаряда, вплоть источника стрельбы. Но вообразите, что если бы снаряд был из такого материала, который сделал бы его невидимым для радара? Эту возможность мы и предложили генералу Трюдо: невидимый для радара артиллерийский снаряд, предложил я ему однажды утром, находясь в его кабинете, когда мы составляли план относительно научных исследований композиционных материалов. На ночном поле битвы будущего Вы могли бы применять оружие, которое было бы невидимым даже для самолетов с радарами, пролетающих прямо над линией фронта. Снаряды бы падали, а враг не знал откуда они прилетают, пока мы не достигли бы преимущества в пять или более залпов. К тому времени, с учетом преимущества от неожиданности, врагу мог быть причинен весомый урон. Если бы мы использовали механизированную артиллерию, то мы могли навести орудия, провести серию залпов, быстро переместиться и навести орудия на противника из уже нового места.

Секрет заключается не в точно такой технологии, как у самолета Стелс, а в развитии невидимой для радаров керамики, которая может противостоять огромному давлению в стволе во время выстрела и лететь по дуговой траектории. Поиски подходящей по молекулярному строению сложной керамики был

вдохновлен композиционным материалом космического корабля из Розуэлла. Занимаясь анализом, армия попыталась определить, каким образом инопланетяне изготовили материал, из которого сделан корпус космического корабля, и смогла это сделать. Поиск композитов с упорядоченным молекулярным строением начался в 1950-х годах, даже прежде, чем генерал Трюдо начал управлять УИР и продолжался в течение всего моего срока пребывания в Иностранной Технологии, когда в Локхиде начались первые эксперименты с технологией "Стелс", которые в итоге привели нас к истребителю "F117" и бомбардировщику "Стелс", и они продолжаются также и в настоящее время.

Генерал был также более, чем заинтересован в разработке боеголовки, которую мы хотели предложить для снарядов, боеголовки, которая стала применяться в 1961 году и успешно применялась во время войны в Персидском заливе. У нас было предположение о снаряде с боеголовкой из обедненного урана, который, как мы думали, мог изменить природу всех сражений с силами стран Варшавского договора. Таким способом можно было расходовать запас урана, который мы предполагали получать в виде отходов от работы коммерческих ядерных реакторов, реакторов американских военных кораблей и ядерных реакторов, которые армия разрабатывала для своих баз и для баз за границей.

Обедненный уран - это плотный, тяжелый металл, настолько плотный, что обычное вооружение не шло ни в какое сравнение с высокоскоростным выстрелом этим снарядом. Его способность пробивать даже самую прочную броню танка и взрываться сразу после попадания внутрь, означает, что один выстрел из нашего танка, оборудованного лазерным прицелом, выведет из строя или даже полностью разрушит танк врага. Обедненный уран дал бы нам решительное преимущество на европейском поле битвы, на котором, как мы знали, противник в соответствии в Варшавским договором будет превосходить нас в два или три раза в численности или в Китае, где одна только численность войск означает, что мы или потерпим поражение, или должны будем прибегнуть к ядерному оружию. Снаряд из обедненного урана позволит нам избежать применения ядерного оружия.

Я намекнул генералу Трюдо по секрету, что обедненный уран также соответствовал нашему тайному плану. Это было совершенно иное оружие в потенциальном арсенале, который мы строили, чтобы противодействовать враждебным инопланетянам.

Если обедненный уран мог проникать через броню, смог бы тяжелый сердечник проникнуть через сложную оболочку космического корабля, особенно если бы эти космические корабли были на земле? Я предположил, что конечно, он заслужил разработку на соседнем Абердинском испытательном полигоне в Мэриленде и если бы дело оказалось стоящим, то он бы стал оружием, производство которого мы должны были разворачивать.

Даже при том, что композитный керамический снаряд "Стелс" все еще несбыточная мечта для разработки вооружения, обедненный уран изменил ход военных действий на войне в Персидском заливе, где он либо вредил танкам иракской Республиканской гвардии, либо разрывал их на части. Выпускаемые из танков "Abrams" с лазерным наведением, из противотанковых ракетных установок или даже из самолетов прикрытия пехоты "Hedgehog", боеголовки из обедненного урана наносили урон в Заливе. Это был один из самых больших успехов в разработках оружия ВоенУИР, который стал возможен благодаря тому, что мы узнали из катастрофы в Розуэлле.

HARP - Проект высотных исследований

HARP был другим проектом, потребность в научных исследованиях которого проистекала из проблемы летающих тарелок. Они могли управлять нашими самолетами, а у нас не было управляемых ракет, которые могли бы их сбить и у нас не было оружия, которое могло бы их подстрелить. Также мы исследовали системы вооружения с двойным или тройным применением и HARP или "большая пушка", был одним из таких систем. По существу проект HARP был детищем канадского эксперта по артиллерийскому делу и ученого доктора Джеральда Булла. Белл изучил угрозу немецкой "Большой Берты" во время Первой мировой войны и нацистского супероружия "Фау-3" в конце Второй мировой войны. Он понял, что дальнобойная, мощная артиллерия была не только практическим решением запуска тяжелых снарядов, она была доступной сразу, как только была закончена начальная научно-исследовательская фаза. Массовое производство больших пушек и их предназначение, пошаговая сборка прямо на месте, могли обеспечить огромную огневую мощь спрятанную далеко за линией фронта против любой армии. Они стали бы стратегическим оружием, чтобы проливать ядерные заряды на центры сосредоточения вражеского населения или районы сосредоточения их войск.

Доктор Булл также предположил, что оружие можно было загрузить еще одной работой, для запуска на орбиту сильных зарядов и вывода боеголовки на нужную высоту, используя пушки, как ступень ракеты-носителя. На это потребовалось бы минимальное количество ракетного топлива и почти со скоростью артиллерийского залпа, могло эффективно запустить ряд спутников на орбиту за очень короткое время. Если бы армии потребовалось быстро запустить специальные спутники на орбиту или, что еще лучше, спутники со взрывчаткой, это поставило бы под угрозу орбитальные инопланетные корабли, большая пушка была одним из способов решения этой задачи.

У этого супероружия была также и третья сфера применения. Генерал Трюдо предвидел способность этого оружия производить выстрелы, которые в конечном счете могли долететь до лунной орбиты. В особенности, если бы между Соединенными Штатами и СССР вспыхнули военные действия или, как мы ожидали, между Земными вооруженными силами и инопланетянами, то мы могли бы пополнять запасы на военной лунной базе, без необходимости полагаться на средства для запуска ракет, которые работают медленно и очень уязвимы для нападения. Скрытое супероружие, даже линейка супероружия, дало бы нам всю выгоду от применения полевой артиллерии или быстрореагирующего зенитного подразделения, а в мирных целях, запускать полезные грузы в космос. Именно эта комбинация возможностей восхитила генерала Трюдо, потому что она позволила одному проекту УИР оказать помощь в создании множества различных систем.

Соединенные Штаты, Канада и Британские вооруженные силы объединили свои совместные экспертные знания, чтобы вместе с генералом Трюдо найти способы разработать суперпушку доктора Булла и я верю, что они стали одними из самых верных сторонников Булла. Но к тому времени, когда должны были приниматься решения по военному бюджету для финансирования вооружения, все государственные военные учреждения отдали свои голоса за управляемую ракету, ведь космический корабль запустили с помощью ракеты, а не суперпушки. Пока у оружия был некоторый потенциал, Соединенные Штаты, Великобритания и Канада была слишком далеки со своими программами запуска ракет, чтобы разработать абсолютно новый тип оружия. И в итоге, они решили завершить исследование, продолжая пристально следить за усилиями Булла продать свою технологию в другие государства, в особенности государствам на Ближнем Востоке.

В течение 1980-х годов, Джеральд Булл, которого я встретил на приеме в честь генерала Трюдо в 1986 году, вел переговоры с израильтянами, с иракцами и возможно даже иранцами. Десятилетняя война между Саддамом Хуссейном и Ираном показала продавцам плодородную почву для продажи оружия в целом и особенно Джеральду Буллу, который дружил с обоими сторонами. В конце концов он заключил сделку с иранцами, проверив экспериментальные версии суперпушки и планируя построить пушку монстра, до момента, когда вмешались вмешались британцы и захватили детали ствола пушки, прежде чем их отправили за границу. Возможно, что к этому времени доктор Булл, стал помехой для иракцев, израильтян, а также для Соединенных Штатов и был застрелен возле своей квартиры в Бельгии перед началом войны в Персидском заливе.

Как у персонажа Жюля Верна в "От Земли до Луны" Барбикана, у Булла было предвидение потенциала артиллерийского орудия дальнего действия. В отличие от Барбикана, он очень близко подошел к доказательству практического способа запуска кораблей в космос. Убийство Джеральда Булла не было раскрыто и безотносительно его тайны производства пушки для запуска кораблей в космос, по всей вероятности они умерли вместе с ним в прихожей возле его квартиры.

Перечень упущений

Когда я работал с кучей проектов на своем столе весной 1962 года, я обнаружил, что документам из Розуэлла я посвящал больше времени, чем некоторым другим разрабатываемым проектам. Для меня было очевидно, что обнаруженные в Розуэлле сокровища начинали окупаться способами, о которых я даже не думал. Я сказал своему боссу, что полным ходом шло большое количество армейских научно-исследовательских работ, что мы могли сравнивать их между собой, какой окажется полезнее. Приборы ночного видения, лазеры и волоконно-оптическая связь были очевидны, сказал я, но я был уверен, что были и другие области, которые мы могли нащупать изучая проблемы, поставленные открытием в Розуэлле, а не только изучая обломки крушения.

"Поконкретнее, Фил", - сказал генерал. "Что Вы имеете в виду?"

"Если Вы просто посмотрите на то, что мы не обнаружили на месте крушения", - сказал я. "Это имеет большое значение для объяснения различий между нами и ними. Это также показывает нам на то, что мы должны развивать, если мы собираемся готовиться к длительным периодам нахождения в космосе".

"Вы можете подготовить для меня список?" - попросил генерал. "Есть много действующих исследовательских контрактов, которые мы могли бы использовать для себя, если мы собираемся планировать космические полеты в ближайшие пятьдесят лет".

Наша беседа уже заканчивалась и генерал Трюдо попросил меня подготовить не только список того, что называлось розуэлльскими "упущениями", но и очень краткий доклад, описывающий области, которые по моему мнению следовало развивать. Поэтому, я собрал все документы и информацию из картотеки и начал искать, что было упущено из того, что можно было ожидать на месте крушения космических путешественников.

Ни в одном из сообщений не было упоминаний о каком либо источнике пищи или питательных веществ и никто не обнаружил способа приготовления пищи или хранения еды на борту космического корабля, не было никаких холодильных установок для хранения продуктов питания. На борту корабля не было воды, ни для питья, на для мытья, ни для смывания отходов, и при этом на борту не было никаких отходов или мест накопления мусора. В сообщениях из Розуэлла говорилось, что спасательная команда нашла нечто, что они назвали бы аптечкой, потому что в ней находился материал, который любой доктор назвал бы перевязочным, но там не было никаких медицинских препаратов или лекарств. И наконец, армейская спасательная команда сказала, что на борту судна вообще не было никаких средств для отдыха; ничего, что могло было назвать койкой или кроватью.

Исходя из полученных данных, армия предположила, что этот НЛО был разведывательным кораблем и мог быстро вернуться на большой космический корабль или корабль-носитель, на котором и были все отсутствующие пункты. Другим объяснением, которое придумал доктор Герман Оберт, было перемещение корабля во времени для чего не требовалось перемещаться на большие расстояние в космосе. Скорее все он "перескочил" из одного пространства-времени в другое или из одного измерения в другое и сразу же вернулся к своей исходной точке. Но это было просто

предположением доктора Оберта и я принял как факт, что он в этот момент будет игнорировать любые другие предположения.

Однако, я полагал, что ЕВЕ не требовалось еды или средств для удаления отходов, потому что они были искусственными существами, такими же, как роботы или андроиды, созданные специально для космических полетов и выполнения определенных задач на планетах, которые они посещали. Таким образом, точно так же, как наш лунный ровер в 1970-х годах, эти существа были запрограммированы на выполнение определенных задач. Возможно, их программы могли обновляться или изменяться из удаленного источника, но это не были формы жизни, которым требуется хлеб насущный. Они были превосходными существами для длительных путешествий в космосе и посещения других планет. Люди, однако же, не роботы и требуют хлеба насущного. Поэтому, если люди собирались путешествовать на большие расстояния в космосе, для них было необходимо предусмотреть долгосрочное питание и удаление отходов.

Другие ученые из нашего специального мозгового треста УИР предположили, что, действительно, возможно это был разведывательный корабль, который либо попал под радар из 509-го или из Аламогордо, либо был поражен молнией во время жестокого электрического шторма той ночью. Они полагали, что судно приводилось в действие электромагнитным двигателем. Другие ученые предположили, что даже прежде, чем мы сможем произвести необходимую энергию для такого двигателя, мы должны были сначала разработать какой-либо ионный двигатель. Что касается отсутствия еды, ученые предположили, что это является главным недостатком долговременного пребывания человека в космоса. Таким образом, в своем быстром и бурном предложении генералу Трюдо, я написал, что армия должна была закончить развитие по крайней мере этих двух пунктов, которые, как я знал, были в системе УИР в течение по крайней мере десяти лет: производство питания, которое не портилось и не требовало охлаждения и атомного двигателя, из которого можно было бы собрать в космосе силовую установку для межпланетного космического корабля.

Облученная еда

Генерал прочитал мои заметки несколько дней спустя и похоже, это его впечатлило. Из того, что я сказал накануне ночью

он знал, что я буду готов говорить о своем списке упущений на следующий день, но он ничего не сказал мне сразу. Вместо этого он поднял трубку, набрал номер и сказал кому-то на другом конце провода, что он будет прямо сейчас, а затем посмотрел на меня.

"Возьмите шляпу", - сказал он. "Встретимся на вертолетной площадке. Нас пригласили на обед".

Десять минут спустя после того, как вертолет забрал меня и генерала, мы сделали круг над Пентагоном и полетели к Центру Интенданта.

Офицер, который должен был оставаться анонимным, встретил нас на вертолетной площадке. Он поприветствовал нас, когда мы вышли из вертолета. "Спасибо, что присоединились к нам".

Он провел нас вниз на склад, где показал нам полки со всеми видами мяса, фруктов и овощей. "Посмотрите на эту свинину", - сказал он. "Она лежит здесь без охлаждения в течение многих месяцев и абсолютно не испортилось". Он взял несколько яиц и куриную грудку. "Яйца и курятина не охлажденные. Абсолютно чистые, без бактерий сальмонеллы. И то же самое с морепродуктами".

Он провел нас вдоль полок с едой и почти как торговец, рассказал о достоинствах каждого продукта. Еда была в обертке из прозрачного целлофана, чтобы уберечь ее от пыли и грязи, но не была запечатана в вакуум и сохранялась каким-то неизвестным мне способом.

"Без грибков или каких-либо спор", - рассказывал он об овощах. "На фруктах нет никакой плесени или каких-либо насекомых-паразитов", - сказал он. "И молоко стоит здесь на полках более двух лет и даже не скисло. Мы сделали большой шаг для хранения еды без засаливания, копчения, охлаждения, заморозки или даже консервирования".

"Это отвечает на один из Ваших вопросов, Полковник?" - спросил генерал Трюдо, когда мы глядели на запасы еды, которая казалась абсолютно стойкой к порче.

На складе к нам присоединился Командующий Центром

Интенданта в звании генерала. "Выбирайте себе обед, господа", - сказал он и взял толстый стейк. "Я возьму это и если Вы не возражаете, то я возьму на себя смелость взять то же самое для Вас, генерал Трюдо, а также для Вас, Полковник. Как насчет картофеля и земляники на десерт. Все свежее, восхитительное и безопасное". Затем он сделал паузу. "И для уничтожения любых бактерий или паразитов, полностью обработано тем, что некоторые люди назвали бы летальными дозами радиации."

Мы прошли наверх в командирскую столовую, где к нам присоединилось множество других офицеров, гражданских исследователей и экспертов по продовольственным технологиям, которые придумали процесс ядерного облучения для уничтожения вредных бактерий, который сохраняет еду без консервирования или копчения. Процесс облучения проводился так, что если бы еда хранилась в антисептической или обеспыленной атмосфере, то не подвергалась бы нападению паразитов и оставалась бы свежей. Однако, в связи с тем, что атмосфера в здании была загрязнена, как любая другая атмосфера в любом другом здании, еда была завернута в целлофан. Другие продукты были упакованы в прозрачную пластиковую упаковку и демонстрировались всем, как на полках в супермаркете.

"Мы сначала хотели выяснить, была ли концепция облучения еды полностью безопасной", - объяснил один из инженеров. "Поэтому, наши первые исследования проводились с едой, которая была облучена и затем хранилась в замороженном виде. Мы накормили этими продуктами крыс и не заметили неблагоприятного воздействия. Тогда мы сделали то же самое и помимо этого, мы увеличили излучение до шести мегарад и затем заморозили еду. И снова не было никаких неблагоприятных последствий".

Пока мы ели, его презентация продолжалась с демонстрацией диаграмм, которые показывали, как увеличивался уровень стерилизации в попытках обнаружить какое-либо неблагоприятное воздействие на крыс. Затем они проверили облученные и после этого, замороженные продукты на людях добровольцах.

"Но подождите", - сказал я. "Я все еще не понимаю, зачем Вы облучали, а потом замораживали еду".

Инженер ждал этот вопрос, потому что у него был уже готовый ответ. Он вел себя так, как будто его прежде уже спрашивали об этом много раз. "Поскольку", - сказал он, "мы проверяли только неблагоприятное воздействие радиации, а не возможность гниения, изменения вкуса и даже не последствия от неблагоприятного воздействия самой еды, даже при том, что мы знали, что она стерилизовалась и проверялась на абсолютное отсутствие бактерий после разморозки. Испытания должны были доказать безопасность для людей и животных самого процесса облучения".

Затем он описал испытания, проведенные для проверки, что облучение сохраняло еду при комнатной температуре. "Мы выбрали сильно портящиеся продукты", - сказал он. "Такие, как мясо, курицу и в особенности - морепродукты. Мы также сделали смешанные продукты, например тушенку, которой мы кормили крыс и собак, со свежим мясом и затем со свежим тунцом. Сначала мы облучили образец тремя мегарадами, а затем другой образец шестью мегарадами и тестировали животных в течение шести месяцев, чтобы проверить, сконцентрировалась ли радиация в каком-либо из их органов или кост". Он сделал драматическую паузу перед тем, как продолжить, пока наши зубы погружались в облученные продукты, которые стали результатом экспериментов в 1950-х годах. "Нет никаких токсикологических эффектов вообще. И мы все тщательно проверили, прежде чем протестировали эти продукты на добровольцах".

"И что дальше?" - спросил я.

"Мы провели серии испытаний на вкус самых главных продуктов в Форте Ли в Вирджинии, чтобы увидеть, как на это прореагируют военные. Мы думаем, что к концу десятилетия у нас будет большое количество Готовой к Употреблению Еды для войск, для которой не требуются наличие средств для готовки или охлаждения".

Генерал Трюдо посмотрел на меня и я кивнул. Это была отличная еда, с отличными вкусовыми показателями, которые только можно было измерить.

"Господа", - сказал генерал Трюдо, когда встал. Как Генерал-лейтенант США, в комнате он был самым высокопоставленным офицером и когда он говорил, все молчали. "Мой помощник полагает, что Ваша работа имеет предельно важное значение для

армии США, нашей страны и мира, и будет полезной для наших полетов в космос. У меня точно такое же мнение. Мы под сильным впечатлением от результатов Вашей работы и хотим помочь Вам расширить область работы и ускорить процесс тестирования. Армии нужно все то, чего Вы добились. В ближайшие две недели представьте мне расчет дополнительного бюджета, необходимого для расширения области исследований и я хочу включить его в бюджет следующего года". Затем он повернулся ко мне, кивнул и мы поблагодарили командующего в звании генерала за обед и пошли к вертолету генерала Трюдо.

"Фил, что вы скажете об этом?" - спросил он. "Я думаю, что мы можем вычеркнуть некоторые пункты из Вашего списка".

Пилот помог генералу сесть на свое сиденье, а я сел с другой стороны.

"И что-же Вы об этом думаете?" - он снова спросил.

"Я думаю, если мы ускорим работы, то EBE будут прилетать к нам за облученной едой ", - сказал я.

Генерал Трюдо смеялся, пока мы взлетали над вертолетной площадкой и возвращались в Пентагон. "Теперь Вы должны начать работать над всем, что Вы сможете найти об атомном двигателя. Если НАСА когда-нибудь сдвинется, чтобы построить космическую станцию, я хотел бы, чтобы у военных был источник энергии, который сможет поддерживать нас там некоторое время. Если нам надо будет вызвать сюда кого-нибудь, я хочу это сделать как можно быстрее".

И прежде чем успела закончиться неделя, я был в форте Белвар в Вирджинии и снова смотрел на разработки армии в области портативных ядерных реакторов.

Портативная атомная энергетика

Проблема возникла непосредственно из собранных в Розуэлле обломков и нашего последующего открытия того, что корабль приводился в движение не обычным двигателем - реактивным или ракетным - который поставил нас перед критической необходимостью в разработке подобного инопланетному двигателя для длительных полетов, чтобы вытеснить инопланетян в космос. Но у нас не было такой

системы. Самая близкая форма энергии, которая у нас была и не требовала постоянной заправки топливом, была ядерной энергией в которой проходила управляемая непрерывная реакция и даже это было далеко от разработки. Однако к концу войны у армии было в руках ядерное оружие, потому что, при Генерале Лесли Гровсе, директоре проекта "Манхэттен", армия организовала разработку и постройку атомной бомбы.

Таким образом для армейских инженеров, пытавшихся изо всех сил узнать, как летал космический корабль из Розуэлла, ядерная энергия была самой доступной формой движителя, частично потому, что это было самым безотлагательным. Однако к 1947 году в администрации Трумэна разгоралась борьба за бразды правления ядерной энергетикой, между гражданской комиссией и вооруженными силами. Поскольку страна переходила от военного положения к мирной жизни, дух генерала Гровса, тайно диктующий направления использования ядерной энергетики, пугал советников Трумэна. В конце концов, президент Трумэн принял решение передать контроль за национальной ядерной программой гражданской комиссии. И к 1947 году, армия выходила из управления ядерной энергетикой, но это не значило, что было остановлены исследования военного применения атомных электростанций. Мы должны были разработать ядерные реакторы, не только для производства ядерных двигателей для военных кораблей и для генерирующих электростанций, но и проводить эксперименты со способами сделать портативной космическую ядерную энергетику, чтобы собирать эти системы на орбите из составных частей. Это позволило бы нам поддерживать долгосрочные базы в космосе и даже приводить в действие межпланетные космические корабли, которые могли служить для защиты от любых внеземных враждебных сил. Если это похоже на научную фантастику то, вспомните, что это был 1947 год, страна только что закончила участие во Второй мировой войне и холодная война еще не началась. Война, а не мир, была в головах офицеров, которые отвечали за обломки из Розуэлла и их анализ.

В армии, как я узнал в сообщениях о форте Белвар в "Армейских Атомных Реакторах", не только шла полным ходом программа с очень сложным портативным реактором, но и при сотрудничестве с военно-воздушными силами уже в начале 1962 года был построен один реактор для Радарной Станции Сандэнса в шести милях от Сандэнса в Вайоминге. Он был очень сложной частью генерирующего агрегата и вырабатывал пар для радарной

станции, электроэнергию для базы и отдельное очень точное электропитание для тонко откалиброванной радиолокационной установки. Но он не был первой портативной электростанцией, хотя большинство людей так думало.

Первая портативная ядерная электростанция была на экспериментальной площадке в Гренландии, под ледниковым покровом Арктики в девятистах милях от Северного полюса и была разработана для проекта Инженерных войск "Ледяной червь".

Управляемый, якобы, армейским Полярным Научно-исследовательским Центром и проводящий эксперименты в арктических условиях, Camp Century был также наблюдательным пунктом в системе раннего оповещения, контролирующей любую деятельность Советов на Северном полюсе и вблизи него, а также любую активность, связанную с появлениями НЛО или их приземлениями.

В период, когда я работал в Белом доме, рабочая группа по НЛО постоянно подталкивала президента Эйзенхауэра к организации ряда наблюдательных постов - электронных пикетов в самых отдаленных частях планеты, скомплектованных из наблюдателей из армии и военно-воздушных сил - для передачи информации относительно любой деятельности НЛО. Группа генерала Твининга утверждала, что при наличии у EBE планов по установке полупостоянных баз на Земле, они бы не делали это в населенных районах или областях, которые контролируются нашими войсками. Они бы сделали это на полюсах планеты, они бы сделали это на самых необитаемых территориях или даже на дне океана. Полярные шапки были наиболее очевидным выбором, потому что в течение 1950-х годов у нас не было спутников наблюдения, которые могли бы следить с орбиты за инопланетной деятельностью и при этом мы на этих полюсах постоянно не присутствовали. Также считалось, что мы не сможем переместить современные приборы на полюса, потому что они потребовали бы большего количества энергии, чем мы могли обеспечить.

Однако армейская Программа Ядерной Энергетики, разработанная в 1950-х годах в форте Белвар, дала нам возможность организовать базу на ядерной энергии, где угодно на планете.

В 1958 году начала работать электростанция в Camp Century, которую построили подо льдом в Гренландии. Первоначально, как предполагалось, она была совершенно секретной, потому что мы не хотели, чтобы Советы знали о нашей готовности. В конечном счете, однако, высокая секретность оказалась слишком тяжким бременем для армии, потому что к работе было привлечено слишком много внешних подрядчиков и логистиков, перевозка на Туле в Гренландию, а затем установка на блоках под поверхностью льда были полным кошмаром. Поэтому, Военная разведка решила полностью снять секретность и стала относиться ко всему проекту, как к научной экспедиции по сбору информации с помощью полярной исследовательской группы.

Точно так же, вся операция маскировки, защищавшая существование рабочей группы, Camp Century обеспечивала прекрасное прикрытие для проверки процедуры строительства готового, предварительно упакованного ядерного реактора в трудных условиях и полетом с ним к месту окончательной сборки. Он также предоставил армии помощь в тестировании работы реактора и обслуживании его в совершенно пустынном месте с самым резким климатом на планете.

Станция была первой в своем роде. Она состояла полностью из модулей при которой были отдельно упакованы компоненты для охладителей воздуха, теплообменников, механизма переключения и турбинного генератора. У электростанции также был механизм, который использовал отработанный пар для плавления поверхности ледника для обеспечения лагеря водой. Все строительство уложилось в семьдесят семь дней и лагерь продолжал работать с октября 1960 года до августа 1963 года, когда исследовательская миссия закончила свою работу. Вся установка была успешно демонтирована и в 1964 году была помещена на хранение, а место нахождения Camp Century полностью вернулось к своему естественному состоянию.

Я получил отчеты о работе лагеря в последние месяцы 1962 года, после того, как генерал Трюдо спросил меня о выполнимости программы военной портативной атомной энергетики, как способа запустить исследование реализуемости программы атомной энергетики для производства энергии на орбите. Я был настолько в восторге от успехов нашей портативной атомной энергетики и способа, которым они подготовили исследовательскую платформу для последующего развития мобильной атомной энергетики, что убедил генерала

обеспечить столько финансирования, сколько УИР мог, чтобы позволить построить и протестировать как можно больше мобильных и портативных электростанций по программе Армейской Ядерной Энергетики в форте Белвар. Каждая электростанция дала нам своего рода плацдарм в отдаленных районах мира, где возможно могли присутствовать ЕВЕ, так как полагали, что там их не обнаружат.

Это была своего рода платформа. Как только мы продемонстрировали способность защищать удаленные районы Земли, мы сделали еще один шаг к постоянному присутствию в космосе.

Программа атомной энергетики, которая была частично прямым следствием проблемы, поставленной нам результатом нашего анализа корабля из Розуэлла, в конечном счете помогла нам разработать портативные атомные электростанции, которые теперь уже привычны на искусственных спутниках и военных кораблях. Она показала нам, что мы могли делать портативные атомные генераторы и дали армии возможность действовать на больших дистанциях, чем кто-либо мог подумать. В конечном счете она позволила нам вести наблюдение и держать штат на удаленных наблюдательных постах. Она также обеспечила базис для исследования запуска в космос средств ядерной энергии, чтобы сделать их электростанциями для межпланетных кораблей нового поколения. Программа портативной атомной энергетики позволила нам проводить эксперименты со способами, которыми мы разработаем атомные двигатели для наших исследовательских космических кораблей, которые, как мы верили, позволят нам создать военные базы на Луне, а также на ближайших к нам планетах Солнечной Системы.

И исходя из наших успехов с атомной энергетикой, мы обратили свое внимание на разработку оружия, которое можно было установить на наблюдательных орбитальных спутниках, оружия, разработанного нами непосредственно на основе того, что обнаружили в летающей тарелке из Розуэлла.

ГЛАВА 16

"Смертельный луч Теслы" и пучковое оружие

В в армейских отчетах и в анализе корабля из Розуэлла Материальной Командой Воздушных Сил, было описание каким

образом использовалась форма энергии, известная как "направленная энергия", сильные лучи возбужденных электронов, которые можно было точно направить на любую цель. У нас в 1947 году не было достаточных знаний о направленной энергии или, если сказать точно, мы не знали сколько знали, потому что в действительности мы знали много. Но информация, которая была легко доступна с 1930-х годов, лежала в уединении на общественном складе, в Нижнем Ист-Сайде Манхэттена под печатью федерального правительства и состояла из заметок таинственного изобретателя Николы Теслы, эксперименты которого и известные открытия стали материалом для причудливой, но захватывающей легенды.

Лазерный хирургический инструмент, найденный среди обломков крушения в Розуэлле, был одной из разновидностей устройства с направленными энергетическим лучом, способность которого стрелять быстро и точно показала, что потенциал вооружения инопланетян был намного выше нашего. Однако, если корабль упал от удара молнии, одного из самых мощных направленных энергетических лучей, то это демонстрировало их уязвимость перед направленными электронами. Это стимулировало армейских ученых и исследователей в проведении анализа потенциала оружия с направленным энергетическим лучом. Сегодня, спустя пятьдесят лет после крушения космического корабля в Розуэлле, это оружие стало намного больше чем устройство, которое император Мин нацеливал на Землю в сериалах про Флэша Гордона; это действительность, которая начнется с управляемой ракеты, отделения от ракеты-носителя, нацеливания внутренней компьютерной системой наведения на любое замеченное устройство, ядерная ли это боеголовка или космический корабль, и закончится их разрушением. Это оружие было настоящей историей успеха ВоенУИР.

"Возможные выгоды для вооруженных сил огромны", - писал я генералу Трюдо в своем анализе 1962 года потенциала оружия с направленной энергией." Хотя, как мы видим, даже самое элементарное из устройств с направленной энергией, микроволновая печь, более, чем окупила первоначальные научные исследования через продажи потребительского товара, именно вооруженные силы узнают о самых больших преимуществах направленной энергии и уже сейчас они видят его потенциал, судя по описаниям проектов лазера, которому всего только два года".

Концепция оружия с направленной энергией, безотносительно природы этого луча, для военного сообщества была не абсолютно новым понятием, хотя место его нахождения было полностью покрыто тайной. Первое испытание оружия с направленной энергией с ускорителем пучка частиц под кодовым именем "Seesaw", луч которого должен был нацеливаться на приближающиеся управляемые ракеты, первый раз проводилось в 1958 году, за два года до успешной демонстрации лазера из Управления Перспективных Исследований. Хотя на тестирование потребовался год, пока я находился в Красном Каньоне в Нью-Мексико, я сначала узнал о проекте, когда я был Совете национальной безопасности в Белом доме и потом после успешных экспериментов на искусственной цели.

В теории, работа пучкового оружия зависела от технического развития электрогенераторов, накопителей электроэнергии и программного обеспечения для нацеливания и запуска оружия. У нас уже была грубая природная модель пучкового оружия: разряд молнии, чистый, интенсивный электронный луч, простреливающий между двумя противоположными полюсами и разрушающий или выводящий из строя все, во что он попал, если только оно не было заземлено.

Ученые, начиная с Бенджамина Франклина до Николы Тесла, пытались посадить силу молнии на цепь, как источник энергии. И теперь Управление Перспективных Исследований провело эксперименты с теорией по применению его к новому и смертельному оружию. Если бы они могли, то построили бы такой прибор и написали бы программу, разработчики в ARPA решили, что они могли создать интенсивный луч из электронов или нейтральных атомов водорода, нацелить его на цель и стрелять импульсами пучков частиц, которые пролетев на околосветовой скорости, возбудят атомы корпуса цели, пока они, в буквальном смысле слова не взорвутся. Не зависимо от того, взорвется ли цель или нет, ее электроника выйдет из строя и станет бесполезной.

Официально, проект оставался секретным до тех пор, пока не было получено финансирование и технический прогресс в производстве компонентов шагнул достаточно далеко вперед, чтобы позволить нам строить рабочие прототипы. Самое большое, чего боялись разработчики в ARPA, это понимание Советов что мы пытались построить, ускорит их усилия в постройке того же

самого, прежде чем мы сделаем свое, таким образом мы переделывали нашу недавно построенную МБР "Atlas", которая устарела еще до того, как добралась до стартовой площадки.

Управление Перспективных Исследований было очень секретной сетью оборонных ученых, членов промышленного сообщества оборонных подрядчиков УИР и университетских исследователей, действующих или под схемой правительственных грантов или под молчаливым признанием Министерства Обороны, что их исследование будет находиться под государственным контролем в некоторых местах. Отчасти ARPA было основано 1958 году, как я думаю, потому что до той поры ВоенУИР был не организован и мог едва управлять основным исследованием, которое необходимо, чтобы сохранять наше технологическое превосходство перед противником. Это создало пробел в исследовании, для ликвидации которого было создано Управление Перспективных Исследований (ARPA). Работая на ориентированное на оборону исследование, во много раз более далекое относительно любых конкретных предложений о развитии системы вооружения или продукта, ARPA часто выступало на передовую линию разработки вооружения или просто была базовой школой, необходимой для более конкретных тем. Однако, так как у ARPA был свой отдельный план, они слишком много раз конфликтовали с вооруженными силами, особенно после того, как генерал Трюдо реорганизовал весь аппарат ВоенУИР и перенастроил его для работы, как слаженный механизм.

В 1969 году, в эру больших компьютеров, в соответствии с контрактом по развитию связывающих университеты, оборонных подрядчиков и вооруженные силы сетей, родился ARPANET. И в 1970-х годах после смены названия Управления Перспективных Исследований на Управление Перспективного Планирования Оборонных Научно-Исследовательских Работ или Управление Перспективных Исследовательских Программ (DARPA), оно утвердило проект создания "межсетевого взаимодействия" всех существующих компьютеров в их системе, утвердив протоколы сетевого программного обеспечения, которые объединят работающие на различных операционных системах сети. К 1974 году родился Протокол с контролем передачи/Протокол Интернет (TCP/IP) и ARPANET стал Интернет. В конце 1980-х годов в европейской лаборатории Физики элементарных частиц зародился гипертекстовый язык, первоначально задуманный Вэнневэром Бушем, как механизм поиска в Интернет и к 1990

году объединился с графическом пользовательским интерфейсом, объединив в себе гипертекст и графику. Родилась Всемирная Паутина (WWW).

В 1958 году, в то время, пока велась первая разработка концепции пучкового оружия, ARPA исполнился только год. Она была сформирована когда я был в Белом доме, в 1957 году, в ответ на успешный запуск Спутника в Советском Союзе, так как правительство поняло, что Соединенным Штатам была нужна независимая исследовательская организация, чтобы объединить ресурсы академических, научных и промышленных сообществ. ARPA было сформировано, чтобы финансировать фундаментальное исследование и даже при том, что у него поначалу не было ориентации на оборонку, оно быстро связалось с военными проектами, так как правительство видело огромную потребность фундаментальных исследований в научных и технических областях.

Была и другая причина формирования ARPA, которое по крайней мере теоретически имело непосредственное отношение к стоящими перед Соединенными Штатами угрозам и испытывало потребность в фундаментальном исследовании для ответа на них. Так как ARPA было сетью в глубине правительства и в итоге, в Министерстве обороны, оно могло участвовать в исследовании якобы вдалеке от неотложных потребностей военных служб, чьи научно-исследовательские организации были частью структуры команды. ARPA таковым не было. Хотя оно рапортовало в Министерство обороны и Белый дом на свой страх и риск, оно не входило в структуру команды и не ограничивалось планами руководителей различных специальных военных корпусов.

ARPA не появилось из ниоткуда. Ее породил сформированный при президенте Уилсоне Национальный исследовательский совет, который был нужен для организации и управления оборонными научными исследованиями и для конкуренции с Военно-морским Консультационным Советом под руководством Томаса Эдисона, который вошел в историю, когда сказал, что Военно-морской Консультационный Совет был не нужен стране вообще. Он созвал ученых, которых называл кучкой "перфессеров" в свою лабораторию в Нью-Джерси, чтобы погулять среди "мусора" и посмотреть, как создавались реальные изобретения.

Естественно, что исследователи из университетов и главы

научно-исследовательских корпораций, спонсировавших исследования для военных программ были потрясены мыслями Эдисона о правительстве и сплотились вокруг NRC (Национальный исследовательский совет). Если были правительственные гранты, которые предназначались для поддержки основных оборонных исследований, то ученые, которые работали на нуждавшиеся в фундаментальных исследованиях корпорации, независимо от их основных целей, стремились бы связаться с этой новой организацией.

Исследователи из университетов утверждали в престижной Национальной академии наук, что Национальный исследовательский совет должен быть "арсеналом науки", чтобы защитить Соединенные Штаты привлекая свой большой мозговой трест к академии и к промышленным подрядчикам для решения проблем национальной обороны с помощью технологии.

Президент Уилсон согласился и появился NRC. Одной из первых задач, стоявших перед Национальным исследовательским советом, было развитие подводной защиты. В начале Первой мировой войны самолет пока еще не решал исход битвы, а немецкие подводные лодки уничтожали Атлантический флот. Военно-морской флот отчаянно искал способ обнаружения субмарин и хотя Никола Тесла представил свои планы относительно детектора на основе энергетического луча, который посылал сквозь воду низкочастотные волны, отражавшиеся от всех подводных объектов, Национальный исследовательский совет посчитал эту идею слишком изотерической и искал более привычную технологию. Так или иначе, низкочастотная энергетическая волна Теслы не работала достаточно хорошо в воде, но несколько лет спустя описание Теслой своего изобретения стало базисом для одного из самых важных устройств победы во Второй мировой войне - "радара".

Национальный исследовательский совет установил форму поддержки правительством фундаментальных исследований, когда их можно было направить на развитие в военных целях. Это был первый раз, когда частные исследователи, корпорации, академики, чиновники и вооруженные силы примирились для решения взаимных проблем. Поэтому, Управление перспективных исследований и Управление перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ или DARPA, порожденное ARPA, были естественными продуктами постоянных государственных взаимоотношений.

Проблема с ARPA была в том, что оно было политическим и имело свой собственный план. Конфликты с Офисом Руководителя Научных исследований генерала Трюдо, который действовал в пределах военной структуры команды и ARPA из-за денег и вопросов политики, были им весьма свойственны. В ряде случаев, сотрудники из ARPA и Пентагона начинали борьбу и несколько раз ARPA пыталось возложить ответственность за свои недостатки и ошибки на вооруженные силы. Например, в течение первых лет войны во Вьетнаме, ARPA пыталось обвинить генерала Трюдо в ошибках в применении Agent Orange. Но генерал Трюдо и УИР вообще не отвечали за Agent Orange. Это с самого начало было творением ARPA. Но когда стали приходить отчеты о жертвах Agent Orange в наших войсках, и ARPA сказало, что будет свидетельствовать перед Конгрессом об ответственности генерала Трюдо, я пришел в ярость. Я дал знать людям из ARPA, что несмотря на чертов протокол, я бы взял штурмом в Конгрессе

комитеты по вооруженным силам и делам ветеранов, снес бы Капитолию крышу, пока все не узнали бы, что ARPA пыталось навязать ответственность за небрежность в применении плохого химиката. ARPA отступило, но враждебность между нами осталась.

Когда концепция ARPA поначалу обсуждалась в Белом доме, я видел его потенциал, а также проблему, но я также знал, что политикой рабочей группы по НЛО управляли секретные планы. ARPA был их активом, потому что они могли общаться с университетским сообществом через Интернет и узнавать любую скрываемую от вооруженных сил информацию об НЛО, о разрабатываемых технологиях, которые как-либо относились к проблеме НЛО или EBE, и кто в академических или научных кругах придумывал теории о существовании или намерениях EBE. Другими словами, в дополнение к тому, чтобы быть источником исследований и грантов на проведение исследований, которые соответствуют определенным форматам правительства/ вооруженных сил, ARPA было еще одним агентством по сбору информации, но посвященным в академические и научные сообщества. Если информация там появлялась, то ARPA находило ее и платило за ее развитие.

Поэтому, когда в 1957 году возникла необходимость бросить технологический вызов советской космонавтике, никто из понимающих требования к космической обороне не удивлялся, что это будет такая организация как ARPA, которой дадут полномочия на развитие такого военного ответа. И учитывая проблему, поставленную советской программой по запуску спутников, пучковое оружие было логическим направлением, которым будет дан такой ответ.

Соединенные Штаты должны были разработать оружие, которое в теории могло сбивать советские спутники или ослеплять их, чтобы они не могли ничего сфотографировать. Они должны были собрать ресурсы в научно исследовательском сообществе, чтобы посмотреть, существует ли кадровый потенциал для разработки такого оружия. В то же время, пока вооруженные силы пытались отправить свои спутники на орбиту, они не хотели уходить от военных исследований экзотического оружия. Но еще скорее, чем передавать планы прямо в руки ВоенУИР, они вероятно, следовали курсом, первоначально изложенным для них в протоколах рабочей группы по НЛО и вышли за пределы структуры официальных вооруженных сил до

специальной исследовательской организации не вовлеченной в прямые военные исследования. Когда я был в Белом доме, я видел за всем этим руку ЦРУ, которое немедленно зажгло передо мной красный сигнал, так как я знал, что правительство создавало только еще создало бюджет и систему управления исследовательскими грантами, которой будет в конечном счете будет управлять ЦРУ.

Не вызвало также удивления то, что первое оружие, целью которого была борьба с космическими кораблями и кораблями, которые возвращаются в атмосферу Земли из космоса, было пучком ускоренных частиц, потому что даже при том, что оно могло походить на нечто из научно-фантастического фильма, у него была история, которая полностью открылась в начале двадцатого века. Его создателем был Никола Тесла, чьи бумаги также были среди моих документов, когда я поступил в отдел Иностранных Технологий в 1961 году.

Тесла теоретизировал о направленных энергетических лучах, включая пучковое оружие, даже до начала двадцатого века. Его на сегодняшний день известный "луч смерти", был по сути вариантом пучкового оружия, который, как он верил, установит мир во всем мире, потому что он мог немедленно разрушить все города, где угодно во всем мире и сделать абсолютно бесполезными эскадрильи самолетов, военно-морской флот и даже все армии.

Но даже перед его объявлением о луче смерти, Тесла делал новости и состояние посредством своих экспериментов с беспроводной передачей электричества и направленным лучом электронов, которые выбивали электроны из образцового материала внутри колбы. В 1890-х годах Тесла экспериментировал с устройством, которое в двадцатом веке станет циклотроном и другим устройством, для которого он сформулировал идеи того, что сегодня является международным телевидением и радиосетями. Тесла, его образование и его история, важен для всей истории науки и вооружения двадцатого века, так как его взгляды были хорошо развиты в отличие от любого его современника, включая Томаса Эдисона и в отличие от политических последствий того, что обнаружил Тесла, смешанных с разъяренными попытками правительства справиться с прикрытием НЛО и их технологического потенциала спустя дни и месяцы после катастрофы в Розуэлле.

Никола Тесла, сын сербского православного священника, приехал в Соединенные Штаты из Парижа в 1884 году, чтобы встретиться и работать на признанного гения того времени - Томаса Эдисона. Хотя эти два человека в конечном счете столкнулись как титаны в споре о преимуществе переменного тока перед постоянным током, Тесле удалось получить работу в офисе и лаборатории Эдисона там, где сейчас находится Западный Бродвей, на юг от Вест Хьюстон-Стрит в Нью-Йорке.

Двое этих людей очень отличались в способах, которыми они пришли к своим изобретениям. Эдисон был ремесленником, который думает над идей, экспериментирует, строит и перестраивает, а потом снова экспериментирует, пока не заработает. Часто, как и в случае его лампы накаливания, он провел тысячи экспериментов, отбросив каждый после того, как он не удался, пока наконец не получилось. Это пример Эдисоновского первоначального вдохновения, затем большого количества пота, пока не заработает и пока он не убедится, что разобрался в этом.

Тесла же, с другой стороны, излагал весь проект в своей голове, полностью его визуализировал, а затем делал его таким, каким видел в голове. Это нервировало Эдисона, который часто высказывался своему бывшему помощнику Чарльзу Батчелору, что способность Теслы делать что-то из того, что он собирал в своем сознании, была неестественной. Тесла был также скрупулезным, официально академически образован, илюбил обсуждать теорию, в то время как Эдисон был главным образом рабочим изобретателем, который часто и работал и спал в одной и той же одежде в течение многих дней.

Иронично, что в результате конкуренции между этими двумя людьми, к тому времени, когда каждый из них умер, они запатентовали изобретения, на которых построена большая часть современной промышленной технологии, а также родились две огромные конкурирующие компании - General Electric и Westinghouse - чья конкуренция идет и в настоящее время. Конкуренция между Эдисоном и Теслой помогла определить направление развития промышленной энергетической индустрии в Соединенных Штатах, электрических приборов, индустрии развлечений и устойчиво развивается начиная с 1890-х годов и 1930-х годов, когда умер Эдисон. Сам Тесла умер в Нью-Йорке в 1943 году.

Тесла был признанным гением, чудеса предсказаний которого и патенты, отметили его, чтобы его можно было назвать человеком, опередившем свое время. Даже, прежде чем чешский драматург Карел Чапек придумал слово "робот" в своей пьесе "R.U.R." и американский писатель-фантаст Айзек Азимов изобрел термин "робототехника" в своей книге рассказов "Я, Робот", Никола Тесла на рубеже веков создал первый "автомат" или механического солдата, а также автоматически управляемую модель лодки. Все же Тесла, высокий, темноволосый, погруженный в размышления, но образованный и культурный Серб, часто временами, как оказывалось, был своим самым вредным врагом. Он стал миллионером, когда ему было только тридцать два года, но потратил огромные суммы, которые получил от некоторых величайших промышленников и финансистов тех лет, включая Джорджа Вестингауза, Дж. Пирпонта Моргана, А. Стэнфорда Уайта и Джона Джейкоба Астора, ради того, чтобы умереть в лишениях и бедноте в своей комнате в отеле "Нью-Йоркер". Тем не менее, он был человеком, чьи идеи были воплощены учеными из ARPA, когда они встали перед угрозой первого советского Спутника на орбите вокруг Земли, но и еще худшей угрозой того, что EBE, если бы их целью была колонизация Земли, увидев и услышав о российском спутнике, убедились бы, что русские помогли бы им этого добиться. Каковой же была идея Теслы?

В течение 1890-х годов, Тесла последовательно написал и прочитал лекции о своей теории беспроводной передачи электрического тока. Как и беспроводное радио Маркони, которое коренным образом изменило способы коммуникации, беспроводная передача электроэнергии Тесла могла коренным образом изменить рост и развитие всех городов. Не только в виде экстраполяция беспроводной энергии, но и в виде отдельной теории, Тесла сообщил, что экспериментировал с передаваемым без проводов лучом электроэнергии, который мог возбуждать атомы вещества до такой степени, что оно разрушалось, даже если обладало стойкостью к высокой температуре. Тесла сказал, что такое лучевое оружие коренным образом изменит способы ведения войны. По крайней мере, в теории это было устройством, очень похожим на лазерный режущий инструмент, который армейская поисковая команда нашла в кустах на месте крушения в Розуэлле.

Один из поразительных аспектов жизни и карьеры Николы Теслы состоит в том, что он не просто теоретизировал об этих

проектах, он проводил с ними эксперименты, добиваясь успеха во многих случаях очень интригующими путями, а затем патентовал важные изобретения, которые были результатом его экспериментов. Но его идеи были настолько радикальными для того времени, настолько далекими от того, о чем думали его современники, что их отклоняли или как безудержный бред сумасшедшего ученого, или как дико непрактичные, сводящие все плюсы на нет. И все же, когда Вы увидите его патенты, описания спроектированных им систем и фактические результаты публично проведенных экспериментов или демонстраций, Вы обнаружите, что большинство таких, озвученных им на рубеже веков сумасшедших идей, как бомбардировщик с вертикальным взлетом и посадкой, выглядят работоспособными. В некоторых случаях, таких как его ускоритель ядерных частиц, они работали лучше и более эффективно, чем первые появившиеся современные аналоги таких машин. Когда я увидел, что в конце века Тесла продемонстрировал модель управляемой по радио лодки, с помощью которой можно было на удаленном расстоянии выпустить торпеды прямо в сердце вражеского флота, я был поражен тем, что военно-морской флот не вцепился в эту идею до начала Первой мировой войны и еще более поразился, когда мы не заказали разработку у Теслы во время Второй мировой войны, когда мы знали, что немцы с этим уже экспериментировали. Однако, сегодня мы тратим сотни миллионов долларов, чтобы разработать управляемое на расстоянии средство передвижения, похожее по концепции на то, что Тесла спроектировал за меньшие в тысячу раз средства почти сто лет назад.

И в 1915 году Тесла написал в Военный департамент США, что в дополнение к его управляемой на расстоянии лодке, они должны срочно рассмотреть его управляемые на расстоянии "воздушные машины без поверхностей для создания подъемной силы [крыльев], элеронов, пропеллеров и других обязательных атрибутов, способные перемещаться на огромных скоростях и очень вероятно, что они станут сильным аргументом в пользу мира в ближайшем будущем. Такой машиной, поднимаемой и толкаемой полностью реактивной тягой [ракетные двигатели], можно управлять или механически или с помощью беспроводной энергии [на радиоуправлении]".

Тесла описал управляемую на расстоянии ракету, гораздо более продвинутую, чем немецкая "Фау-2", и которая была предшественником сегодняшних современных МБР, информация о наведении на цель которым могла передаваться уже после

взлета. Тесла на полвека раньше описал тактическое оружие, управляемую на расстоянии противотанковую ракету, которая разрушила бронетанковые подразделения Саддама в Персидском заливе.

В течение 1890-х годов, эксперименты Тесла с генерацией и направлением пучка частиц шли полным ходом, когда его пригласили построить экспериментальную станцию, которая доказала бы, что он мог передавать электроэнергию, используя атмосферу земли в качестве среды вместо тяжелого кабеля. Если энергия могла так направляться, то покровители Теслы, среди которых были промышленник Джордж Вестингауз и финансист Дж. П.Моргэн, согласились бы, что это коренным образом изменит развивающуюся энергетическую промышленность и сделает того, кто будет управлять источником этой энергии богатейшим человеком. Тесла полагал, что он мог управлять этой энергией и взяв с собой приблизительно 60 000$ у своих покровителей, поехал в Колорадо-Спрингс, который неслучайно стал местом расположения Североамериканского Командования ПВО Военно-воздушных сил (NORAD) и Космической Команды Армии Соединенных Штатов, чтобы построить и продемонстрировать свою станцию для передачи энергии.

Тесла описал свои эксперименты в статье, которую он написал для тридцатого ежегодного выпуска журнала "Электрический Мир и Инженер" в 1904 году. Он сказал, что "Открылась возможность не только посылать телеграфные сообщения на любое расстояние без проводов, как я это уже давно представлял, но и донести до любой точки земного шара тонкие модуляции человеческого голоса и, более того, передавать энергию в неограниченных количествах на любое земное расстояние и почти без потерь." В видении Тесла электрические станции передачи окружили бы планету, накапливая и передавая энергию от станции к станции, чтобы обеспечить электроэнергией всю планету без применение наземных или подземных линий электропередач, силовых кабелей и проводов. Он также видел, что сеть ретрансляционных станций могла бы принимать и пересылать экстренные сообщения по всему миру сразу на все портативные приемники - "дешевое и простое устройство, которое можно было бы носить в кармане" и которое может записывать отправляемые ему специальные сообщения. Тесла описал современный микроволновый мобильный телефон и систему удаленного пейджинга. Он также сказал, что с помощью ретрансляционных станций как эта, "вся Земля превратится в

своего рода огромный мозг, поддающийся управлению в каждой из своих частей", другими словами - Интернет. В течение своей жизни Тесла действительно создал историю, показав, что энергию можно передавать без проводов с помощью луча.

В 1899 году, по слухам было известно, что Тесла экспериментировал с "лучом смерти" в Колорадо-Спрингс. Но Тесла никогда в этом не признавался и фактически ничего не говорил о своих экспериментах с лучами, даже когда английский, немецкий, русский и американские ученые в 1920-х годах обратились с просьбами патентов на изобретения. Тем не менее, в 1930-х годах, Тесла написал в своей монографии, что сделал новое открытие, которое упразднит войну, так как каждая страна будет обладать такой же силой для уничтожения оружия врага, как и другая.

Это потребовало бы генерации мощной энергии, но оно смогло бы остановить все армии и их машины более чем за двести миль во все стороны. "Это", писал он, "воздвигнет стену из энергии, которое станет непреодолимым препятствием для любой эффективной агрессии".

Но он сказал также, как и ученые, работающие над этим уже с 1970-х годов, что это не "луч смерти", лучи имеют тенденцию распространяться на расстоянии, но им необходимо поддерживать фокус. Скорее всего он сказал, "Мои приборы по проецированию частиц, которые могут быть, как относительно большими, так и микроскопически малыми, позволят нам передавать на небольшие площади на большие расстояния в триллионы раз больше энергии, чем это могут сделать любые типы лучей. Многие тысячи лошадиных сил, могут таким образом без сопротивления передаваться в потоке толщиной с волос."

Хотя Тесла продолжал описывать, как этот луч усовершенствует телевизионную передачу и проецирование изображений, он в действительности описывал оружие с направленным пучком частиц, которое люди из ARPA пытались разработать изо всех сил, спустя более чем двадцать пять лет после того, как Тесла сначала написал об этом и спустя одиннадцать лет после того, как среди обломков космического корабля в Розуэлле были обнаружены обугленные фрагменты прибора с направленной энергией, а также лазерного инструмента, которые были описаны инженерами из Воздушной Команде Материальной части и были спрятаны в течение многих

лет в моей картотеке. Мы все еще пытались сделать работающий луч, когда я был в Пентагоне в 1962 году и только в администрации Рейгана разработали рабочую модель, как часть программы Стратегической Оборонной Инициативы.

Но для Теслы, его мир в 1930-х годах стремился к войне. В записке к Дж. П. Моргану со своим представлением кошмара Х. Г. Уэллса о разрушения цивилизованного мира с помощью воздушной бомбардировки, Тесла сказал, что его пучковое оружие могло сбить самолеты в воздухе и тем самым защитить города. Он сделал предложения русским, чтобы разработать такое оружие, потому что Сталин опасался вторжения из Японии. Он также написал британскому премьер-министру о способности его луча защитить Лондон от нападений немцев. Но никто не задумался о практическом применении его лучевого оружия, даже Westinghouse Company, если бы профинансировала его патенты, вероятно смогла бы с помощью Теслы разработать оружие перед началом Второй мировой войны.

Случилось так, луч смерти Теслы, пучок ускоренных частиц, в котором субатомные частицы возбуждались энергетическим полем и направлялись в цель на скоростях, близких к скорости света, не был разработан до конца его жизни. Однако простой намек, что теории Теслы, возможно, нашли свой путь к немцам или русским так затронул федеральное правительство и особенно ФБР, что когда в январе 1943 года Тесла умер, ФБР немедленно захватило все его бумаги, чертежи, письма и проекты, и передало их в Офис Иностранной Собственности, где они были официально опечатаны до передачи югославскому послу, который был представителем состояния Тесла. Они оставались на хранении в Манхэттене до начала 1950-х годов, когда вернулись в Югославию. И все же, даже после их возвращения, югославское правительство считало, что ФБР достало некоторые бумаги Тесла, когда они были на хранении и сняло их на микропленку, Эдгар Гувер отрицал это, но в отделе Иностранных Технологий ВоенУИР были фотостатические копии фотографий бумаг Теслы, когда я получил их в 1961 году. Как они их получили?

Собственность Теслы была официально изъята американским правительством спустя два дня после его смерти. Даже при том, что ФБР знало о том, что Тесла публично озвучил об усовершенствовании своего луча смерти - независимой проверки этого не было — правительство не предприняло никаких шагов, чтобы воспрепятствовать тому, чтобы он передал свои планы

касающиеся луча смерти иностранным державам. Однако, вице-президент Генри Уоллес, сказал ФБР, что у правительства был критический интерес к любым бумагам Теслы и приказал ФБР изымать их всеми доступными способами.

Вот почему ФБР направило людей из Управления Иностранным Имуществом, для того, чтобы они зашли в гостиничный номер Теслы 9 января 1943 года и забрали бумаги. Другие бумаги Теслы, которые хранились на складе, также были ими изъяты.

За следующие несколько недель января 1943 года, после нервозных дипломатических отношений между югославским посольством и офисом Дж. Эдгара Гувера, ФБР перевело все вопросы в Управление Иностранным Имуществом, которое также желало выйти из ситуации с дипломатическим перетягиванием каната между Белградом и Государственным Департаментом. УИИ, все еще выполняя инструкции вице-президента о том, что бумаги, которые могли оказаться в помощь врагу, не должны были покидать страну, связался с руководителем того, что в будущем станет УИР, Комитетом по исследованию Национальной обороны Управления Научных исследований, доктора Джона Трампа. Доктор Трамп исследовал бумаги и решил, что большая часть из них была полезной, но он решил сделать фотокопии некоторых бумаг, которые Тесла написал в годы перед своей смертью. Трамп также написал заключение на те бумаги, в которых содержалась недатированная монография Николы Тесла озаглавленная, как "Новое искусство проектирования сконцентрированной недисперсионной энергии через естественные условия", это описание Теслой того, как он сможет производить и наводить на цель луч из высокоэнергетических электронов. Хотя бумага и была отклонена Трампом, как неосуществимая, тем не менее, в ней были описаны последние взгляды Теслы на энергетическое оружие, на ускоритель пучка частиц.

После фотографирования в УИИ и заключения на бумаги Теслы, вся его собственность осталась на хранении, пока в 1950-х годах ее не передали в Белград. Вопрос должен был на этом закрыться. Однако в 1945 году, сразу после окончании войны, Воздушная техническая служба из Райт Филд у Дейтона в Огайо, искала копии бумаг Тесла из Управления Иностранным Имуществом в Вашингтоне и направляла военного курьера, чтобы получить и отвезти их в Райт Филд. Хотя между УИИ и

Воздушной технической службой в следующие два года велась переписка относительно места нахождения бумаг, по крайней мере один из офицеров генерала Натана Твининга в Воздушной Команде Материальной части в ноябре 1947 года связался с Управлением Иностранного Имущества, чтобы сообщить о том, что ВКМЧ в Райт Филд владел бумагами Теслы и продержит их у себя по крайней мере до конца января 1948 года. После этого, бумаги, включая личную монографию Теслы о его оружии из пучка ускоренных частиц, как казалось, полностью исчезли - пока не появились в моих документах в ВоенУИР в 1961 году. Но это была лишь одна из копий.

По крайней мере еще одна копия монографии Теслы осталась у рабочей группы под руководством генерала Твининга и в течение следующих десяти лет проложила себе путь в Управление перспективных исследований в Вашингтоне. Она всплыла, когда рабочая группа поняла, что после запуска Спутника, у Соединенных Штатов не осталось абсолютно никакой защиты от войны в космосе, ни от русских, ни от ЕВЕ. Однако, у нас была одна жизненно важная подсказка об одном единственном возможном процессе, который мог вмешаться в работу электромагнитного двигателя, который, как мы подозревали, использовали инопланетяне: энергия частиц направленного луча, могла разрушить образованное вокруг космического корабля магнитное поле и проникнуть через антигравитационное поле.

И нам даже не потребовалось бы облучать космический корабль микроволнами, чтобы возбудить молекулы композиционного материала.

Поскольку оружие, вместе с пучком ускоренных частиц передавало сильный электромагнитный пульс, воздействие этого ЭМ импульса было таким же, какое ЭМ импульсы оказывают на любое электрооборудование и разрушало антигравитационное поле, нарушая целостность электромагнитной волны космического корабля. Таким образом, не взрывая космический корабль, пучок частиц мог вынудить его упасть, нарушив его способность противостоять силе притяжения. В роли более обычного оружия для борьбы с вторгающимися боеголовками или вражескими спутниками, помимо разрушения любой электроники внутри с помощью своего электромагнитного импульса, пучок частиц возбуждает атомы цели, вынуждает их рассеиваться и цель взрывается. Таким образом у пучка частиц есть двойная разрушительная способность.

Тесла понял, что пучковое оружие было подобно вспышке молнии с почти такой же разрушительной силой, но более управляемая. Удар молнии - огромный электронный луч. Ученые теоретизировали, что можно достигнуть такой же разрушительной силы с помощью луча протонов. Тем не менее другие ученые утверждали, что раз электроны несут отрицательный заряд, а протоны положительный заряд, то они уязвимы для отклонения магнитным полем Земли, потому что луч будет или притянут к противоположному полюсу, либо тем же самым полюсом будет отражен. Кроме того, луч подобных частиц будет содержать естественную дисперсионную силу, потому что одноименные заряды отталкиваются друг от друга. Однако, атомы водорода электрически нейтральны и могут образовать вполне работоспособный луч для разработки любого вида оружия, чтобы его можно было применять за пределами атмосферы земли, потому что нейтральные лучи можно отправлять на очень большое расстояние.

Кроме того, нейтральный луч не требует внешней энергии для управления дисперсией, так как в нейтральном луче частицы не заряжены и не отталкиваются друг от друга.

Исследования и эксперименты с прототипами пучкового оружия, проводимые после 1980 года, определили два основных типа вооружения: для использования исключительно в космосе или экзоатмосферное оружие и для разворачивания на Земле против входящих ракетных боеголовок. Это называется эндоатмосферным оружием. У каждого из них есть различные особенности, чтобы их можно было разделять, но общие черты пучкового оружия характерны для обоих типов. К примеру, когда я начал работу по развитию фундаментальных исследований пучкового оружия, наши ученые мне сказали, что у этого вооружения должно быть шесть основных особенностей, которые позволяют ему уничтожать цель.

Во-первых, луч должен обладать высокой скоростью — приблизительно равной скорости света - и цели не смогут от него уклониться. Даже НЛО летают на скорости, меньшей, чем скорость света, поэтому при преследовании, пучок частиц всегда победит. В то же время, чем быстрее распространяется луч, тем меньший взрыв потребуется для разрушения цели.

Во-вторых, для поражения цели, луч должен быть наведен на

нее достаточно долго. Мы предположили, что если бы мы сбили им вражескую боеголовку, то сильный луч почти немедленно бы уничтожил ее способность взрываться и разрушил бы ее в течение нескольких секунд. В космосе, где расстояния больше, луч должен был бы держаться на цели в течение более длительного отрезка времени, но это также, нарушит распространение волны космического корабля за очень короткий интервал времени. Даже если это бы не уничтожило космический корабль, то конечно же сделало его неспособным к выполнению какого-либо наступления.

В-третьих, для достижения какого-либо эффекта, необходимо мгновенно нацеливать луч, особенно если он направлен на ведение борьбы с боеголовками, выпускаемых с много целевых кораблей такого же типа, как у русских и у нас. Если нельзя сбить корабль, доставляющий и нацеливающий отдельные боеголовки, пока он сам находится на орбите, необходимо научиться очень быстро нацеливать луч на каждую боеголовку по очереди после того, как они разделились на орбите и начали снижаться каждая по своей отдельной траектории. Таким образом всего в течение нескольких секунд необходимо целиться и стрелять, целиться и стрелять, целиться и убедиться, что каждая цель разрушилась. Например, один единственный взрыв в пятьдесят килотонн в Нью-Йорке, парализовал бы всю американскую финансовую индустрию и немедленно изменил бы жизнь, насколько нам известно, на значительный период времени. Многоцелевой корабль, запустивший с орбиты четыре боеголовки по 60 килотонн каждая по отдельным траекториям на Бостон, Нью-Йорк, Вашингтон и Майами, нанес бы вред Соединенным Штатам на следующие пять - семь лет. И это мог бы даже не русский корабль; он мог легко прилететь из Китая, Северной Кореи или даже из какой-либо фанатично настроенной ближневосточной террористической страной, такой, как Ливия с большим количеством нефтяных денег. Пучковое оружие, которое могло быстро нацеливаться и стрелять, чтобы уничтожить все четыре боеголовки или сразу или после вхождения в атмосферу, эффективно защитит Соединенные Штаты и удержит любую страну или террористическую группу.

В-четвертых, для нанесения реального вреда механизму боеголовки, луч должен проникать сквозь покрытие цели. Поэтому, как только луч попадает на внешнюю оболочку цели, возбуждение молекул цели должно производиться не только на покрытии или оболочке, но и глубоко в электронике корабля.

Поэтому, даже если она не взорвется, она может или разлететься на части или просто отключиться и упасть на землю как кусок железа.

В-пятых, пучок частиц также должен уничтожать с помощью электромагнитного импульса, который выведет из строя электронику цели, либо разрушением ее системы управления, либо нарушением программы ее взрыва, превращая ее в металлолом. Используемый в качестве космического оружия электромагнитный импульс будет оказывать на вражеские спутники подобный эффект, уничтожая их управляющие программы, выводя из строя их компьютерное управление и программу ориентирования, полностью ослепляя их. Для вражеских космических кораблей импульс был бы чисто оружием защиты, которое вынудило бы нападающий корабль уйти, потому что его устройство генерации волны вышло бы из строя.

И шестое, пучок частиц, в отличие от лазера, может работать в любую погоду и в любых атмосферных условиях.

Лазеры отражаются от облаков и тумана, а также теряют теряют мощность в плохую погоду. Пучки частиц проходят всегда и могут работать во всех условиях.

Поскольку ученые в 1950-х годах уже оценили работу, какую им придется проделать, чтобы сделать рабочий прототип, они поняли свою потребность в производстве огромного количества электроэнергии для ускорения необходимых для луча частиц и потребность в некоторой форме обозначения цели, не только для захвата и нацеливания оружия, но повторного нацеливания, в случае, если первый выстрел не попадет в цель. После того, как я ушел из Пентагона, работа велась над лежащей в основе этого типа оружия теорией и было очень мало сделано для организации дорогостоящих вспомогательных технологий, таких как атомные ускорители частиц, компьютеры наведения, высокоэнергетические лазеры и способа сделать все это портативным.

Однако, на сегодняшний день, маломощные версии этого оружия с направленной энергией, частично правнуки луча Тесла и частично потомки аппарата с направленной энергией из корабля в Розуэлле, находятся в свободном обороте в качестве прибора для патрулирования дорог и выявления быстро

передвигающихся автомобилей, как способ борьбы с нарушениями скоростного режима. Полицейский находясь в своем автомобиле, наводит направленный пучок частиц на автомобиль нарушителя и включает его. Электромагнитный импульс от потока электронов нарушает работу системы зажигания двигателя и лишенный электрической энергии для зажигания смеси в цилиндрах автомобиль скатывается к обочине. Больше никаких полуночных новостей о догонялках на дорогах, а только более эффективный и безопасный способ поймать скрывающихся в своем автомобиле нарушителей. Первоначально, это устройство было разработано вооруженными силами и затем продолжало усовершенствоваться в Армейской Космической Команде, так как они занимались установкой энергетического луча на корабли для разрушения вражеских спутников, нарушающих законы совместного существования. Но его корни тянутся к видению Николы Теслы и к тому, что как считали ученые, было частями технологии направленной энергии, которую мы выловили в разбитом космическом корабле в Розуэлле, отчеты о которой были доставлены из хранилища в мой кабинет в Пентагоне в 1961 году.

Мне всегда казалось ироничным слияние истории работы и открытий Николы Теслы и развитой инопланетянами технологии, благодаря нашей работе с обломками корабля из Розуэлла. Тесла экспериментировал с беспроводной передачей энергии, а инопланетяне, как казалось, использовали беспроводную передачу энергии для навигации и защиты корабля. Тесла описывал в теории искажение или управление гравитационным полем посредством распространения электромагнитных волн, а инопланетяне, казалось, использовали точно такую-же такую технологию для двигателя корабля. А описания Теслы теории луча смерти, который по его утверждению был усовершенствован, стали основой для оборонного вооружения, которое мы развернули, чтобы противостоять враждебному вторжению инопланетян в наше воздушное пространство. То, что угрожало нам в Розуэлле и то, что мы в итоге узнали из записок Теслы, слилось в одну научную теорию, которая в конечном счете стала основой Стратегической Оборонной Инициативы, противоракеты и вооружения космических кораблей.

Пока ученые, начиная с 1950-х годов и до 1970-х годов спорили о стоимости такого оружия и дестабилизирует ли противоракета стабильность взаимного ядерного сдерживания, другие, кто понимал реальность угрозы из космоса, утверждали,

что помимо Советского Союза были и другие враги, которые когда-нибудь получат технологию изготовления и запуска ядерных ракет на территорию Соединенных Штатов. Никто не посмел бы сказать, что мы должны были защищаться от летающих тарелок. Фактически, только на выборах Рональда Рейгана в 1980 году, пучковое оружие получило еще один толчок в жизнь, как часть жарко обсуждаемой, но в конечном счете успешной стратегии Стратегической Оборонной Инициативы или "Звездных войн". Президенту Рейгану удалось одержать победу над насмешками некоторых политических деятелей и выкручиванием рук людьми, которые считали, что это стоило слишком дорого. Стратегии Звездных войн самой по себе и ограниченного развертывания и тестирования некоторых ее компонентов было достаточно, чтобы поставить Соединенные Штаты на один уровень вооружения рядом с ЕВЕ и показать Советам, что у нас в руках наконец было реальное средство ядерного устрашения.

История СОИ и пути, которым оно изменило холодную войну и вынудило инопланетян изменить стратегию для этой планеты, это история, о которой никогда не говорилось. Но столь захватывающая и фантастическая, как это звучит, история ограниченного развертывания СОИ - это история того, как человечество одержало свою первую победу над более влиятельным и превосходящим технологически врагом, который испытал какой бы то ни было шок, от реальных проблем с которыми ему придется столкнуться на Земле.

ГЛАВА 17

Звездные войны

К весне 1962 года генерал Трюдо сказал мне о своем желании уйти. Он сказал, что ему не хочется командовать американскими войсками во Вьетнаме. Старик уже взял достаточно высот за время службы в армии. И чтобы он внутри себя не чувствовал, генерал Трюдо был всего лишь человеком, но он никогда не боялся. Он был требовательным к исполнению приказов, упорным в противостояниях и никогда не прятался от борьбы. Все, кто его знал, уважали ли его или боялись, все они ценили его. Выпускник Уэст-Пойнта, он родился в поколение Американских военных офицеров, которые не имели абсолютно никаких сомнений относительно того, что было правильным, а что нет, и он прошел через две войны и череду командующих, включая главу Военной Разведки США, уверенный в том, что он был на правильной

стороне.

Он обладал великолепным качествами военачальника, но как мы оба узнали, во время Холодной Войны было множество вещей, которые могли сделать вас уязвимым перед политиками, которые ловят рыбу власти, во время борьбы с врагом, которого нельзя было заметить, но чье присутствие косвенно чувствовалось.

"Хватит с меня этих Порк Чоп Хилл, Фил", - сказал генерал Трюдо после того, как узнал, что генерал Максвелл Тейлор обошел его в Южно-Вьетнамском командовании при поддержке армейских лидеров. Это значило, что он уволится с места своего последней работы, как генерал-лейтенант. "И я боюсь, что эта война - попытка армии воевать посредством политического процесса вместо настоящей войны."

"Мы бы там обязательно победили, Генерал", - сказал я, ярость распирала меня. "Мы оба помним уроки Кореи".

Вероятно, генерал увидел, как мое лицо покраснело, потому что он сказал, "Нет, за Корею нас, вероятно, судили бы военным судом. Просто подумайте, что бы они сделали с нами, если бы мы выиграли войну". Затем он засмеялся и по его смеху я понял, что он с нетерпением ждет своей пенсии. "Мы бы умыли этих коммунистов. И Вы знаете, что этого делать нельзя, Фил."

Как раз, когда мы в тот день говорили об окончании лета, еще один советский траулер встал на рейд у порта Гаваны, ожидая инструкций по разгрузке, в то время как один из наших наблюдательных самолетов кружил на высоте, фотографируя под сорванным брезентом МБР на юте судна. Я этого еще не знал, но последовательность развернувшихся событий будет самым большим вопросом в моей жизни, точно таким же, как и пугающая правда о попытках колонизировать нашу планету и собрать урожай из людей и животных, которые все еще продолжались и были очевидными. Решающий поединок был не за горами. Он был уже на горизонте. Никто этого не видел, но некоторые из нас знали, что под тихой водяной гладью нечто мутило воду.

Генерал Трюдо со всеми попрощался и стал считать дни, когда сменит свою униформу на штатскую одежду, а свой кабинет в Пентагоне на люксовый кабинет президента корпорации, подобающей его опыту, как командира самых важных

подразделений наших вооруженных сил. Он был у руля УИР в течение шести лет, командуя Военной разведкой до этого в течение трех лет. Хотя генерал открыто не комментировал множество невероятных фактов, которые мы узнали из документов из Розуэлла, так как он считал это просто частью работы, он в действительности время от времени шутил на эту тему со своим старым другом сенатором Стромом Термондом. Несколько раз я заходил в его внутренний кабинет через черный ход, чтобы найти сенатора Термонда, когда я заходил, то генерал Трюдо, сидя на своем диване осматривал меня сверху вниз.

"Арт", - сенатор Термонд растягивал слова, скрывая свою улыбку Чеширского кота, "какие жуткие вещи в голове у старины Фила?"

"Вы все еще думаете о своем барахле, Фил?" – спросил генерал.

"Я предположил бы, что Вы можете предсказать будущее, Фил", - сказал сенатор Термонд. "С тем, что Вам известно, Вы можете что-нибудь предсказать ".

"Я просто поступаю, как хороший офицер разведки, Сенатор", - сказал я, будучи максимально правильным и по возможности уклончивым в присутствии своего командира. "Моя работа состоит в том, чтобы читать данные разведки и делать анализ".

"Ну, они достаточно информативны для Вас, Фил", - сказал сенатор и все в комнате точно знали, что за "они" имелись в виду, когда нам не разрешалось говорить о "них" на публике.

А что же касаемо меня? Я готовил свои файлы для генерала Бича, нового руководителя УИР, я знал, что моя пенсия наступит в конце 1962 года. Таким образом, я приготовился помалкивать о Розуэлле, пока готовился в ближайшие шесть месяцев запустить столько проектов, сколько мог, включая те, что оставались в моих секретных документах. Только после ухода генерала Трюдо я больше не называл их секретными файлами или как-либо еще. С новым боссом у меня было молчаливое соглашение не разглашать что-либо о Розуэлле или документах.

К концу лета 1962 года, по всему Вашингтону циркулировали зловещие доклады о советских грузовых судах, держащих курс в кубинские воды. Движение было интенсивным, но о том, что

происходило, от нашей разведки не было никакой информации. ЦРУ хранило полное молчание, а из Пентагона пробивалось только то, что Советы нас прихлопнут и нам надо вести себя тихо.

И что бы это ни было, мои друзья в Военной разведке говорили, что ЦРУ собиралось все сгладить, потому что администрация Кеннеди не хотела конфронтации с Советским Союзом.

Что же это было? Продолжал я спрашивать себя, все время зная, что Советы на Кубе с чем-то играли, из-за этого там столько судов. Они там сосредотачивали войска? Действительно ли это была череда военных учений? Ответ пришел ко мне вместе с серией шокирующих фотографий, совершенно четких наблюдательных фотографий, которые были переданы мне от друзей в Военной разведке, они находились в такой глубине Пентагона и были настолько секретными, что в кабинете было запрещено даже делать какие-либо заметки. Офицеры, которые может быть еще живы и поэтому их нельзя называть, попросили меня посмотреть на полученные с разведывательных самолетов на Кубе фотографии. Они сказали, "Запомните это, Полковник, потому что здесь копии делать нельзя". Я не мог поверить своим глазам, пока просто смотрел на глянцевые отпечатки, а только потом взял лупу, чтобы получше рассмотреть. Да, это были они, новейшие советские баллистические ракеты средней дальности. Эти малышки могли долететь до Вашингтона всего за минуты и вот они здесь, лежат у ангаров, всего в нескольких милях от нашей базы морской пехоты в заливе Гуантанамо.

Видел ли Генерал Кертис Лемей эти фотографии, спросил я себя? Лемей, ветеран корейских бомбежек, должен был залить слюной весь свой стол от перспективы бомбового удара по Кастро, даже только от мысли, что он мог разместить БРСД так близко к американскому воздушному пространству. И все же никакой реакции от Вашингтона не последовало. Армии нечего было сказать, военно-воздушным силам нечего было сказать, а мои военно-морские друзья были просто безразличны. Кто-то это прикрывал и я начинал волноваться по этому поводу. Поэтому я позвонил одному из своих друзей, сенатору Кеннету Китингу из Нью-Йорка и распросил его, что он знал.

"Что за ракеты Вы имеете в виду, полковник Корсо?" – спросил он. "Какие ракеты, где?"

Был октябрь 1962 года.

"На Кубе, Сенатор", - сказал я. "Они уже на Кубе в ожидании размещения на стартовых позициях. Разве Вы не знаете?"

Правда была в том, что ни сенатор Китинг, ни представитель Майк Фиэн, которому я также позвонил, ничего не знали. Оба законодателя хорошо знали, что лучше меня не спрашивать, откуда я взял эти фотографии или кто их мне дал, но прежде чем они сделали или сказали что-либо, они хотели узнать, почему я считал эти фотографии подлинными.

"Они получены от наших лучших источников ", - сказал им я. "Я сам смог различить там ракеты. Я знаю на что они похожи. И это не одна единственная фотография, а целый ряд за несколько недель отслеживания их перевозок на палубах советских грузовых судов. Это не ошибка, это очень пугает."

Сенатор Китинг спросил, знал ли я точно, что президенту Кеннеди сообщили о присутствии ракет, но я сказал, что у меня не было возможности это узнать. Лично я был бы потрясен, если бы разведывательные источники хранили эту информацию вдалеке от президента, потому что у Овального кабинета было так много путей разведки, что президент узнает все независимо от того, что кто-то пытается утаивать информацию. Таким образом, мне было довольно ясно, что администрация пыталась скрывать новости от американцев, чтобы ни русские, ни кубинцы, не были сконфужены и напряжены.

Я также знал, что обратившись к сенатору Китингу и представителю Фиэну, я взял на себя огромный риск. Я выпустил информацию за пределы цепочки военных и исполнительных инстанций законодательной власти. Но, уже в этот апрель, я свидетельствовал перед комитетом сенатора Дирксена по применению Закона о внутренней безопасности, что я верил - и у меня было для этого доказательство - что через наши разведывательные службы, особенно в Бюджетную комиссию, проникло КГБ и в результате мы проиграли войну в Корее, которую должны были выиграть. Свидетельство было расценено, как совершенно секретное и никогда не публиковалось. Но оно проделало себе дорогу к генеральному прокурору Роберту Кеннеди, который обещал мне в частной беседе в Министерстве юстиции, что лично удостоверится, что его брат, президент, прочитает это. Теперь уже прошло более чем шесть месяцев и

безотносительно получаемой президентом разведывательной информации о советской угрозе безопасности США, было ясно, что если их никто не остановит, то русские собирались выйти сухими из воды. Но не во время моей службы.

Президент Кеннеди уехал в Хайанниз Порт, а вице-президент Линдон Джонсон, друг Кена Китинга с периода, когда он был лидером большинства в Сенате, был полностью вне механизма принятия решений в Белом доме. Были слухи, что из-за его связи с Бобби Бейкером, вице-президент устроил расследование и мог вернуться в 1964 году с членским билетом. Таким образом, сенатор Китинг не рекомендовал ходить к Линдону Джонсону с этой информацией. Кроме того, мы должны были получить ее прямо на глазах общественности, чтобы ее нельзя было отмести, оставив Белому дому право все игнорировать, пока не станет слишком поздно, чтобы форсировать события. Конечно, это была азартная игра, потому что на наших глазах мог взорваться весь мир, но я знал, что единственный метод иметь дело с русскими состоял в том, чтобы взять их за нос и преподать им урок. Если бы мы в Корее сделали, как хотел Макартур, то вероятно во Вьетнаме не было бы войны.

Одним из моих старых друзей в Вашингтонской пресс-службе был Пол Скотт, синдицированный политический обозреватель, чьи статьи печатались в Boston Globe и Washington Post. Если бы мы дали ему тему, то она одновременно появилась бы в обоих изданиях и прямо перед Президентом, тем самым побуждая его к действиям. Меня это не веселило, но другого пути не было. Итак, сенатор Китинг, Майк Фиэн и я скоординировали стратегию. Я позвонил Скотту и сказал ему, что видел некоторые фотографии и мог кое-что по этому поводу услышать. Мы встретились не в Пентагоне и я описал ему фотографии, которые я видел и в самых общих чертах объяснил, не упоминая ничего совершенно секретного о нашем аппарате наблюдения, как их получили, почему они были подлинными и что они означали.

"Понимаете, когда я увидел эти цилиндры", - сказал я ему, рисуя в блокноте крошечные трубы с фотографий на палубе судна, "это были баллистические ракеты средней дальности, которые могут поразить Вашингтон, Нью-Йорк или Бостон в течение пятнадцати минут после запуска. Мы даже не сможем обнаружить этих крошек, пока они не сойдут с орбиты и станут снижаться. Это даст нам возможность в течение пяти минут спрятаться под стол. Но от их ядерных боеголовок, кто-бы где-бы

не находился, спастись нельзя."

"Какой смысл?" – спросил он. "Зачем кубинцам война с Соединенными Штатами?"

"Это не кубинцы", - объяснил я. "Это шантаж Советов. Они не собираются передавать ракеты Фиделю Кастро и отдавать кнопку начала ядерной войны в чьи-либо руки. У Советов будет полный контроль, у них будут свои войска на острове и они будут угрожать применить их, если мы или кто-либо попытается свергнуть Кастро".

"Почему Вы мне это рассказываете?" – спросил он.

"Потому-что", - сказал я, в надежде на его чувство негодования, которое побудит его к действию, "президент уже знает и ничего с этим делать не собирается".

Я был прав; журналист был шокирован. Он отчасти подозревал, что Кеннеди хотел избежать любой конфронтации, пока не дойдет до второго срока, но он сказал, что это было настоящей капитуляцией. "Он не сможет выйти сухим из воды".

"О да, он сможет", - предупредил я его. "Если мы не выведем историю наружу, она уйдет. Это закапывание президентом головы в песок и надежда на то, что ее никто не выкопает. Вы должны запустить это в Globe, сразу же, как только он прилетит в Массачусетс и заставите его сопротивляться. Он вернется в Вашингтон, а это уже в Post. Затем Советы узнают, что он все знает и это будет полный бардак".

"А вдруг это спровоцирует войну", - сказал Скотт.

"С Кубой? Послушайте, даже люди Хрущева не готовы жертвовать Москвой ради Гаваны", - сказал я ему. "Это Русский гамбит, потому что КГБ сказало Хрущеву, что он может выйти сухим из воды. Он наказывает нас за "У-2" и залив Свиней. Мы должны прямо здесь и сейчас встать перед русскими, потому что, если мы не закончим Холодную войну, мы проиграем. Это все касается территории, если мы не защитим наше полушарие, мы проиграем. Если мы заставим их отступить, унизим их, мы победим".

История попала в Boston Globe и Washington Post в течение

нескольких дней, вынудив президента вернуться в Вашингтон для противостояния кризису, который останется в истории, как один из определяющих моментов работы администрации Кеннеди. Роберт Кеннеди знал, что Белый дом получал искаженные разведданные из ЦРУ и Джон Кеннеди знал, что должен был держаться середины между людьми из ЦРУ, которые сказали ему, что все будет в порядке, если он позволит Хрущеву соскочить с крючка, и его командующим военно-воздушными силами Кертисом Лемеем, который хотел начать вторжение на Кубу.

Было очень мудрым, что президент Кеннеди не вторгся на Кубу. И он к тому же не отступил, по крайней мере на публике. Наша блокада Кубы развернула русский военно-морской флот и унизила Никиту Хрущева, гамбит которого потерпел неудачу. Президент Кеннеди поменял местами некоторые устаревшие ракеты в Турции, чтобы дать Хрущеву что-то, что он мог показать в Кремле. Но мы всегда знали, что после разворачивания наших субмарин Polaris в Средиземноморье и в Северных Морях, у нас стало больше огневой мощи, чем когда-либо было в Турции, упакованной и готовой направиться против Советов, и Советы даже не узнают, что они там были. Кроме того, мы знали, что турки никогда не позволять нам запускать ракеты в русских с их земли. Они боялись, что русские будут это использовать, как повод для нападения на Турцию, но и Кремль это знал и знал, что мы искали повод, чтобы грациозно уйти из Турции.

Все это произошло именно таким образом и президент Кеннеди получил право провести черту через океан, которую русский военно-морской флот не мог пересечь, и заставил их развернуться и отправиться назад домой. Русские отступили от всего мира.

Президент Кеннеди был героем.

Но у меня появились несколько новых влиятельных врагов и я видел конец своей карьеры в армии, как приближающийся знак на пустой автомагистрали, в момент, когда на нем читается надпись "Конец автострады", а ты все еще летишь на скорости в восемьдесят миль в час. Теперь я посвятил себя упаковке документов из Розуэлла для тех, кто придет после меня и написанию своих бумаг для работы, которую я мог бы найти после того, как я оставлю армию. Кто мог знать, что спустя несколько месяцев я буду сидеть в кабинете на Капитолийском холме, смотреть через стол на одного из моих преемников,

который был там в качестве научного советника министра обороны. Возможно, что я отдавил пальцы ног некоторым самым влиятельным людям из Вашингтона, но это была хорошая борьба и прежде всего, я был солдатом на холодной войне и воевал с хитрой стратегией EBE, которые становились все более агрессивными, появляясь над нашими базами, городами и рядом с нашими управляемыми и неуправляемыми космическими зондам. Даже русские разведывательные службы стали жаловаться на странные происшествия со своими космическими зондами. Но они не могли обратиться напрямую и сказать нам о причинах. Мы должны были сами все понять.

Если в начале 1960-х годов Холодная война казалась сложной и хаотической, так как Кеннеди манипулировал стратегиями Трумэна и Эйзенхауэра, признаваясь при этом, что он не мог доверять своим собственным разведывательным службам, представляете каково было принимать в расчет "другую" холодную войну или, как ее называли некоторые, "реальную" холодную войну с инопланетянами. Это походило на слона посудной лавке, о котором все знают, но продолжают это отрицать.

Он настолько большой, что его надо обходить вокруг. Его хобот качается с такой силой, что надо наклоняться, когда он пролетает над головой. Следите за тем, чтобы он не отдавил вам пальцы на ногах, когда он наступит на них и не подходите слишком близко к его заду, чтобы не быть похороненным под тем, что оттуда выходит.

Другими словами, дела с Советами были просто большим беспорядком, к которому надо было приспособиться, когда мы вместе садились за стол. Советы и американцы, изображали, что вместе они преломляют хлеб, а не взрывают мир. И все же, каждый из нас искал преимущество, пока наблюдал за руками другого. Вы следите за руками врага, он следит за Вашими руками независимо от того, что Вы делаете ногами. Между тем, ваш противник делает то же самое.

Руки у армии были связаны операцией прикрытия, отказом правительства в использовании против инопланетян всех нашими ресурсов, потому что мы осторожно обходили правду. Но помимо нескольких конгрессменов, которые знали о прикрытии, были те, кто знал о вторжениях EBE, похищениях людей, увечьях рогатого скота и они поддерживали планы армии по программе

ускоренной разработки оружия в космосе.

Мы были убеждены, что, кем бы ни были инопланетяне из НЛО, они нагло вмешивались в жизнь нашей планеты и управляя нами постоянно и тайно. Но это была тайна, которая нам полностью подходила, мы не желали признавать правду и вести войну. Некоторые из нас в армии, кто знал о том, что происходило, также чувствовали, что мы могли испытать на себе большее, чем просто просачивание - вторжение врага. Я предположил, что они ставили под угрозу наши самые важные системы обороны и управления, а затем, к тому времени, когда конфликт откроется, мы будем уже открыты и уязвимы. Если бы ЕВЕ находились вокруг нас достаточно долго, сказал я однажды генералу Трюдо, то возможно, они видели, как троянцы забрали себе огромного деревянного коня, в котором греки въехали к ним в город прямо через открытые ворота?

Со своей стороны, генерал Трюдо, сделал множество выступлений перед Конгрессом в течении месяцев, предшествующих его отставке. Он прямо утверждал, что у армии действительно было реальное место в космосе и у нас была возможность организовать противоракетную оборону, которую он испытал в Лос-Аламосе, с помощью управляемой ракеты и команды Redstone в Хантсвилле, Алабама. Кроме того, армия могла использовать немецких ученых сразу после окончания войны в Европе. Генерал Трюдо засвидетельствовал, что это не было вопросом о том, кто мог бы получить самый большой бюджет. Фактически он предложил на выступлении перед Комитетом Конгресса по Науке и Астронавтике, что если космические исследования необходимо полностью исключить из армии, то все это нужно передать военно-воздушным силам. По крайней мере, сказал он, военно-воздушные силы были армейской службой и у них были офицеры и военнослужащие, которые знали, как воевать. Но по крайней мере в первые годы, Конгресс и президент решили, что космонавтикой должно управлять НАСА. Однако, к концу 1960-х годов, они полностью изменили это решение и поняли, что у исследования космоса был серьезный военный аспект.

У генерала Трюдо также были свои союзники среди крупных оборонных подрядчиков с которыми мы работали. Не только ученые, но и члены советов директоров подозревали, что у армии была крайняя необходимость в развитии оружия для космоса. Некоторые из них даже поняли, что у нас, вероятно, был тайный

план, потому что каждый из предложенных нами проектов, таких, как Горизонт и энергетическое оружие, казалось разрабатывался для войны с врагами, намного более влиятельными и неуловимыми, чем Советы. Когда он обратился к промышленным группам по вопросам научно-технических разведывательных данных и примененным разработкам, генерал Трюдо получил ответ, который можно было назвать, как "знаем". Он сам однажды написал в своих неопубликованных мемуарах о приглашении для знакомства в одну из компаний, с которой мы работали, то на встречу пришли люди, принимающиеважные решения. Он сказал: Я думаю, что в каждом случае, там был председатель правления, генеральный директор, который обычно был президентом и впечатляющий срез старшего руководящего персонала или директоров. Я скажу, что даже когда я пошел в Sperry-Rand, ужин почтил своим присутствием, не кто иной, а сам генерал Макартур и другие важные лица, этот ужин был не для всех.

Генерал Трюдо был отцом баллистической ракеты и человеком, который, с 50-х до 60-х годов дал нашим вооруженным силам возможность применять баллистические ракеты. Его работа в Сперри-Рэнд со своим боссом в Корее Макартуром, была тем более важна, потому что генерал Макартур знал правду об НЛО и говорил, что армия готовилась к войне в космосе. И он не хотел воевать в космосе с русскими, он имел в виду инопланетян.

Но мы боролись в такой черной глубине нашего официального опровержения, что фантастическая природа правды, продолжающееся воздействие истины и подчинение гражданских разведывательных служб какому-то их собственному сумасшедшему проекту мироустройства, на основе международного правительства, иногда заставляли нас сомневаться в своих собственных чувствах. Однако, когда Вы посмотрели на то, что я назвал секретной историей Соединенных Штатов с 1947 года, Вы поняли, что по комнате прошел невидимый слон. Даже лучшей аналогией будет концепция черной дыры.

Черные дыры, сверх плотные остатки сжатых звезд, которые проглатывают свет и силу притяжения, сжимая их как галактический уплотнитель в нечто, что можно описать только физическим понятием субатомных частицы и фактически, это нельзя "зарегистрировать". Поведение света и силы притяжения вокруг них можно определить только косвенно. Таким образом,

предполагается, что черная дыра может присутствовать в специфичной части космоса, когда свет и сила притяжения огибают ее, как вода стекает от места протечки под раковиной.

Вот на что была похожа правда о нашей стратегии холодной войны и о разработке любого ультравысокотехнологичного или экзотического оружия. Возможно, что это имело смысл в 1947 году, но к 1962 году, отказ правительства признать войну, которая уже шла, мешал ведению этой войны. С 1947 года и формирования рабочей группы, каждый новый слой бюрократии, работающей в черной дыре стратегии по отношению к НЛО и сбору информации, обнаруживали себя все более запутанным в беспорядке правды и лжи в прошлом. Как легионы слепых солдат, они сталкивались друг с другом, ломали планы друг друга и думали, что друзья были противниками, а противники друзьями. В отсутствие ясной долговременной политики, которой придерживались из поколения в поколение, стратегия контакта с EBE запуталась в собственных сетях.

После декабря 1947 года, когда Генерал Хойт Ванденберг, начальник штаба военно-воздушных сил, направил военно-воздушные силы на оценку и отслежвание наблюдений за НЛО - в ответ на рабочую группу - в Воздушном Центре Научно-технических разведывательных данных начался проект "Знак". Он был так важен, что даже Дж. Эдгар Гувер в 1947 году выпустил 59-й Бюллетень Бюро с приказом все будущие сообщения об НЛО не проверялись агентами ФБР, а вместо этого отправлялись в военно-воздушные силы.

Хотя официально НЛО и не искали, проект военно-воздушных сил "Знак" исследовал 243 наблюдения и представил свой отчет в феврале 1949 года. Но в то же время "Знак" дал свою оценку, Воздушный Центр Научно-технических разведывательных данных выпустил свой собственный документ, под названием "Оценка ситуации". В основном, но наивно, в документе делались выводы, что мы имели дело с внеземными нарушителями, которые наблюдали за нами из НЛО. Но у генерала Ванденберга, по словам одного из офицеров, с которыми я позднее столкнулся в Пентагоне, "была корова, и не искалеченная".

"Полковник", - сказал этот офицер, "из ушей старика шел пар, он был так разъярен. Радуйтесь, что Вас там не было".

Я спросил этого офицера, отчего генерал Ванденберг так

раскипятился. В конце концов, он приказал первым сделать отчет. Почему он не согласился с генералом Твинингом и адмиралом Хилленкоттером, обратиться к президенту и начать выпускать информацию?

"Вы сумасшедший?" - сказал этот офицер. Был 1956 год и меня отправили из Белого дома на доклад в Пентагон.

"Вы разве не помните то, что произошло, когда просто передали по радио "Войну Миров" Орсона Уэллса? В городах были беспорядки, потому что они подумали, что это было реально. Можете вообразить, что произошло бы, если бы это было реальным? Если бы наше правительство точно также по радио сообщило о приземлении летающих тарелок, только на сей раз мы поймали одну, а они все еще прилетают? Подумайте об этом. Беспорядки, грабеж, безумство людей, потому что они подумают, что инопланетяне разрушат планету".

Он был прав. И что было хуже, инопланетяне настраивали нас своего рода враждебными действиями, чем бы они не являлись.

Когда генерал Ванденберг прочитал "Оценку ситуации", он раскипятился и приказал сжечь весь доклад, прежде чем кто-либо еще сможет его прочитать. Это была одна из последних официальных оценок правительством ситуации с НЛО, когда-либо подходивших близко к разглашению, прежде чем реальное прикрытие ее запрещало.

Но ворчание об отсутствии государственной политики относительно докладов об НЛО продолжалось. Проект "Недовольство" содержал и оценивал 244 наблюдения НЛО. Затем в 1949 году появилась записка из отдела ЦРУ по Научным Исследованиям об очень опасной ситуации с необъяснимыми наблюдениями полетов объектов. Затем в 1952 году, появилась другая записка из ЦРУ; от главы отдела Научных Исследований Вооружения и Подразделения Оборудования, в которой также жаловались на отсутствие у нас знаний и политики в области наблюдений НЛО. Теперь казалось, что даже в ЦРУ был помешан на том, что делать с НЛО, на разных уровнях своего управления. Генералам Твинингу и Ванденбергу было достаточно. В 1952 году военно-воздушные силы формально начали проект "Синяя книга". По крайней мере, если бы мы не собирались делать что-либо с НЛО публично, то у нас должен был быть путь к смягчению страха общественности перед наблюдениями НЛО. Этим

бальзамом была "Синяя книга".

Независимо от того, что рабочей группе полагалось делать в 1952 году, она не удовлетворяла Совет национальной безопасности, который приказал ЦРУ определить, создаст ли существование НЛО опасность для Соединенных Штатов. Конечно, ЦРУ уже это знало, так как двое из их директоров разведки были членами рабочей группы, что НЛО демонстрировали враждебные намерения не только по отношению к Соединенным Штатам, но и к Советам, итальянцам, а также скандинавам. Все НАТО пыталось постичь ответ на угрозу НЛО, не вызывая реакции Советов. Тридцать лет спустя это было одной из причин, по которой президенты Рейган и Михаил Горбачев смогли приехать на встречу умов по теме НЛО, которые в конечном счете положили конец необходимости холодной войны.

14 января 1953 года, как раз перед инаугурацией президента Эйзенхауэра, офицеры из ЦРУ и офицеры военно-воздушных сил встретились в Пентагоне по приглашению ЦРУ для обсуждения ситуации с НЛО и что наша рабочая группа изучила до сего момента. Первым ее возглавил Х. П. Робертсон, сотрудник ЦРУ и директор Weapons Systems Evaluation Group в кабинете министра обороны, в группе был также член рабочей группы доктор Ллойд Бернер, физик и один из директоров Национальные Лаборатории Брукхевена, как один из его участников. Группа Робертсона провела последующие три дня, рассматривая собранные для них Разведкой Военно-воздушных сил истории наблюдений НЛО и просмотрев два фильма, в которых была приведена видеозапись предполагаемых летающих тарелок. Группа пришла к заключению, что никакой угрозы Соединенным Штатам не было и не рекомендовала, чтобы правительство начало разоблачать наблюдения НЛО в целом. Это, ЦРУ сообщило уже в 1988 году, был только один официальный ответ правительства на наблюдения НЛО.

Чуть более чем год спустя, Белый дом согласился, что было необходимо иметь своего рода политику, управляющую выходом информации об НЛО в прессу. Чтобы препятствовать офицерам низшего уровня выпускать несанкционированную информацию - под несанкционированной, как сообщил Совет национальной безопасности, президент подразумевал только засекреченную рабочей группой информацию - генерал Натан Твининг, теперь уже начальник штаба военно-воздушных сил, подписал

Постановление 200-2 ВВС США, в котором было сказано, что было допустимо публиковать отчеты в СМИ только тогда, когда объект был идентифицирован, как болотный газ или метеорит. Но только Воздушный Центр Научно-технических разведывательных данных (ATIC) мог определить, какие объекты были идентифицируемыми, а какие не были. Другими словами, только ATIC мог разрешить выпуск любой информации об НЛО и они делали это только тогда, когда объекты были четко идентифицируемыми, как обычные явления, а не летающие тарелки.

В течение 1950-х годов я стал свидетелем, как правительство становилось все более скрытным с НЛО, хотя в частном порядке я думал, что они получали бы более качественную информацию, если бы были более открыты в этом. Но я был офицером и понимал необходимость хранения информации в тайне, пока не удастся понять что это такое.

Кроме того, Советы делали большие успехи в гонке полетов в космос и мы не знали, сотрудничают ли они с EBE. Действительно, здесь шла война и я выполнял приказы штаба Белого дома, как раз тогда, когда я наблюдал, как офицеры прикрытия начали регулярно спотыкаться .

Темнота сгущалась вокруг нас.

В 1961 году военно-воздушные силы начали два секретных проекта, которые в действительности действовали с 1947 года, но не участвовали в политике. "Лунная Пыль" имела дело с организации спасательных команд для поиска и сбора приземлившихся или упавших "иностранных" космических кораблей. Но общественность знала только, что намерения и цели военно-воздушных сил были направлены на поиск упавших или приземлившихся советских спутников. В действительности военно-воздушные силы восстанавливали программу по НЛО точно так же, как армия собирала разбитый в пустыни Нью-Мексико четырнадцатью годами ранее НЛО. Затем, в проекте "Синяя Муха", военно-воздушные силы получили полномочия на срочную доставку разбитых инопланетных космических кораблей и любые другие интересующие предметы из научно-технической разведки на Авиационную базу ВВС Райт-Паттерсон в Дейтоне, Огайо, для изучения. Это было повтором возвращения космического корабля из Розуэлла из 509-го в Райт Филд генералом Твинингом в 1947 году.

В 1962 году один из помощников министра обороны Артура Сильвестра, сказал прессе на брифинге, что, если бы правительство считало это необходимым по причинам национальной безопасности, то оно даже не предоставило бы информацию об НЛО Конгрессу, не говоря уже об американской общественности. И теперь я был в Пентагоне, я в полной мере понял, какие шаги предприняли военно-воздушные силы, чтобы взять под свой контроль всю ситуацию с НЛО. У НАСА был мандат от президента на управление исследованием космоса, но вооруженные силы все еще должны были защищать от угрозы НЛО даже с учетом того, что нам препятствовали на каждом шагу.

Проекты Военно-воздушных сил "Saint" и "Blue Gemini", возникшие несколько лет спустя по номером 7795, были первой противоспутниковой программой ВВС США, агрессивной операцией, разработанной для определения местоположения, отслеживания и разрушения вражеских наблюдательных спутников или, что еще более важно, находящихся на орбите НЛО. Мы разработали в УИР с помощью технологий, а военно-воздушные силы, и затем армия, сделали начальные шаги, чтобы защитить американскую систему ракет от нападения советов в космосе и защиты планеты от вторжений НЛО.

Спутник "Saint" был орбитальным инспектором НЛО, ЦРУ использовало версию стандартного плана В спутника, у которого на борту была телевизионная камера и отслеживающая и наводящая радарная система. Его работой было наблюдение. Обнаружить потенциальный вражеский спутник или НЛО, скрывающихся на орбите и навести на него телевизионную камеру с радаром. Как только происходило фиксирование на цели, приближались спутники-убийцы "Blue Gemini". Один из проектов Hughes Aircraft, главного подрядчика по ПВО и строительству спутников, "Blue Gemini", был военной версией капсулы НАСА "Gemini". Его миссия, простая и ясная, состояла в нападении с более высокой орбиты и уничтожении или отключении вражеского спутника или НЛО. Если бы это было возможным, то "Blue Gemini" попытались бы "захватить" НЛО на орбите, сделав его неподвижным для ожидания подготовленной к выходу в открытый космос команды астронавтов и получению в свои руки всего, что мы только могли. Все эти спутники были, конечно же развернуты под покрытием других миссий и сегодня они формируют одну из линий защиты для системы

противоракетной обороны и обороны от НЛО.

В нашей войне с НЛО "Saint" и "Blue Gemini" были важными первыми шагами. Технология, которая вышла из ВоенУИР в 1960-х годах, была взята у самих инопланетян, и была направлена на развитие нашей способности организовать защиту от инопланетян, даже с учетом того, что в часы после катастрофы в Розуэлле наше положение выглядело абсолютно безнадежным.

Как и у многих других продуктов, которые вышли из ВоенУИР и использовались в военных целях, у них было также и общее применение.

Даже сегодня, когда Вы смотрите на маленькие тарелки антенн цифрового спутникового телевидения, продающиеся всюду по стране, Вы видите свой собственный продукт Hughes. Это пример того, как технология, которая первоначально предназначалась для вооруженных сил, становится в итоге самым основным и повседневным потребительским товаром.

17 декабря 1969 года министр ВВС объявил о закрытии проекта "Синяя книга". Он сказал, что приведенный в ней обзор более чем тринадцати тысяч случаев не дал никакой информации о наличии угрозы для национальной безопасности в любом случае и в действительности, в связи с тем, что каждое приведенное в "Синей книге" наблюдение, было определено, как нечто земное, а не внеземное, в ней не было того, что называется неопознанными летающими объектами. "Синяя книга" сделала свою работу и теперь могла сообщить, что наше небо безопасно. Но "Синяя книга" с самого начала была чисто для связи с общественностью, а анализ вооруженными силами НЛО продолжается непрерывно.

В 1975 году и в начале 1976 года, НЛО серьезно посягали на хранилища ядерного оружия военно-воздушных сил в Loring AFB, штат Мэн, на важные и чувствительные стратегические сооружения Авиационного командования в Майноте, Северная Дакота и на другие сооружения в Монтане, Мичигане, и даже на базу Королевских военно-воздушных сил Канады в Фолкон-Бридж в Онтарио. Это были не просто случайные наблюдения. НЛО фактически проводили наблюдения и операции по сканированию баз, которые вылились в сигналы тревоги и секретные доклады в Вашингтон о вторжениях.

Затем НАСА наконец разработало и запустило проект по сканированию радиоэфира и поиска сигнала от других развитых цивилизаций, сигналы которых мы могли поймать. Проект, который был назван "Поиск Внеземного Разума" - SETI, одобрен Карлом Саганом и с тех пор был закрыт, это была не только сеть с расставленными по всему миру приемниками, а еще и набор международных правительственных протоколов для взаимодействия в случае установления контакта с внеземной цивилизацией.

На протяжении более пятидесяти лет и в настоящее время продолжается война с НЛО и мы пытаемся защитить себя от их вторжения. Спутники-убийцы из Hughes в 1970-х годах были нашими первыми шагами в развертывании планетарной системы обороны, которая противостояла бы любой реальной угрозе от ЕВЕ. Когда в конце 1970-х годов мы поняли, что энергетическое оружие и высокоэнергетический лазер были еще более эффективными, чем взрывающиеся спутники, наша обороноспособность увеличилась еще больше. Мы признали, что применяя обнаруженные в Розуэлле технологии и видение Теслой пучков частиц для наших противоспутниковых ракет и установок лазерного наведения, мы могли быстро получить необходимую для обороны возможность быстрого наведения/быстрого огня. Но мы продолжали играть в прикрытие даже при том, что русские теперь наконец признали возможность сотрудничества между супердержавами, которое требовалось для встречи с общей угрозой.

В 1980-х годах президент Рейган и председатель Горбачев признали необходимость во взаимном сотрудничестве против общего врага. В то время как никто честно официально не признавался в угрозе ЕВЕ и военном вторжении инопланетян, оба признали что, если Соединенные Штаты и Советский Союз могли бы отложить свои разногласия и поучаствовать в общей политике защиты космоса вокруг земли, то обе супердержавы извлекли бы из этого выгоду. Со своей стороны, президент Рейган боролся за быстрое развитие и развертывание космической технологии защиты планеты. Она называлась "Стратегической Оборонной Инициативой", а пресса насмешливо называла ее "Звездными войнами", СОИ была описана в 1985 году со слов президента Рейгана, как "защитный щит, который не причинит людям боли, но отразит любое ядерное оружие, прежде чем оно сможет причинить людям боль".

Если вкратце, то "Стратегическая оборонная инициатива", представлялась Белому дому и вооруженным силам, как базирующаяся в космосе система обороны для защиты Соединенных Штатов от тотального ядерного удара Советского Союза. В нее входили бы спутники, которые в течение секунд могли обнаружить обширный запуск ракет с ядерным зарядом, орбитальные лазеры для уничтожения первой волны ракет, оборудованные лазером подводные лодки, которые могли бы защитить от следующего залпа и наземные ракетные системы, образующие последнюю линию защиты. Кроме того, СОИ также включал в себя то, что как я думал, было его лучшим оружием, выпускаемый из ракеты кинетический энергетический луч, который наводится на вторгающиеся боеголовки или орбитальные космические корабли на низкой орбите и выбивает их электронику пучком частиц. Изящный аспект кинетического энергетического луча состоит в том, что от него нет никакой защиты. У лазеров, даже у лазеров высоких энергий, были свои недостатки, как только лазерный луч отражается от поверхности, окружившая поверхность область энергии защитит ее от следующего импульса. Цель будет или уничтожена сразу или станет защищенной от последующих импульсов. Но с пучковым оружием можно проникать сквозь оболочку, точно так же, как нагревается мясо в микроволновке и разрушать электронику, чтобы вывести ракету противника из строя, а затем разрушить ее на части или испепелить.

Одним из признаков, что СОИ не будет работать, было то, что огромная антинаучная игра и корпоративные поддавки не смогут обеспечить солидный противоракетный щит, нарушит ли президент Джонсон соглашением по ПРО с русскими, наряду с гигантской растратой денег налогоплательщиков, угадайте как?

Это сработало!

Нам не надо было сбивать тысячи советских боеголовок и Советы в действительности никогда не ставили на первое место выполнение соглашения по ПРО, потому что знали, что не собирались первыми наносить удар, как и мы. Мы знали, каковы были реальные цели СОИ и это не была кучка ядерных боеголовок. Это были НЛО, инопланетные космические корабли, которые думают , что они неуязвимы и невидимы, когда подлетают к границам нашей атмосферы, имея возможность выводить из строя наши коммуникации ЭМ импульсами, нападать на наши космические корабли, колонизировать нашу Луну,

калечить рогатый скот для своих ужасных биологических экспериментов и даже похищать людей для проведения медицинских тестов и гибридизации живых существ. И что было хуже всего, так это то, что мы должны были позволить им сделать это, потому что у нас не было оружия для защиты.

Эти существа не были доброжелательными инопланетянами, которые прилетели, чтобы просветить людей. Это были генетически измененные гуманоидные автоматы, клонированные биологические существа и фактически они собирали биологических существ на Земле для своих экспериментов. Пока мы не могли обороняться, мы должны были позволить им вмешиваться по их собственному желанию. Это было частью того, с чем должна была иметь дело рабочая группа. Пока мы не могли сопротивляться, мы договорились с ними о своего рода уступке. Они диктовали условия, потому что знали о наших опасениях разоблачения. Скройте правду и она станет Вашим врагом. Раскройте правду и она станет Вашим оружием. Мы скрыли правду и EBE использовали ее против нас до 1974 года, когда мы впервые реально сбили инопланетный корабль на Авиационной базе ВВС Рамштайн в Германии.

В течение многих лет они пытались разрушить нашу космическую программу - "Mercury", "Gemini", "Apollo" и даже "Space Shuttle".

Они нападали на наши капсулы в космосе, вмешивались в наши передачи и направляли на нас ЭМИ точно так же, как мы в прошлом делали с советскими надводным судами, когда поражали их радарным импульсом, настолько мощным, что гидроакустический персонал выл от боли в медсанчасти судна. Но когда с нами так поступили EBE, то нам нечем было ответить. Это было перед началом СОИ.

Наши высокоэнергетические лазеры или "HEL", после того, как они были построены и протестированы, работали подобно ударам молний в темные ночи 3 и 4 июля 1947 года, которые полностью нарушили работу генератора электромагнитной волны в космическом корабле над Розуэллом и пилоты не смогли справиться с управлением своим кораблем. Мы в конечном счете поняли, что НЛО был сбит, в тот самым момент, когда хотел улететь, природным вариантом мощного пучка частиц. И мы знали, что EBE были в курсе нашей обороны планеты, когда мы развернули пучковое оружие и проверили его на орбите, чтобы

это видели все и ЕВЕ в том числе.

Хотите верьте, а хотите нет, но Горбачев также был этому рад, потому что президент Рейган гарантировал, что Соединенные Штаты накроют своим щитом также и весь Советский Союз. Уверен, эти два лидера обменялись рукопожатием и обняли друг друга на публике. То, чего они достигли взаимным сотрудничеством, но что виделось всем борьбой, было поразительным. С чем бы ни мы ни бились, все стало малозначительным перед угрозой существ, которые так превосходили нас в технологии, что мы были их подопытными животными. И когда Соединенные Штаты и СССР в начале 1980-х годов пришли к согласию прекратить борьбу друг с другом на разных территориях и начали сотрудничать ради победы над общим противником, мы были непобедимыми. Теперь, когда Шаттл стыкуется с Миром и астронавты с космонавтами поднимают тосты с водкой из своих пластиковых тюбиков и смотрят в самые темные глубины космоса, они знают, что вокруг них есть электронный щит. И сейчас, когда война в общем и целом закончена и мы защищаем свой плацдарм, правда в конечном счете выйдет на белый свет. Теперь можно сказать реальную правду пятидесятилетней истории войны, похожей на полной уничтожение человеческого рода в Холодной войне, угрожавшей нам смертью от ядерного оружия, потому что мы добились своей цели. Так произошло потому, что в темные предрассветные часы в июле 1947 года, армия, только смутно понимая, что мы были на краю потенциальной катастрофы, нашла в пустыне разбитый космический корабль и забрала его, точно так же, как экипаж этого космического корабля хотел забрать нас. В те минуты, даже при том, что мы могли спотыкаться и падать в темноте в течение следующих пятидесяти лет, мы привели в движение процессы, которые привели нас к первоначальному выводу о столкновении с превосходящей нас военной силой. Это помогло нам в конфронтации с русскими и если мы не отклонимся от пути, то поможет нам управлять угрозой вторжения. Когда наконец опубликуют правду о вмешательстве инопланетян в дела нашей планеты и наш постоянный контакт с инопланетной культурой, она уже не будет так пугать, но будет шокировать.

Ночь в пустыне окружает, обнажая самые глубокие детские страхи перед пустынным пейзажем и чернотой неба. И даже сидя в автомобиле Вы продолжаете разговаривать, чтобы держать ночь подальше.

"Вот что я думаю обо всем этом, об НЛО, о холодной войне", - сказал я своему компаньону в автомобиле, когда мы ехали на юг через пустыню Нью-Мексико к городу Розуэлл. "Мне сейчас больше восьмидесяти лет и я вот что думаю".

Ночь заглатывала нас, пока автомобиль вибрируя на дорожном покрытии, все еще теплом и влажном от мимолетных летних ночных гроз, светил огнями вперед, куда-то за горизонт.

"Холодная война, Карибский кризис в 1962 году, международные волнения в 1973 году, вся история перед нами, Вы так не думаете?" – спросил я.

"Возможно инопланетяне на зря вынудили нас оборонять планету. По крайней мере, это держало нас в состоянии Холодной войны, даже при том, что мы использовали настоящие пули".

"И почему же вы решили, что Холодная война закончилась, товарищ?" – спросил мой друг, аккуратно вынимая сигарету, прикуривая ее и выпуская дым из окна. "Американские сигареты", - сказал он. "Разве я не самый буржуйский декадент, которого Вы когда-либо встречали? Что бы вы Американцы делали без меня?"

Я посмеялся сам над собой и устремил взгляд на миллионы звезд в небе над пустыней, видимых везде, куда бы я ни посмотрел. Коровы спали у кустов, у песчанного вала, насыпанного вдоль обочины одинокой федеральной трассы, время от времени лучи света фар выхватывали из темноты пробегавшего койота и я слышал, как мой друга выдыхает дым, когда выпускал дым сигареты в воздух пустыни. Была точно такая же, как тогда ночь, вдалеке сверкали молнии и по пустыне точно также, как тогда разносились раскаты грома.

И пока мы ехали в Розуэлл по ночной Нью-Мексико, я увидел пролетевший по дуге с юга на север яркий метеор.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ВОЗВРАЩАЯСЬ В 1950-е, Я ВСПОМИНАЮ, КАК СМОТРЕЛ ТЕЛЕСЕРИАЛ под названием "Я прожил три жизни" о жизни Герберта А. Филбрика, о котором говорили, как о "фантастической, но правдивой" истории его жизни, как члена ячейки коммунистической партии и тайного сотрудника ФБР.

Несколько лет спустя, когда я попал в ВоенУИР, я вспомнил о нем и подумал, что моя собственная жизнь также "фантастическая, но правдивая", как генерал Трюдо и я помогли изменить курс истории. Очень немного людей знало, что выходящие в течение 1960-х годов из Иностранной Технологии продукты, были в некотором роде производными от катастрофы с НЛО, которая "официально" никогда не происходила. Жизни были сломаны, карьеры разрушены, дети запуганы призраками из армейской Контрразведки, бизнесмены в Розуэлле, находятся под угрозой финансового краха и было еще хуже, если кто-либо рассказывал о том, что произошло. Но все они были преданными американцами и даже с учетом того, что у некоторых, возможно, были сомнения относительно утаивания правды, они были согласны с армией.

Многие люди в течение прошедших лет критиковали армию. Я пишу это для тех, кто в то время был маленьким или не задумывался об этой части американской истории. Мы мирная стана. И правительство для поддержания прикрытия Розуэлла должно было не только словесно защищать армию. Легко говорить тем, кто не понимает управлявшей нами политики страны, которая еще полностью не вернулась из состояния войны, у нас был Гарри Трумэн, еще не оправившийся от внезапного поста президента, с твердым решением сбросить атомные бомбы на Японию и столкнувшийся с колоссальным эффектом от падения странного корабля на американскую землю. Действительно ли он был из Советского Союза? Может он принадлежал иностранному государству? Действительно ли он был враждебен? Мы просто ничего не знали и не собирались ничего говорить, пока не узнаем что это было.

Действительно ли это была летающая тарелка? В прошлый раз, после шуточного публичного объявления о приземлении инопланетян случилась паника. После войны и страхов вокруг холодную войны, мы не хотели рисковать и допускать еще одну панику. Таким образом, вооруженные силы рекомендовали, а Белый дом согласился помолчать. Точно так же, как и секреты проекта "Манхэттен", оттуда не выходило ни одного слова. И в течение следующих пятидесяти лет, эта политика, однажды вставшая у руля, управляла поведением американского правительства и вооруженных сил, относительно существования НЛО и катастрофы в Розуэлле.

Вы также можете спросить, как правительство смогло так долго удерживать это в секрете. Существовало ли когда-либо

другое прикрытие, настолько эффективное и полное, что оно работало без ведома последующих президентов, из года в год, пока его наконец не остановили? Фактически, такое прикрытие, начавшееся во время войны было, но продолжилось оно в рамках проводимой Трумэном в 1947 году политики, под кодовым названием "Трилистник". Министр обороны Джеймс Форрестэл, один из настоящих членов рабочей группы по НЛО, убедил в 1947 году своего босса, президента Трумэна, продолжить работу с "International Telephone and Telegraph", "Western Union" и RCA, чтобы сделать международные коммуникации доступными для контроля Американскими военными разведывательными службами. Даже при том, что его первоначальная цель состояла в том, чтобы контролировать любые коммуникации военного значения, к примеру, передачу военных тайн, не было никакого контроля над тем, что было проинспектировано, а что нет. Эта программа продолжалась в течение последующих двадцати восьми лет и держалась в секрете от всех президентов, пока ее не закрыли при правлении Форда в 1975 году.

Означает ли наличие "Трилистника", что НЛО существуют? Конечно же нет. Но это демонстрирует способность американского правительства держать продолжающуюся операцию в секрете даже от президента Соединенных Штатов, во многом также, как это делала рабочая группа по НЛО при Джеймсе Форрестэле.

И что же я думаю обо всем этом, о произошедшем и о том, что я сделал? Я полагаю, что из-за того, что в то время я был офицером военной разведки, я не задумывался о значении НЛО и ЕВЕ. Я понимал, что мы вели холодную войну с Советами и периодически сталкивались с инопланетянами. Я полагал, что их намерения были тогда и все еще остаются сейчас враждебными, я полагаю, что мы предприняли необходимые шаги для разработки оружия, которое может притупить их угрозу. Фактически же, в американских войсках есть лучшее, более точное и более мощное оружие для уничтожения НЛО, чем это было показано в фильме "День Независимости".

Мы можем сбить этих парней завтра высокоэнергетическим лазером и пучковым оружием, как в фильме "Звездные Войны". И это не фантастика, это - факт. Если Вы хотите узнать больше, то посетите веб-сайт Космической Команды армии США в Интернет. Эти ракеты с высокоэнергетическими лазерами - гордость нашей планетарной системы обороны и прямой результат храбрости

президента Рейгана в стремлении к Стратегической Оборонной Инициативе, в то время, когда все говорили, что это не сработает. Программа СОИ была прямым результатом работы генерала Трюдо и меня в ВоенУИР 1962 году.

Иногда вещи просто не работают, как им положено. Однажды в очень туманном будущем, Вам выпадет шанс одновременно спасти свою страну, планету и даже живых существ. И когда это время придет, как однажды сказал Дэйви Крокетт: Убедитесь, что Вы правы и затем идите вперед.